ПРИЧИТАНИЯ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ПРИЧИТАНИЯ

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

ЛЕНИНГРАД • 1960

ПРИЧИТАНИЯ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Вступительная статья и примечания
К. В. Чистова

Подготовка текста
Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова

РУССКАЯ ПРИЧЕТЬ

1

Мария Волконская, героиня поэмы Некрасова «Русские женщины», во время своего тяжкого пути в Сибирь была потрясена не только страданиями народа, но и его живым участием в ее собственном горе:

В дороге, в изгнаньи, где я ни была,
Всё трудное каторги время,
Народ! я бодрее с тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делишь чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,
Твои уж давно там упали!

Взаимная поддержка в горе, душевная отзывчивость народа, стремление помочь попавшему в беду человеку разобраться в своих чувствах — все, о чем говорит здесь Некрасов, с огромной силой выразилось в причитаниях, одном из своеобразных и очень популярных в прошлом жанров русского народного поэтического творчества.

Еще сравнительно недавно причитания было принято считать жанром только обрядовой народной поэзии. В связи с этим говорилось о трех основных видах причети — свадебной, рекрутской и похоронной. Однако та область устной народной поэзии, которая в крестьянском быту связывалась с названием «причитания»

(«причети», «причёта», «вопа», «воя», «жали», «крика», «плача», «заплачки», «голошения» и т. д., в зависимости от местности), в действительности значительно шире. Как показали исследования советского времени, под причетью следует понимать элегические импровизации, создававшиеся крестьянками по самым разнообразным поводам и на самые различные темы. Причитания возникали преимущественно в связи с печальными, скорбными, трагическими событиями в народном быту (пожар, неурожай, голод, болезнь, семейные неурядицы, различные проявления социального гнета, тяжесть положения сироты или вдовы, проводы в солдаты, смерть и т. д.).

В отличие от «протяжных» песен, часто тоже грустных, причитания не имели устойчивого текста и определенной фабулы; чувства исполнительницы выражались в них при помощи привычного круга поэтических образов и словосочетаний, употребление и выбор которых для каждого случая были более или менее индивидуальными. Брак поневоле, проводы мужа, отца или брата в солдаты и смерть близкого человека — три важнейших скорбных события, которые переживала в прошлом крестьянка и которые ломали всю ее жизнь. Повторяемость этих событий в жизни деревни и возникновение на этой почве устойчивых и разработанных обрядов создавали относительную устойчивость и определенных видов причитаний — свадебных, рекрутских и похоронных. В этих трех случаях причитания (не только само причитывание, но и темы, образы, лексика причети) становились ритуально обязательными моментами обряда, создавалась традиция, оказывавшая большое воздействие на развитие поэтики всей причети в целом — и обрядовой, и внеобрядовой (иногда ее называют «бытовой»).

Как и всякий жанр устной поэзии, причеть отвечала определенной потребности народа, имела самостоятельную бытовую и эстетическую функцию. В отличие от былин, сказок, лирических песен, которые могли исполняться в любых условиях и для бытования которых нужны были только желание исполнителя и интерес слушателей, причеть звучала лишь в самые трагические моменты жизни крестьянства, когда обнажались все тяготы и противоречия и особенно ясным становился ужас подневольного существования, когда умолкала и веселая песня, и занимательная сказка.

Исполнительницы не ставили перед собой осознанных эстетических целей (во всяком случае эстетическая сторона не играла самостоятельной роли). Они стремились яснее и сильнее выска-

зать владевшие ими скорбные чувства. Вместе с тем постоянная взволнованность помогала творцам причети отыскивать наиболее выразительные поэтические средства, заставляла их максимально использовать и вместе с тем обогащать опыт устной традиции, подниматься до предельных высот поэтического выражения человеческих чувств. Поэтому наследие мастеров русской причети представляет значительную художественную ценность, в нем с большой силой проявился поэтический дар русского народа. Вместе с тем причитания представляют и большой теоретический интерес как явление, стоящее на грани быта и искусства, позволяющее наблюдать всегда таинственную для нас «механику» возникновения большого искусства на почве самой повседневной, будничной жизни.

Само собою разумеется, что причитания любой эпохи, так же как и любой другой жанр, не могли отражать все стороны народной идеологии. Знакомясь с ними, нельзя забывать, что русским народом были созданы в прошлом и песни о Разине и Пугачеве, и песни казачьей вольницы, и удалые бурлацкие и «разбойничьи» песни, и веселые плясовые частушки, и волшебные сказки, и многое другое. Только тогда станет понятной мысль, высказанная В. Г. Белинским о русских народных песнях: «Грусть у него (то есть у русского человека. — *К. Ч.*) не мешает ни иронии, ни сарказму, ни буйному веселью, ни разгулу молодечества: это грусть души крепкой, мощной, несокрушимой».[1]

Значительное развитие причитаний и их особое место среди других жанров русского фольклора, так же как грустная тональность большинства народных лирических песен, — историческое свидетельство невыносимой тяжести жизни трудового народа в дореволюционной России. Поэтому причитания являются ценнейшим историческим документом, позволяющим глубже проникнуть в прошлое русского народа.

В известных нам записях народной причети с замечательной силой проявилась удивительная твердость духа русской крестьянской женщины, ее воля, умение противостоять жестоким жизненным обстоятельствам. Именно это и привлекло внимание В. И. Ленина к одному из главнейших ее разделов — рекрутским причитаниям.

Мысли В. И. Ленина о причитаниях с наибольшей подробностью передаются в статье В. Д. Бонч-Бруевича «В. И. Ленин

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 5. М., 1954, стр. 442.

об устном народном творчестве».[1] Как вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич, в 1919 году В. И. Ленин выразил желание просмотреть некоторые сборники былин, народных песен и сказок. Среди них оказались — «Северные сказки» Н. Е. Ончукова,[2] «Смоленский этнографический сборник» В. И. Добровольского и 2-й том «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым». «Когда я доставил книги Владимиру Ильичу, — пишет автор воспоминаний, — он быстро просмотрел их по заглавиям, разложил по жанрам и больше всего внимания обратил на «Причитанья Северного края», собранные Е. В. Барсовым, где во второй части были напечатаны «Плачи завоенные, рекрутские и солдатские»...

— Хорошая книжечка! — сказал Владимир Ильич, возвращая мне через несколько дней «Завоенные плачи», на которые он обратил особое внимание.

— Я внимательно прочел ее. Какой ценнейший материал, так отлично характеризующий аракчеевско-николаевские времена, эту проклятую старую военщину, муштру, уничтожавшую человека. Так и вспоминается «Николай Палкин» Толстого и «Орина, мать солдатская» Некрасова. Наши классики несомненно отсюда, из народного творчества, нередко черпали свое вдохновение. Почему бы не написать исследование, чем была аракчеевская военщина для крестьян, сравнив эти «плачи» над уходящими на службу с песнями тех же крестьян, которые убегали от помещика, от рекрутчины, от солдатчины и организовывали «понизовую вольницу», собираясь на Волге, на Дону, в Новороссии, на Урале, в степях в особые ватаги, дружины, отряды, в вольные общества вольных людей. Тот же народ, а совсем другие песни, полные удали и отваги, смелые действия, смелый образ мыслей; постоянная готовность на восстание против дворян, попов, знати, царя, чиновников, купцов. Что перерождало их? К чему они стремились? Как и за что боролись? Разве это не интересно знать? И все это звучит в народной песне. Даже здесь, в этих скорбных «завоенных плачах», раздававшихся в деревнях, при помещике, при старостах, при начальстве, — и то прорывается и ненависть, и свободное укорительное слово, призыв к борьбе сквозь слезы матерей, жен, невест, сестер».[3]

---

[1] «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 117—131.

[2] Об отзыве В. И. Ленина о сборнике Н. Е. Ончукова см. К. В. Чистов. Заметки о сборнике Н. Е. Ончукова «Северные сказки». — «Труды Карельского филиала Академии наук СССР», вып. 8, 1957, стр. 5—29.

[3] «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 118—120.

Итак, В. И. Ленин, признавая значительную историческую и художественную ценность народных причитаний, обратил особенное внимание на специфическую противоречивость крестьянского мировоззрения, лежащего в их основе, причем эта противоречивость осмыслялась им как исторически сложившаяся особенность идеологии русского крестьянства, связанная с его социальной природой и с наибольшей силой сказавшаяся в период 1861—1917 годов.

И наконец, В. Д. Бонч-Бруевич сообщает еще об одном интересном эпизоде: «Возвращая книгу «Завоенные плачи», Владимир Ильич сказал мне: «А я так увлекся этими записями, что забыл, что книга-то не моя, и стал отчеркивать особо интересные тексты, на которые стоило бы обратить особое внимание». Я с радостью сказал Владимиру Ильичу, что Демьян (Демьян Бедный. — *К. Ч.*) будет счастлив иметь книгу с его пометками, и предложил еще оставить книгу. Он улыбнулся и сказал: «Да вот все дела и дела, а так хочется написать статью на основании этого интереснейшего настоящего народного материала: ведь это действительно народные думы, сама каторжная жизнь народа! Да вот некогда. Пусть другие пишут». И он — к огорчению моему — протянул мне книгу и сейчас же углубился в бумаги, лежавшие перед ним».[1]

Воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича, по-видимому, довольно точно передают мысли, возникшие у В. И. Ленина в связи со знакомством с записями народных причитаний в марте — апреле 1918 года. Примерно в это время В. И. Ленин беседовал о рекрутской причети и ее смысле с Демьяном Бедным и советовал ему попытаться, опираясь на традицию причети (или, лучше сказать, отталкиваясь от нее), написать новую песню о проводах в Красную Армию. Откликом поэта на эту беседу явилась известная песня «Проводы», созданная им в том же 1918 году. В этой песне рисуются обычные обстоятельства, в которых возникала старая рекрутская или солдатская причеть («Как родная меня мать Провожала, Тут и вся моя родня Набежала...»), и дается краткое выражение антивоенных идей старой причети («Ах, куда же ты, Ванек, Ах, куда ты? Не ходил бы ты, Ванек, Во солдаты...»).

Ответ героя песни известен — он должен был свидетельствовать о новом отношении к новой рабоче-крестьянской армии.

---

[1] Там же, стр. 121. О пометках на сб. «Причитанья Северного края», ч. 2, см. в этой же статье В. Д. Бонч-Бруевича.

2

Причеть — один из древнейших поэтических жанров. Бытование ее отмечено у большинства бесписьменных народов, остававшихся в XIX—XX веках на наиболее низких ступенях культуры, — тасманийцев, австралийцев, у племен и народностей Крайнего севера и других. С другой стороны, первые по времени известия о причети или отклики ее отыскиваются в древнейших памятниках письменности — в ассиро-вавилонской эпопее о Гильгамеше, в древнеегипетских папирусах, в памятниках древнееврейской литературы, в древнеиндийской «Махабхарате», в «Илиаде», у греческих трагиков, у римских поэтов Катулла и Вергилия, в древнескандинавской «Эдде», в исландских сагах и т. д. Все это дает право предполагать, что причеть существовала и у восточных славян задолго до XI века, которым датируются первые документальные свидетельства об обычае причитывать («плакаться»). Вместе с тем причеть бытует и до сих пор. Известны отдельные записи причитаний, производившиеся в различных областях России (особенно в Архангельской области и русских районах Карелии) в самое последнее время — в 1957—1958 годах.

Следовательно, история восточнославянской (а потом русской) причети обнимает огромный отрезок времени. Если бы нам удалось ее восстановить, мы располагали бы великолепным и обширным поэтическим циклом, с большой силой выразившим простые человеческие чувства, замечательной летописью жизни и быта русского крестьянства. К сожалению, возможности проникновения в прошлое русской причети значительно более ограниченны. Разрозненные свидетельства о бытовании причитаний, отражение некоторых мотивов в литературных памятниках еще не дают возможности восстановить с необходимой полнотой картину их последовательного развития. Первые же вполне надежные записи причети стали производиться лишь с середины XIX века.

Историческое изучение причети осложняется еще одним обстоятельством. Исполнение причитаний в жизни происходит в связи с совершенно определенным бытовым поводом, в специфической эмоциональной обстановке, неповторимой при записи, которая производится зачастую через несколько лет. В лучшем случае рядовая исполнительница создает при этом новый текст, имеющий отдаленное отношение к первоначальному; в худшем случае возникает текст, в котором спутываются воедино мотивы,

случайно выхваченные из разных моментов обряда (похоронного, свадебного или рекрутского). Лишь изредка поэтически одаренная вопленица оказывается способной восстановить в своей памяти горестное событие, заново «вживается» в состояние «действующих лиц» и, опираясь на усвоенную ею традицию, создает текст более или менее близкий к «оригиналу».

Особенно важно, что при повторном воспроизведении рядовые исполнительницы подчас теряют самое ценное — конкретное бытовое наполнение причети, связанное с тем или другим индивидуальным случаем. Их тексты часто выглядят набором «общих мест». Именно это и привело некоторых исследователей, находивших в древнерусских памятниках и позднейших записях сходные «общие места», к парадоксальному утверждению о полнейшей неизменяемости причети.[1] Такое утверждение противоречит бытовой ее природе, выдвигает на первый план «общие места», которые, по-видимому, всегда были для исполнителей хотя и важным, но подсобным материалом, получавшим различное употребление и истолкование в зависимости от того или иного содержания причети.

Сходство некоторых существенных мотивов причитаний различных славянских народов объясняется, вероятно, возникновением причети еще в эпоху древнеславянской общности. Мы очень мало знаем о том, какими они были в ту пору, однако вряд ли можно согласиться со схемой, предложенной некоторыми исследователями (Г. С. Виноградов и др.), согласно которой древнейшие плачи имели чисто магический смысл и предназначение и лишь в позднейшее время стали служить выражению человеческих чувств. Нет никаких оснований предполагать, что древний человек при смерти одного из членов своего рода или племени не испытывал элементарного чувства сожаления и лишь заботился о том, чтобы обезопасить себя от таинственного существа — смерти, от возможных вредных действий покойника и т. д. Если бы древнейшая причеть не содержала обильных лирических элементов, мы не смогли бы объяснить появления уже в конце XII века великолепной литературной обработки ее — «Плача Ярославны» из «Слова о полку Игореве», исполненного пленительных чувств любящей женщины и сохранившего свою поэтическую силу до наших дней.

---

[1] Ср., например, «Русские плачи (причитания)». Вступительная статья Н. П. Андреева и Г. С. Виноградова. «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1937, стр. XIII.

Вместе с тем древнейшие исполнительницы причети не могли не быть людьми своего времени, — им присущи были и мифологические, и анимистические, и магические представления. С течением времени подобные представления претерпевали изменения либо исчезали вовсе, однако этот процесс был очень длительным и сложным. По крайней мере крестьянское мировоззрение и, особенно, крестьянские семейные обряды XIX века еще содержали определенные элементы магического и анимистического характера. Вполне вероятно, что такие мотивы причети, как призывы к покойнику встать, обращение к стихиям с просьбой оживить умершего и т. п., в древнейшую пору были своеобразными заклинаниями, вкрапленными в причеть, осуществлением попытки вернуть утраченное, выражением веры первобытного человека в совершенно особую силу слова. Веру эту, как справедливо считал М. Горький, следует объяснять «явной и вполне реальной пользой речи, организующей социальные взаимоотношения и трудовые процессы людей».[1]

Вместе с тем несомненно, что с древнейших времен существовала и внеобрядовая, «бытовая» причеть, которая, очевидно, не содержала никаких магических мотивов или включала их как нечто второстепенное, сопутствующее.

Похоронный и свадебный обряды и связанная с ними причеть были ярко выраженными коллективными ритуальными действами, в которых участвовали все члены рода или племени, позднее члены семьи и территориальной общины (по терминологии причети — «сродники» и «обчество» или «суседи спорядовые»). Именно этим объясняется то, что причитывающие всегда предполагают присутствие «сродников» и «суседей», к которым они обращаются. С этим связан и сложившийся, по-видимому, очень давно особый синтаксис причети с характерным для него изобилием вопросительно-восклицательных конструкций, риторических обращений, обменом репликами, сменой причитывающих в порядке старшинства и т. д.

Очень архаична по своему происхождению и такая своеобразная черта поэтики похоронных и отчасти свадебных причитаний, как наличие устойчивых метафорических замен некоторых слов, особенно терминов родства, обозначающих покойного (невесту, жениха) и родственников. По неписаному, но строгому

---

[1] М. Горький. Советская литература. Доклад на Первом всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 г. — Собрание сочинений, т. 27. М., 1953, стр. 300.

закону причети причитывающая не только никогда не называла покойного «умершим» («телом», «покойником», «трупом»), но и не смела назвать «мужем», «сыном», «дочерью», «братом», «племянницей», «невесткой», а себя «женой», «матерью», «сестрой», «дочерью» и т. д. На все эти слова как бы наложено «табу» — запрет, связанный в своих древнейших формах со стремлением уберечь причитывающую и других членов рода от дальнейшего воздействия злых сил, уже проявившихся в смерти оплакиваемого. В записях XIX—XX веков причитывающая называет себя «печальной головушкой», «победной головушкой», просто «победной», «горюшицей», «горепашицей», а покойного — «надежной головушкой», «любимой семеюшкой», «желанной державушкой», «великим желаньицем», «меженским красным солнышком», если это муж; «златокрылым ясным соколом», «талой талиночкой», «скаченой жемчужинкой», «сахарной деревиночкой», если это сын; «летней касатой ластушкой», «белой лебедушкой», «наливной ягодкой», если это дочь; «ветляной нешутушкой», если это невестка, и т. д.[1] В позднейшее время этот запрет, конечно, не имел столь абсолютного характера, но он продолжал определять одну из важных особенностей поэтики причитаний.

По-видимому, к древнейшему периоду восходит и возникновение мифологического по своему характеру образа смерти как внешней силы, олицетворяемой то в антропоморфных, то в зооморфных образах (старая старушечка, какой-нибудь зверек, птица), и различных картин предсказания смерти (вещание ворона или какой-нибудь другой птицы и т. д.).

Значительно труднее обнаружить столь же древние мотивы в традиции внеобрядовых, бытовых причитаний. Вероятно, они были всегда менее традиционными, более подвижными, чем причитания, связанные с устойчивыми по своим формам семейными обрядами.

Уже в первые века существования древнерусского раннефеодального государства начинается упорная борьба церкви с языческими народными обрядами и обычаями. Так называемые «поучения» церковников (наиболее ранние из которых появляются вскоре после введения христианства на Руси) и официальные постановления церковных соборов свидетельствуют о том, что эта борьба была чрезвычайно затяжной и приносила церкви больше поражений, чем побед. Так, например, церковные обряды

---

[1] См. Примечания — «Словарь устойчивых метафорических замен», стр. 429—430.

венчания и погребения не вытеснили народные, а включились в их систему, стали существовать параллельно с ними. Церковь стремилась приучить к мысли о том, что смерть — божье благословение, радостный конец печальной и греховной земной жизни, поэтому оплакивание усопших — грех (ср. русские переводы «Слова Дионисия о жалеющих», «Слова Иоанна Златоуста о терпении благохваления, да не много о умерших плачемся» и др.). В 1551 году обычай оплакивания умерших был подвергнут осуждению в постановлении Стоглавого собора, унифицировавшего церковную жизнь средневековой Руси. Однако и в XIX веке церковникам все еще приходилось бороться с этим «языческим», по их мнению, обычаем.

По-видимому, в Киевский период — начальный период кабаления смердов — в причитания впервые проникают социальные мотивы. Жизнь смерда и его благополучие все более зависели от феодального господина. Вместе с тем не меньшие бедствия терпели все русские люди от набегов степных кочевников, от все усиливавшихся раздоров между князьями и группами князей. Образец причитаний, возникавших в подобных обстоятельствах, можно видеть в известном плаче «жен русских», прозвучавшем в «Слове о полку Игореве» после рассказа о поражении войск Игоря и набеге половцев: «Жены руския въсплакашась, аркучи: „Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати"». Народ оплакивал, вероятно, и некоторых наиболее популярных князей — собирателей Русской земли и организаторов ее обороны. Как уже отмечалось исследователями, летопись, повествуя о событиях X и XI веков, говорит о различных видах оплакивания умерших князей. Так, когда умер Олег, «плакашася людие вси плачемъ великимъ». В то же время по Васильке Теребовльском плачет одна попадья, по Изяславе плачет его сын Ярополк и т. д. Характерно, что, по сообщению летописи, когда умер Владимир Святославич, бояре плакали о нем как о «заступнике их земли», бедные же («убозии») как о «заступнике и кормителе». Таким образом, причеть обогатилась в эту пору не только социальными, но в какой-то мере и гражданскими, политическими мотивами. Вполне вероятно, что подобного рода мотивы звучали и в причитаниях, связанных с уходом воинов в походы и исторически предшествовавших более поздней рекрутской и солдатской причети.

Отмеченные нами мотивы приобретают, очевидно, еще бо́льшую популярность в бытовой и похоронной причети в период

феодальной раздробленности (до татаро-монгольского нашествия). Так, например, если верить летописи, народ оплакивал смерть Андрея Боголюбского как «строителя» новой северо-восточной Руси. Изучение отзвуков причети в письменности XII—XIII веков показывает, что уже в это время существовали некоторые традиционные образы причети, известные по записям XIX—XX веков, например, сравнение смерти с заходом солнца (ср. плач новгородцев по Мстиславу — 1178 год, владимиро-волынцев по Владимиру Васильковичу — 1288 год и др.).[1]

Плач по покойнику (невесте, воину и т. д.), надо думать, уже в эту пору был не просто выражением сожаления, но и сетованием на предстоящую тяжелую жизнь без поддержки покойного (ушедшего на ратные дела, выходящей замуж и т. д.).[2] Очевидно, что в доклассовую эпоху такие мотивы могли звучать только в отдельных случаях, когда гибли лица, от которых зависело благополучие всего рода или племени. В период же, о котором идет речь, территориальная сельская община («вервь»), видимо, уже не обязана была поддерживать каждую женщину и ее детей в случае гибели ее мужа и кормильца. Эти функции все больше стали переходить к семье (или, вернее, к той ее форме, которая в этнографии носит название «большой семьи»).

Памятники письменности X—XIII веков (отчасти и более поздние) приписывают причитывание то женщинам, то мужчинам, то шире — «людям», то каким-нибудь социальным категориям («бояра», «убозии» и т. д.). Это дало повод некоторым исследователям считать, что в древней Руси, в отличие от позднего времени, причитывали равно как женщины, так и мужчины. Однако нельзя забывать, что древние книжники не ставили перед собой описательно-этнографических целей; они использовали причеть для своих художественных, публицистических, религиозных и прочих нужд. Кроме того, женщины вообще сравнительно редко встречаются на страницах их произведений. В то же время для

---

[1] См. Д. С. Лихачев. Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (X—XI вв.); Народное поэтическое творчество в годы феодальной раздробленности Руси — до татаро-монгольского нашествия (XII — начало XIII в.). — «Русское народное поэтическое творчество», т. 1. М. — Л., 1953, стр. 212—213 и 241—242.

[2] Эта особенность причети была подмечена еще Н. Г. Чернышевским и привлекалась им для обоснования «теории разумного эгоизма» (Полное собрание сочинений, т. 7. М., 1950, стр. 283).

XIX—XX веков мы не знаем ни одной достоверной записи мужского плача, причеть осмыслялась крестьянами как специфически женский жанр.[1]

Письменность периода татаро-монгольского нашествия донесла до нас сравнительно мало отзвуков причитаний. Плачи часто заменяются здесь молитвами и сетованиями молитвенного, книжного характера, в которых важнейшую роль играет истолкование вражеского нашествия как божьей кары за грехи. Вместе с тем несомненно, что традиция причети не прерывалась. Об этом убедительно свидетельствуют некоторые эпизоды в былинах и исторических песнях, в которых нашла свое отражение начальная пора борьбы с татаро-монгольским игом. Так, например, известен во многих вариантах «плач городской стены» из былины «Василий Игнатьевич и Батыга», бытовавший в XIX—XX веках в некоторых районах в качестве отдельной песни. В былине о Казарине плененная татарами героиня горько причитает о своей доле:

Во слезах не может слово молвити,
Добре жалобна причитаючи:
«О злочастная моя буйна голова,
Горе-горькая моя русая коса!
А вечéр тебя матушка расчесовала,
Расчесала, матушка, заплетала,
Я сама, девица, знаю-ведаю:
Расплетать будет моя руса коса
Трем татарам-наездником».[2]

Подобные строки можно встретить и в других песнях о татарском полоне, в которых переплетаются, условно говоря, личные и гражданские мотивы, что совершенно естественно для тяжелейшего времени татаро-монгольского ига.

Отдельные свидетельства о бытовании причитаний можно отыскать и в рукописных памятниках XIV—XVI веков, однако они мало дают нам для восстановления идей и особенностей стиля причети этого времени. Некоторое исключение составляет «Житие Стефана Пермского», составленное Епифанием Премуд-

---

[1] От окончательного решения этого вопроса все же удерживает несомненное существование у некоторых народов и женской, и мужской причети (грузины, осетины и др.).

[2] «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». М. — Л., 1958, стр. 145.

рым. Заключительная часть «Жития» состоит из трех «плачей» — «пермских людей», «церкви пермской» и «инока». Плачущая пермская церковь, горюющая об ее основателе Стефане, сравнивает себя здесь с причитывающей женщиной: «Но повоздержите мя уже хотя мало, ослабите ми, да почию, да не некако съкрушуся от многоплачиа, чюю бо ся без меры плачася женьскы или невестиньскы паче же вдовствующи... обычай бо есть плачющимся причитати нечто некака словеса, да не празднен воспущается глас плача...»[1] (то есть «удержите меня хоть немного, утешьте меня, чтобы я успокоилась, чтобы не погибнуть мне от многоплачия, потому что чувствую я, что плачу без меры, подобно тому как плачутся женщины или невесты или особенно вдовы... есть ведь обычай причитать какими-нибудь словами, чтобы не был пустым голос плачущей»).

Желая создать предельно выразительный образ и привлекая все, что только могло послужить этому, Епифаний называет известные ему виды причитаний — обычное причитание женщины (очевидно, бытовой плач), невесты (то есть свадебный) и вдовы (то есть похоронный).

Примером сохранения мотивов причети в исторических песнях XVI века могут служить песня о смерти первой жены Грозного Анастасии, так называемый «Плач у гробницы Грозного» и др.

XVII век был временем бурных политических событий и чрезвычайно активного развития литературы и народного творчества.

По аналогии с другими жанрами русского фольклора — былинами, песнями, сказками, общерусский репертуар которых сложился, очевидно, в эпоху формирования русского централизованного государства, — можно предположить, что и поэтическая традиция причети с определенным запасом общерусских отстоявшихся и отшлифованных поэтических приемов и образов сложилась примерно к этому же времени. Вместе с тем несомненно, что областные различия причети, как и других обрядовых жанров, были выражены более отчетливо, чем различия в традиции былины, сказки, лирической песни.

Несомненно, что в XVII веке причеть бытовала во всех слоях русского общества. Именно этим и объясняется упоминавшееся уже запрещение Стоглавого собора.

---

[1] См. В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М. — Л., 1947, стр. 136.

Описание в так называемой дополнительной главе к «Домострою» основных моментов свадебного обряда того времени (в состав которого органической частью входили причитания невесты), «Плач Ксении Годуновой», дошедший до нас в уникальной записи для Ричарда Джемса, своеобразный плач царицы Марфы Матвеевны, известный в устной традиции в составе исторической песни, песня о Скопине-Шуйском и одноименная повесть о нем свидетельствуют о том, что и творцам песен, и русским писателям XVII века в равной степени казалось естественным при изображении быта верхних слоев тогдашнего общества обращаться к образам, темам и стилистическим приемам причети. С другой стороны, повесть об Азове и разинские песни типа «Вы леса ль мои, лесочки» (завещание Разина) или «Ай по морюшку, морю синему» (Разин и девица на Каспийском море) свидетельствуют о широком распространении причитаний в народной среде. Вместе с тем какие-то различия в бытовании причети в разных социальных слоях несомненно были. Известно, что на свадьбах в дворянских и городских богатых семьях за невесту пели песни, заменявшие причитания (она «всхлипает, а в те поры поют песни»). [1]

Мотивы и образы причети в песнях разинского цикла свидетельствуют о том, что в XVII веке целая полоса в истории причитаний была связана с крестьянскими восстаниями, сражениями крестьянских полков с царскими войсками, поражением восставших и т. д. К сожалению, до нас не дошло ни одной записи крестьянских причитаний этого времени.

Отзвуки причети в памятниках литературы и устной традиции XVII века дают возможность утверждать, что некоторые мотивы причети XIX—XX веков были в то время уже хорошо известны. Так, например, и в плаче царицы Марфы, и в завещании Разина обнаруживается сходный мотив — обращение к покойнику с призывом встать, пробудиться от крепкого сна.

В плаче Марфы:

Встань ты — пробудись...
И ты што ж крепко спишь и не проснешься... [2]

---

[1] См. В. П. Адрианова-Перетц. Народное поэтическое творчество времени крестьянских и городских восстаний XVII века. — «Русское народное поэтическое творчество», т. 1. М. — Л., 1953, стр. 470.

[2] Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 6. М., 1864, стр. 208.

В песне-завещании Разина:

Уж ты встань-ка, товарищ наш,
Ты возьми-ка в руки саблю острую...[1]

И наконец, наши представления о причети XVII века несколько дополняются упоминаниями и отдельными пересказами плачей, содержащимися в книгах иностранных путешественников, посещающих «Московию» (Дж. Флетчер, Я. Стрейс, Г. Сердерберг, А. Олеарий, Ж. Маржерет, С. Коллинз, И. Т. Корб и др.). Так, С. Коллинз пишет, что на похоронах обычно причитает жена покойного либо специально нанятая плакальщица. Он приводит образцы плачей. Например: «Милый мой, зачем ты меня покинул? Не я ли тебе во всем повиновалась? Не пеклась ли я о твоем доме? Не рожала ли я тебе детей-красавцев? Уж у тебя ли не всего было вдоволь?»[2]

В отличие от Коллинза, который пересказал, видимо, плач по богатому покойнику, в житии Антония Сийского пересказывается внеобрядовый плач, возникший в беднейших слоях крестьянства (плач ослепшей сироты).[3]

От XVIII века и первой половины XIX века дошло несколько больше текстов, чем от предшествующих столетий, но все же их далеко не достаточно для того, чтобы с необходимой полнотой восстановить картину последовательного развития причети в этот период.

С начала XVIII века причеть начинает изгоняться из обихода господствующих классов. Так, например, известно, что в 1715 году Петр I запретил причитывать на похоронах вдо́вой царицы Марии и велел и впредь на похоронах других девиц воздерживаться от причитывания. Его распоряжение свидетельствовало о ломке бытового уклада дворянства, которая происходила в начале XVIII века. О том же свидетельствуют и некоторые статьи, публиковавшиеся в журналах второй половины XVIII века. Так, например, в 1767 году в «Ежемесячных сочинениях» появился реферат писателя и ученого Г. В. Козицкого «О плаче над мертвыми древних греков и других языческих народов». Это была

---

[1] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 2. М., 1910, стр. 722.

[2] С. Коллинз. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Перевод П. Киреевского. М., 1846, стр. 7.

[3] Житие возникло в XVI веке; дополнено «чудесами» в первой половине XVII века. См. П. В. Владимиров. Первые русские писательницы XVIII в. и участие русской женщины в развитии народной словесности и древнерусской письменности. Киев, 1892, стр. 4.

первая научная статья о причитаниях, написанная в России. Примечательно, что в ней ничего не говорится о русских причитаниях. Двумя годами позже, в 1769 году, в журнале «Трудолюбивая пчела» появилась заметка А. П. Сумарокова «О неестественности», в которой поэт называет причитания «дурацкими песнями» и настаивает на том, чтобы они окончательно исчезли из дворянского быта.

В последующие десятилетия упоминания о причитывании встречаются в работах историков, этнографов, бытописателей,[1] и все же народный обычай причитывать и особенно сами причитания стали настолько далеки ученым людям, что в 20—30-е годы XIX века были заново «открыты», причем открытие это и доныне признается большой заслугой. Впервые в эти годы писал о них Н. И. Гнедич в предисловии к переводу книги К. Фориеля «Простонародные песни нынешних греков» (1824) и вслед за ним друг М. Ю. Лермонтова С. Раевский в статье «О простонародной литературе».[2]

XVIII век характеризуется новым наступлением дворянства на права крестьян. В 1699 году указом Петра была введена рекрутская повинность. С середины XVIII века рядом указов Петра III и Екатерины II помещикам было присвоено право внеочередной сдачи в рекруты «провинившихся» крестьян, а крестьянам было запрещено жаловаться на своих господ. Вместе с тем почти непрерывные войны, которые велись в XVIII веке, влекли за собой систематические, становившиеся все более частыми, рекрутские наборы. Именно в это время на почве бытовой традиции складывается в своих основных чертах особая разновидность причети, сопровождающая обряд проводов в армию (рекрутская) и посвященная солдатской теме (солдатская). Не случайно наиболее примечательное отражение причети в литературе XVIII и начала XIX века связано именно с ее рекрутской разновидностью (Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» и вслед за ним С. Ферельцт в «Путешествии критики»).

Как вспоминал генерал С. А. Тучков, среди офицерства в

---

[1] См. историко-этнографические программы В. Н. Татищева (1737), Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина; первый обзор русской народной поэзии и обрядов М. Гитри (M. Guitry. Dissertation sur les antiquités des Russie. A Saint-Pétersburg, 1795), в сокращенном переводе см. «Маяк», 1844, т. 13—15; «Опыт повествования о древностях российских» Г. П. Успенского (1811); «Краткое обозрение мифологии славян российских» П. М. Строева (1815) и др.

[2] «Олонецкие губернские ведомости», 1838. Прибавления к № 12, 13, 19 и 21.

XVIII веке был популярен принцип: «Вот тебе три мужика, сделай из них одного солдата».[1] Не удивительно, что и рекрутская причеть XVIII века была по своей сути антикрепостнической.

В обширном цикле солдатских песен Петровской эпохи о сборах полков на шведскую войну, о формировании армии Шереметева, об отправлении в поход солдат Преображенского и других полков и т. д. рассказывается о прощании солдат с родными и неизменно приводятся их слова, напоминающие причеть.[2] Так, например, в песне «Как во городе во Вереюшке...» девушки прощаются с уходящими в поход солдатами:

Красны девушки слезно всплакнули:
«Ох вы свет-то, наши солдатушки,
Распобедные ваши головушки!
Что вы рано очень в поход пошли?
Вы б дождалися поры-времечка,
Поры-времечка, тепла летечка!»[3]

В других песнях, типа «По дороженьке по московской», строки, явно близкие причети, вкладываются в уста самих солдат.[4] Влияние причети наблюдается и в песнях об уходе солдат на Семилетнюю войну, о Краснощекове, о поражении под Силистрией и др.[5]

Не менее ясная связь с поэтикой причети обнаруживается в песнях о солдатчине, о тяжести и горестях солдатской жизни, не связанных с конкретными историческими событиями (см., например, песню «Не былинушка в чистом поле зашаталася» из песенника 1780 года).[6]

Связь солдатской и рекрутской причети с солдатской песней не случайна. Близость тематики и основных идей позволяет говорить о параллельном возникновении их на рубеже XVII—XVIII веков и дальнейшем параллельном развитии. Возможно, что особенно острое антикрепостническое содержание рекрутская и солдатская причеть обрела в третьей четверти XVIII века, в период назревания крестьянской войны под руководством Пугачева.

---

[1] Записки Сергея Алексеевича Тучкова. СПб., 1908, стр. 10.

[2] Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 8. М., 1870, стр. 118—120, 221, 224; вып. 9, Дополнения. М., 1872, стр. 6—14 и др.

[3] Там же, вып. 9, Дополнения, стр. XI.

[4] См., например, Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 8, стр. 120.

[5] Там же, вып. 9, стр. 93, 154, 223 и др.

[6] Перепечатана в сб.: А. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VI. СПб., 1900, № 395.

По причинам вполне понятным до нас почти не дошло текстов, содержащих прямые антикрепостнические мотивы. Характерно, например, что Николай I, просматривая рукопись «Истории Пугачева» А. С. Пушкина, вычеркнул причитание над рекой Яик.

Некоторое представление о причитаниях, бытовавших в крепостной деревне, дает известное в рукописи XVIII века стихотворение-плач крепостного живописца, принадлежавшего князю Н. С. Долгорукову.[1] Связь поэтической манеры «плача» с бытовыми «обидными стихами» несомненна, и поэтому совершенно неправы исследователи, называющие этот «плач», вслед за Т. А. Мартемьяновым, песней. Это свободная импровизация, сетование на жестокую жизнь в духе и стиле народных причитаний.

Ох, как был-то я, добрый молодец, во неволюшке,
Во неволюшке в доме господскиим.
Служил-то я своему князю верой-правдою,
Уж тому князю строгому,
Князю Николаю Сергеевичу Долгорукову.

Крепостной поэт не решается поднять голос против крепостничества в целом. Он возмущен теми жестокостями, которые совершал его барин, несмотря на то что живописец служил ему «верой-правдою».

Можно указать еще на целый цикл лирических песен крепостнической эпохи, в которых либо отразились мотивы бытовых причитаний, либо причитание легло в основу сюжета. Например, в песне, записанной в середине XIX века в Тульской губернии и опубликованной П. В. Шейном, говорится о том, как плачет девушка, семья которой разрушена злой волей крепостника: «Слезами-то горючими весь сад затоплю, Причетами горькими сердце иссушу».

С этими свидетельствами о бытовании причитаний в крепостной деревне перекликается записанный уже в советское время А. М. Астаховой случайно сохранившийся в памяти престарелой крестьянки Рязанской области М. И. Новиковой плач по крепостным девушкам, сдававшимся из деревни в барскую дворню. Этот плач относится, по-видимому, к первой половине XIX века:

Дитятко мое милое,
Куда я тебя провожаю

---

[1] Стихотворение было найдено в деле о бегстве крепостного. См. Т. А. Мартемьянов. Крепостное право в народной словесности. — «Исторический вестник», 1906, № 9, стр. 867.

И куда я тебя сокручаю?
Провожаю я тебя
На чужую дальнюю сторонушку
И в государеву службу во неволюшку.
И всего ты, мое дитятко милое,
Всего ты увидишь, всего ты узнаешь:
И холоду, и голоду, и больших себе побоев.
И чужая дальняя сторонушка
Полынью она посеяна
И горючей слезой полита...
И нигде ты себе, дитятко мое милое,
Отрадных денечков не увидаешь,
И хорошего словечка не услыхаешь...[1]

Отзвуки антикрепостнических причитаний несомненны и в замечательном памятнике крестьянской литературы XVIII века «Плаче холопов», выразившем настроение крепостных предпугачевской эпохи. Характерно, что известные тексты причитаний, так же как и песни о Пугачеве и пугачевцах, в противоположность солдатским песням, не говорят о проводах восставших из деревень, не содержат плачей-сетований перед сражением. Единственная известная нам песня, связанная с началом восстания и содержащая в себе элементы поэтики причитаний — «Как за барами житье было привольное...», представляет собой образец преодоления пассивных сетований, использования мотивов причети для создания песни гнева и классовой ненависти.[2] Совершенно естественно, что большинство текстов и отзвуков причитаний в песнях связано с поражением крестьянской войны, с царской расправой над восставшими (см., например, упоминавшуюся запись Пушкина). Уже в советское время был записан замечательный фрагмент причети о Пугачеве:

Емельян ты наш, родный батюшка!
На кого ты нас покинул,
Красное солнышко закатилось...
Как осталися мы, сироты горемычны,
Некому за нас заступиться,
Крепку думушку за нас раздумать...[3]

---

[1] «Русское народное поэтическое творчество», т. 2, кн. 1. М. — Л., 1955, стр. 461.

[2] Н. Л. Бродский. К воле. Крепостное право в народной поэзии. М., 1911, стр. 73—74.

[3] Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М. — Л., 1935, стр. 186.

На этой основе возник и ряд песен о Пугачеве и пугачевцах («Из-за леса, леса темного...», «Ходил-то я, добрый молодец, по чисту полю...» и др.[1]). Во всех этих песнях активно используются мотивы причети, особенно в строках, которые вкладываются в уста причитывающих («На кого ты нас покинул...», «Мы не чаяли невзгодушки...» и т. д., обращения к стихиям и пр.).

К концу XVIII века относятся первые описания народного свадебного обряда, необходимым элементом которого были свадебные причитания. Особенно интересен в этом отношении сборник «Веселая Эрата на русской свадьбе»,[2] во второй части которого приводятся причети, связанные с определенными моментами свадебного обряда. В них, как и в более поздних записях, содержатся богатые материалы по истории русской патриархальной семьи. Как справедливо отмечается современными исследователями, свадебный обряд не только способствовал узаконению правового порабощения женщины, но и содержал элементы протеста против этого порабощения.[3] Они сосредоточивались главным образом в плачах невесты по девичьей воле.

Уже в цитировавшихся выше отрывках мы встречались с образами, известными нам по записям второй половины XIX—начала XX века. Тяготы солдатской жизни изображаются при помощи развернутого сопоставления: «постель» — мать сыра земля, «изголовьице» — корни деревьев, «умываньице» — дождь, «утираньице» — трава; обычно в причитаниях содержится характерный призыв к «стихиям» — ветру, солнцу, дождям с просьбой раскрыть могилу, расколоть «гробову доску», оживить покойника и т. д.; большое распространение имели вопросительно-восклицательные конструкции, риторические обращения к покойнику, приглашения его вернуться, прийти в гости. Лирические песни, записанные в XVIII веке, подтверждают сказанное выше. Так, в песнях «Ты рябинушка, ты кудрявая...»[4] и «Как во городе во Санк-Питере...»[5] используется мотив, типичный для надмогильной причети, — «Вы завейте,

---

[1] Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М. — Л., 1935, стр. 185—186, 189—190.

[2] «Веселая Эрата на русской свадьбе, или Новейшее и полное собрание всех доныне известных ста тридцати трех песен, употребляемых как в столицах, так и в других городах». М., 1801.

[3] См. «Русское народное поэтическое творчество», т. 2, кн. 1. М. — Л., 1955, стр. 489—492.

[4] А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. 5. СПб., 1899, № 720.

[5] Там же, № 725.

ветры буйные»; в песне «Отлетает мой соколик из очей из глаз моих. . .»[1] дан традиционный мотив «Срисовала бы я портретик» в соединении с надмогильным плачем; песня «Близ зеленыя дубравушки. . .» подтверждает существование в XVIII веке так называемой «затюремной приплачи», известной и по более поздним записям.

3

Во второй половине XIX века, по мере развития капиталистических отношений, социального разложения деревни и разрушения характерного для нее натурального хозяйства, все более и более стирались различия между областными фольклорными традициями, доставшиеся в наследство от эпохи феодализма. Процесс этот коснулся и причети, хотя она явилась в этом отношении одним из наиболее устойчивых жанров.

С другой стороны, к середине XIX века причитания становятся исключительным достоянием крестьянской среды. Лишь в некоторых случаях отмечается их бытование в провинциальных купеческих и низовых мещанских слоях.

Усиление политического и экономического гнета в эпоху капитализма стимулировало значительное расширение социально-бытового содержания причитаний; углубляется изображение тяжести народной жизни, обостряются мотивы социального протеста, постепенно вырабатываются поэтические обобщения, свидетельствовавшие о революционизировании сознания широких слоев крестьянства, особенно его беднейшей части; все это вело, с другой стороны, к ускорению процесса преодоления архаических элементов, характерных для обрядовых причитаний. Традиционные рамки старой причети начинают становиться тесными. В творчестве лучших мастеров, наиболее чутких выразителей настроений пореформенного крестьянства, причеть перерастает порой в импровизированную социально-бытовую поэму, сохраняя только самую общую поэтическую связь с обрядовой причетью. Во второй половине XIX — начале XX века выделяются своей поэтической одаренностью такие исполнительницы причети, как И. А. Федосова, Н. С. Богданова (Зиновьева), ученица Федосовой М. Лобачевская, Л. Ланева, Н. В. Конихина, А. М. Первенцева, А. С. Белоусова и др.

Уже в 60—70-е годы причеть включается в число активно собираемых и изучаемых жанров народной поэзии. В эти годы

---

[1] Там же, № 518.

и в последующие десятилетия было записано несколько сотен текстов (содержащих десятки тысяч строк) из самых различных уголков России: Олонецкой, Архангельской, Пермской, Вологодской, Курской, Костромской, Новгородской, Иркутской и других губерний. Однако наиболее богатые в поэтическом отношении тексты дал русский Север, особенно Олонецкая губерния.

Записи этого периода составляют основу изучения причети. Вокруг публикуемых текстов, особенно вокруг творчества крупнейшей исполнительницы, талантливой народной поэтессы И. А. Федосовой, развертывается живая общественная борьба. Собиратели и исследователи из консервативного и буржуазно-либерального лагеря стремятся истолковать причеть как архаический обрядовый жанр, дающий материал лишь для мифологических и религиозно-мистических штудий. Представители демократической науки и литературы видят в причети художественное творчество современного им крестьянства. Они ищут и ценят в причети выразительные картины социального гнета, черпают из нее сведения о жизни, психологии, мыслях и идеалах крестьянства, особенно крестьянской женщины (П. Н. Рыбников, Н. А. Некрасов, М. Горький и др.).

С особенной силой настроения пореформенного крестьянства выразились в творчестве И. А. Федосовой. Великолепный дар импровизации, которым обладала Ирина Андреевна Федосова, прекрасное знание богатейшей северно-русской народной традиции, кровная тревога за судьбу родного крестьянства, желание проникновенным словом принести людям утешение в их горестях выдвинули ее в ряды талантливейших народных поэтов, составляющих гордость русской нации. Вместе с тем творчество Федосовой — лучшее, что дала многовековая традиция русских причитаний, поэтическая вершина развития этого жанра. Не случайно творчество ее связано с периодом острейшего кризиса феодализма в России, периода складывания капиталистических отношений, отягченных многочисленными пережитками крепостничества.

Жизненная судьба И. А. Федосовой была типичной судьбой крестьянской женщины XIX века: тяжелое детство, раннее замужество, полунищее вдовство. Не спасли Федосову от бедности ни популярность в ученом мире, ни интерес к ней многих выдающихся деятелей русской литературы и искусства — Некрасова, Мельникова-Печерского, Римского-Корсакова, Балакирева, Горького, Шаляпина и др.

И. А. Федосова была выдающимся мастером северно-русской причети; вместе с тем она была не просто вопленицей, а, как писал Е. В. Барсов, истолковательницей чужого горя. Ее плачи

выходят далеко за рамки обычной обрядовой причети, превращаются в скорбные поэмы, рисующие крестьянскую жизнь в трагические дни семейных или общественных бедствий. Поэтому в этом случае можно говорить не только об отдельных бытовых отражениях эпохи, об оценке отдельных деревенских или общероссийских событий (или о преломлении их в крестьянском быту и крестьянском сознании), а о поэтическом отражении умонастроений тогдашней деревни.

Причитания И. А. Федосовой известны главным образом по записям Е. В. Барсова, сделанным в 60-е годы XIX века. Это было одно из бурных десятилетий в истории русского крестьянства. Социальный протест народных масс в 60-е годы, а также малая осознанность, противоречивость этого протеста отразились в творчестве Федосовой.

Плачи ее рисуют выразительную картину страшных пореформенных бедствий:

Зло несносное велико это горюшко
По Россиюшке летает ясным соколом,
Над крестьянамы, злодийно, черным вороном...
...Как со этого горя со великого
Бедны людушки как море колыбаются,
Быдто деревья стоят да подсушеные,
Вся досюльщина куды да подевалася,
Вся отцовщина у их нонь придержалася,
Не стоят теперь стóги перегодные,
Не насыпаны амбары хлеба божьего,
Нет на стойлы-то у их да коней добрыих,
Нету зимних у их санок самокатныих,
Нет довольных-беззаботных у их хлебушков!

При всей своей обобщенности образ Горя не мог не восприниматься Федосовой и ее слушателями вполне реально и конкретно. В 1861 году в северных губерниях России началась полоса недородов, растянувшаяся на семь лет, причем наибольшей силы голод достиг в 1867 году (то есть именно тогда, когда был записан «Плач о старосте»). Этот год даже официальные «Олонецкие губернские ведомости» откровенно называли «страшным годом».[1] Характерно, что «Плач о писаре», в котором рисуется страшный

[1] См. также С. А. Приклонский. Народная жизнь на Севере. М., 1884, стр. 3.

образ общероссийского крестьянского Горя, возник по совершенно конкретному поводу — смерти деревенского писаря, крестьянского заступника («заступы-заборонушки»). Смерть писаря (возможно, гибель его) осмысляется Федосовой как следствие или часть общенародного горя пореформенных лет. Именно поэтому Федосова в этом плаче рассказывает легенду о происхождении Горя или, как назвал ее в черновой записи Н. А. Некрасов, легенду о «происхождении горя общественного».

Вместе с тем неверно было бы думать, что события 60-х годов воспринимались И. А. Федосовой в мифологических категориях. Конкретные виновники крестьянских несчастий были хорошо известны и ей, и ее слушателям. В «Плаче о старосте» Федосова рассказывает о столкновении односельчан с мировым посредником — чиновником, осуществлявшим в заонежских деревнях «крестьянскую реформу». Плач чрезвычайно интересен тем, что в нем исключительно резко выражена оценка заонежскими крестьянами деятельности мировых посредников.

Мироеды мировы эти посредники,
Разорители крестьянам православным,
В темном лесе быдто звери-то съедучие,
В чистом поле быдто змеи-то клевучие,
Как наедут ведь холодные-голодные,
Оны рады мужичонка во котле варить,
Оны рады ведь живого во землю вкопать,
Оны так-то ведь на има изъезжаются,
До подошвы оны всех да разоряют!

Обобщенность изображения мировых посредников и здесь не противоречит тому, что в плаче рассказывается о реальном столкновении кузарандских крестьян с мировым посредником 2-го участка Петрозаводского уезда коллежским секретарем П. П. Дротаевским в осенние месяцы 1867 года.[1] Разбойный налет посредника вызывает возмущение в деревне. От имени «мира» отповедь дает ему кузарандский староста — герой плача-поэмы И. А. Федосовой. Монолог старосты — блестящий образец народной речи в пору крестьянских волнений. Она сродни речи известного героя 1861 года крестьянина села Бездны Антона Петрова. Основная мысль его — «едины да все у бога люди созданы» — великолепно характеризует умонастроение пореформенной деревни.

[1] Подробнее см. Примечания, стр. 395.

Плач завершается проклятием «судьям неправосудным», целиком перенесенным Н. А. Некрасовым на страницы «Кому на Руси жить хорошо» (гл. «Дёмушка»).

В другом плаче Федосовой рассказывается горестная история гибели крестьян, застигнутых бурей на озере. Повествование ведется от имени единственной оставшейся в живых девушки, выброшенной на безлюдный остров и лишь случайно спасенной рыбаками. Судьба несчастной потрясает, — ей пришлось много пережить, но самое ужасное ожидало ее на берегу. «Писаречки хитромудрые» и становой начинают ее мучить бесконечными допросами: как случилось, что спаслась только одна она, не потопила ли она утонувших и т. д.

Глумление «начальства» над несчастьями крестьян рисуется в плачах Федосовой в различных формах, но чаще всего оно связано с необычной смертью оплакиваемого — гибелью на озере («О потопших»), внезапной смертью ребенка («О попе—отце духовном»), пораженном молнией («Об убитом громом-молвией»), смертью от запоя («Об ульянсливой головушке») и т. д. «Власти» грозят семье судебным следствием (хотя причина смерти совершенно ясна), нарочито подозревают горюющих в умерщвлении покойного, угрожают ужасным для крестьянина XIX века судебно-медицинским вскрытием тела и т. д. [1] В рекрутских причитаниях «начальство» не дает проститься рекруту с родными, заставляет рекрутов петь веселые песни, разгоняет горюющих женщин водой из пожарных брандспойтов и т. д.

К числу поэтических шедевров И. А. Федосовой относится и «Плач об убитом громом-молвией», в котором традиционное представление о грехе как причине смерти вырастает в проблему «крестьянского греха», проблему крестьянской веры. Герой плача убит молнией. Погибшему некогда было спасать душу, он трудился, не зная праздников и буден. Паразитическая по своей природе церковная идеология была всегда внутренне чужда трудовому народу, и Федосова, которая, при всей своей несомненной религиозности, не может лишить «грешника» своего сочувствия, по существу, протестует против нее.

Характерно и двойственное отношение Федосовой к духовенству. Механически повторяющаяся во многих текстах благодарность попам за исполнение требы переплетается с упреками их

[1] Ср. рассказ о смерти Демушки в «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова, его же стихотворение «Похороны», близкий эпизод в XV главе «Былого и дум» А. И. Герцена.

в алчности. В «Плаче о попе — отце духовном» рисуется идеал крестьянского попа: «нет, да такова попа не видано». Рядом с ним вырастают фигуры деревенских богатеев, старосты и писаря, — антиподов героев «Плача о старосте» и «Плача о писаре». Староста и писарь в этом плаче спешат воспользоваться несчастьем семьи, сорвать взятку с горюющих родителей, только что потерявших ребенка.

Мысль Федосовой не только искала причин грозных бедствий, одолевавших олонецких крестьян в середине прошлого века, но и стремилась найти выход из мира социальной (и «божьей») несправедливости. Разумеется, необходимо учитывать, что при всей своей социальной конкретности мышление Федосовой было образным, поэтическим, а не политическим или философским мышлением.

Поиски выхода из мира социальной несправедливости сказывались в причитаниях Федосовой в устойчивой, проходящей через многие ее тексты теме «золотого века» — своеобразной социальной утопии, обращенной в прошлое. О некоем «золотом веке» рассказывается в упоминавшемся уже выше «Плаче о писаре». Было, оказывается, такое время, когда Горе не могло подступиться к людям потому, что «жили люди во всем мире постатейные» и «дý-друга люди не терзали». В рекрутских причитаниях тема «золотого века» приобретает более определенные исторические очертания и воплощается в многообразно выраженной «новгородской теме». Воспоминания заонежских крестьян, лежащие в основе этой темы, имели, разумеется, иллюзорный и весьма условный характер. Всякое прошлое казалось лучше настоящего и считалось «новгородским». Идеализация всего новгородского сказывается в целой системе эпитетов («опояска» новгородская, ковер новгородский, «питья» новгородские, крепости новгородские и т. д.). Вспоминаются справедливые судьи новгородские, писаречки новгородские, начальники новгородские. В «Плаче по холостом рекруте» мотив начальников нынешних — «не новгородских» — развивается в целую картину, рисующую прошлые времена в противопоставлении их настоящим (см. строки «Как в досюльны времена да было годышки» и т. д.). С наибольшей полнотой «новгородская тема» выражена в «Плаче о старосте», в рассказе о тех временах, когда «Новгород ведь был неразореной и ко суду были крестьяне не приведены» (см. стр. 56). Характерно усиление этих утопических мотивов именно в пореформенные годы, когда крестьянство особенно остро испытывало на себе тяжесть сочетания новых капиталистических форм эксплуатации с многочисленными крепостническими пережитками.

В рекрутских и солдатских причитаниях Федосовой семейное и крестьянское горе предстает как следствие государственного гнета. Это несомненно и обусловило их исключительную политическую остроту, на которую обратил внимание В. И. Ленин. Нужно было действительно обладать незаурядной силой поэтического воображения, чтобы воспроизводить жизнь солдата от его рождения до проводов в армию и от начала солдатской жизни до возвращения домой после «службы государевой» с такой полнотой и с такими деталями, какие мы находим у Федосовой (см. «Плач о холостом рекруте», стр. 141). Бесконечная муштра, походы, ночное стояние на часах, «сраженьице», бессмысленные истязания — «подушенья», «подтыченья», проведение сквозь строй — «зеленая улица», запарывание до смерти, казнокрадство офицеров и, прежде всего, чувства и мысли самого «казенного человека» и оплакивающей его женщины — его матери, жены или сестры, — обо всем можно прочесть в рекрутских плачах-поэмах Федосовой.

Нарисовав живую картину русской армии середины XIX века, осмыслив тяготы солдатской жизни и бедствия солдатки как результат социального (государственного) гнета, Федосова призывает гнев божий на головы насильников и притеснителей, она проклинает их, готова резать их той бритвой, которой обриваются головы рекрутов перед отправлением в армию:

Будьте прокляты, злодии супостатые!
Вергай скрозь землю ты, некресть вся поганая!
. . . .
И кабы мне да эта бритва навострёная,
И не дала бы я злодийной этой некрести
И над моим ноньку рожденьем надрыгатися;
И распорола бы я груди этой некрести...

В этих строках, которые могли бы быть начертаны на знамени любого крестьянского бунта 60—70-х годов XIX века, крестьянский протест против несправедливостей общественного строя пореформенной России находит свое отчетливое выражение.

Итак, в творчестве Федосовой широко отразились социальные отношения и умонастроения русской деревни пореформенных лет. Вместе с тем Федосова, очевидно, никогда не думала о намеренном изображении всех этих явлений. Центральная ее тема — горькая судьба вдов и сирот, солдаток и солдатских детей. В стремлении объяснить и показать тяжесть доли вдовы и солдатки Федосова должна была прибегать к изображению тех жизненных обстоя-

тельств, которые определяли эту долю. Смерть мужа-кормильца или уход его в армию лишали крестьянку надежды выстоять в борьбе с непомерными трудностями жизни. Горе вдовы, солдатки, сироты осмысляется Федосовой как горе бесправнейшей среди бесправных. С удивительной нежностью и щемящей тоской передает, например, Федосова отчаяние одинокой женщины, вынужденной заставлять своих малых детей работать в поле, а «недоростка», племянницу хозяйничать у печки. Все усилия не спасают ее от разорения; приходит время платить подати, и она вынуждена продать скотину и отказаться от земли. Она превращается в многодетную батрачку — самое несчастное существо старой деревни. Федосова протестует против волнующей ее общественной несправедливости, но она знает, что вдовы обречены на разорение, а их притеснители наказаны не будут.

Основные черты социального протеста Федосовой очень точно характеризуются ленинскими словами: «. . .многомиллионная масса русского народа. . . *уже* ненавидит хозяев современной жизни, но. . . *еще* не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца непримиримой борьбы с ними».[1] При всей своей выразительности этот протест не освещен «никаким политическим сознанием».[2] Нельзя забывать и того, что основным жанром Федосовой была причеть, перераставшая, правда, старые рамки и границы, но все же оставшаяся причетью, отягченной постоянными обращениями к богу, воздыханием о грехах, расплывчатыми мечтаниями о «божьей земле», фаталистическим пессимизмом и вместе с тем убеждением, что царь не знает о несправедливостях.[3]

В ряде текстов, записанных во второй половине XIX века от других исполнительниц, есть мотивы, близкие к отдельным мотивам причитаний Федосовой. Тема «судей неправосудных» находит свое продолжение в гневных строках о «злодейных грозных начальниках», которые отнимают у вдовы «рожоных детушек» (в причитании С. Ю. Тараевой, записанном А. А. Шахматовым в 1884 году[4]), в обличении судей-взяточников, у которых правду могут найти только богатеи (в плаче Л. Ланевой, записанном в 1903 году Н. С. Шайжиным[5]), и т. д.

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 323.
[2] Там же, т. 17, стр. 96.
[3] См., например, заключительные строки «Плача о писаре» (стр. 62).
[4] Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Петрозаводск, 1948, стр. 46.
[5] «Олонецкие губернские ведомости», 1903, № 48.

Просматривая записи причитаний этой поры, мы встретим характерные зарисовки бедственного положения вдов и сирот в капитализирующейся деревне. В них с особенной силой звучит мотив вдовьего и сиротского одиночества, поэтически выраженный в образах пустой избы, непаханых полос и некошеных покосов (см., например, «Плач о дочери» Н. С. Богдановой, стр. 227).

Особенно ярки бытовые картины в поминальных и близких к ним внеобрядовых бытовых причитаниях (о рыбаках, утонувших в море или реке,[1] плачи, содержащие жалобы на отцов или мужей-пьяниц,[2] плач на ужбище наваг,[3] на сенокосе[4] и др.). Предчувствия вопленицы трагичны, она знает, как живут другие сиротки в деревне:

Как у сиротских наших детушек
По колен да ножки трескались,
По локо́ткам ручки грязные,
На каждой волосиночке
По горючей по слезиночке.[5]

Социальное разложение деревни и пауперизация ее беднейших слоев приводили к массовому уходу крестьян на лесоразработки, на фабрики и заводы, на городское строительство. Уход на заработки и смерть на чужбине становятся распространенными мотивами причитаний пореформенной эпохи. Можно назвать причитания о муже, убитом деревом на лесозаготовках,[6] о сыне, раздавленном лесами при ремонте петербургского дворца,[7] и др. С этой же темой связано известное причитание Н. С. Богдановой «По муже, погибшем на Киваче при сплаве леса», которое во многом напоминает плачи-поэмы Федосовой. Богданова подчеркивает, что покойный вынужден был отправиться на сплав. Причина случившегося несчастья — не легкомыслие человека, не послушавшегося традиционного предостережения, а крайняя степень нищеты и разорения русской деревни начала XX века, ощущение экономической

---

[1] Русские плачи Карелии. Петрозаводск, 1940, № 19. Текст воспроизводит дореволюционную причеть.

[2] См. «Вопль дочери об отце» Н. С. Богдановой, стр. 238.

[3] Русские плачи Карелии, № 17.

[4] Там же, № 18.

[5] Там же, № 12.

[6] Там же, № 15.

[7] Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, стр. 399—400.

неустойчивости («быдто в полюшке шатучи деревиночки»). С большой художественной силой изображает вопленица ужасающие условия труда на сплаве. Вместе с тем Богданова, передавая горе вдовы, воспринимает разорение деревни и жестокую эксплуатацию на лесопромыслах как нечто фатально неизбежное, она не поднимается до социального обобщения и протеста.

Богданова — мастер причети, она хорошо умеет передавать психологическое состояние своих героев, с большой отчетливостью видит детали изображаемого. Однако Богданова уступает своей старшей современнице и землячке Федосовой в умении вскрыть социальную природу трагического события, в решимости протестовать против невыносимой тяжести угнетения. Именно поэтому ее плачи несколько натуралистичны по сравнению с плачами Федосовой.

Широко отразилось в причети пореформенной и предреволюционной поры и другое характерное явление этого времени — батрачество. Вопленицы изображают тяжесть батрачества, усиление противоречий между бедняцкой и батрацкой частью деревни. В этом отношении очень характерен батрацкий плач М. Ф. Павковой, воспроизведенный ею в советское время по просьбе собирателя.[1] Другая сказительница, Н. С. Богданова, в своем плаче о дочери-батрачке рассказывает:

Будили-то по утрышку ранешенько
Всё тебя до праведного солнышка...
...Не по силушке давали-то работушку,
Не по розмыслу теби оны заботушку...
...Огрубляли тебя грубныма словечкамы,
Ударяли-то ударамы ведь бо́льныма,
Обижали-то тебя, да красну девушку,
Изнуряли меня, бедную горюшицу.[2]

Эту же тему разработала и А. М. Пашкова в «Плаче сироты по дяде», созданном в 1913 году.[3]

Сильная ненависть к кулакам звучит в одном из причитаний талантливой пудожской сказительницы Н. В. Конихиной. Она го-

---

[1] Русские плачи Карелии, стр. 100.

[2] Н. С. Шайжин. Олонецкий фольклор. Похоронные причитания Олонецкого края. — «Памятная книжка Олонецкой губернии на 1911 год». Петрозаводск, 1911, стр. 199—200.

[3] Русские плачи Карелии, № 5.

ворит о том, что богатеи отняли у бедняков все, даже солнце. В порыве гнева она хочет уйти куда-нибудь из этого мира:

Чтоб ветрушки не веяли,
Меня людушки не видели.[1]

Характерно, что причитание Конихиной записано в 1905 году. В нем сказывается и неясность крестьянских идеалов: неприятие капиталистической действительности, стремление к изменению ее и непонимание реальных возможностей и путей такого изменения.

В причитаниях, особенно рекрутских, можно отыскать отзвук и крупнейших исторических событий предреволюционных лет — русско-японской[2] и первой мировой войны.[3] И все же в записанных текстах не нашли своего отражения передовые взгляды крестьянства той поры. По мере приближения к революции 1905—1907 годов, а затем к Великой Октябрьской социалистической революции причитания все более становятся периферийным жанром. Пацифизм («неохочее слезливое настроение»), пассивность и фатализм, которые находят себе место в причитаниях, вступают в прямое противоречие с боевыми, революционными, наступательными настроениями, характерными для песен и частушек тех же лет. Однако знаменательно, что все исполнительницы причетей воспринимали русско-японскую и первую мировую войну как войны за чуждые народу интересы и тем самым все же способствовали прояснению социального мышления крестьян, осознанию ими важнейших жизненных явлений и противоречий.

В советское время судьба причети существенно меняется. Уже в годы гражданской войны начинается падение популярности рекрутской причети, в последующем она совершенно исчезает из бытового обихода советской деревни. Социалистическое переустройство общественных отношений в деревне, решительная ломка патриархального быта привели к значительным изменениям в составе свадебного обряда и к выпадению из него причети, не имевшей психологической опоры в новом быте. Причеть иногда сохраняется как игровой момент современной свадьбы либо в составе своеобразных самодеятельных пьес типа «Гдовской старины», «Заонежской свадьбы» и др., в которых старшее поколение напоминает молодежи о ста-

---

[1] «Олонецкие губернские ведомости», 1905, № 109, стр. 3.
[2] См. стр. 302 и 307.
[3] М. М. Зимин и Ф. Д. Нефедов. Плачи по призванным на военную службу (из записей в Коверинском крае Костромской губ. 1916 г.). — «Второй этнографический сборник Костромского научного общества по изучению края». Кострома, 1920, стр. 1—10, 11—20 и др.

ринном быте, обычаях, обрядах, нравах, отошедших в область прошлого. Примерно такова же судьба и бытовой причети.

Несколько более жизнестойкой оказалась похоронная причеть. В районах с особенно развитой традицией (Прионежье, Беломорье, архангельский Север, некоторые районы Сибири) относительно активное бытование ее отмечалось даже в самое недавнее время. В 30-е годы, когда особенно широко развернулась собирательская деятельность советских фольклористов, наряду с крупными мастерами сказки, былины и песни были «открыты» и замечательные исполнительницы причети — А. М. Пашкова, М. Р. Голубкова, А. И. Гладкобородова.[1] В эти же годы возникло одно из крупнейших собраний русской причети — сборник «Русские плачи Карелии», составленный М. М. Михайловым и стоящий в одном ряду со сборниками Е. В. Барсова, М. К. Азадовского, В. И. Смирнова, Н. С. Шайжина.

Однако и похоронная причеть претерпела значительные изменения: основное место в ней занимает выражение сожаления о смерти родного или близкого человека; носители ее — преимущественно женщины старшего поколения.

Известны записи причитаний времен гражданской войны, в них рассказывается о зверствах интервентов, о гибели героев-партизан[2] и т. д. В последующие годы неоднократно публиковались плачи о В. И. Ленине, С. М. Кирове, М. И. Калинине, М. Горьком, в которых личное горе исполнительницы приобретало большой общественный смысл и широкое поэтическое звучание.

Фольклористами-собирателями отмечалось относительное оживление причети в годы Великой Отечественной войны. Причеть возникала в некоторых областях в связи с проводами на фронт, получением известия о гибели бойца на фронте, вынужденным расставанием с родной деревней, временно оккупированной врагом, и т. д.[3] Причитания этих лет исполнены патриотических чувств и ненависти к врагу, что, разумеется, ни в какой мере не противоре-

[1] См. «Биографическую справку», стр. 249—250; см. также Н. Леонтьев. Печорский фольклор. Архангельск, 1939; А. И. Гладкобородова. Сказки и песни. Архангельск, 1947.

[2] См. стр. 337. — «Причитание матери по сыну-партизану, убитому японцами». См. также А. Н. Соколова. «Материалы для изучения партизанской поэзии». — «Сибирская живая старина», вып. 5. Иркутск, 1926, стр. 160—161 («Причитание жены по мужу-партизану»).

[3] См. В. А. Тонков. Народное творчество в дни Великой Отечественной войны. Воронеж, 1945, стр. 40—41; В. Г. Базанов. Поэзия Печоры. Сыктывкар, 1943; его же: За колючей проволокой. Петрозаводск, 1945.

чило тому, что исполнительницы испытывали скорбные чувства в связи с гибелью отца, сына, мужа или брата, необходимостью покинуть родной дом и т. д.

Поэтические традиции причети сыграли свою роль при создании опытов лиро-эпического стихотворного «сказа» сказителями старшего поколения, стремившимися откликаться на новые советские темы (М. С. Крюкова, А. М. Пашкова, Ф. И. Быкова, А. И. Гладкобородова, Е. И. Чичаева, Е. С. Журавлева). Но в целом причеть все больше и больше воспринималась как жанр, органически связанный со старым бытом, как художественное наследие прошлого.

4

Сравнительно обильные записи причитаний во второй половине XIX века и в XX веке дают возможность составить определенное представление об особенностях русской причети, о ее поэтической природе и художественных достижениях. При этом надо иметь в виду, что причеть именно в последние сто лет достигла своего расцвета в творчестве И. А. Федосовой и ее современниц и затем пережила значительные изменения в своем содержании, сначала в период развития капиталистических отношений и особенно — в процессе социалистического преобразования деревни. Поэтому суммарная характеристика художественных особенностей русских причитаний не может не быть условной.

Многие темы, образы, поэтические приемы русских народных причитаний, как уже говорилось, встречаются в литературных памятниках или в устнопоэтических произведениях еще в древнерусский период. Это не означает, разумеется, как предполагали некоторые исследователи, что все устойчивые мотивы причети возникли в глубокой древности. Некоторые из них бесспорно возникли не раньше XVIII—XIX веков и тем не менее получили едва ли не общерусское распространение («портрет», который причитывающая хочет «списать» с покойного; «письмо-грамотка», функции которого выполняет и явно более древний по происхождению мотив «птицы-вестника»; популярный оборот «Уж мне стать сказать не высказать, уж мне стать писать не выписать»; многие мотивы рекрутских причитаний, связанные с «забриванием», муштрой, стоянием на часах и т. д.).

Обычными мотивами и образами бытовой причети XIX—XX веков являются сиротство, мерзнущая изба, нищенствующие дети, нераспаханная полоса и т. д. Все это рисуется на контрастном фоне

былого благополучия (обычно поэтически идеализированного) — семейного, материального, душевного.[1] Образы бытовой причети варьировались в зависимости от обстоятельств, которые могли быть самыми различными, поэтому они с бо́льшим трудом поддаются систематизации, чем темы, образы и мотивы обрядовых видов народной причети.

Похоронный, свадебный и рекрутский обряды включали целый цикл причитаний, связанных своими темами, содержанием и системой образов с различными звеньями обряда. Так, например, сразу же после констатации смерти звучит первая похоронная причеть — плач-*вопрошение,* в котором причитывающая, обращаясь к умершему, спрашивает его, почему он покинул семью, просит его открыть глаза, встать, заговорить, простить обиды и т. д. Вторая причеть — плач-*оповещание.* Он звучит в момент прихода в избу родных и соседей, узнавших о смерти. Основная ее тема — горестный рассказ о том, как наступила смерть (этому часто предшествует рассказ о предчувствиях или о предвестниках смерти). Основные образы этого плача — сравнение умершего с закатившимся солнцем, упавшей звездой, погасшей свечой; здесь повторно звучит призыв встать, пробудиться, не покидать родных и т. д. Обычно уже в первой причети начинается оплакивание горькой доли родни покойника («На кого ты нас покидаешь»). Дальнейшие причитания связаны с повторяющимися приходами родных, знакомых и соседей, с каждым из которых нужно поделиться горем. Один из замечательнейших образов этих плачей — Обида, которую не знает куда «сбыть» вдова (нигде нет Обиде «местечка», она неотступно преследует вдову, все в природе меняет свой облик при появлении Обиды — деревья вянут, камни трескаются, море «колыбается»).

Третье крупнейшее причитание — плач *при вносе гроба.* В этом причитании также довольно устойчивый круг привычных мотивов — благодарность тем, кто делал гроб, сравнение гроба с избой, в которой нет окон, дверей, постели, стола («Ой, плотнички-работнички»). Четвертая причеть — плач *при выносе.* В основе ее — поэтические вопросы: «Куда ты отправляешься?» и «На кого ты нас покидаешь?» Здесь снова с особенной силой звучит рассказ о горестном положении оставшихся в живых, о подстерегающих их несчастьях.

Пятая причеть — плач *по дороге на кладбище,* который повто-

---

[1] Ср. сходные картины в поэме Н. А. Некрасова «Мороз Красный нос».

ряет некоторые мотивы плача при выносе и плача-оповещания. Шестая причеть — *при опускании гроба в могилу и надмогильная.* Здесь основное — обещание навещать могилу, украсить ее цветами, просьба к покойнику «приходить в гости», вопрошание — когда, «с какой сторонушки» и в каком виде ждать покойного в гости, воображаемые картины его «гощения». Седьмая причеть — *при возвращении с кладбища* — строится на поэтическом изображении обряда мнимых поисков умершего в опустевшем и осиротевшем доме: избенка покосилась, стекла замутились, скотина стоит понуря голову. Вместе с тем звучат и другие мотивы: кто будет пахать этой сохой? Кто же станет мастерить этим топором? Отсюда очень легок переход к поэтическому предсказанию бед, ожидающих семью, потерявшую кормильца. Восьмая причеть — *поминальная.* Собственно, поминальной причетью называется целый цикл плачей, связанных либо с посещением могилы в ритуальные дни (третий, шестой, девятый, двенадцатый, сороковой дни, годовщина смерти, так называемые «родительские дни»), либо с простой потребностью выразить нахлынувшие воспоминания, «рассказать» умершему о трудностях, пережитых после его смерти. Поминальная причеть, исполняемая на могиле, кроме того обычно строится на так называемом «заклинании стихий» («Вы завейте, ветры буйные!»), которые должны оживить покойного, на приглашении покойного «в гости». Поминальная причеть, не связанная с посещением могилы, тесно смыкается с широкой областью бытовой причети.

Основная тема всего цикла свадебных причетей — плач о «вольной волюшке»,[1] оплакивание «гражданской смерти», как называл брак в старой деревне М. Горький. В первых по времени исполнения, так называемых *«сговорных»* плачах девушка, которую сватали, обращалась к родителям с вопросами типа: «Неужели я была вам не работница?», просила не обольщаться обещаниями сватов и жениха, не соглашаться на свадьбу, сравнивала свое девичество с чудесным зеленым садом. Если согласие дано и сговор состоялся (иногда это происходит во время так называемого «рукобитья»), невеста упрекает родителей, просит их взять слово назад, не выдавать ее на чужую сторону. После сватовства и рукобитья невеста начинает прощальные объезды родных, во время которых звучат особые плачи, называемые в севернорусских областях *«гостибными».* В них тоже звучат жалобы и попреки, просьба защитить от «чуженина» и «остудника» — жениха, приглашение на свадьбу и после

---

[1] См. примечание к «Плачу сироты на кладбище в родительский день», стр. 411—412.

свадьбы в гости. Замужние женщины в ответных плачах рассказывают о горестях замужества, о том, как они расставались со своей «вольной волюшкой», и т. д. Во время «девишника», едва ли не самого трогательного обряда свадебного цикла, звучат плачи — прощание с «красотой», символизирующей девичество и девичью волю.[1] Девушка спрашивает у подружек, куда ей спрятать свою «волю», но бедной «волюшке» нигде нету места; невеста прощается с подружками, просит не забывать ее и т. д. Во время обрядового мытья в бане звучат специальные «баенные» плачи — испрашивание благословения, упреки в обмане (водушку принесли из болота, которое топтал конь «чуженина» — жениха, топили баню горькой осиной). И наконец, в день свадьбы звучит целая серия собственно свадебных плачей — мать, дочь и ее подружки непрерывно обмениваются причитаниями при утреннем «бужении», при торжественном одевании невесты, при расплетании косы, при приближении жениха, появлении его вместе с поезжанами в избе. Здесь еще раз невеста просит воспрепятствовать свадьбе, призывает на помощь стихии, родных, подружек, оплакивает девичество, рассказывает свой последний девичий сон, просит ее простить и т. д.

Рекрутские плачи тоже составляют своеобразный цикл, перекликающийся в некоторых моментах то со свадебным, то с похоронным циклом. Однако рекрутский обряд, более поздний по своему возникновению, не имел столь разработанного и единого для большинства русских областей ритуала. Основные его моменты — извещение о рекрутском наборе и жеребьевке, прощание рекрута с родными, рассказ о сне в последнюю ночь, прощание с домом и семьей и, наконец, проводы рекрута на сборный пункт и в воинскую часть — неизменно сопровождались причитаниями матерей, жен, сестер, теток. В отличие от похоронных плачей, в которых социальные мотивы выступают на фоне действия стихийных и непознанных сил природы (болезнь и смерть), и свадебных, основной темой которых является патриархальный семейный гнет, рекрутские плачи осмысляли семейное несчастье как прямое проявление социального и государственного гнета. Не удивительно, что именно в рекрутских плачах с особенной силой выразился протест многомиллионных крестьянских масс со всеми исторически сложившимися слабыми и сильными его чертами (см. выше отзыв В. И. Ленина о них).

---

[1] «К р а́ с о т а» — венец из лент и цветов, который ставится перед невестой на девишнике; эти ленты она раздает на память подругам, которые в песнях оплакивают «девичью красоту», а лучшую отдает в церковь.

Нарисованная выше тематическая схема похоронных, свадебных и рекрутских причитаний имела в своих основных моментах общерусское распространение. Однако почти в каждой местности был свой излюбленный круг образов, устойчивых словосочетаний и композиционных приемов.

Различные местные традиции объединяются вместе с тем в несколько групп — севернорусскую, южнорусскую, сибирскую и т. д. Так, например, в севернорусской традиции очень развита символика растительная («березонька», «осинье», «деревиночка», «травонька»), астральная (солнце, луна, звезды) и отчасти символика птиц («лебедушка», «ласточка», «соколик»). В сибирской традиции растительной символики почти нет, но зато очень развита символика птиц и своеобразная символика «домашности» (покойный — опора семьи — сравнивается со стеной, перилами и другими частями дома).[1] Севернорусские причитания отличаются от южнорусских и сибирских большей эпичностью и некоторыми своими чертами заставляют вспоминать былину, историческую песню, балладу; южнорусские и сибирские причитания, наоборот, близки к лирической песне. В различных традициях причитания колеблются от кратких прозаических восклицаний или лаконичных лирических «наигрышей» до развернутых сюжетных плачей-поэм типа «Плача о холостом рекруте» Федосовой.

Наиболее распространенный стих причети — трехударный (либо двухударный) с постоянным положением первого и последнего ударения (анапестическая анафора и дактилическая клаузула) и относительно свободным расположением ударных и безударных слогов между ними. Общее число слогов колеблется в отдельных традициях от семи — девяти до одиннадцати — тринадцати.

Причитания исполняются своеобразным речитативом, который в целом характеризуется ярко выраженным декламационным началом и отсутствием широкого развития собственно мелодической стороны. Однако в различных областях они исполняются по-разному. В северных — причитания более напевны, в некоторых южных — это просто восклицания, не связанные в элементарное звуковое единство.

Поэтический язык русских причитаний, как и большинства других жанров устного народного творчества, отличается большой отработанностью, гармоничностью и целеустремленностью средств выразительности.

---

[1] М. Азадовский. Ленские причитания. Чита, 1922, стр. 40—41.

Основное отличительное качество причети — трагизм, большая эмоциональная напряженность — определяет все особенности ее языка и поэтического стиля. Так, например, специфической чертой синтаксиса причети является его постоянное тяготение к вопросительным и восклицательным интонациям. Причитывающая очень редко просто говорит о чем-нибудь или еще реже что-нибудь описывает, — она вопрошает, настойчиво требуя ответа даже тогда, когда знает, что ответа не последует; она восклицает в отчаянии, заклинает и знает при этом, что ничего не изменится. Характерен прием повторения, нанизывания, как бы нагнетания синтаксически, интонационно и семантически сходных конструкций. Причитывающая задает вопрос за вопросом, варьируя при помощи синонимов, сходных образов, логически сплетающихся понятий, ассоциаций и т. п. какую-либо мысль, единую для всего причитания или какой-то его части. Она произносит восклицание за восклицанием, перечисляет [1] все, что только можно вспомнить в связи с трагическим событием, ввергнувшим ее в это состояние.

Даже в наиболее эпических плачах рассказ о происходящем постоянно прерывается страстными лирическими отступлениями, да и сами действия героев отличаются резкостью, экспрессивностью, за которой ясно ощущается большое напряжение их чувств. В «Плаче о старосте» Федосовой посредник как вихрь налетает на деревню, кричит, топает ногами, угрожает. Староста, посланный посредником собирать крестьян, «бежит да не оглядывает».

В тех случаях, когда употребление вопросительно-восклицательных конструкций невозможно, Федосова, как и другие вопленицы, пользуется так называемыми «усилительными частицами» — да, всё, ведь, еще, как, тут и др.

Как у этых мировых да у посредников...
Как наехала судья неправосудная...
Всё для этыих властей да страховитных...

Эмоциональное усиление достигается и многими другими средствами. Исполнительницы как бы стремятся каждое чувство и каждый изображаемый предмет обрисовать сосредоточенно, резко и четко. Поэтому для причитаний столь характерно изобильное упо-

---

[1] Вернее — причисляет, присчитывает. В. И. Даль справедливо объясняет «причеть, причитание, причитывать» как слова, производные от глагола «причесть», «причислять» в значении присчитывать, перечислять (см. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 3. М., 1955, стр. 460).

требление уменьшительных и увеличительных суффиксов не только существительных и прилагательных («людушки», «ествушки», «маханьице», «посиделище», «смелугище», «молодешенька»), но даже и наречий («суровешенько», «потихошеньку», «поранехоньку», «невестешенько» — неизвестно и т. п.) и, что совершенно удивительно, местоимений («мнецюшки», «тебеюшки»).

Столь же характерно и употребление приставок, причем таких, которые не сообщают новый смысл, а усиливают корневое значение слова («испромолвить», «запохаживать», «пооставить», «обстолпиться», «подомовый», «завоенный», «размолодый», «пристарший» и т. д.). Примечательно в этом смысле и наличие особых емких, динамичных и семантически насыщенных отглагольных существительных и прилагательных («съедуба», «холостьба», «гульба» «спорыданье», «упьянсливый», «улыбчатый», «заблудящий», «поскакучий»).

В отличие от былины и песни эпитет в причети далеко не всегда указывает типичный признак. Чаще он направлен на выявление ряда признаков явлений или предметов, служит той же задаче эмоционального сосредоточения. Поэтому у существительного в причитаниях может быть одновременно два, три и даже четыре определения (например, «тайны милы советны дружны подружки»). Подсчет, произведенный А. П. Евгеньевой, показал, что одно существительное может иметь в плачах-поэмах И. А. Федосовой до тридцати определений. Например, существительное «дети» имеет определения: сиротны, малы, милы, рожены, бажоны, любезны, сердечны, взрощены, обидные, бессчастные, беспокойные, хлопотливые, болезные, глупые, прозяблые, игривые, дурливые, желанные, бедные и т. д.[1] Федосова в этом отношении не представляет исключения — для причитаний вообще чрезвычайно характерно разнообразие и изобилие эпитетов, причем наибольшее количество эпитетов сосредоточивается, естественно, вокруг слов, обозначающих лицо, которое оплакивает причитывающая.

В стремлении к эмоциональной и семантической догрузке слова исполнительницы охотно употребляют сравнительно редкие в других жанрах составные прилагательные («богоданный», «хитромудрый», «скрозекозный», «тонкобелый», «малогребный» и т. д.) и сдвоенные существительные («судьи-власти», «огонь-пламя», «честь-

[1] А. П. Евгеньева. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (Постоянный эпитет). — «Труды Отдела древнерусской литературы», т. 6. М. — Л., 1948, стр. 160.

хвала», «житье-жирушка», «пора-времечко», «путь-дороженька») и наречия («страшно-ужасно»).

Очевидно, той же цели смысловой концентрации служат и удивляющие читателя, незнакомого с причитаниями, сочетания типа «умершая могилушка» (могила, в которой похоронен умерший), «место погибшее» (место, где кто-то погиб), «платьице умершее» (платье, в которое обряжают умершую), «охотное гуляньице» (гуляние, на котором хочется погулять), «часовенки спасеные» (часовни, в которых спасаются), «сироты хлопотливые» (сироты, которые доставляют хлопоты), «падун утоплый» (водопад, в котором кто-то утонул).

Итак, традиция причети создала своеобразный поэтический стиль, способный выразить предельное трагическое напряжение чувств причитывающей. Этот стиль лучше всего определяется народными терминами — причеть, плач, вопль, крик и т. д. В нем запечатлелась талантливая, богатая чувствами душа русской крестьянской женщины.

* * *

Отзвуки народных причитаний слышатся в русской литературе с древнейших времен и почти до наших дней. Разумеется, писатели различных эпох, направлений, стилей по-разному воспринимали, воспроизводили либо творчески использовали идеи, образы, отдельные художественные приемы, созданные вопленицами из народа. В древнейший период причеть была бытовым явлением, близким большинству русских писателей, из какой бы среды они ни происходили. Поэтому причеть сыграла, подобно другим фольклорным жанрам, определенную роль в развитии содержания и стиля древней русской литературы.[1] В XVIII—XIX веках, в условиях исчезновения причети из обихода верхних социальных слоев русского общества, писатели подчас обращались к ней как к средству изображения некоторых сторон народного быта. Выразительные примеры использования причети дает творчество Радищева (глава «Городня» в «Путешествии из Петербурга в Москву»), Пушкина (причитание капитанши Мироновой в «Капитанской дочке», плач Ксении в «Борисе Годунове», старой казачки в «Истории Пугачева»), Некрасова («Гробок», «В деревне», «Несжатая полоса», «Тишина», «Песня Еремушке», «Похороны», «О погоде», особенно

---

[1] См. В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М. — Л., 1947; особенно глава «Лирико-эпические плачи в древнерусской литературе», стр. 135—180.

«Мороз Красный нос» и «Кому на Руси жить хорошо»), Горького (очерки об И. А. Федосовой и изображение ее выступления в «Климе Самгине», рассказ «Нилушка» из цикла «По Руси»).

Характерно, что особенно заметную роль причеть сыграла в творчестве Н. А. Некрасова — поэта, с наибольшей силой отразившего судьбы крестьянства в период бурного кризиса феодальных отношений в России. Не случайно Некрасов — поэт, в творчестве которого причитания нашли не только наиболее широкое, но и наиболее принципиальное, эстетически и идеологически осознанное применение, и Федосова — крупнейший мастер русской причети — принадлежали к одному поколению русских людей.[1]

По мере приближения революции причеть и в народной традиции, и в литературе заметно отходит на второй план, уступая революционным песням, устному революционному рассказу, частушке, сатирической сказке и другим жанрам.[2]

Упоминание причитаний, цитаты из них, стилистическое использование образов причети можно встретить во многих произведениях советских писателей, посвященных изображению дореволюционной России (см. романы А. Чапыгина, С. Злобина, В. Шишкова, Ф. Гладкова, И. Вольнова, а также «Судьбу Шарля Лонсевиля» К. Паустовского, «Беломорье» А. Линевского, «Хребты Саянские» С. Сартакова и др.).

Естественно, что отклики причитаний в произведениях советских писателей, рисующих послеоктябрьские события и быт крестьян, сравнительно редки и обусловлены особыми обстоятельствами (ср. стихотворения Д. Бедного «Проводы» и «Красноармейцы», А. Прокофьева «Свадьба», поэмы А. Твардовского «Страна Муравия» и «Дом у дороги», роман М. Шолохова «Тихий Дон»).

В послевоенные годы появились своеобразные и колоритные книги, написанные писателем и фольклористом Н. Леонтьевым в содружестве со сказительницей М. Голубковой — «Два века в полвека» и «Оленьи края». М. Голубкова — большой знаток севернорусской песни и причети, поэтому не удивительно, что в назван-

---

[1] К. И. Чуковский. Мастерство Некрасова. Изд. 3-е. М., 1959, гл. «Работа над фольклором»; К. В. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова. Петрозаводск, 1955, стр. 87—105; И. М. Колесницкая. Крестьянская тема и народное творчество в поэзии Н. А. Некрасова 60-х гг. — «Некрасовский сборник», т. 2. М. — Л., 1956, стр. 15—69.

[2] В качестве примера использования причитаний в эти годы см. главу «Вопленица» в книге М. М. Пришвина «В краю непуганых птиц».

ных книгах, особенно в книге «Два века в полвека» (в которой речь идет главным образом о предреволюционной печорской деревне), ее рассказ буквально испещрен вставными песнями и причитаниями, большими и малыми цитатами из них, отдельными поэтическими оборотами и т. д. Книги М. Голубковой и Н. Леонтьева по-своему отражают нынешний этап взаимоотношения фольклора и литературы, фольклорных и литературных традиций. Примечательно, что причеть со свойственным ей кругом тем, образов, композиционных принципов оказалась одним из жанров, участвующих в этом процессе.

Художественная литература не была единственным каналом, по которому поэтические достижения народной «плачевой» поэзии вливались в общенациональный фонд русской культуры. Как пишет современная исследовательница, «интонационно-мелодические особенности причитаний и плачей оставили глубокий след в русской музыке».[1] Характерные мелодические обороты и интонации причети слышатся в песне Антониды «Не о том скорблю, подруженьки» из оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин», в хорах девушек из пятого действия оперы «Руслан и Людмила», в дуэте Оксаны и Солохи из оперы П. И. Чайковского «Черевички» и других. Образцы выразительного напевного «причитального» интонирования, созданного русскими композиторами, многочисленны: плач Ксении Годуновой и плач юродивого в опере «Борис Годунов» М. П. Мусоргского, хоровые народные причитания в той же опере; плач Ярославны и хоры девушек в «Князе Игоре» А. П. Бородина, хоровой народный плач «Ой ты, месяц светлый, ласковый» в опере «Сказка о царе Салтане» Н. А. Римского-Корсакова и другие.

Глубоко человечная поэтическая традиция народных причитаний, созданная талантом многих тысяч простых женщин, является замечательным разделом богатейшей и многосторонней поэзии русского народа.

К. Чистов

---

[1] Т. В. Попова. Русское народное музыкальное творчество, вып. 1. М., 1955, стр. 101.

И. А. ФЕДОСОВА

И. А. ФЕДОСОВА

Ирина Андреевна Федосова (1831—1899) — крупнейшая русская сказительница XIX века — родилась в д. Сафроново, Вырозерского общества, Толвуйской волости, Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии (ныне Заонежский р-н КАССР) в семье крестьянина Юлина.[1] Ее родители были государственными крестьянами, приписанными к Олонецким горным заводам. Огромная семья, состоявшая из двадцати двух членов, должна была напрягать все силы, чтобы не впасть в нищету. Уже шести лет Федосова, по ее словам, «нá ухож лошадь гоняла и с ýхожа домой пригоняла», «8-ми год знала, на каку полосу сколько сеять».[2] С двенадцати-тринадцати лет Федосова начала «подголосничать» на свадьбах и быстро приобрела известность сперва в окрестных деревнях, а потом и по всему Заонежью. Судя по воспоминаниям современников, Федосова отличалась большой творческой активностью. Записанное от нее составляет лишь незначительную часть того, что было ею создано за несколько десятков лет почти непрерывного творчества.[3]

---

[1] Подробную биографию И. А. Федосовой см.: К. В. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова. Петрозаводск, 1955, стр. 48—163. О репертуаре И. А. Федосовой см. там же, стр. 346—349.

[2] Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. 1. М., 1872, стр. 314—315.

[3] См. Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым, чч. 1—3. М., 1872—1885; О. Х. Агренева-Славянская. Описание русской крестьянской свадьбы, чч. 1—3. Москва — Тверь, 1887—1889. Отдельные тексты опубликованы Е. В. Барсовым в «Олонецких губернских ведомостях»; Ф. М. Истоминым и Г. О. Дютшем в сб. «Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г.». СПб., 1894; А. Н. Толиверовой в журн. «Игрушечка», 1895, № 8 и 9; С. Рыбаковым в журн. «Русская беседа», 1895, № 4.

Первые встречи Федосовой с собирателями-фольклористами относятся к середине 60-х годов. К этому времени она успела овдоветь, выйти вторично замуж и переехать вместе с мужем Я. И. Федосовым в Петрозаводск. В 1865—1866 годах П. Н. Рыбников разыскал ее в Петрозаводске и сделал от нее первые записи. В 1867 году произошла встреча Федосовой с Е. В. Барсовым. В это время Федосовой было всего тридцать шесть лет. Однако Е. В. Барсов считал, что ей по крайней мере лет пятьдесят. Она была уже пожилой женщиной, много и трудно поработавшей, познавшей всю тяжесть положения невестки в патриархальной крестьянской семье. В 1867—1868 годах Е. В. Барсов записал от нее тексты плачей, вошедшие впоследствии в его знаменитый трехтомный сборник «Причитаний Северного края». В 1872 году вышел в свет первый том, содержавший, по определению составителя, «плачи похоронные, надгробные и надмогильные».

Издание первого тома, почти целиком состоявшего из записей от Федосовой, стало значительным событием в литературной и научной жизни того времени. Импровизации Федосовой были восприняты как живое свидетельство активности поэтического творчества русского крестьянства. В газетах и журналах 1872—1874 годов сборник Федосовой был подвергнут оживленному обсуждению, в котором принял участие и орган революционной демократии — журнал «Отечественные записки». Пример революционного истолкования и творческого использования причитаний Федосовой дал Н. А. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Талантливые импровизации Федосовой получили всеобщее признание. Об ее причитаниях писали исследования ученые; известные литераторы черпали в них свое вдохновение (Н. А. Некрасов, П. И. Мельников-Печерский). Однако сама Федосова оставалась по-прежнему безвестной петрозаводской жительницей, обремененной заботами. В 1884 году умер второй муж Федосовой, и она вернулась в Кузаранду в «мужнин угол». Смерть мужа была для нее началом долголетних бедствий, почти нищенства.

Время от времени о ней продолжали вспоминать собиратели. В 1882 году вышел второй том сборника Е. В. Барсова, в 1885 году — третий. В том же 1885 году Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш записали от нее свадебную песню «Пивна ягода по сахару плыла», позднее обработанную М. А. Балакиревым. В 1886 году жена известного певца и организатора одного из первых в России хоров русской песни Д. А. Славянского — О. Х. Агренева-Славянская записала от нее тексты и мелодии свадебных и похоронных причитаний, лирических песен и величальных экспромтов.

Последние пять лет жизни Федосовой — время наивысшей ее славы, когда имя народной поэтессы буквально не сходит со страниц столичных и провинциальных газет и журналов. В 1894 году ее разыскал учитель П. Т. Виноградов, который организовал целую серию ее поездок по городам России (Петрозаводск, Петербург, Москва, Нижний Новгород, Казань). Публичные выступления Федосовой в 1895—1896 годах слушали тысячи представителей русской интеллигенции и «простой» публики. Ее мастерство вызывало восхищение. Социальная острота ее мировосприятия волновала городских слушателей, подобно тому как она волновала «домашних», кузарандских почитателей. Во время поездок она встречалась со многими крупнейшими деятелями русского искусства и литературы 90-х годов — М. Горьким, Ф. И. Шаляпиным, Н. А. Римским-Корсаковым, М. А. Балакиревым, «русской гарибальдийкой» А. Н. Толиверовой (Якоби). Ее слушали крупные филологи того времени — А. Н. Веселовский, Л. Н. Майков, В. Ф. Миллер, А. Н. Пыпин, В. И. Ламанский, А. И. Соболевский и др. Ф. И. Шаляпин вспоминал о ней через три десятилетия в книге «Страницы моей жизни»: «Она (Федосова. — *К. Ч.*) вызвала у меня незабываемое впечатление. Я слышал много рассказов, старых песен и былин и до встречи с Федосовой, но только в ее изумительной передаче мне вдруг стала понятной глубокая прелесть народного творчества».[1] Шаляпин неоднократно сетовал на то, что оперные певицы поют недостаточно выразительно, вместе с тем они мало знают и мало ценят естественную русскую народную манеру пения. «Ведь кто же умеет в опере, — писал Шаляпин, — просто, правдиво и внятно рассказать, как страдает мать, потерявшая сына на войне, и как плачет девушка, обиженная судьбой и потерявшая любимого человека».[2]

Н. А. Римский-Корсаков также живо заинтересовался Федосовой и записал от нее пять песен.[3]

М. Горький неоднократно писал о Федосовой. В очерках 90-х годов он особенно подчеркивал силу и глубочайшую народность ее искусства. «А вопли — вопли русской женщины, — читаем в его корреспонденции с Нижегородской Художественно-промышленной выставки, — всё рвутся из сухих уст поэтессы, рвутся и

---

[1] Ф. И. Шаляпин. Страницы из моей жизни. Автобиография. Л., 1926, стр. 170.

[2] Цит. по книге М. О. Янковского «Шаляпин и русская оперная культура». М. — Л., 1947, стр. 20.

[3] См. В. В. Ястребцев. Мои воспоминания о Н. А. Римском-Корсакове, вып. 2. Пг., 1917. Записи от 9 и 13 января 1895 г.

возбуждают в душе острую тоску, такую боль, так близка сердцу каждая нота этих мотивов, истинно русских, не богатых рисунком, не отличающихся разнообразием вариаций, — да! — но полных чувства, искренности, силы и всего того, чего нет ныне, чего не встретишь в поэзии ремесленников искусства и теоретиков его».[1]

С 1896 года Федосова поселилась в Петербурге, где прожила до весны 1899 года. П. Т. Виноградов, при содействии председателя Песенной комиссии Русского географического общества Т. И. Филиппова, готовил в эти годы, к сожалению так и не осуществленное, трехтомное издание записей от Федосовой. Умерла Федосова 10 июня 1899 года и была похоронена на кладбище при Кузарандской приходской церкви у д. Юсова гора, на берегу Онежского озера.

---

[1] М. Горький. Собрание сочинений, т. 23. М., 1953, стр. 233.

ПЛАЧ О СТАРОСТЕ

Вопит старостиха:

Спаси, господи, спорядныих суседушек!
Благодарствую крестьянам православным,
Не жалели что рабочей поры-времени,
Хоронить пришли надежную головушку —
Уж вы старосту-судью да поставленую!
Он не плут был до вас, не лиходейничек,
Соболезновал об обчестве собраном,
Он стоял по вам стеной да городовой
От этых мировых да злых посредников.
Теперь всё прошло у вас, миновалося!
Нет заступушки у вас, нет заборонушки!
Как найдет мировой когда посредничек,
Как заглянет во избу да он во земскую, —
Не творит да тут Исусовой молитовки,
Не кладет да он креста-то по-писаному;
Не до того это начальство добирается,
До судов этот посредник доступает;
Вопота́й у недоростков он выведыват,
Уже нет ли где корыстного делишечка.
Да он так же над крестьянством надрыгается,
Быдто вроде человек как некрещеной.
Он затопае ногама во дубовой пол,
Он захлопае рукама о кленовой стул,
Он в похо́дню по покоям запохаживае,
Точно вехорь во чистом поле полётывае,
Быдто зверь да во темном лесу порикивае;
Тут на старосту скрозь зубы он срыгается,
Он без разуму рукой ему приграживае,
Сговорит ему посредник таково слово:

«Что на ям да вы теперь не собираетесь?
Неподсудны мировому, знать, посреднику?
Непокорны вы властям да поставленым?
Чтобы все были сейчас же на ям согнаны!»
Как у этых мировых да у посредников
Нету душеньки у их да во белых грудях,
Нету совести у их да во ясных очах,
Нет креста-то ведь у их да на белой груди!
Уж не бросить же участков деревенскиих,
Не покинуть же крестьянской этой жирушки
Всё для этыих властей да страховитыих!
Назад староста бежит да не оглядывает,
Под окошечко скоре́нько постучается
Он у этых суседей спорядовых,
Чтобы справились на ям да суровешенько:
«Как наехала судья неправосудная,
Мировой да на яму́ стоит посредничек,
Горячится он теперь да такову беду!
Сами схо́дите, крестьяна, приузнаете,
Со каким да он приехал со известьицем,
Он для податей приехал ли казенных,
Аль казна его бессчетна придержалася,
Али цветно его платье притаскалося,
Аль козловы сапоги да притопталися?»
Тут на скоп да все крестьяна собираются,
При кручинушке идут да при великой;
Тут посреднику в глаза да поклоняются,
Позаочь его бранят да проклинают.
Возгорчится как судья ведь страховитая,
В темном лесе быдто бор да разгоряется,
Во все стороны быв пламень как кидается,
Быдто Свирь-река посредничек свирепой,
Быдто Ладожско великое, сердитое!
Тут он скочит из-за этого стола из-за дубового,
Да он зглянет тут на старосту немилым зглядом,
Тут спроговорит ему да таково слово:
«Вы даете всё повольку мужикам-глупцам,
Как бездельникам ведь вы да потакаете!
Хоть своей казной теперь да долагайте-тко,
Да вы подати казенные спол̓няйте-тко».
Мужичоночки дробят да всё поглядают —
Ужель морюшко синё да приутихнет,

Мировой скоро ль посредничек уходится,
За дубовыим столом да приусядется?
Буде взыщется один мужик смелугище,
О делах сказать ведь он да всё о праведных,
Уже так на мужика стане срыгатися,
Быдто зверь да во темном лесе кидается;
Да он резвыма ногама призатопае,
Как на стойлы конь копытом призастукае,
Стане староста судью тут уговаривать:
«Не давай спеси во младую головушку,
Суровьства ты во ретливое сердечушко,
Да ты чином-то своим не возвышайся-тко:
Едины да все у бога люди созданы;
На крестьян ты с кулакама не наскакивай,
Знай сиди да ты за столиком дубовым,
Удержи да свои белы эты рученьки,
Не ломай-ко ты перстни свои злаченые;
Не честь-хзала тебе да молодецкая
Наступать да на крестьян ведь православных!
Не на то да ведь вы, судьи, выбираетесь!
Хотя ж рьян да ты, посредничек, — уходишься,
Хоть спесив да ты, начальник, — приусядешься!
Окол ночи мужики да поисправятся,
Наживут да золоту казну бессчетную!»
Сговорит да тут посредник таково слово:
«Да вы счастливы, крестьяна деревенские,
Что ведь староста у вас да преразумной!»
Как уедет тут судья да страховитая,
Сговорят да тут крестьяна таково слово:
«Мироеды мировы эты посредники,
Разорители крестьянам православным,
В темном лесе быдто звери-то съедучие,
В чистом поле быдто змеи-то клевучие;
Как наедут ведь холодные-голодные,
Оны рады мужичонка во котле варить,
Оны рады ведь живого во землю вкопать,
Оны так-то ведь над има изъезжаются,
До подошвы оны всех да разоряют!
Слава богу-то теперь да слава господу!
Буря-падара теперь да уходилася,
Сине морюшко теперь да приутихло —
Нонь уехала судья неправосудная,

Укатилася съедуба мироедная!
Мы пойдемте, мужики, да разгуляемтесь,
Ноньку с радости теперь да со весельица,
Настоялися ведь мы да надрожалися,
Без креста-то мы ему да всё накланялись,
Без Исусовой молитвы намолилися!..»
Как сберутся в божью церковь посвященную
О владычном оны да этом праздничке,
И прослужат там обиденку воскресную,
И как выйдут на крылечико церковное,
И как сглянут во подлётную сторонушку,
Тут защемит их ретливое сердечушко,
Сговорят оны ведь есть да таково слово́:
«Где ведь жалобно-то солнце пропекае,
Там ведь прежняя родима наша сто́рона,
Наша славна сторона́ Новогородская!
Когда Новгород ведь был не разореной
И ко суду были крестьяна не приведены,
Были людушки тогды да не штукавые,
Не штукавы оны были — запростейшие;
Как судьи да в тую пору не моло́дые,
Пожиты да мужики были почетные,
Настойсливы оны да правосудливы,
Были добры у их кони иноходные,
Были славны корабли да мореходные.
Буде што да в прежни вре́мена случалося,
Соберется три крестьянина хоть стоющих —
Промеж ду́-другом оны да рассоветуют,
Как спасти да человека-то помиловать,
По суду ли-то теперечко по божьему,
По этым ли законам праведливыим.
Тыи времечка прошли да не видаюча,
Тыи годы скороталисъ не слыхаюча!
Наступили бусурманы превеликие,
Разорили оны славный Новгород!
Вси тут придались в подсиверну сторонушку
На званы острова да эты Кижские,
Во славное во обчество во Толвую...
Послыхайте словеса наши старинные,
Заприметьте того, малы недоросточки!
Уж как это сине морюшко сбушуется,
На синём море волна да порасходится,

Будут земские вси избы испражнятися,
Скрозекозные судьи да присылатися;
Вси изменятся пустыни богомольные,
Разорятся вси часовенки спасеные!»
Кругом-около ребята обстолпилися,
Как на этых стариков да оглядилися,
Ихних ричей недоростки приослухались;
Кои умны недоросточки, приметные,
Оны этыи слова тут принимали
Об досюльныих законах постоятельных,
Об досюльноем житье новогородскоем.
Сволновалось сине славное Онегушко,
Как вода с песком помутилася!
Тут воспомнят-то ведь малы недоросточки:
«Теперь-нонь да времена-то те сбываются,
Как у старых стариков было рассказано!»
. . . .
Тут мы думали с надежноей головушкой:
«Как пропитывать сердечных малых детушек?
Накопилася станичушка детиная!»
Говорила я надежноей головушке:
«Да ты съезди-ко на малой этой лодочке
Хоть во город да ты съезди Повенецкой,
Наживи да ты, надежа, золотой казны,
Да мы купим-то довольных этых хлебушков,
Мы прокормим-то сердечных малых детушек!»
Как во ту пору теперь да в тое времечко,
Как по этой почтовой ямской дороженке
Застучало вдруг копыто лошадиное,
Зазвонили тут подковы золоченые,
Зазвенчала тут сбруя да коня доброго,
Засияло тут седёлышко черкасское,
С копыт пыль стоит во чистом поле,
Точно черной быдто ворон приналётыват, —
Мировой этот посредник так наезживал!
Деревенские ребята испугалися,
По своим домам оны да разбежалися!
Он напал да на любимую сдержавушку,
Быдто зверь точно на ýпадь во темном лесу!
Я с работушки, победна, убиралася,
Из окошечка в окошечко кидалася, —
Да куда ж мою надежу подевают?

Я спросила у спорядовых суседушек.
Как суседушки ведь мне не объяснили,
Чтобы я, бедна горюша, не спугалася.
На спокой да легли добры эты людушки,
Ужо я, бедна, в путь-дорожку отправлялася,
Чтоб проведать про надежную головушку.
Уж как этот мировой да злой посредничек,
Как во страдную, в рабочу пору-времечко
Он схватил его с луговой этой поженки,
Посадил да он во крепость во великую,
Он на три садил господних божьи де́нечка,
На четыре он на летных эты ноченьки,
Отлучился что без спросу на неделюшку.
Тошно плакали сердечны мои детушки,
Не могла стерпеть, победная головушка,
Я глядеть да на дети́ны горючи слезы —
Я склонилася в тяжелую постелюшку
С-за этого злодия супостатого,
Что обидел нас, победныих головушек,
Присрамил да он при обчестве собраном;
Со бесчестья в лице кровь да разыгралася,
Со стыда буйна головка зашаталася.
Ворочался как надеженька со крепости,
В чистом поле неможенье сустигало,
На пути злодий смерётушка стретала!

. . . .

. . . .

Вы падите-тко, горючи мои слезушки,
Вы не на́ воду падите-тко, не на́ землю,
Не на божью вы церковь, на строеньице, —
Вы падите-тко, горючи мои слезушки,
Вы на этого злодия супостатого,
Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же, боже-господи,
Чтобы тлен пришел на цветно его платьице,
Как безумьице во буйну бы головушку!
Еще дай, да боже-господи,
Ему в дом жену неумную,
Плодить детей неразумныих!
Слыши, господи, молитвы мои грешные!
Прими, господи, ты слёзы детей малыих!

. . . .

ИЗ ПЛАЧА О ПИСАРЕ

Вопит кума:

Отлишилися заступы-заборонушки!
Как не стало нонь стены да городовой,
Приукрылся писаречек хитромудрой
Он во матушку сыру землю!
Вкупе все да мы, крестьяна, сухотуем:
Буди проклято велико это горюшко,
Буди проклята злодийная незгодушка!
Как по нынешним годам да по бедовым
Лучше на́ свет человеку не родитися;
Много страсти-то теперь да много ужасти,
Как больше того великиих пригрозушек!
Наезжают-то судьи да страховитые,
Разоряют-то крестьянски оны жирушки,
До последней-то оны да лопотиночки!
Не дай, господи, на сём да на белом свете
Со досадой этым горюшком возитися!
Впереди злое горе уродилося,
Впереди оно на свете расселилося.
Вы послушайте, народ-люди добрые,
Как, отколь в мире горе объявилося:
Во досюльны времена было годышки
Жили люди во всем мире постатейные,
Оны ду́-друга люди не терзали.
Горе людушек во ты поры боялося,
Во темны леса от них горе кидалося,
Но тут было горюшку не местечко —
Во осине горькой листье расшумелося,
Того злое это горе устрашилося!
На высоки эты щельи горе бросилось,
Но и тут было горюшку не местечко —
С того щелье кременисто порастрескалось,
Огонь-пламя из-за гор да объявилося!
Уже тут злое горюшко кидалося
В окиян сине славно оно морюшко,
Под колодинку оно там запихалося —
Окиян-море с того не сволновалось,
Вода с песком на дне не помутилась.
Как в досюльны времена да в прежни годышки
В окиян-море ловцы да не бывали.

Чего на́ слыхе-то век было не слыхано,
Чего на́ виду-то век было не видано —
Прошло времечка с того да не со много, —
В окиян-море ловцы вдруг пригодилися:
Пошили оны маленьки кораблики,
Повязали оны неводы шелковые,
Проволо́ки оны клали-то пеньковые,
Оны плу́тивца тут клали всё дубовые,
Изловили тут свежу оны рыбоньку,
Подняли во малой во корабличек!
Точно хвост да как у рыбы лебединой,
Голова у ей вроде как козлиная.
Сдивовалися ловцы рыбы незнамой,
Пораздумались ловцы да добры молодцы:
По приметам эта рыба да как щучина.
Поскорешеньку ко бережку кидалися,
На дубовоей доске рыбу пластали,
Распороли как уловну свежу рыбоньку —
Много множество песку у ей приглотано,
Были сглонуты ключи да золоченые!
Тут пошли эты ловцы да добры молодцы
Во деревенку свою да во селение,
Всем суседям рассказалися,
Показали им ключи да золоченые.
Тут ключи стали ловцы да применять:
Прилагали ключи ко божиим церквам —
По церковным замкам ключи не ладятся;
По уличкам пошли оны рядовым,
По купцам пошли оны торговым —
И по лавочкам ключи не пригодилися.
Тут пошли эты ловцы да добры молодцы
По тюрьмам пошли заключевныим —
В подземельные норы ключ поладился,
Где сидело это горюшко великое.
Потихошеньку замок хоть отмыкали,
Без молитовки, знать, двери отворяли;
Не поспели тут ловцы-добры молодцы
Отпереть двери дубовые,
С подземелья злое горе разом бросилось,
Черным вороном в чисто́ поле слетело;
На чистом поле горюшко садилося
И само тут, злодийно, восхвалялося,

Что тоска буде крестьянам неудольная!
Подъедать стало удалых добрых молодцев,
Много прибрало семейных головушек,
Овдовило честных мужних молодыих жен,
Обсиротило сиротных малых детушек!
Уже так да это горе расплодилося —
По чисту полю горюшко катилося,
Стужей-инеем оно да там садилося,
Над зеленыим лугом становилося,
Частым дождиком оно да рассыпалося.
С того мор пошел на милую скотинушку,
С того зябель на сдовольны эты хлебушки,
Неприятности во добрых пошли людушках.

К писарю:

Ты послушай же, крестовой милой кумушко!
Буде бог судит на втором быть пришествии,
По делам-судам душа да будет праведна,
Може, станешь у престола у господнего,
Ты поросскажи владыке-свету истинному
Ты про обчество крестьян да православных!
Много множество е в мире согрешенья,
Как больше того е в мире огорченья:
Хоть повыстанем по утрышку ранешенько,
Не о добрых делах мы думу думаем,
Мы на сонмище бесовско собираемся,
Мы во тяжкиих грехах да не прощаемся!
Знать, за наше за велико беззаконье
Допустил господь ловцов да на киян-море;
Изловили они рыбоньку незнамую,
Повыняли ключи да подземельные,
Повыпустили горюшко великое!
Зло несносное велико это горюшко
По Россиюшке летает ясным соколом,
Над крестьянамы, злодийно, черным вороном,
Возлетат оно, злодийно, само радуется:
«На белом свете я распоселилося,
До этыих крестьян я доступило,
Не начаются обиды, накачаются,
Не надиются досады, принавидятся!»
Как со этого горя со великого
Бедны людушки как море колыбаются,

Быдто деревья стоят да подсушеные,
Вся досюльщина куды да подевалася,
Вся отцовщина у их нонь придержалася,
Не стоят теперь сто́ги перегодные,
Не насыпаны амбары хлеба божьего,
Нет на стойлы-то у их да коней добрыих,
Нету зимных у их санок самокатныих,
Нет довольных-беззаботных у их хлебушков!
Ты поро́сскажи, крестовой милой кумушко,
Ты поросскажи владыке многомилостливу,
Что неправедные судьи расселяются,
Свысока глядят оны да выше лесушку,
Злокоманно их ретливое сердечушко,
Точно лед как во синем море;
Никуды от их, злодиев, не укроешься,
Во темных лесах найдут оны дремучих,
Всё доищутся в горах оны высоких,
Доберутся ведь во матушке сырой земле!
Во конец оны крестьян всех разоряют!
Кабы ведали цари да со царицами,
Кабы знали все купцы да ведь московские
Про бессчастную бы жизнь нашу крестьянскую!

ПЛАЧ ОБ УБИТОМ ГРОМОМ-МОЛВИЕЙ

Соседка к соседям:

Как о светлом владычном божьем празднике,
На ранной на заутрены воскресной
Пресвятой Илья-пророк-свет преподобной
Пролетал он ко престолу ко господнему,
И пророчёт Илья владыке многомилостливу:
«Уж я дам да эту тучу неспособную
Уж я на́ это на чистое на полюшко,
Я стрелу спущу в крестьянина могучего,
Заражу да я грудь-то его белую!
Не могу терпеть велика беззаконья:
Он не ходит-то крестьянин во божью церковь,
Он не молится-то богу от желаньица,
О души своей крестьянин не спахается,
Да он в тяжкиих грехах попу не кается!»

Испрого́ворит владыко-свет тут милостливой
Преподобному Илье да он громовному:
«Что ты хочешь, Илья, — в волюшку всё
творишь!»
Как по этой по разливной красной вёснушке,
На троицкой то было на неделюшке,
Накрывать стала крестьянская работушка,
Стали пахари на поле объявлятися.
Тут повыехал спорядной наш суседушко,
Он в раздольице повыехал в чисто поле,
На эты на распашисты полосушки.
С утра жалобно ведь солнце воспекало,
Была ти́шинка на ши́рокой на уличке;
На часу́ вдруг тут е да объявилося,
Стало солнышко за о́блака тулятися,
Наставала туча тёмна, неспособная,
Со громом да эта туча со толкучиим,
Вдруг со молвией-то тученька свистучей,
Со этыим огнем да она плящиим;
На горы́ шла туча на высокие,
Горы с этой тучи порастрескались,
Мелки камышки со страсти покатилися.
Уже шла да грозна туча эта темная,
По лесам шла она по дремучиим —
Леса к зени с этой тучи приклонилися,
По ко́решку они все приломалися!
Уже так да шла грозна эта тученька,
В темном лесе дики звери убоялися,
По своим местам звери убиралися!
Становилась туча темна на синё море,
Сине море со дна всё расходилося,
Страшно-у́жасно тут море расшумелося,
С луды камни оно тут вырывало,
Волной на берег оно да их бросало;
В синем море белы рыбы убоялися,
По своим станам рыбы разметалися!
По селам пошла туча деревенскиим,
Знать, деревнями-то туча разгремелася,
Мать сыра земля со грому надрожалася;
С тучи добрые дома да пошатились,
Со чиста поля крестьяна убирались,
Во своих домах оны да сохранялись!

С этой страсти крестьяна, с перепо́лоху
Затопляли свечи́ да воску ярого,
Тут молили оны бога от желаньица,
Оны кланялись во матушку сыру землю:
«Спаси, господи, ведь душ да наших грешных,
От стрелы ты сохрани да нас, от молвии,
Пронеси, господи, тучу на чисто́ поле,
На чисто́ поле тучу, за синё море!»
На чисто́ поле тут туча своротилася,
Страшно-у́жасно тут туча разгромелася,
Очень плящие огни да разгорелися;
Всё ведь думал-то спорядной наш суседушко,
Тороко́м да пройде тёмна эта тученька;
Становился под кудряву деревиночку.
Стрела божья тут вдруг да разлетелася,
Не на воду ведь стрелушка, не на́ землю,
Не на звиря в темном лесушке съедучего,
Она пала на суседа спорядового,
Изорвала всё ретливое сердечушко!
Заразил-побил Илья-свет преподобной
Да он славного крестьянина могучего,
Туча темная зараз же уходилася,
Стрела-молвия зараз же приукрылася,
Вдруг поро́спекло тут красно это солнышко.
Как схватилася спорядная суседушка
За свою она надежную головушку:
Где от тучи, от молвьи сохраняется,
Под какой да деревиночкой спасается,
Под малым ли ракитовым под кустышком,
Аль сидит он на катучем белом камышке?
Тут ведь бросилась спорядная суседушка,
По селу она пошла да деревенскому,
Тут в раздольице броси́лась во чисто поле;
Скоро шла да по распашистым полосушкам,
Вдруг увидела ступистую лошадушку,
Доброй конь стоит — головушка наклонена;
Тут ужахнулось ретливое сердечушко,
Не видать да всё надежноей головушки!
Тут глядеть стала по чистому по полюшку,
Как зглянула на курчаву деревиночку,
Стоит деревце теперь — в щепу разломано,
Ко сырой земле ведь деревце приклонено;

Тут бросилася к кудрявой деревиночке,
Как лежит ейна надежная головушка,
На матушке лежит да на сырой земле,
Бела грудь его стрелой этой прострелена,
Ретливо сердце всё молвией разорвано,
Белы рученьки его да пораскинуты!
Задрожала тут победная семеюшка,
Испугалася надежноей головушки —
Нету душеньки его да во белой груди,
Нету зренья у его да во ясных очах,
Во устах его язык да не воротится,
Как убит лежит надеженька подстреленной,
От страсти он, надежа, тучи темной!
Воротилася победная суседушка
Она взад да во село тут деревенское,
Со раздольица, победна, со чиста поля,
Объявила тут суседам спорядовым,
Как наделала тревоги всему обчеству,
Беспокойства-то крестьянам православным!
Караул да к телу мертву полагали,
К становому тут нарочных отправляли.

Ко вдове — жене убитого:

Ты послушай, спорядовая суседушка:
По суду ли то теперичко по божьему,
По веленью ли то нунько по господнему,
Было множество народу на чистом поле;
Как увидли темну тучу неспособную,
По своим домам тут все ведь убиралися!
Твоя милая надежная головушка
Супрстивник, знать, владыке многомилостливу,
Он с бахвальства во чистом поле остался,
Со белым светом ведь он да порасстался,
Как убиту эту смерть он получил!
Душа грешная пошла без покаянья,
Телеса его лежат без поминанья,
Не придают да их ко матушке сырой земле!
Приедут как судьй неправосудные,
Будут па́трошить надежную головушку,
По частям резать, по мелкиим кусочикам!
Как распорют его грудь да эту белую,

Как повынут-то сердечушко ретливое —
У тебя тут, у печальной у головушки,
Обмирать да стане зяблая утробушка,
Будет жаль-тошно надежной головушки!
Ты послушай же, спорядная суседушка:
Не жалий, бедна, любимоей покрутушки,
Заложи снеси крестьянину богатому,
Ты проси да золотой казны по надобью,
Запродай свою любимую скотинушку,
Набери да золотой казны бессчетной.
Как приедут дохтура да славны лекари
Как со этого со города Петровского,
Попроси да, бедна, добрыих ты людушек,
Своих сельских проси, бедна, начальничков,
Писарёв проси, победна, хитромудрыих,
Чтоб вступились по победной головушке,
Уговорили б дохтуров да оны лекарей,
Задарили б золотой казной бессчетной,
Чтоб надеженьку твою не патрушйли,
Чтобы белой его груди не пороли,
Чтоб сердечушка его не вынимали,
Чтоб назолушки тебе не надавали,
Чтобы прйдали ко матушке сырой земле
Телеса-то бы его да без терзанья!
Не убойся ты, спорядная суседушка,
Говори, бедна горюшица, смелёшенько,
Ты корись, бедна, с великоей обидушкой,
Ты упрашивай, победна, с горючмы слезмы;
Може, сдобрятся судьй неправосудные!
Ты сули им золотой казны по надобью,
Вопотай сули, без добрых ты без людушек,
Тут озáрятся оны на золоту казну;
Как дают оны ведь, може, приказанье
Сколотить эту колоду белодубову,
Приубрать твою надежную головушку
И покрыть да этой матушкой сырой землей!
Тут зови, бедна спорядная суседушка,
Как попов-отцов зови, бедна, духовныих,
Зазови, бедна, служителей церковных.
Вы возьмите-тко со чистого со полюшка
Вы во свой дом тело мертвое-убитое,
Сокрутите в тонко бело полотенышко, —

На сдивленьице ведь добрым столько людушкам,
На среканьице спорядныим суседушкам!
Он не вор, кажись, был, не мошенничек,
Он не плут, кажись, был, не разбойничек,
Не хлопотной был в суседах спорядовых;
Уж какой да тяжкой грех вы сочинили,
Что разгневался владыко многомилостливой,
Он не спас его от грому да от молвии,
Не помиловал от тученьки от грозной?
Еще слушай-ко, спорядная суседушка,
Ты схоронишь как надежную головушку,
Ты во матушку схоронишь во сыру землю,
Ты во погреба опустишь во глубокие,
Постано́вится крестьянска вся работушка
У тебя да у печальной тут головушки,
Разорится дом, крестьянска вся ведь жирушка!
Будешь слыть, бедна кручинная головушка,
Ты бобылочкой, победна, сиротиночкой;
Вдруг отстанешь от участков деревенскиих,
Отлишишься от луговыих от поженок!
Ты воспомнишь свет надежную головушку,
Ты поплачешь на раздолье на чисто́м поле,
Потоскуешь ты, победна, в зеленых лугах!
Ты послушай, спорядовая суседушка:
Не впадись в тоску, великую кручинушку,
Не забыдь своей надежноей головушки,
Ты зови, бедна, попов-отцов духовных,
Поминай часто любимую семеюшку!
Знаем-ведаем, спорядны мы суседушки,
Была в живности твоя да как надеженька,
Вы не знали, спорядовые суседушки,
Вы ни светлого Христова воскресеньица,
Ни владычного господня божья праздничка;
Да вы в божью ведь церковь не ходили,
Да вы господу-владыке не молились,
Всё ведь гнались за крестьянскоей работушкой;
Удивлялись многи добрые вам людушки
И срекались спорядовые суседушки
Уже вам да всё победным головушкам!

. . . .

ПЛАЧ О ПОТОПШИХ

Дочь вопит:

Снарядились мы за славное Онегушко
Во утлой малогребной этой лодочке,
С суседямы, бессчастны, не простилися,
Милосердому владыке не молилися,
Воску ярого свечей не затопляли,
Знать, судинушка по бережку ходила.
Страшно-у́жасно голосом водила,
Во длани судинушка плескала,
До су́женых голов да добиралась!
Тут от бережка, победны, откачнулися,
От крутого мы, бессчастны, отпихнулися,
В руки брали мы весёлышка дубовые,
Отправлялися за сине это морюшко.
Выезжали как на славное Онегушко,
Повевать стали ветрышки способные,
И мы мачты тут дубовы становили,
Тонки белы паруса мы распустили;
Вдруг по нашему великому несчастьицу,
По судьбы, видно, нашей бесталанной,
За тяжкое велико согрешенье,
По божьему господню повеленью
С-под холодной с-под сиверной сторонушки
Вдруг о́блака скорёшенько сходилися,
Наставала туча тёмна, неспособная,
Без дождя туча тёмная, без молвии,
Подымалася погода непомерная!
Вкруте буйны эты ветрышки завияли,
С торокамы эты ветры да ведь с западом;
Со хоромышков соломы посрывало,
Со могилушек кресты все сокидало,
На синём море вода вдруг сколыбалася,
Очень страсть как волна-то расходилася,
Пошла россыпь на синём море великая;
Тут дубова эта мачта приломалась,
Мала лодочка у нас да сколыбалась,
И склянёшенько воды тут наливалося;
Добры людушки во лодочке спугались,
Дубовые весёлки с рук повыпали.
С этой страсти великой, с перепо́лоху

Мы с ду́-другом народ ведь не простилися
И ясных своих оч да не крестили;
Мы не знали того сами, добры людушки,
Как смахнуло середи эта Онегушка
Во этую воду во глубокую!
Утонул отец с дитем да со родимым,
Он со малым своим да недоросточком!
Едина́, бедна дочи́, я оставалася,
На синем море, девица, я шаталась,
Трои суточки, победна, колыбалась,
Со слезамы тут молитовку творила,
Со горючима пречистой богородице:
«Ты спаси меня, царица-свет небесная!
Сохрани меня, Микола многомилостливой!
Буйны ветры в чистом поле укротились бы,
На синем море волна да уходилась бы!
Да ты дай-ко теперь, боже, дай-ко, господи,
Тиху тишиньку на синем на Онегушке,
Благодать да ты на круглом этом морюшке,
Мала лодочка теперь бы не шаталася,
Уже я, бедна девица, не пугалась бы;
Хоть прибило бы малу эту лодочку,
В острова хоть прибило не в бывалые,
В берега бы стащило́ незнакомые!»
С этой страсти у меня, с перепо́лоху
Обмирае моя зяблая утробушка,
Изменилось у победной бело личушко,
Красота с лица дево́чья потерялася
У мня сто́ячи во малой утлой лодочке!
За эту за дубовую оклочинку
Перетерло у мня тонки белы пересκи,
Приотерпли тут девочьи белы рученьки,
Приозябли у меня резвы эты ноженьки,
Задрожалося ретливое сердечушко!
От тошна горя, горюша, стала плакать,
Стала думать я, бессчастна, своим разумом,
Поклонюсь на все четыре на сторонушки:
«Ты прости, прости теперь, да белой светушко!
Ой ты красное прости да ноньку солнышко!
Ты прости меня, родимая сторонушка!
Отдали́ прости, родитель моя матушка!
Вы простите, спорядовые суседушки!

Тайны милые простите, поровечнички!
Друг-советные, простите, мои по́дружки!
Ты прости, да на бело́м свете живленьице!
Прости, господи, во тяжком согрешеньи!
Знать, судьба меня, девицу, повзыскала,
Для меня, видно, погода поднималась,
На синем море волна да сколыбалась,
Едина́ я в малой лодочке осталась!»
Сговорю еще единое словечушко,
Сотворю да я Исусову молитовку,
Да я крест кладу, победна, по-писа́ному:
«Ты повыручи̑, владыко многомилостливой,
Ты повыздынь-ко, победну, со синя моря,
Не придай мне-ка смерти ты напрасной!
Буде, господи-владыко-свет, помилуешь,
Я ходить стану во церковь посвященную,
Я к заутреням ходить да ко воскресным,
Я к обиденькам ходить да ко Христовским,
По вечеренькам ходить буду по троицким,
По измоге я свечи́ да ставить ярые;
Запродам да я любимую покрутушку,
Я придамся ко крестьянину богатому
Я во летные ему во работнички,
Я во зимные ему во коровнички,
Я возьму да золотой казны бессчетной,
Попрошу да я попов-отцов духовных,
Я служителей, победнушка, церковных,
Прослужу да я молебен богородице,
Я другой да тут владыке многомилостливу,
Отложу да я гульбища со весельицем,
Отменю да тихомерны все беседушки,
Я заброшу все унылы эты песенки!»
Как на синем море, победнушка, шаталась,
Много страсти я, победна, привидала,
Много страньства я, победна, притерпела!
Не радию я, победна, во добры люди
Этой страсти я великой на синём море,
День и ночь да в малой лодочке шатаюча!
Знать, молитовки ко господу доходные,
Сожалела пресвята мать богородица,
Стала тишинька на синем на Онегушке,
Белой свет да стал на широкой на уличке;

Мала лодочка ведь вдруг да становилася,
К круту бережку она да пришатилася!
Я никак да не могу тут образумиться,
Взять я ум-разум во буйную головушку,
Уже так, бедной горюше, мне всё кажется,
Быв на синем я на славном этом морюшке!
Тут Исусову молитву сотворила,
Я на крутой, красной берег выходила,
Я сама того, победна, раздивилася —
Знать, по моему девочьему моленьицу,
По владыкину, знать, нонь благословленьицу
Вдруг прибило тут ко крутому ко бережку!
Я гляжу, бедна горюша, приодумалась,
За како ж да это место незнакомое?
Уж я вовеки ведь здесь не бываюча!
Тут я села на катучий белой камышек,
Я под этот под ракитовой под кустышек,
Я схватилась за родителя за батюшка,
Я за светушка-братца за родимого:
Во синём море оны, може, шатаются?
Пораздумаюсь победным своим разумом!
Я пойду да по дубравушке зеленой,
Я по темной этой роще по еловой,
Я вокруг пойду по крутому по бережку,
Я глядеть стану на все на три-четыре
на сторонушки;
Примечать стану, печальная головушка,
Я по буйному глядеть стану по ветрышку,
Я по облачкам глядеть стану ходячиим,
В день по красному смотреть буду по солнышку:
С какой стороны ведь ветры развеваются?
Куды темные леса да нагибаются?
В кою сторону идет да красно солнышко,
От востока ли оно идет ко западу?
Далеко ль моя родимая сторонушка?
Вокруг острова пойду я красным бережком,
Призагрию эты резвы свои ноженьки,
Размaну да я бессчастны свои рученьки.
Распеки, да теплое красное ты солнышко,
Обогрей мое бессчастно ретливо сердце,
Ты девочьи победны мои плечушки!
Обумись, моя бессчастна буйна голова!

Оглядитесь нá свет, ясны мои очушки!
Повзыскать пойду родителя я батюшка,
Во-вторых да светушка братца родимого,
Я сердечного повозничка любимого:
Не прибило ли ко крýту красну бéрежку?
Погляжу, бедна кручинная головушка,
Межу этыма катучима я камышкам,
На камышке ль оны да не терзаются?
У бережка оны да не качаются ли?
Черны вороны телесов их не таскают ли?
Собаки ихны костья не волочат ли?
Во тяжкиих грехах без покаяния
Оны приняли смеретушку напрасную!
Телеса у их пойдут без погребения,
Не придáны ко матушке сырой земле!
Призавие буйным ветрышком,
Призагрие красным солнышком,
Западет тело снежочиком перистым!
Не знаем мы, победные головушки,
Ни умершей мы ихной там могилушки!
Лучше дал бы господь скорую смерётушку
На своей белой брусовой им на лавочке,
Во своем доме, крестьянской бы во жирушке;
Мы попов-отцов ведь тут да попросили бы,
В божью церковь посвященну мы сносили бы,
Честно-именно ведь их похоронили бы!
Мы бы знали, где могилушка умершая,
На владычной божий праздничек сходили бы!
Спомянули тут мы их да попахали бы!

. . . .

Я пойду еще, печальная головушка,
Я по славному по крýтому по бережку,
Я глядеть стану, сиротна красна девица,
Малых лодочек на синем на Онегушке,
Я ловцов глядеть на луды на подводной;
Я кричать буду, горюша, тухлым гóлоском:
«Не убойтесь-ко, народ, не устрашитесь-ко,
Вы возьмите сироту да переймите-тко,
Души спасенье своей да залучите-тко!»
Знать, по моему талану по великому
Вдруг захлопали весёлышка дубовые,
Показалась малогребна эта лодочка;

Вдруг наехали ловцы да добры мо́лодцы.
Хоть ко бережку оны да становилися,
Оны в лодочке стоят да устрашилися,
На меня, бедну горюшу, оглядилися.
Сговоря́т да тут ловцы-то добры молодцы:
«Уже что это за чудо обчудилося,
Человек стоит на кру́том этом бе́режку!
Что ведь горькима слезама уливается,
Что великой кручиной утирается?»
Тут повышли-то ловцы да добры молодцы
Со этой малогребной оны лодочки,
На этот на кру́той красной бе́режок.
Тут я пала, горюша, о сыру землю,
Приклонилася, победна, во резвы ноги,
Стала клубышком во ноженьках кататися,
Стала червышком, победнушка, свиватися,
Горючима слезмы да их ножки обливать:
«Не убойтесь-ко, народ, да не страшитесь-ко,
Вы возьмите сироту да переймите-ткось,
Вы свезите-тко в какое е селенье!»
Оны подняли, победну, от сырой земли,
Стали спрашивать, победнушку, выведывать:
«Ты откуль взялась теперь да с кем ты ездила,
Вы за красныма ль поехали за ягодмы?»
Отвечала я, победна, слезно плакала.
Говорят еще ловцы да добры молодцы:
«Ты давно ль взялась на кру́той здесь на бе́режок?»
«Уже слушайте, народ да люди добрые,
Вы повирьте-тко победной мне головушке:
Я не знаю-то, победная, не ведаю
От толку сказать, победна, по-хорошему!
Не за красныма поехали за ягодмы,
Мы отправились за сине за Онегушко
Со родителем своим я со батюшком,
Во-вторых да со братцем со родимым,
Как в-третьи́х да я с суседом спорядовым.
Вдруг по нашему великому несчастьицу,
Как по этому злодийну бесталаньицу,
Вдруг поднялася погода непомерная,
Призавияли тут буйны столько ветрышки,
Потопило всех победных головушек,
Милого спорядного суседушка,

Желанного родителя-батюшка,
Сердечного света братца родимого!
Я не знаю-то, бессчастная головушка,
Уж я как спаслась, победна, сохранилась;
Трои суточки шаталась во Онегушке;
Знать, не сужено, победной мне головушке,
Потонуть да мне на синем на Онегушке!
Малу лодочку теперь да пришатало,
К круту бережку ведь ю да прибивало!
Сохранил меня господи, помиловал
От беды-смерти, победнушку, напрасной,
От воды меня, горюшу, от глубокой!
Кабы знали про то, светушки, бы ведали,
Сколько страсти приняла я, сколько ужасти!
Вы возьмите-тко скорее, люди добрые,
Переймите-тко, ловцы да добры молодцы,
Вы во эту малогребну меня лодочку, —
Холоднёшенька, победна, голоднёшенька!»

. . . .

Меня взяли тут ловцы да добры мóлодцы
Во эту малогребную во лодочку.
Отвезли меня за синее Онегушко,
На милую родимую сторонушку.
Удивилися народ да люди добрые,
Устрашалися суседи спорядовые:
«Это что теперь за чудо причудилося?
Со синя моря ведь диво объявилося,
Как со мертвых она да восставала,
На родимую сторонку доставалася!»
Все собралися суседи спорядовые,
Объявили тут властям да оны сельскиим;
Приходили писаречки хитромудрые,
Садилися к столу да ко дубовому,
Вынимали лист бумаженьки гербовой,
Меня спрашивать тут стали да выведывать:
«Где тонули ведь вы е да во синём море?
Да ты как, красна девица, оставалася,
На синём море ты в лодке сохранялася?»
Допросушки от бедной отбирали,
На гербовой лист бумагу обчинили
И становому то начальству доносили.
Тут боялася, победнушка, полóхалась —

Как прииде становой да всё начальничек,
Он куды кладет победную головушку?
Меня сóшлют со родимой, може, родинки;
Буду странствовать, победна, слезно плакать?
Уж как я, бедна, кручинная головушка,
По горям теперь, победнушка, по пóзорам,
По допросам-то пошла да по великиим!
Умом-разумом ведь наб да применитися,
Наб стоять да пред начальством мне шататися,
Говорить надо, победной, не мешатися.
Отвечать буду, победна, таково слово:
«Я не знаю ведь, горюшица, не ведаю,
Уже что да ведь над нама сочинилось!
Буйны ветрышки ведь е да поразвиялись,
Уже вкруте тут волна да расходилася,
Пал ведь тóрок теперь да неудольной,
Сильной сивер-то завиял тут свирепой,
Мала лодочка у нас да сколыбалася,
Дубовá мачта на ней да приломалася,
Тонки белы паруса вдруг обрывалися,
Утонул да тут родитель милой батюшко,
Света братца тут смахнуло буйным ветрышком
Середи да синя славного Онегушка,
Тут же сбросило спорядного суседушка,
Их смахнуло разом в водушку глубокую!
Я сама себя, победнушка, не знала,
Уж я как да на синём море спасалась,
Трои суточки я без вести качалась;
Тут прибило ко крýтому ко бережку,
К темну острову меня да не к бывалому;
Тут повышла я на матушку сыру землю,
Я на этот на крутой красной бéрежок;
Тут приехали ловцы да добры молодцы,
Отвезли меня, сиротну бедну девушку,
На родимую меня да на сторонушку;
Спорядовые суседи собиралися,
Дива дивного оны тут дивовалися,
Сожалили все печальную головушку!
Ты помилуй-ко, судья да правосудная!
Ты спаси меня, власть да милосердая!
Не молила я родителю погибели,
Не топила света братца я в синём море,

Не спустила я суседа в глубоку воду;
Знать, судьба да их такая сустигала,
Их судинушка голов да повзыскала!
По владыкину господню повеленью,
Знать, им сужено ведь смерть принять
потопная,
Потонуть да, знать, им сужено в синём море!
Я не знаю же, победнушка, не ведаю,
Може, при́било где к кру́тому ко бережку,
Телеса, може, на камышках терзаются,
Може, птиченька ведь их да натаскается!
Смилосердуйся, судья да правосудная!
Не изъянь-ко ты победную головушку,
Не зори меня, сиротну красну девушку!
У мня нет да золотой казны бессчетной,
Нету скатных, перебраных отдать жемчужков,
Задарить тебя, судью неправосудную!»
Не остра́стил-то начальник, не споло́хал,
Потихошеньку подпал он к красной девушке,
Не свирепо он со мной да разговаривал,
Он погладил-то по младой по головушке,
Умильнёшенько меня да он выспрашивал:
«Ты по своему скажи да по девичеству,
По души скажи теперь да ты по правдушке.
Ты о страсти своей да скажи у́жасти,
Что случилося у вас да сочинилося?»
Удивился он судьбы моей несчастной.
Сговорил он мне, победной, таково слово:
«Верно, господу молилась от желаньица,
Богородице молилась с горючмы слезмы,
Не соробела печальна, не сполохалась,
Ты шатаюча на синем на Онегушке!
Уж как этыма темныма-то ноченькам,
Торок-буйны очень ветры развеваются,
Страшно-у́жасно вода да колыбается,
Шибко лодочка теперь да расшатается;
Ты держалась за дубовую оклочинку,
Перетерло твои белы эты рученьки!»
Сговорил да становой еще начальничек,
Он народу сговорил да людям добрыим:
«Да вы съиздите за сине за Онегушко,
Поищите телеса да там бездушные,

Буде на́йдете потопных — схороните-тко,
Телеса да ко сырой земле предайте-тко!»
. . . .

К соседям:

Вы послушайте, спорядные суседушки:
Как сегодным, учетным долгим годышком
На наше на хоромное строеньице
Прилетела лесова птица незнамая,
Как садилась на хоромное строеньице,
Она укала-то, птица, по-звериному,
Как свистала эта птица по-змеиному!
Уж мы тут, бедны горюши, устрашилися,
Темной ночью от крепка сна прохватилися:
«Это что у нас за зверь да сидит у́кает
И стращат да нас, победныих, полохает?»
Всё я думала победным своим разумом:
Знать, беда приде победным нам напрасная,
Пожар там на хоромное строеньице
Либо мор да на любимую скотинушку!
Не начаялась, победна, не надиялась
Я над милым родителем, над батюшком;
Я не думала про братца про родимого,
Что потоп буде на синем на Онегушке!
Нонь у нас да у печальныих головушек
Така да е обидушка несносная!
Не радела бы, обидна красна девица,
Я бы во́ропу, победна, во темных лесах,
Не радела бы суседям спорядовым
Я потопу бы на синем на Онегушке!
Я привидела, победна, много горести,
Натерзалася, победна, нашаталась,
Со белым светом, победна, напрощалася!
Я не думала, бессчастна красна девушка,
Что быть да мне, победной, на святой Руси,
Что ходить, бедной горюше, по сырой земле!
Нонь судил да боже-господи
Мне-ка быть да на родимой на сторонушке,
Во победном во сиротском теплом гнездышке,
На своей мне-ка брусовой белой лавочке!
Знать, подружки обо мне да помолилися,
Видно, девушку меня да пожалили!

Вы послушайте, народ да люди добрые,
Подойдите-тко, души да красны девушки,
Да вы ставьтесь-ко под праву ко мне рученьку!
С этой страсти у меня да с переполоху
Буйна голова, у беднушки, не гладится,
Прядка с прядкой в русой косы не сплетается,
Побусили жемчуги да перебраные,
Изоржавели колечка золоченые!
Быв с того свету, горюша, объявилась,
Со синя моря, горюша, выставала!
Не дай господи того да на белом свете
Уже быть да ведь на страсти такой у́жасти!

К матери:

Ты послушай же, родитель моя матушка!
Хоть меня да ты, родитель, спородила,
Во бессчастной день, победнушку, засияла,
Ты не участью-таланом наделяла;
Приносила хоть в хоромное строеньице,
Не в большой угол меня да полагала,
На кирпичную, знать, печеньку ложила
И сосновую лучину подстилала,
Тут великиим бессчастьем награждала!
Столько жаль бедной горюше мне, тошнешенько,
Великого родительска желаньица,
Светушка братца родимого
И милого спорядного суседушка!
Как могучий я был бы богатырь,
Кабы силушка была у мня звериная,
Потяги да у мня были лошадиные,
Накатала бы катучих белых камышков,
Загрузила бы я славное Онегушко!
На синём море волна бы не сходилася,
Со желтым песком вода бы не мутилася,
Малогребных этых лодок не шатало бы,
Тонких белых пару́со́в не обрывало бы,
Бесповинных голов да не топило бы,
Уж как мужниих бы жен да не слезило бы,
Сирот малыих детей не оставляло бы!
Теперь всё прошло у нас да миновалося,
Со тоской-горькой кручиной я позналася,
Талан-участь на синём море оставила,

Мое счастье в синем море утонуло всё;
Нонь решилося великое весельице,
Миновалося любимо доброумьице!
Надо слыть да бедной дочери безотней,
Как печальной сестры да мне безбратней,
Нонь не красит-то любимая покрутушка,
Не цветет да на мне цветно это платьице!
Как не жемчужком головка изнасияна —
Великоей кручинушкой наделена,
Ясны очушки не сахаром насыпаны —
Горючима слезамы принаполнены!
Не несут меня, печальной, ножки резвые
Уж как на́ этот на кру́той красной бе́режок,
Не глядят мои бессчастны очи ясные
На синее на славное Онегушко!
Не радию я, победная головушка,
Уж я добрым, горюша, столько людушкам
Ходить-ездить-то теперь да по синю морю
Во этых малогребныих во лодочках!

ИЗ ПЛАЧА О ПОПЕ-ОТЦЕ ДУХОВНОМ

Вопит соседка:

Как сегодня, сего де́нечка,
Сего де́нечка господнего,
Что за чудо причудилося,
В мире диво предъявилося:
Уж как звон теперь мешается,
Церковь божья-то шатается;
Наш священник тру́дным трудится,
С белым светом расставается.
Во обиды тут крестьяна собираются,
Межу собой оны да думу думают:
Уже нет, да такова попа не видано,
Больше не́ видать священника хорошего!
Не упьянслива он был да поп головушка,
Примерная душа, благочесливая;
Он рачитель до участков деревенских был,
Всегда кехтал на крестьянскую работушку!

Как на чистых он полюшках похаживае,
Так подрясничек от ветрышка подмахивае.
Он старатель был до церквы богомольной,
Он служил всегда обидни-то по правилу,
Он заутрены по божьим по законам;
Начало полагал он по-писаному,
Божью книгу читал да умильнешенько;
Здымал рученьки он свыше го́ловы,
Всё молился о нас да он о грешных;
Как головушка его да посвященная,
Права рученька его благословленная.
Он предоброй был отец да поп духовной:
Что случится ли при труднoей постелюшке
Аль тяжелая родимица объявится,
Хоть там по́шлют недоростка невеликого,
Среди да этой темной пошлют ноченьки,
Беспокоят хоть попа-отца духовного,
Поскореньку от крепку сну пробужается,
Суровешенько в одежу одевается,
По закону-то берет ризу священскую,
По читанью-то берет да книгу божью;
Приезжает он, священник, середи ночи,
Говорит этот священник потихошеньку,
Отпирает он книгу полегошеньку;
Буде малой тут благоденец тяжелёшенек,
Проведет да он в веру во крещенскую,
Во крещенскую он веру христианскую.
Говорят да тут крестьяна православные:
«Спаси, господи, попа-отца духовного,
Что трудился он во темной этой ноченьке,
Не страшился ни погоды он, ни па́дары».
Заносило хоть путь-ши́року дороженьку,
Хоть проезду нет во санках самокатныих,
Он закону-то, отец, не поступае,
Середи ночи крестьян да он ведь слушае.
Буде что да у крестьянина случилося,
Хоть беда ему на грех да сочинилася,
Он к духовному отцу тут приезжает,
Сговорит ему крестьянин таковую речь:
«Куды хошь клади, отец да поп духовный,
У нас теперь незгодушка случилась,
Мало дитятко на лавочке убило́сь!»

Стане по́ избы священничек похаживать,
Он не грубно-то, священник, выговаривать
И с простым-то мужичком да разговаривать:
«Вы как это дите не досмотрили?
Со белых ли вы рук да уронили?
Говори да ты, крестьянин, не мешайся-тко,
Ты попа-отца, меня, да не пугайся-тко,
Ты скажи да мне по правде всё, по истине,
По закону ты скажи да всё по божьему,
Ты отцу да мне не скройся-тко духовному!»
Говорит да тут крестьянин православной:
«На работе в то я время прилучился,
Ко мне детушки во поле прибежали,
Потихошеньку про горе рассказали;
Я пришел как во хоромное строеньице:
Стоит мать да над дитем тут погибае,
Сама горьки она слезы проливае!»
Воспрогово́рит же поп-отец духовной:
«Что поделаем, крестьянин православной,
Мне-ка жаль тебя, дите мое духовное,
Ужо как тебя будет сохранити,
От великоей беды мне оградити?
Не проведали б судьи неправосудные,
Про твою беду-незгоду про великую!»
Тут крестьянин ему в ноги поклоняется,
Испрого́ворит ему да таково слово:
«Сохрани да нас, батюшко, помилуй,
От изъяну, от напасти от великой,
От судей нас сохрани неправосудныих!»
Говорит да тут поп-отец духовной:
«Снаряжусь к вам во хоромное строеньице,
Возьму книгу я под правую под пазушку,
Во леву руку я тросточку камышеву».
И скоренько сам подрясник накидае,
Он поповску черну шляпу надевае,
На добра коня священничек садится
И попрежде в путь-дорожку поспешает,
Вперед-то едет крестьянина он бедного;
Приезжает ко крылечику скорешонько,
Проходит во коромное строеньице,
Уж он крест кладё, священник, по-пиcа́ному,
Он поклон ведё, священник, по-ученому,

Поклон первой пресвятой да богородице,
Он еще поклон большухам подомовым;
И сговорит да тут священник таково слово:
«Вы заприте-тко двери поскорешенько,
Вы издуйте огонька да суровешенько,
Затопите-тко свечу да воску ярого:
Быдто дитятко буде исповедано».
Говорить стане священник, всё наказывать,
Потихошеньку ведь нас да уговаривать:
«Вы не бойтесь-ко, крестьяна, не поло́хайтесь;
Уж дам вам свое рукописание,
Я избавлю от напасти страховитой,
От убытку, от изъяну от великого!»
Тут прознали то судьи неправосудные,
Пришел староста теперь да со рассыльными,
С писаречком пришел он с хитромудрыим,
Стали спрашивать оны, с ума выведывать:
«Что сдиялось у вас да сочинилось?
Не болело у вас дите, не хворало,
Ужо как да у вас вскоре оно по́мерло?
Говорите-тко вы нам да не маните-тко!»
Тут стращать стали крестьянина, поло́хать:
«Донесем да мы начальству про то высшему!»
Задумался крестьянин православной,
На священского попа он опирается,
Уже этой он бумагой оправдается.
Сговорит еще власть немилосердая:
«Ты купи нам полуштоф да сладкой водочки,
Уже дай да золотой казны по надобью,
Тут повирим мы попу-отцу духовному,
Мы забросим все дела да уголовные!»
Тут поит их крестьянин сладкой водочкой,
Он дарит их золотой казной по надобью;
Запоходят мироеды голопузые
Со этого хоромного строеньица.
Сговорит да тут крестьянин со большухами:
«Спаси господи попа-отца духовного,
Что сохранил да от беды он нас помиловал,
Что придал он ума-разума в головушку!»

. . . .

В конце отпевания:

Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
Много-множество попов стоит духовных,
Еще больше е причетен-то церковных;
Все сокручены во ризах во опальныих,
Погребеньице поют да унылынешенько.
На гробу да эта риза золоченая,
На белых грудях книга эта божья,
Кругом-на́окол подсвечники злаченые,
Все зажганы свечи да там наместные,
Много-множество народу людей добрыих
Сожалиют-то попа-отца духовного;
Все забросили крестьянскую работушку,
Проводить пришли служителя церковного.
Вы простите-тко, мир да всё вы обчество,
Вы простите-тко попа-отца духовного!
Во подсвечниках свечи́ уж потухают,
Херувимские стихи уж допевают;
Все попы-отцы теперечко прощаются,
К телесам оны его да прилагаются!..

. . . . .

ПЛАЧ ОБ УПЬЯНСЛИВОЙ ГОЛОВУШКЕ

Жена покойного вопит:

Как вчерашним-то господним божьим де́нечком
У этой божьей церкви посвящённой,
У матушки пречистой богородицы
Был владычной-то господень божий праздничек,
Собиралися народ да люди добрые,
Соезжалися вси сродчи-милы сроднички.
Мы повыстали по утрышку ранешенько,
Уж я стряпала стряпню тут суетливую,
Да я ладилась к владычному ко праздничку.
Я спросилась у любимоей семеюшки.
У пристаршей богоданной в доме матушки,
Тут давалася, печальная головушка,
Я у упьянсливой надежноей сдержавушки

Ко моей милой сестричушке родимой:
«Ты возьми меня, печальную головушку!»
Говорила мне упьянслива головушка:
«Рано ладишься к владычному ко праздничку,
На брусовой поостанешься на лавочке!»
Уж он впряг скоро ступистую лошадушку
Он во этыи во санки самокатные,
Он не взял меня, печальноей головушки,
Погостить да ко сестричушке родимой,
Повидаться мне, победной, с родом-племенем!
Поосталась во хоромном я строеньице,
Шла я заперла воротичка дубовые,
Да и села на брусовую на лавочку,
Тут под малое косевчато окошечко,
Я глядеть стала на широку на уличку,
Я смотреть да на спорядныих суседушек —
Поезжают как в снарядноей покрутушке
Уж как добрые жены со мужёвьями;
Я раздумалась, победна, порасплакалась,
Под косевчатым я сидячи окошечком,
Под туманноей стекольчатой околенкой;
Тут я тяжкого греха-то залучила,
Мужу скорую смеретушку молила.
Не сдивуйте-тко, народ да люди добрые,
Помолила что я скороей смеретушки
Удолила всё тоска меня великая,
Ушибать стала злодийная кручинушка;
Хотя ж не взял ко владычному ко праздничку,
Не для праздничка, горюша, заобиделась,
Не для гостьица, горюша, закручинилась.
Вы подумайте, народ да люди добрые,
Вы поверьте-тко победной мне головушке:
Я с досадушки словечко сговорила!
Не дай боже ведь того, да боже господи,
Не радию многим добрыим я людушкам
Столько жить да ведь за горькима за пьяницам!
Уж как я жила, печальная головушка,
За безумной за надежноей державушкой,
По царевым кабакам да находилася,
У питейных я домов да настоялася,
Я за выручку глядела-надрожалася,
Назвалась свою надежицу, накланялась,

Я бесчестьица, победнушка, наслухалась,
Уж я смертныих побоев натерпелася!
Он стыдил меня, бесчестил при добрых людях!
Кажись, дому я житья да не последнего,
Отца-матушки я дочь была разумныих;
Век судьячила победна я головушка
На своих я на желанныих родителей,
Что повыдали на чу́жу на сторонушку,
За упьянслива млада сына отецкого;
Кажись, знаком был остудник млад отецкий сын,
Да я шесть жила учетных за ним годышков,
Он ведь темные-то ноченьки прохаживал,
До полуночи он ве́чера просиживал
По этым по царевым большим ка́бакам,
Испивал да он хмельны эты напиточки,
Разорял да он крестьянску нашу жи́рушку.
Уж он пропил-то снарядно мое платьицо,
Произвел мою жемчужную подвесточку,
Он на винны пропивал да всё на чарочки!
Сожидала я, победна, до полуночи,
Я сидела под косевчатым окошечком,
Резвы ноженьки держала на дороженьке,
Белы рученьки держала на заложечке,
Буйну голову, горюша, во окошечке,
Ясны очушки держала во чистом поле —
Так сжидала горьку пьяницу-пропоицу!
Уж он пьян не пьян иде да всё шатается,
Надо мной, бедной горюшой, надсмехается.
Я навиделась, победна, неприятностей,
Я намыкалась, победна, много горести!
Со двора пропил любимую скотинушку,
Со конюшенки сменял да коня доброго,
Заложил да он участки деревенские,
Запрода́л да он луговы эты поженки,
Всю он пропил золоту казну бессчётную.
Хоть он съехал ко владычному ко праздничку,
Я ждала, бедна горюша, день до вечера,
Не спала да я всю темну эту ноченьку,
Просидела под косевчатым окошечком,
Проглядела на путь-ши́року дороженьку!
Приезжали многи добры эты людушки
От владычного господнего от праздничка,

Я спросила у спорядныих суседушек:
«Вы скажите мне, суседушки-голубушки,
Не видали ли надежной там головушки?»
Говорили мне спорядные суседушки:
«Ты не спрашивай, горюша, не выведывай
Про упьянсливу надежную головушку,
Уж он пьян ходит у божьего у праздничка,
Тут поставлена ступистая лошадушка!»
Возгорчилась я, победна, порасплакалась:
«Буди проклята, судьба моя несчастная,
Горька участь-то моя да неталанная!
Лучше матушка меня не спородила бы,
Иль замужьицем меня не наделила бы!»
Как сегодня, сего де́нечка господнего
Я ставала хоть по утрышку ранешенько,
Не ключёвой водой да умывалася,
Я не в тонко полотно да утиралася,
Я не сном да темну ночку коротала ведь,
Дума думушку, победной, пошибала,
В сон головушка была да не приклонена,
Всё я думала победным своим разумом,
Что запьется ведь законная державушка!
Так повышла я на ши́року на уличку,
Белой свет да вдруг рассветился;
Я зглянула на путь-ши́року дороженьку,
Как идет да там ступистая лошадушка,
Человек сидит на санках незнакомой!
Тут ужа́хнулось ретливое сердечушко,
Обмирать да стала зяблая утробушка!
Пораздумалась победным своим разумом:
Я дожду эту ступистую лошадушку,
Я спрошу у этых добрыих у людушек,
Про свою спрошу надежную головушку!
Подходить стала ступистая лошадушка
Ко мо́ему крылечику перёному,
Ко мо́ему теперь да широку́ двору;
Пятисотские сидят да со рассыльными
Как на этыих на санках самокатныих,
Сговорят мне-ка, победной, таково слово:
«Нету в живности твоей милой державушки!»
Тут задумалась печальна я головушка:
«Уж где да пришла скоряя смеретушка?

Потихошеньку, победнушке, скажите-тко,
Не во все люди, горюше, объясните-тко —
Во царевом ли пришла да ему ка́баке,
Аль застынул он на ши́рокой на уличке?»
Говорили мне, победноей головушке:
«Сустигала его скоряя смеретушка
Как во этом во царевом большом ка́баке,
За винной сустигала его рюмочкой,
Запивался-то ведь он да в зелено вино,
Очень со́лож был до сладкой он до водочки!»
Вы послушайте, народ да люди добрые!
Проливаю хоть бессчастна горючи слезы,
Не сдивуйте мне-ка добры того людушки,
Не жалию я надежноей головушки:
Разорил да он крестьянску нашу жирушку,
Он повыносил довольны эты хлебушки;
Поостались мы, победные головушки,
Середи грязи, горюши, на погибель!
Не видали-то сердечны мои детушки
Век желанья от родителя от батюшка,
Не пошиты по резвым ногам сапоженьки,
Не положены по плечам теплы шубоньки;
Оны ласкова словечка не слыхали,
Не спахнулся-то родитель до их батюшко,
Не приголубил их ко белыим ко рученькам,
Не гладил их по мла́дой по головушке;
Обиждал да всё сердечных малых детушек,
Изгонял их из хоромного строеньица,
Не давал да им довольных этых хлебушков!
Не несли бы теперь резвы меня ноженьки
Во злодейной бы теперь да во царев кабак!
Меня отдали на чу́жу как сторонушку,
Знать, не участью-таланом наделили,
Злым великиим бессчастьем наградили!
Уж как этое злодийное бессчастьице
Впереди да в божью церковь приходило,
Впереди да райских дверей становилось,
Под златым оно венцом да принасело,
На буйную мою оно головушку!
Уж как этое злодийное бессчастьице
Круг налоя впереди да обскочило,
Впереди да в путь-дорожку снаряжалось,

На судимую сторонушку скатилося,
За дубовой стол бессчастье собиралося,
Во почéстной во большой угол садилося,
За праву руку бессчастье ухватилося:
После этого венца вскоре злаченого,
После этого стола да княженецкого
Ко моей милой надежной тут головушке
Вдруг пришло да ведь великое безумьице;
Знать, по моему злодийну бесталаньицу
Наступили злые люди — не хорошие,
Погубили тут надежную головушку!
Со той порушки ведь он да с того времечка
Почасту́ стал во царев кабак захаживать.
Набоялася, победна, — наполóхалась,
Настоялась у дверей я у дубовых,
Сожидаючи надежную головушку!
Тут я господа владыку попросила,
За лихих людей я бога помолила:
«Спаси, господи, людей да нехороших,
Отлей, господи, да людям этым злым,
Стри́ть их, господи, на втóром на пришествии,
Кто сгубил мою надежную головушку,
Разорил нашу крестьянску эту жирушку.
Приходить стане владычной божий праздничек,
Да как светлое Христово воскресеньицо,
Говорить стану, печальная головушка,
Я упьянсливой надежноей сдержавушке,
Стану плакать я, горюша, уговаривать:
«Обратись, моя любимая семеюшка,
Ты отстань да всё от сладкой этой водочки,
Ты от этыих от винныих от рюмочек,
Ты спахнись да о души своей о грешной,
Ты иди да в божью церковь посвященную,
Помолись да ты богу от желаньица,
Ты покайся-тко попу-отцу духовному,
Может, вóзвратит владыко многомилостливой
Да на доброй тебя путь он на хорошой;
Может, даст господь духовна ума-разума,
Ты забросишь все хмельны эты напиточки!»
Возгорчится свет надежна тут головушка,
Испромолвит мне единое словечушко:
«Ты несчастная пришла да неталанная,

Хоть я брал тебя, жену, себе по разуму,
По уму да брал семью себе по совести,
Уж как не́ зашло талану мне-ка участи!»
Тут сустигло вдруг великое бессчастьице,
Он не слушал-то ведь добрых столько людушек,
Уж он господа-владыки не боялся,
Роду-племени ведь он да не стыдился,
Родной матушки своей он не страшился.
За его, знать, за велико беззаконье
Пошла душенька его без покаянья!
Как свели его, смутили эты демоны
Во этот злодийной во царев кабак,
Запивался да он там зелена вина.
Не радела бы победна я головушка
Никакому человеку я бы злому
Уж я этого великого бессчастьица!
Кабы знала я, горюша, про то ведала,
Призапьется что надежная сдержавушка,
Я спорядным бы суседям покорилася,
Уж я добрыих людей да попросила бы —
Не спускали бы его да во царев кабак!
Я о праздничке бы в доме не осталася,
Я давалась до надежной бы головушки,
Я держала бы, победна, под праву руку,
Уласкала бы, победна, потихошеньку.
Знать, судил господь законноей державушке
Принять смерть ему, надеже, с зелена вина!
Удивились все спорядные суседушки,
Что невзгода сочинилась вдруг великая;
Проклинают его добры эты людушки,
Что наделал суматохи он всему миру —
Беспокоиться по темным наб по ноченькам,
Наб сидеть им тут у тела запитущего.
Наб отправить объявленье во Петров город,
Наб прело́жить-то ведь лекаря умильного
Ко этому телу его мертвому!

К соседям:

Спаси господи крестьян да православных,
Что послушали победную головушку,
Да вы сделали колоду белодубову,
Ископали да вы погреба глубокие

Про упьянслива суседа спорядового!
Ай же слушайте, суседи спорядовые,
Я корюсь да вам, бессчастная головушка:
Не спокиньте-тко победных моих детушек,
Мне придайте ума-разума в головушку,
Дом вести да как крестьянска мне-ка жирушка!
Нонь раздумаюсь печальным умом-разумом,
Хоть нет пахаря на чистом этом полюшке —
Разорителя в хоромном нет строеньице;
У меня, да у бессчастной у победнушки,
Нонь не ржавее ретливое сердечушко
Об упьянсливой надежной о головушке;
Уж я в сытость горьких слез напроливала,
Наболелася ведь буйная головушка,
Намутилися бессчастны мои очушки;
Нонь одна у мня великая заботушка:
Не уронить бы мне крестьянской этой жирушки,
Воспитать да мне сиротных малых детушек.
Не дай господи на сем да на белом свете
Век коро́тать мне за горькоей за пьяницей;
Не порой бедна головушка состарилась,
Не во вре́мя красота с лица стерялася!
Куды спись да мое су́ровьство девалося?
На делах была, победна, штуковатая,
На словах была, победна, смысловатая,
Разговорная с народом-людьмы добрыма;
Как попала я за горькую за пьяницу,
Я сама того, победна, сдивовалася,
Шутки-шмоночки куды мои девалися,
Чваковита поговорюшка сменилася.
Спамятуйте-тко вы, горьки эты пьяницы,
Во проклятом во царевом его ка́баке,
Вы за винной помяните-тко за чарочкой,
Где вы сборищем все пьяницы сбиралися,
В коем ка́баке вина да напивалися!
Попрошу теперь попов к себе духовныих,
Я во свой дом, крестьянску прошу жирушку:
«Вы господний-то молебен прослужите-тко,
Уж вы дом — мое житье нонь освятите-тко!»

. . . .

После похорон:

Спаси господи судью да правосудную!
Спаси господи ведь лекарей умильных!
Рассудили оны дело по-хорошому:
Тело грешное оны да запитущее
Порешили хоронить да поскорешеньку.
Очень умной-то исправничек допрашивал,
Не стращал меня, победну, не поло́хал:
«Ты скажи-тко, сирота, да мне поведай-ко,
По совету ли у вас да по согласьицу,
По хорошему ли было у вас с ду́-другом?»
По своей душе, победна, отвечала,
Я на всей воле, горюша, открывалась:
«У нас не было словечушка нонь бранного!»
Он повыстал по утрышку ранешенько,
Снарядился, мой надежа, поскорешеньку,
Говорил да мне, печальноей головушке:
«Я поеду ко владычному ко праздничку».
Залагал да он ступистую лошадушку
Во этыи во санки самокатные,
Тут отправился в путь-широку дороженьку.
Знать, судинушка его да повзыскала,
Во царев кабак судьба да зазывала!
Тут пришла да ему скоряя смерётушка,
Без креста ему пришла да без молитовки;
Уж богу-то надежа не молился,
Со любимоей семьей да не простился!
Как поехал путем-широкой дороженькой,
Я глядела во косевчато окошечко,
Скрозь туманную стекольчату околенку,
Летит и́скопыть в поле лошадиная,
Бежит конь, иде дорожкой, подтыкается,
Как в саночках надеженька шатается.
Тут раздумалась победным умом-разумом:
«Не дождаться мне, победной, по-хорошому,
Мне не стретить его трезвого на уличке;
Как заехал-то надежа во царев кабак,
Он до ранного обеда напивался ведь,
Целой день сидел до поздого до ве́черка;
Его у праздничка суседи не видали,
У владычна сродчи-сроднички не знали».

Тут с надеженькой, победна, порасссталася,
Я со малыма детями оставалася!..

. . . .

ПЛАЧ ВДОВЫ ПО МУЖУ

Укатилося красное солнышко
За горы оно да за высокие,
За лёсушка оно да за дремучие,
За облачка оно да за ходячие,
За часты звезды да подвосточные!
Покидат меня, победную головушку,
Со стадушком оно да со детиною,
Оставлят меня, горюшу горегорькую,
На веки-то меня да вековечные!
Не́как ро́стить-то сиротных мне-ка детушек!
Будут по миру оны да ведь скитатися,
По подо́конью оны да столыпатися,
Будет уличка ходить да не широкая,
Путь-дороженька вот им да не торнешенька.
Без своего родителя, без батюшка
Приизвиются-то буйны на них ветрушки,
И набаются-то добры про них людушки,
Что ведь вольные дети безуненные,
Не храбры да сыновья растут безотние,
Не красны да слывут дочери у матушки!
Глупо сделали сиротны малы детушки,
Мы проглупали родительско желаньицо,
Допустили эту скорую смеретушку.
Мы не заперли новых сеней решётчатых,
Не задвинули стекольчатых околенок,
У ворот да мы не ставили приворотчичков,
У дубовыих дверей да сторожателей,
Не сидели мы у трудной у постелюшки,
У тяжела, кру́та складнего зголовьица,
Не глядели про запас мы на родителя, на батюшка,
Как душа да с белых гру́дей выходила,
Очи ясные с белым светом прощалися;
Подходила тут скорая смеретушка,
Она крадчи шла злодейка-душегубица,

По крылечку ли она да молодой женой,
По новым ли шла сеням да красной девушкой,
Аль калекой она шла да перехожею;
Со синя ли моря шла да всё голодная,
Со чиста ли поля шла да ведь холодная,
У дубовыих дверей да не стучалася,
У окошечка ведь смерть да не давалася,
Потихошеньку она да подходила
И черным вороном в окошко залетела.
Мы проглупали, сиротны малы детушки,
Отпустили мы великое желаньице!
Кабы видели злодийную смеретушку,
Мы бы ставили столы да ей дубовые,
Мы бы стлали скатерти да тонкобраные,
Положили бы ей вилки золоченые,
Положили б востры ножички булатные,
Нанесли бы всяких ествушек сахарниих,
Наливали бы ей питьица медвяного,
Мы садили бы тут скорую смерётушку
Как за этыи столы да за дубовые,
Как на этыи на стульица кленовые,
Отходячи бы ей низко поклонялися
И ласково бы ей тут говорили:
«Ай же ведь скорая смеретушка!
От господа распятого, знать, создана,
От владыки на сыру́, знать, землю послана
За бурлацкима удалыма головушкам!
Ты возьми, злодей скорая смеретушка,
Не жалею я гулярна цветна платьица;
Ты жемчужную возьми мою подвесточку,
С сундука подам платочки левантеровы,
Со двора возьми любимую скотинушку.
Я со стойлы-то даю да коня доброго,
Со гвоздя даю те уздицу тесмяную,
Я седёлышко дарю тебе черкасское,
Золотой казны даю тебе по надобью!
Не бери столько надежноей головушки,
Не сироть столько сиротных малых детушек,
Не слези меня, победноей головушки!»
Отвечала злодей скорая смеретушка:
«Я не ем, не пью в домах да ведь крестьянскиих,
Мне не надобно любимоей скотинушки,

Мне со стойлы-то не надо коня доброго,
Мне не надо златой казны бессчётноей,
Не за тым я у владыки-света послана!
Я беру да, злодей скорая смерётушка,
Я удалые бурлацкие головушки.
Я не брезгую ведь, смерть да душегубица,
Я ни нищиим ведь есть да ни прохожиим,
Я ни бедныим не брезгую убогиим».
Тут спрого́ворит вдова благочесливая:
«Видно, нет того на свете да не водится,
Что ведь мертвые с погоста не воротятся,
Хоть не дальняя дорожка, — безызвестная,
Не лесные перелески — мутарсливые.
Глупо сделали сиротны малы детушки —
Не сходили мы во улички рядовые,
Не дошли да мы до лавочки торговыя,
Не купили лист бумаженьки гербовыя,
Не взыскали писарёв да хитромудрыих,
Не списали мы родителя-то батюшка
На портрет да его бело это личушко,
На эту на гербовую бумаженьку
Его желты бы завивные кудерышки,
Его ясно развеселое бы личушко,
Прелестны бы учтивые словечушки,
Велико бы родительско желаньицо!
Как подрастать станут сиротны малы детушки,
По сеням да станут детушки похаживать,
Из окошечка в окошечко поглядывать,
На широкую на уличку посматривать;
Приходить стане разливня красна вёснушка,
Повытают снежечки со чиста поля,
Повынесе ледочки со синя моря,
Как вода со льдом ведь есть да поразо́йдется,
Быстры риченьки с гор да поразо́льются,
Протекут да ведь мелки малы риченьки
Во это в океян да сине морюшко,
Как пойдут наши суседи спорядовые
На трудну на крестьянскую работушку,
Будут пахари на чистыих на полюшках,
Севцы да на распашистых полосушках,
Малы детушки на мать станут поглядывать,
Сироту да меня, вдовушку, выспрашивать:

«Ты послушай, сирота же вдова матушка!
Уже где да есть родитель-то наш батюшка?»
Тут я б выняла гербовый лист-бумаженьку,
Показала бы сердечным малым детушкам!
Еще скажут-то сиротны малы детушки:
«Кто же пойде на распашисты полосушки?
Как у нас да ведь, родитель наша матушка,
Нету пахаря на чистыих полосушках,
Сенокосца на луговых нету поженках,
Рыболовушка на синем нет Онегушке!»
Тут я спа́хнуся, кручинна вся головушка,
За свою да за надежную сдержавушку.
Ушибать стане великая тоскичушка,
Унывать стане ретливое сердечушко:
Да как ростить-то сиротных малых детушек?

Обращаясь к соседям, вдова падает им в ноги и продолжает:

Поклоню да свою буйную головушку,
Покорю свое печальное сердечушко
Я со этой вышины да до сырой земли,
Своим милым спорядовым суседушкам:
«Не откиньте-тко вдову вы бесприютную
Со обидныма, сиротныма детушкам,
Да вы грубым словечком не обидьте-ткось,
Да вы бо́льным ударом не ударьте-ткось!
Как пойдут мои сиротные к вам детушки
По вашему крыльцу да по перёному,
Не заприте-тко новых сеней решётчатых,
Допустите в тепловито свое гнездышко,
Ко дверям да вы на дверную на лавочку,
Да вы милостину им тут сотворите-тко,
Сиротам моим бессчастным малым детушкам,
Вы на добрые дела их научите-ткось!»
Как допреж сего, до этой поры-времечка
Была в живности любимая семеюшка,
Маломошному суседу не корилася,
Была гордая ведь я да непоклонная,
Я с суседями была да несговорная!
Не начаяла я горя, не надиялась,
Что разлукушки с законной со державушкой,
Что останусь, сирота — вдова бессчастная,

Я со этой станицей неудольноей,
Со малыма, сердечныма детушкам!
Как жила я с надежной головушкой,
Была счастлива ведь я да всё таланная;
Вдруг, знать, счастье то суседы обзавидали,
Добры людушки меня да приобаяли,
Чёрны вороны талан, знать, приограяли,
Видно, участь ту собаки приоблаяли!
Как по моему великому несчастьицу
Тут проклятая злодийка-бесталанница
Впереди меня злодийка уродилася,
Впереди меня в купели окрестилася.
Как жила я у желанных родителей
Во своем да я прекрасном девичестве,
Изнавешена была я цветным платьицом,
Изнасажена была я скатным жемчугом.
Мои милые, желанные родители
Тут повыбрали судимую сторонушку,
Мне по разуму млада сына отецкого;
Отпущали на судиму как сторонушку,
Отдавали за млада сына отецкого,
Знать, не участью-таланом награждали,
Знать, великиим бессчастьем наделяли!
Уж как это зло великое бессчастьицо
Впереди меня злодейно снаряжалося,
На судимую сторонушку справлялося,
Во большом углу бессчастьицо садилося,
Впереди да шло бессчастье ясным соколом,
Позади оно летело черным вороном!
Впереди оно, бессчастье, не укатится,
Позади оно, злодийно, не останется,
Посторóнь оно, злодийно, не отшатится!
Кругом-около бессчастье обстолпилося,
Всем беремечком, злодийно, ухватилося
За могучие оно да мои плечушки!

При выносе покойника вдова вопит:

Не спешите-ткось, спорядные суседушки,
Вы нести мою надежную семеюшку
Со этого хоромного строеньица!
Ты прощайся-ко, надежная головушка,
С этым добрым хоромным строеньицом,

Со малыма сердечныма детушкам,
Ты со этой-то деревней садовитою,
Ты со волостью этой красовитою,
Ты со этыма спорядныма суседушкам!
Вы простите, спорядовы вси суседушки,
Мою милую, надежную семеюшку,
Вы любимую законную сдержавушку
Во всех тяжкиих его да прегрешеньицах
Сесветным его да всё живленьицом.
Вы не спомните, спорядные суседушки,
Уж вы злом его не спомните-тко, лихостью!

Затем, обратившись ко вдове-соседке,
если она оказывается при этом, продолжает:

Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
На тебя смотрю, спорядную суседушку,
На тебя да я, вдову благочесливую!
Отдалй ходишь, суседушка, туляешься,
Со мной на́ речи, победнушка, не ставишься,
На сговор со мной, печальна, не сдаваешься.
Видно, в живности надежная головушка,
Ты в прохладноей живешь, да видно, жирушке.

А если есть дети — прибавляет:

Знать, не ростишь ты сиротных малых детушек,
Видно, нет в сердце великой кручинушки,
Нет обидушки в ретливом, знать, сердечушке!
Не попустишь ты, суседушка, зыче́н голос,
Ни умильного, складного причитаньица,
Знать, боишься ты великого бессчастьица,
Уж какого е злодейна бесталаньица!
Знаю-ведаю, кручинная головушка,
Про твое да горегорькое живленьице:
Ведь ты ро́стишь-то сиротных также детушек,
Во маётной, во бобыльской ростишь жирушке!
Не одны родители хотя нас отродили,
Одным участью-таланом наделили!
Да ты слушай же, бессчастная суседушка,
Хоть головушка твоя да безначальная,
Сердечушко твое да беспечальное;
Мы с тобой, да свет спорядная суседушка,
Во бессчастный день во пятницу засияны,

В бесталанный день во середу вспорóжены;
Как во ту пору родитель спородила,
Когда кузнецы во кузницах стояли,
Часовые на часы да прибиралися,
Как булат это железо разжигали,
Как железны эты обручи ковали
На наши на бессчастные сердечушка,
На нашу на победную утробушку.
Да ты слушай же, горюша бесприютная!
Кабы знала ты, спорядная суседушка,
Про мою да про велику бы невзгодушку,
Про эту бы несносную обидушку!
Как сегодняшним господним божьим денечком
Без воды да резвы ножки подмывает,
Без огня мое сердечко разгоряется,
Ум за разум у бессчастной забегает,
Буйна гóлова без ветрышка шатается!

Если станут унимать, вдова вопит:

Дайте волюшку, спорядные суседушки!
Не жалейте-тко печальноей горюшицы,
Не могу терпеть, победная головушка,
Как долит тоска, великая тоскичушка!
Со кручинушки смерётушка не придет,
Со кручинушки душа с грудей не выдет,
Мое личушко ведь есть да не бумажное!
День ко вечеру теперь да коротается,
Леса к зени-то теперь да приклоняются,
Красно солнышко ко западу двигается,
В путь-дороженьку надежа снаряжается,
Сирота бедна вдова да оставляется
Со бессчастною со станицей детиною!
Подойдите-тко, сиротны малы детушки,
Вы ко этоей колоде белодубовой,
Вы ко спацливу родителю ко батюшку!
Вы спросите про великое желаньице —
Вам ведь в ком искать великого желаньица
И ласковых прелестныих словечушек?
Уже так мне-ка, победноей, тошнёшенько!
Путь-дороженька теперь да коротается,
Вси отцы-попы духовные сбираются,
Оны божии-то церквы отпирают,

Оны божии-то книги отмыкают,
Воску ярого свечи да затопляются,
Херувимские стихи тут запеваются!

Соседка отвапливает:

Ты послушай же, спорядная суседушка,
Что ведь я скажу, кручинная головушка!
Тебе времечко, суседушка, выспрашивать
Про мое да про победное живленьицо.
Мне и в вёшной день кручинушки не высказать,
Мне в осеннюю неделюшку не выпомнить;
Этой злой да всё вдовиноей обидушки
Мне на вёшной лед досадушки не выписать,
Хитромудрым писарям да им не вычитать.
Как другой живу учетной долгой годышок,
Как я рóщу-то сиротных малых детушек,
Накопилося кручинушки в головушку,
Всё несносныя тоскичушки в сердечушко;
У мня три поля кручинушки насияно,
Три озерышка горючих слез наронено.
Во победноем сиротскоем живленьице,
Во бобыльной во сиротской живу жирушке,
За бобыльскиим столом да хлеба кушаю,
Я не знаю же, победная головушка,
Кое день, кое темная е ноченька,
Кое светлое Христово воскресеньицо.
Мы с тобой, моя спорядная суседушка,
Перед господом владыкой согрешили, знать;
Видно, тяжкого греха да залучили!
Мы в воскресной день во церковь не ходили,
Мы молебенов, горюши, не служили
Как пречистой, пресвятой да богородице,
Мы не ставили свечи да всё рублевые,
Мы не клали пелены да всё шелковые,
От желаньица мы богу не молилися,
От усердия владыку не просили мы
Про своих да про законныих сдержавушек,
Чтобы господи дал доброго здоровьица,
Он наставил бы им долгого бы вéкушку.
Знать, за наше за велико прегрешеньицо
Дал им господи тяжёло неможеньицо,
Прислал господи сам скорую смерётушку.

Укоро́тал господь долгой-то им векушко,
Обсиротил нас, победныих головушек,
Без своих жить без законныих сдержавушек!
Да как ро́стить-то сиротных малых детушек?
Надо по́скоки держать да горносталевы,
Поворотушки держать да сера заюшка,
Надо по́лет-то держать да соловьиной;
Наб на лавочке горюшам не посеживать,
Наб за прялочкой саже́нки не дотягивать,
У дубовой надо грядки не постаивать.
Уж как ростить-то сиротных малых детушек
Резвы ноженьки у нас да всё притопчутся,
Белы рученьки у нас да примахаются,
Сила мо́гуча во плечушках придержится,
Без морозушку сердечко прирастрескает.
Как живу́чи без законноей сдержавушки,
Принакопится злодийской тут кручинушки —
Не высказывай во добрые во людушки!
Ты повыбери слободну пору-времечко,
Ты выдь-ко там ко быстроей ко риченьке,
Сядь, победнушка, на кру́той этот бережок,
Прибери да неподвижной синий камешок;
Тут повыскажи обидную обидушку,
Рути слезушки, горюша, в быстру реку;
Камышок от рички не откатится,
В добры люди кручина не расскажется,
Не узнают того добрые-то людушки!

Затем, обратившись к покойнику,
соседка-вдова продолжает:

Мне-ка сесть было, печальноей головушке,
Мне ко этому спорядному суседушку!
Да ты слушай, спорядо́вой мой суседушко,
Да как со́йдешь ты на иное живленьице —
На второе на Христово как пришествие,
Не увидишь ли надежноей головушки?
Ты поро́сскажи, спорядной мой суседушко,
Про мое да про несчастное живленьицо,
Про мое да сирот малых возрастаньицо!
Как во этых два учетных долгих годышка
Прискудалась вся сиротна моя жирушка,
Разрешетилось хоромное строеньицо,

На слезах стоят стекольчаты околенки,
Скрозь хоромишки воронишки летают,
Скрозь тынишка воробьишечки падáют;
Большака нету по дому — настоятеля,
Ко крестьянской нашей жирушке правителя;
Задернили вси распашисты полосушки,
Лесом зáросли луговы наши поженки!
Ты поросскажи, спорядной мой суседушко,
Скажи низкое поклонно челобитьицо
От меня скажи, печальной от головушки,
От сиротного от малого от дитятка!
Глупо сделала кручинная головушка, —
Не писала скорописчатой я грамотки,
Я не клала-то по праву тебе рученьку,
Ты бы снес ю на второе на пришествие!
Може, вольная была бы тебе волюшка
От этого владыки от небесного,
Може, с дý-другом суседушки свидались бы,
Вы на стретушку бы шли да ведь сретались,
Ты бы отдал скорописчатую грамотку!
На словах скажи ж, спорядной мой суседушко,
Ты про мóе про бессчастное живленьицо,
Про бобыльную, сиротску мою жирушку.
У меня, да сироты нонь бесприютной,
Золотой казны на грех да не случилося;
Как по моему вдовиному несчастьицу
Были лавочки теперечко не отперты,
Нонь купцов да всё во лавках не сгодилося,
Лист-бумаженьки в продаже не явилося,
Писарёв да по домам-то не случилося!
Всё по моему несчастному живленьицу
Как у этых писарёв да хитромудрыих,
Отчего у их чернильнички скатилися,
Как чернила по столу да проливалися,
Лебединые пера да притупилися?
Как бессчетная была бы золота казна,
Писаря-то бы меня да не боялися,
Написали б скорописчатую грамотку!
Не утай, скажи, спорядной мой суседушко,
Моей милоей законноей сдержавушке:
Как после своей надежноей головушки
Я по земским избам да находилася,

У судебных-то мест да настоялася,
Без креста-то ведь я богу намолилася,
Без Исусовой молитовки накланялась,
Всем судьям, властям ведь я да накорилася.

После отпевания овдовевшая вопит:

Что стою, бедна горюшица, задумалась,
Чужих басенок, победнушка, ослухалась!
Диловать да ведь будут мне-ка людушки:
Знать, на радости стою да на весельице,
Снаряжаю я законную сдержавушку
Как во жирную бурлацку во работушку!
Не в бурлакушки спущаю того вольные,
Не по эту золоту казну довольную;
Я гляжу-смотрю, печальная головушка, —
Перед Спасом-то свечи да догоряются,
Херувимские стихи да допеваются,
Божьи книги теперь да запираются.
Спасет бог да вас, отцы-попы духовные,
Спаси господи служителей церковных,
Что послушали победную головушку —
Потрудились — шли во церковь во священную,
Что вы душеньку его да отпевали,
Телеса-то вы его да погребали!
Накрывают эту бедную головушку
Уже этоей доской да белодубовой,
Опускают-то во матушку сыру землю,
Во погреба его да во глубокие!
Ой, тошным да мне, победнушке, тошнёшенько!
Нонь я дольщица Никольской славной улицы,
Половинщица Варварской славной буявы,
Нонь я дольщица великоей кручинушки,
Половинщица злодийной я обидушки!
Мне куды с горя, горюше, подеватися?
Рассадить ли мне обиду по темным лесам?
Уже тут моей обидушке не местечко,
Как посохнут вси кудрявы деревиночки!
Мне рассеять ли обиду по чистым полям?
Уже тут моей обидушке не местечко —
Задернят да вси распашисты полосушки!
Мне спустить ли то обиду во быстру реку?
Загрузить ли мне обиду во озерышке?

Уже тут моей обидушке не местечко —
Заболотеет вода да в быстрой риченьке,
Заволочится травой мало озёрышко!
Мне куды с горя, горюше, подеватися,
Мне куды, бедной, с обидой укрыватися?
Во сыру землю горюше наб вкопатися!
Сиротать будут сиротны малы детушки,
Будут детушки на улочке дурливые,
Во избы-то сироты да хлопотливые,
За столом-то будут детушки едучие!
Станут пó избы ведь дядюшки похаживать
И невесело на детушек поглядывать,
Оны грубо-то на их да поговаривать:
«Ох уж вольные вы дети, самовольные!»
Станут детушек-победнушек подергивать,
В буйну голову сирот да поколачивать.
У меня ж тут, у бедной у головушки,
У мня сóвьется тоска неугасимая,
Я взмолюсь да тут ко матушке сырой земле:
«Ты прими да меня, матушка сыра земля,
Схорони меня с сиротным малым детушкам!»

Когда умершего зароют,
вдова припадает к земле и вопит:

Приукрылся нонь надежная головушка
Во матушку ведь он да во сыру землю,
В погреба ведь он да во глубокие!
Призарыли там надёжу с гор желтым песком,
Накатили тут катучи белы камешки!
Прозабыла я, кручинная головушка,
Доспроситься у надежной у державушки:
Когда ждать в гости любимое гостибищо?
Во полночь ли ждать по светлому по мисяцу,
Али в полдень ждать по красному по солнышку?
Аль по утрышку да ждать тебя ранешенько,
Аль по вечеру да ждать тебя позднёшенько?
Не утай, скажи, надежна мне головушка;
Ухожу своих сердечных малых детушек
Я на эту на спокойну малу ноченьку,
С горя сяду под косевчатым окошечком,
Со обиды под туманное околенко,
Сожидать буду надежну тя головушку.

Покажись, приди, надежная головушка,
Хоть с-под кустышка приди да серым заюшком,
Из-под камышка явись да горносталюшком!
Не убоюсь, бедна кручинная головушка,
Тебя стричу на крылечике перёноем,
Отворю да я новы сени решётчаты,
Запущу да в дом крестьянску тобя жирушку.
Ты по-старому приди да по-досюльному,
Большаком ты в дом приди да настоятелем.
Видно, нет того на свете да не водится,
Что ведь мертвые с погоста не воротятся,
По своим домам оны да не расходятся,
Едина стоит могилушка умершая!
У меня да у печальной бы головушки
Кабы было золотой казны по надобью,
Я бы на́няла ведь плотничков-рабо́тничков,
Я бы сделала кивоты белодубовы
Я на эту на могилушку умёршую,
Чтобы белым снежком не заносило бы,
Частым дождичком могилы не залило бы,
Мурава трава на ней тут вырастала бы,
Всяки-разные цветочки расцветали бы!
Я бы по́часту туда стала учащивать,
Я бы по́долгу ведь там стала усеживать!
У меня, да как печальной бы головушки,
В полном возрасте сердечны были детушки,
Они б ставили кресты животворящие
На этой бы могилушке умершеей,
На родителя-кормильца света батюшка.

Возвратившись с погоста, вдова останавливается у крыльца своего дома и рыдает, причитая:

Я приехала, печальная головушка,
Я от этой церкви божьей посвящённой,
Я со этой могилушки умершей,
Там оставила любимую семеюшку,
Я во матушке оставила сырой земле!
Нонь гляжу-смотрю, печальна горепашица,
Я на это на хоромное строеньицо,
Повону́ — стоит палата грановитая,
Понутру́ — стоит тюрьма заключевная,
На слезах стоят стекольчаты околенки,

При обидушке косевчаты окошечка,
Отшатилося крылечко перёное
От этого хоромного строеньица,
Разрешетились новы сени решётчаты;
Мне нельзя пройти, кручинной головушке,
Во это хоромное строеньицо!
Повзыщу пойду любимую семеюшку
Я по этому хоромному строеньицу,
На этом ли сарае колесистом,
Во этом ли дворе я хоботистоем —
Не залагат ли он ступистой лошадушки,
Не поезжат ли во темны леса дремучие?
Не могу найти, печальная головушка!
Вы сжалуйтесь-ко, спорядные суседушки,
Засмотрите-тко печальную головушку,
Не покиньте сироту вы горегорькую
Со сердечныма малыма детушкам!
Сирота ведь я, горюша бесприютная,
Нонь позябну я холодной, студеной зимой,
Нонь помучусь я голодной смеретушкой;
Нигде нету-то талой талиночки,
Ни в ком нету мне великого желаньица:
Как-то жить буде печальной мне головушке?

Если молода:

Не порой да моя молодость прокатится,
Голова моя не вовремя состарится!
Надо жить бедной горюшице умиючи,
По уличке ходить надо тихошенько,
Буйну голову носить надо низешенько,
Наб сердечушко держать мне-ка покорное
Ко тыим суседам спорядовыим,
Не обидели б сиротной молодой вдовы!

Соседка к молодой вдове:

Не неси гневу, кручинная суседушка,
На меня ты, на приближну свою по́дружку,
Что придам тие духовна ума-разума
В бесталанную твою да я головушку!
Ты послушай, хотя ж причеть нехорошая,
Ты воспомни, хоть наказы нелюбимые:
Как посли своей любимой семеюшки

Затюремничкой ведь ты да не насидишься,
Прозабудешь всю великую кручинушку,
Поoставишь всю злодийную обидушку!
Не носи да свое цветное ты платьицо,
Не держи да ты любимой покрутушки,
Ты не крась да свое бело это личушко;
Будут зариться ведь многи столько людушки,
Приласкаться-то удалы станут мо́лодцы,
Будут ласково тебя да уговаривать,
Что возро́стим мы сердечных твоих детушек,
Воспитать тебя мы будем, мать безмужнюю!
Не окинься, бедна вдовушка моло́дая,
Ты на этых на удалых добрых молодцев,
На баску́ их молодецкую походочку,
На их цветно ты гулярное на платьицо!
Не окинься на красу-басу с угожеством,
Ни на желтые, завивные кудерышки,
На учливу, чваковиту поговорюшку,
Не прикинься к ихным ласковым словечушкам!
Живут ласковы словечушки обманчивы
И прелестной разговор их да надсмечливой;
С уму с разуму оны тебя повыведут,
Ты терпеть будешь, печальна, худу славушку!
Не честь-хвала тебе буде вдовиная
Красоту сменять, победна, на бесчестьицо,
Свой тот разум на великое безумьицо!
Тут не хлебушки тебе да не надиюшка,
Твоим детушкам ведь тут не приберёгушка.
Еще слухай-ко, кручинная головушка:
Как пройдет худа слава нехорошая,
Тут отрёкнется порода именитая,
Не потужат по победной твоей бедности,
Говорить да станут сродчи-милы сроднички:
«Эка вольная вдова да самовольная,
За шальством пошла она да за безумьицом,
Много су́ровьства стало — больше удали!
Без своей да без надежной головушки
Стала хо́рошо ходить да одеватися,
Стала до́бела она да намыватися,
Уж как речь стала у ей не постатейная,
Разговорушки у ей да нехорошие».
Ты послушай-ко, кручинная головушка,

Хоть хорошо да скажут люди — не дарить их стать,
Буде грубо тебе скажут — не бранить их стать!
Всё за благо ты, горюша, принимать будешь,
Небылицу ты, горюша, да напрасницу!
Как о светлом Христове воскресеньице,
О владычном ли господнем божьем праздничке
Хоть пойдешь ты во церковь посвященную,
Пустословье про тебя как река бежит,
Напрасничка ведь е как порог шумит,
Говорят да бают люди потихошеньку,
Что не господу пошла богу молитися,
За гульбой пошла она да за гуляньицем,
По подруженькам пошла да нехорошиим!
Во глаза да недоростки посрекаются,
Что гулять да от сердечных ходит детушек.
Ты послушай-ко, кручинная головушка,
Ты оставь да свои прежние гуляньица,
Забывай да свое прежне доброумьицо,
Не смеши да многих добрых столько людушек,
Не бесчести свое род-племя любимое,
Худой славы на тебя бы не наздынули,
В чистом поле бы воро́ны не награялись!
Ими совесть ты во белом своем личушке,
Стыд-бесчестьице во ясных держи очушках,
Весела ходи, горюшица, не смейся-тко,
При тоскичушке ты будь, слезно не плачь,
бедна.
Еще слухай-ко, кручинная головушка, —
Будешь жить да без надежной как семеюшки
Во сколотной, во маетной этой жирушке,
Не клони да в сон ты буйноей головушки,
Ты по утрышку вставай, не засыпайся-тко,
Не велико хоть крестьянство — управлять
надо!
Ходи к добрым ты людям на беседушку,
Посоветуй о крестьянской о работушке.
Тут крушить будет ретливое сердечушко,
Хоть ты выйдешь ко спорядным суседушкам,
На раздий да ты великой кручинушки,
Спамятуешь меня, бедную-победную,
Ты воспомнишь мою причеть нехорошую,
Тебе слюбятся наказы нелюбимые!

На другой день, приближаясь к погосту, вдова вопит:

Слава богу теперь да слава господу!
Путь-дороженька теперь скороталася,
Друг могилушка в глаза да показалася.
Постою, бедна горюша, нонь подумаю,
Умом-разумом, горюша, посмекаюся —
Пришло три пути широких, три дороженьки:
Уж как первый путь-широкая дороженька
Во улички она да во рядовые,
Во лавочки она да во торговые;
Как другая путь-широкая дороженька
Во церковь эту божью посвященную;
И как третья путь-широкая дороженька
На эту на могилушку умершую,
Ко моей она надежной головушке.
Мне во улички ль пройти да во рядовые,
Аль во лавочки пройти мне во торговые?
Я вдова теперь е да молодешенька,
Ум тот разум во головушке глупешенек.
Как во лавочках купцы стоят моло́дые,
На словах оны, купцы, да ведь ученые,
На лицо оны ведь е да все ласко́вые,
Как на двух оны словах да приобают,
На учливыих речах да приласкают;
На сговоры тут, горюша, приокинуся,
На молодыих купцов как приобзарюся.
Позабуду тут любимое гостибищо;
Подивуют мне-ка добрые молодушки:
«Позабыла нонь сердечную головушку,
Видно, нет в сердце великой кручинушки!»
Я пройду лучше во церковь посвященную,
Я поставлю там свечу да всё рублевую,
Попрошу да там попов-отцов духовных,
Сослужили бы обидню полуденную,
За обидинкой молебенок пропели бы,
Оны господу-то богу помолились бы.
Возвращусь да с божьей церкви посвященныя
Я на эту на могилушку умершую.
Край пути нашла, горюша, перепутьицо,
Край дороженьки любимое гостибищо.

Нонь раздумалась печальная головушка:
Я вночесь да спала темной этой ноченькой,
Прилетали перелетны малы птиченьки,
Малы птиченьки летели-то незнамые,
Прилетал да этот мелкой соловеюшко,
Другá птиченька — орел да говорючий.
Соловеюшко садился под окошечко,
Как орел да эта птица на окошечко,
Соловей стал потихошеньку посвистывать,
Как орел да жалобненько выговаривать.
Оны тоненьким носочком колотили,
Человичьим оны гласом прогласили,
От крепка сна меня тут разбудили
И в потáй мне-ка, победной, говорили:
«Ай же, стань-ко ты, вдова, да пробудися,
От крепка сна, бессчастна, прохватися!
Ты спахнись да за надежную головушку,
Ты справляйся во любимое гостибище!
На сегодняшний господень божий дéнечек
Тебя ждет в гости любимое гостибище —
Твоя милая надежная головушка.
Там построено хоромное строеньицо —
Прорублены решетчаты окошечка,
Врезаны стекольчаты околенка,
Складены кирпичны теплы печеньки,
Настланы полы да там дубовые,
Перекладинки положены кленовые,
Чтобы шла да ты, горюша, не качалася,
Чтоб дубовая мостинка не сгибалася;
Порасставлены там столики точеные,
Поразостланы там скатерти всё браные,
И положены там кушанья сахарные,
И поставлены там питьица медвяные,
Круг стола да ведь всё стульицо кленовое,
У хором стоит крылечко с переходами.
Сожидат тебя, надежная головушка!»
От крепка сна, горюша, пробудилася,
Я за мелких этых птиченек хватилася,
Я вдовиным своим разумом сдивилась:
Что за чудушко-то мне да причудилося,
Что за дивушко-то мне-ко предъявилося?
Мне во снях ли то, горюше, показалося?

Наяву ли то, горюше, объявилося?
Тут скоренько я с кроваточки ставала,
Тут со радости слезами обливалась,
Со досадушки кручиной вытиралась.
Тут издула огонечки муравейные,
Затопляла я кирпичну свою печеньку,
Скоро стряпала стряпню я суетливую,
Скоро ладила обеды полуденные,
Я справлялась во любимое гостибище.
Шла путем да как широкой дороженькой,
Все колоденки в обиды припинала,
Со кручины башмачёнки притоптала,
Приходила тут к могилушке умершей.
Обманул да меня малой соловеюшко,
Облукавил ведь орел да говорючий:
Не поставлено хоромное строеньице,
Един крест стоит ведь тут животворящий,
Едины лежат катучи сини камешки!
Мне-ка систь, бедной горюше, пригорюниться,
Мне припасть да ко могилы, приголубиться,
Воскликать да мне надежу — недокликаться!
Я просить буду, победная головушка,
Я пречисту, пресвятую богородицу,
Я этого владыку-света истинного,
Чтобы буйны дал он ветры, неспособные.
Вийте буйны, вийте ветры, столько ветрушки!
Со божьих церквей вы глав да не роните-тко,
Со домов да жёлобов вы не снимайте-тко,
На синем море волны да не давайте-ткось,
Кораблей больших ведь вы не разбивайте-ткось,
Вы удалыих голов не потопляйте-тко!
Столько вийте-тко вы, буйны ветероченьки,
На эту на могилу на умершую!
Раскатите-тко катучи белы камешки,
Разнесите-тко с могилушки желты пески!
Мать сыра земля теперь да расступилась бы,
Показалась бы колода белодубова!
Распахнитесь, тонки белы саватиночки!
Покажитесь, телеса мне-ка бездушные!
Пришли, господи, ты ангелов-архангелов,
Протрубили бы во трубы золоченые,
Они вздернули бы воздухи спасеные!

Вложи, господи, ведь душу во белы груди,
Ему зреньицо во ясные во очушки,
Ум тот разум-от во буйную головушку,
Как речист язык в уста да во сахарние,
Ему силушку во резвые во ноженьки,
Как могутушку в могучи его плечушки,
Как маханьицо — во белы его ручушки!
Да ты стань-восстань, надежная головушка,
На свои да стань могучи резвы ноженьки,
Сотвори да ты Исусову молитовку,
Да ты крест клади, надежа, по-ученому,
Да ты сдей со мной доброе здоровьицо,
Воспрогóвори единое словечушко!
Ты спроси да у победной у головушки
Про мое да ты вдовиное живленьицо!
Не дай, господи, на сём да на белом свете
Без тебя жить, без надежноей головушки,
Мне со этыма со братьям богоданныма!
Не по силушкам крестьянска мне работушка!
Всё не трудницей у них я, не работницей!
Как сегодняшним господним божьим денечком,
Знать, разгневалась надёжная головушка.
Я не пóчасту к тебе да ведь ухаживаю,
Я не пóдолгу, горюшица, усеживаю!
Видно, долго я к тебе да собиралася,
Я у братьицов еще утрось подавалася,
У ветляныих нешуток домогалася!
Как гордливые ветляные нешутушки
Мне-ка с грубости, горюшице, сказали,
Не с веселья светы братцы отвечали:
«Недосуг идти в любимо во гостибище —
Постановится крестьянская работушка!»
Я того, бедна вдова, да не пытаюча,
Я с горючима слезами придвигалася,
Понизёшеньку я братцам поклонялася,
Не надолго поры-времечка давалася,
На един столько господен божий денечек!
Светы братьица мои да сжаловáлися,
Оны ласково меня да приласкали,
Тут спустили во любимо во гостибище.
Хоть в гостях бедна горюша побывала,
Не убавила кручинушки — прибавила.

Как сегодняшним господним божьим денечком
Как я шла да путем-ши́рокой дороженькой,
Всё я думала победным буйным разумом,
Угощусь да у любимой у семеюшки,
Я подумаю-то крепкой с ним ведь думушки,
Пораздию тут великую кручинушку!
На глаза ко мне, мой свет, да ты не явишься,
На сговоры мне, победной, не сдаваешься,
Видно, нет тебе там вольной этой волюшки,
Знать, за тридевять за крепкима замками,
Сторожа стоят ведь там да всё не ста́реют,
Как булатние замки да всё не ржавеют;
Видно, век мне-ка, горюше, не видать буде,
Видно, на́ слыхе, победной, не слыхать буде
Про свою да про надежную головушку!
Мне пойти было, кручинноей головушке,
Мне спросить еще, победноей горюшице,
У своей-то у законной у сдержавушки:
«Где работушка, победной, работать мне-ка?
Где век-от горюше коротать буде?
У твоих ли мне у братцов у родимыих,
Али выдти на родиму взад на родину?»
Пораздумаюсь, победная головушка:
Мне не гостьицей на родинке гостить буде!
Я от бережка, горюша, откачнулася,
Я ко дру́гому, победна, не прика́чнулась!
Как посли тебя, надежная головушка,
Я не знаю-то, победна горепашица,
Кое день, кое темная е ноченька,
Кое светлое Христово воскресеньицо,
Аль владычной е господень божий праздничек.

По приходе домой около дверей вопит:

Вы послушайте-тко, братцы богоданные,
Не заприте-тко новых сеней решетчатых,
Не задвиньте-тко стекольчатых околенок,
Допустите до хоромного строеньица!
Вы возьмите-тко победную головушку,
Вы во двор меня, горюшицу, коровницей,
Вы во зимное гумно да в замолотчики,
Вы во летные меня да во работники.

Золотой казны вы мне да не платите-ко,
Только грубыим словечком не грубите-тко,
К дубову столу меня да припустите-ко,
Не обидьте вы печальную головушку!
Не прошу да я, победна горепашица,
Со полосыньки у вас да я долиночки,
Не со поженки у вас да я третиночки,
Половины со хоромного строеньица
И не па́ю со любимоей скотинушки.
Я о том прошу, победная головушка:
Вы обуйте столько резвы мои ноженьки,
Вы оденьте столько белы мои плечушки,
Вы подо́брите победную головушку!

Обращаясь к детям, продолжает:

Стань, послушай, мое стадушко детиное,
Кругом-наокол желанной своей матушки!
Я в гостях была, победная головушка,
Во гостибище у вашего у батюшки,
Я челом била ему да низко кланялась,
Перепалась я, победна, в горючих слезах,
Зовучи да в дом-крестьянску его жирушку.
Оттошна долит великая обидушка,
Порастрескалась бессчастная утробушка!
Он не сдиял со мной доброго здоровьица,
Не спрого́ворил единого словечушка,
Не спахнулся за сердечных своих детушек!
Не надия на родителя на батюшку!
Приубрался свет надежная головушка
К красну солнышку на приберёгушку,
К светлу месяцу на придрокушку!
Хоть обкладена могилушка сырой землей,
Заросла эта могила муравой травой!
Из живого мертвой станется,
Из мертва́ живой не сбудется!
Уж вы подьте ко кокоше горегорькоей,
Я прижму вас ко ретливому сердечушку,
Пораздию тут великую кручинушку!
Дал бы господи талану вам бы, участи,
Не покинули б сиротной вашей матушки
Всё при древней при глубокой меня старости!

Буде жизнь да долговека моя про́длится,
Душа грешная моя да проволочится.
Еще слушай, мое стадушко детиное!
Да как шла я путем-ши́рокой доро́женькой,
Всё горючима слезамы уливалася,
Злой великоей кручиной утиралася,
Я на стретушке людей не узнавала;
Приходить стала к крылечику перёному,
На доспрос взяли суседи спорядовые:
«Да ты где была, вдова благочесливая?
Что томным идешь суседушка томнёшенька?
Что заплаканы победны твои очушки?
У породушки была, знать, именитой?
Знать, за гостьицу тебя не почитали?
Знать, обидушкой твоей да убоялись?»
Унимать стали победну, уговаривать,
Мне про вас, да милых детушек, рассказывать:
«Как сегодняшним господним божьим денечком
Прискучали вси сиротны твои детушки,
Сожидаючи родитель тебя матушку!
Выходили на крылечико перёное,
Выбегали на прогульную на уличку,
Всё глядели во раздолье во чисто́ поле,
На широку путь-дорожку колесистую;
Все приплакались сердечны твои детушки:
„Уже где-то есть родитель наша матушка,
Да куды она, родитель, подевалася?"»
Без ума ответ держала
Тут спорядным я суседушкам:
«Спасет бог вам, спорядовые суседушки,
Что спахнулись за сердечных моих детушек,
Сжаловались до обидноей головушки!
Я у синего была славна Онегушка,
Я у пристаней была да корабельныих,
Я глядела всё, обидная головушка,
Я во летную во теплую сторонушку —
Виют витрышки сегодня полегошеньку,
Корабли идут по морю потихошеньку,
Пекё солнышко теперь да жалобнёшенько.
Всё я думала победным своим разумом,
Как не едет ли любимая семеюшка
Корабельщичком на синем на Онегушке

Он со этыим товаром заграничныим?
Уже тут у мня, у бедной у головушки,
Расходилася обида в ретливом сердце,
Разгорелася бессчастная утробушка!
Тут я грохнулась, горюша, о сыру землю,
Быв как дерево свалило от буйнá ветрá».

Если дети находятся в заработках или в военной службе и вообще где бы то ни было на чужой стороне, то вдова так причитает на могиле своего мужа:

Я путем иду широкоей дороженькой.
Не ручей да бежит быстра эта риченька,
Это я, бедна, слезами обливаюся;
И не горькая осина расстонулася,
Это зла моя кручина расходилася.
Тут зайду да я, горюшица победная,
По дорожке на искат гору высокую
Край пути да на могилушку умершую.
Припаду да я ко матушке сырой земле,
Я ко этой, победна, к муравой траве,
Воскликать стану, горюша, умильнешенько:
«Ой, развейся, буря-падара!
Разнеси ты пески желтые!
Расступись-ко, мать сыра земля!
Расколись-ко, гробова доска!
Размахнитесь, белы саваны!
Отворитесь, очи ясные!
Погляди-тко, моя ладушка,
На меня да на победную!
Не березынька шатается,
Не кудрявая свивается,
Как шатается-свивается
Твоя да молода жена!
Я пришла горюша-горькая
На любовную могилушку
Рассказать свою кручинушку.
Ой не дай же, боже-господи,
Жить обидной во сирочестве,
В горегорькоем вдовичестве!
Приовиют тонки ветерки,
Обдождят да мелки дождички,

Осмиют да все крещеные,
Все суседы порядовые,
Все суседки, малы детушки!
Ой не дай же, боже-господи,
Как синя моря без камышка,
Как чиста поля без кустышка,
Также жить бедной горюшице
Без тебя да мила ладушка!
Как листочек в непогодушку,
Я шатаюсь на белóм свете,
Как зеленая травиночка,
Сохну-вяну я кажинной день!
По чужим дальним сторонушкам
Разлетелись мои ластушки,
Все разбросаны-раскиданы
Да мои бессчастны детушки!
Хоть стоснется им сгорюнится
На чужой дальней сторонушке,
Нé с кем горя пораздияти,
Нé с кем горя поубавити.
Нет ни роду, нет ни племени,
Ни тебя, родитель-батюшка,
Ни меня, желанной матушки!
Охти мне да мне тошнешенько!
Невмогóту пришло горюшко,
Надломило мою силушку!
Ой вы люди, люди добрые,
Вы возьмите саблю вострую,
Вы разрежьте груди белые,
Посмотрите на ретливое!
Как ретливое сердечушко
Позаныло-позаржавело
У меня, бедной горюшицы,
Живучи без своей ладушки!
Охти мне да мне тошнёшенько!
Невмоготу пришло горюшко,
Надломило мою силушку!»

Наедине, когда стоскуется,
рыдая, приговаривает:

Мне пойти было, кручинноей головушке,
Мне во эты мелкорубленые клеточки,

Мне-ка взять было ключи да золоченые,
Отомкнуть было ларцы да окованые,
Мне-ка вынять там жилеточки шелковые,
Мне-ка взять да столько цветно его платьицо
На свои мне-ка на белы эты рученьки,
Приложить было ко блеклому ко личушку,
Мне прижать было к ретливому сердечушку!
Тут присесть было к стекольчату окошечку!
Во руках держать да цветно его платьицо,
Поглядить да на восточную сторонушку,
Мне ко этой божьей церкви посвященной,
Поглядить да на путь-широку дороженьку,
Тут не йдет ли то надежная головушка,
Не оденется ль во цветно он во платьицо,
Не пойдет ли ко владычному ко праздничку,
Не возрадуется ль ретливое сердечушко
У меня, да у победной у головушки!
Ты приди теперь, надежная головушка,
Единым теперь ведь я да единешенька
На сегодняшний господний божий праздничек.
Я приму тебя за гостюшка любимого,
Угощу тебя, желанную семеюшку!
Не могу дождать, кручинная головушка!
Кладу платьица на стопочки точеные,
Кругом-около, горюшица, похаживаю,
Я по цветному по платьицу подрачиваю.
Снаряжусь пойду, кручинная головушка,
Ко этому владычному ко праздничку,
Повзыскать пойду надежную семеюшку
Я во этыих толпах да молодецких;
Прибирать стану, постылая головушка,
Я по белому его да всё по личушку,
Я по ясным его да ведь по очушкам,
Я по желтым по завивным кудерышкам,
Я по возрасту, надежу, да по волосу,
По походочке его да по щепливой,
По говорюшке его да по учливой.
Не могу прибрать, кручинная головушка,
Не изо ста ведь я, да не из тысячи
Сопротив своей любимоей семеюшки!
Как пойтить мне ко владычному ко праздничку,
Подивуют мне-ка добрые ведь людушки,

Что забыла, знать, любимую семеюшку —
Всё гулят да у владычныих у праздничков
Во любимой во снарядноей покрутушке,
Знать, приманиват удалых добрых молодцов,
Знать, на радости она да на весельице.
Нонько годушки пошли да всё бедовые.
Как бессовестной народ пошел мудреной!
Пораздумаюсь, победная головушка,
Отложу да я, горюша, божьи праздничкн,
Буду господа-владыку ведь я знать,
Поминать стану любимую семеюшку,
Потоскую над косевчатым окошечком,
Я поплачу на брусовой лучше лавочке!
Знать, судьба моя, горюшицы, несчастная,
Горька участь-то моя, знать, бесталанная,
Видно, жить мне без надежной век семеюшки,
Знать, коротать мне, горюше, свою молодость!
Мне не дать спеси во младу во головушку,
Суровьства да во ретливое сердечушко,
Мне в веселый час, горюше, не смеятися,
Мне кручинной быть, горюшице, не плакать;
Светов братцев не гневить надо,
Богоданныих сестриц да не сердить надо!
Я без ветрышка, горюша, нынь шатаюся,
На работушке, победна, призамаюся;
Надо силушка держать да мне звериная,
Потяги надо держать да лошадиные;
Столько живучи без милоей семеюшки,
Я со этой со великой со кручинушки
Я бы выстала на гору на высокую,
Со обиды пала в водушку глубоку бы;
Лучше матушка земля да расступилась бы,
Туды я, бедна горюша, приукрылась бы —
Тут не ржавело б ретливое сердечушко,
Тут не ныла бы бессчастная утробушка.
Получила я, победная головушка,
Нелюбимое словечико — вдовиное;
Как несчастноей вдовой да называют,
Быв холодноей водой да поливают!
Не радела бы, победная головушка,
Я народу бы, горюша, некрещеному
Во победном жить сиротском во вдовичестве!

Как посли твоей любимоей семеюшки
Уже шесть прошло учетныих неделюшек —
Мне-ка за шесть-то учетных кажет годиков!
Притрудилась на крестьянской я работушке,
У мня силушка теперь да придержалася,
С горя рученьки мои да примахалися,
Во слезах да ясны очи примутилися,
Добры людушки того да надивились.
День и ночь хожу на трудной на работушке,
Не в спокою тут ретливое сердечушко,
Не во радостях кручинная головушка,
Я во этой во великой во досадушке!
Я приду да со крестьянской как работушки,
Я по вечеру приду, бедна, поздёшенько;
Вся в собраньице любимая семеюшка —
Светушки да тут все братцы богоданные
Со своима со любымыма семеюшкам,
Со сердечныма рожоныма со детушкам;
Как во светлую собрались оны светлицу,
Во столовую во нову оны горенку,
Круг стола сидят оны да круг дубового,
Оны пьют сидят теперь да угощаются.
Уж как я, бедна кручинная головушка,
Опришенна от любимой от семеюшки,
Отряхнулась я от светлой новой светлицы,
Отрешилась самоваров я шумячиих;
Не за чаем-то ведь я да угощаюся —
Я горючима слезама обливаюся,
Я крестьянскоей работой забавляюся!
Закреплю свое ретливое сердечушко,
Тут я ставлю им столы да всё дубовые,
Да я слажу им тут ужины вечерные,
Потихошеньку к дверям да подходить стану,
Я с-за тульица, с-за липинки поглядываю,
Из-за дверей да разговорушки держу;
Сговорю да светам братцам богоданныим:
«Скоро ль йдете за стол да хлéба кушать?»
Засвирипятся ветляны тут нешутушки
На меня, да на кручинную головушку:
«Что торопишься за ужину вечернюю?
Знать, спешишься на спокойну темну ноченьку?»
Оны искоса ведь вси тут запоглядывают,

Со всей лихостью они да разговор держат:
«Не устали твои белые там рученьки;
Не работушку сегодня работала е,
За кудрявой деревиночкой стояла всё,
На красное солнышко поглядывала:
Скоро ль солнышко ко западу двигается,
Скоро ль красное за облако закатится,
Со работушки вдова да в дом пришатится?»
Им не в честь моя крестьянская работушка;
Потихошеньку, горюшица, похаживаю,
Всё по этому хорошему строеньицу.
Вся усадится любима тут семеюшка
Как за стол да хлеба кушать,
Круг стола стану, горюшица, похаживать,
Приносить да стану somewhatествушка сахарние,
Словно белка, на нешутушек поглядывать.
Один умной да мой братец богоданной
Он спрого́ворит единое словечушко:
«Ты, вдова, наша невестушка родимая,
Что похаживашь, сноха наша любимая,
Ты садись-ко ведь за стол да хлеба кушать!
Тоже дольщичка ведь ты — да не подворница,
Ты участница участку деревенскому,
Ты ведь пайщица любимоей скотинушке,
Половинщица хоромному строеньицу!
Ты садись, бедна, за стол да хлеба кушать!»
Тут возрадуюсь, победная головушка,
Благодарствую я братцу богоданному:
«Спасет бог да светушка́ братца любимого
На твоем да на великом на желаньице,
На прелестных, на ласковыих словечушках!»
Тут за стол сяду, горюшица, смелешенько,
Я поем да тут, обидна, веселешенько,
Устелю да тут пуховы им перинушки,
Уберу я со стола да со дубового;
Тут я сяду под косевчато окошечко.
Успокоится любима вся семеюшка;
Быв великая вода тут разливается,
Под окном сижу — слезами обливаюся!
Тут не сном да коротаю темну ноченьку,
Я победным своим разумом смекаю всё:
Как наутро буде по ранному заутрышку

Разрядят ли на крестьянску хоть работушку,
В доброумьи ли ветляные нешутушки
Со спокойной станут темной оны ноченьки?
Уж я бедна кручинная головушка,
Быв упалой, как загна́ной серой заюшко,
По мостиночке с утра стану похаживать,
Я на светушков на братьицов поглядывать.
Стану спрашивать, кручинная головушка:
«Мне куда пойти на крестьянску на работушку?
На луга ли мне пойти ль да сенокосные?
На поля ли мне пойти да хлебородные?»
Разрядят да светы братцы богоданные.
Как пойду, бедна кручинная головушка,
Я на трудну на крестьянскую работушку,
Проливаю тут я слезы на сыру землю,
Я правой ногой горючи заступаю,
Чтоб не видели суседы спорядовые,
Что заплаканы ведь ясны мои очушки,
Что утерто мое бело это личушко;
Не сказали бы тут братцам богоданныим,
Не шепнули бы ветляныим нешутушкам,
Всё остудушки в семье не заводили бы,
Оны в грех бедну вдову да не вводили бы.
Встричу стритятся суседи спорядовые,
Я поклон воздам, обидна, понизешеньку,
Говорю, бедна горюша, веселешенько;
Не пода́м виду во добрые во людушки,
Что иду́, бедна горюша, при обидушке!
Веселым иду, горюша, веселешенька;
Не в укор да буде братцам богоданныим
От этых от спорядныих суседушок!
Я путем иду — с суседмы взвеселяюся,
Светов братьицев ведь я да одобряю,
Злых нешутушок ведь я да восхваляю;
А что диется в ретливоем сердечушке,
Кабы знали про то людушки да ведали!
Хоть иду, бедна горюша, веселешенька,
Без огня мое сердечко разгоряется,
Без смолы моя утроба раскипляется,
Без воды да резвы ножки подмывает!

ПЛАЧ ПО ДОЧЕРИ

Как сегодным долгим годышком
Перед этой злой обидушкой
Унывало всё ретливое сердечушко
У меня, да у позяблой бедной матушки!
Говорила мне-ка белая лебедушка:
«Я не знаю же, родитель мой межонной день,
Что болят да крепко резвы мои ноженьки,
Что устали нонь девочьи мои рученьки,
Изменился белой свет да со ясны́х очей!
Хоть дождусь-то я темной этой ноченьки,
Хоть я лягу на тесовую кроваточку,
Всё болит да моя буйная головушка!
Ты будить придешь, родитель жалостливая,
Кое-как да на постели я размаюся,
Погляжу тут на косевчато окошечко:
Виют витрышки на ши́рокой на уличке,
Погодушка стоит во чистом поле!»
Я не знала, бедна мать, горька детиная,
Что разлукушка с сердечным буде дитятком!
Было совестно сказать да во добры люди,
Что грузна́-больна белая лебедушка!
Тут по моему великому бессчастьицу
Вдруг склонило ю тяжело неможеньице,
Сустигала злодий скоряя смерётушка;
Я сидела тут по темным у ей ноченькам,
Провожала с ей господни белы де́нечки,
Я забросила крестьянскую работушку,
Прозабыла всю любимую скотинушку,
Поднимала от пуховой ю перинушки,
Я держала ю на белых своих рученьках.
Говорить да стала белая лебедушка:
«Не могу сидеть, родитель жалостливая,
Не глядят да ясны очушки на белой свет,
Я трудным да нонь, лебедушка, труднешенька!»
Приносить стану тут ествушки сахарние,
Стану потчивать сердечно свое дитятко:
«Чего хочешь, моя белая лебедушка,
По уму сложу те питьица медвяные!»
Говорить стане сердечно мило дитятко:
«Не спешись, моя родитель жалостливая,

Не ходи да ты во лавочки торговые,
Не бери ты мне-ка сладкого еденьица,
Ты не трать, мое желанье, золотой казны,
Не тревожь ты добрых многих этых людушек,
Не труди меня при трудноей постелюшке;
Простит господи в великом согрешеньице,
Може, даст господь доброго здоровьица
И наставит мне-ка долгого он векушку!»

Уже день за день как река течет;
Приходить стала разливня красна вёснушка,
Стало синее Онего разливатися,
Мое дитятко от нас да удалятися.
Быв как дождички уходят во сыру землю,
Как снежочки быдто тают кругом-нáокол огней.
Вроде солнышко за облачко теряется,
Так же дитятко от нас да укрывается!
Как светел месяц поутру закатается,
Как часта звезда стерялась поднебесная,
Улетела моя белая лебедушка
На иное, безвестное живленьице!

Когда оденут:

Ой, долит меня детиная тоска неугасимая:
Нонь крутят мою косату милу ластушку,
Во умершее крутят да ю во платьице!
Я пойду с горя во светлую светёлочку,
Со обиды по ларцам я окованныим,
Я повыну ейно цветно это платьице,
Приложу да ей на белые на грудюшки;
Уж я эту жемчужную подвесточку
Положу да я на младу ей головушку,
По подвесточке розову косыночку;
Я заглажу ейны русые волосушки,
Уберу да я завивну ейну кóсыньку
В дорогие золотые эты ленточки;
По русой косы кладу цветы алые,
Я накину тут соболью эту шубоньку
На девочьи ей на белые на плеченьки!
Полюбуйтесь-ко, род-племя любимое,
Покрасуйтесь-ко, советны-дружны пóдружки,
Со сторон глядя, суседи спорядовые!

Ой, тошным да мне, победной, тошнешенько!
Не цветнó ноньку басисто на ей платьице,
Не приляже к ей жемчужная подвесточка,
Ю не греет-то соболья ноньку шубонька!
Убирают мою белую лебедушку
Во эту нонь колоду белодубову!
Не жалею я, победная головушка,
Ни этой пуховой я перинушки,
Ни эта соболина одеяльица;
Устелите-тко перину хорошохонько,
Вы оденьте-тко лебедушку теплешенько,
Отрядите мое дитятко любешенько!
Распороли бы нонь грудь да мою белую,
Посмотрели бы во матерну утробушку;
Быв огнем мое сердечко разгоряется,
Как смола, кипит в бессчастноей утробушке,
Ушибáт столько злодийная обидушка!

К покойнице:

На полете лебедь белая,
Ой, куда летишь, косатушка?
Не утай, скажи, сугрёва моя теплая;
Как пчела в меду, добротинка, купалася,
Как скачён жемчуг по блюду рассыпалася;
У стола была любимая стряпéюшка;
За ставом да дорóгая была ткиюшка;
За тамбуркою досужа рукодельница,
Вышивала всяки-разны полотенечки;
Столько зарилися многи добры людушки,
Все ласкалися удалы добры мóлодцы;
Ведь наряжена, кажись, была покрутушка,
Ослобóжена гостиная неделюшка;
Говорили вси советны-милы пóдружки:
«Счастливая ты девушка, таланная,
Цветныим ты платьем изнавешена,
Тяжелой ты работой не огружена,
Бранным ты словечком не огрублена;
Вопрягý тебе ступистая лошадушка —
Днем ездить по унылыим по свадебкам,
Ввечеру да по смиренныим беседушкам!»
Не начáлась я, горюша, не надиялась!
«Сыто идется дитя, да долго выспится».

Хоть повыстану по ранному я утрышку,
Потиху́ приду во светлую светелочку,
Тихомолком ко тесовой я кроваточке,
Сотворю да тут Исусову молитовку,
Принакрою соболиным одеялышком,
Я поглажу ю по младой по головушке:
«Да ты спи же, моя белая лебедушка,
Во своем пока прекрасном ты девичестве,
На этой на пуховой ты перинушке!»
Знать, что ведало ретливое сердечушко,
Что не долго буде ейного живленьица!
Как сегодным долгим годышком
Было раннее у ней да пробужденьице;
Не охотило сердечно мило дитятко
Ходить-издить по унылым по свадебкам,
По летныим ходить да по игрищечкам,
По зимным тихомерныим беседушкам,
Тосковало за девочьим рукодельицем,
Быв в гостях да у породы именитой.
Не поспела бедна мать полюбоватися,
На дитятко свое да насмотритися,
Воспокинула ю белая лебедушка!
Не утай, скажи, косата моя ластушка,
Ты на чье нас покидаешь доброумьице?

К родственникам:

Спасет бог вас, порода родовитая,
На вашем великом желаньице!
Вы любили наливную мою ягодку,
Почитали мою белую лебедушку,
Почасту́ брали в любимое гостибище:
По этой студёной холодной зиме
Да вы по́шлете крылата ясна сокола
На этой ступистой вы лошадушке,
На дубовых вы санках самокатныих.
Она гостьицей бывала двунедельной,
Почасту была беседницей воскресной;
Как приидет со любимого гостибища,
Всё хвалилося сердечно мое дитятко:
Было мистечко во светлой, скаже, светлице,
Мне почет-то был, скаже, во большом углу!
Вы на улице голубоньку стретали,

Через два поля вы гостью провожали;
По уму ей были кушанья снаряжены,
По устам ей были питьица составлены,
По рукам ей красна ложечка положена!
Теперь всё прошло-миновалося,
С родом с племенем она порасстался,
С отцом с матушкой распростилася,
Нонь далече от породы отшатилась!
Не приидё к вам белая лебедушка
На гостиную уречную неделюшку!
Еще слушай же, порода именитая!
Попеняю вам, любимы милы сроднички!
Столько гневалось сердечно мое дитятко,
Как лежало при болезноей постелюшке —
Не пришли вы к ей, белоей лебедушке,
Засмотрить да вы при крутом ю зголовьице.
Знать, боялись вы тяжёла неможеньица,
Устрашились, видно, скорой вы смерётушки?
От суда божья, род, да мы не денемся,
От смерётушки ведь нам да не убегать!
Знать, что не́весто вам было не вести́мо
Про ейно тяжёло неможеньицо?
Памятила моя белая лебедушка,
Сожидала крепко милых она дяденек!
Хоть я писемок, горюша, не писала,
Пословечно да я людям наказала,
Что трудна очень белая лебедушка,
Тяжела она, при скорой смерётушке.
Не посмили вы, спацливы, прийти, дяденки,
Подоброумить мою белую лебедушку;
Что вы по́долгу теперь снаряжаетесь,
Что вы по́тиху ко мне сподобляетесь?
Недосужна, знать, пора было времечко?
Аль умножила крестьянска вас работушка?
Кажись, порушка теперь не рабочая,
Времечко, кажись, не сенокосное!
Аль умножила станица малых детушек,
Что вам не было слободной поры-времечка
К нам придти о владычном божьем праздничке,
Ни о светлом Христове воскресеньице?
Чем разгневала вас белая лебедушка?
Знать, дубовые полы да притоптала?

Скамеечки кленовы присидела?
Хрустальны она стекла приглядела?
Знать, добры́х она коней притомила?
Ваших детушек она ли притрудила?
Знать, дубовы ваши санки прикатала?
Цветно платьицо у вас да приносила?
Поразгневалась белая лебедушка
На вас она, спацливых своих дяденек,
Сожидаюча родима засмотреньица;
Была в живности белая лебедушка,
Говорила мне, печальной головушке:
«Засмотрили б как спацливы меня дяденки,
Принесли бы оны доброго здоровьица,
Я поправилась с болезной бы постелюшки,
Я бы стала со тяжёла неможеньица,
От этого я складнего зголовьица!»
Да вы слушайте-тко, род-племя любимое!
После моего сердечного как дитятка
На вашей прогульной славной уличке
Владычной господен буде праздничек,
Там гульбищечко буде со прокладбищем,
Гуляньице буде со весельицем,
Приберутся души красны девицы,
Ейны милые сестрицы сдвуродимые,
Тайны милые советны-дружны по́дружки,
Оны к вам во любимое гостибищо,
Станут шуточки лебедушки шутить,
Всяки-разны будут игры преставлять,
Тут воспомните сердечно мое дитятко
Вы при милых, советных ейных по́дружках!
Была первая любимая затейщица
На все разные игры на забавные,
Взвеселяла вас, спацливых родных дяденек,
Спотешала всё сердечных ваших детушек!

При выносе:

Ты прощайся-ко, рожёно мое дитятко,
С добрым хоромным построеньицем,
Ты со новой любимой своей горенкой,
Со этыма милыма подруженькам,
Со этыма удалыма ты молодцам!

Вы простите, жалостливы милы сродничкн,
Ты прости-прощай, порода родовитая!
Ко белому лицу прикладайтесь-ко,
Ко сахарним устам прилагайтесь-ко!

. . . .

Вы простите-тко, поля хлебородные,
Вы раскосисты луга сенокосные!
День ко вечеру последний коротается,
Красно солнышко ко западу двигается,
Всё за облачку ходячую теряется,
Мое дитё в путь-дорожку отправляется!
Вы идите-тко, попы-отцы духовные,
Отомните божьи церквы посвященные!

После отпевания:

Наглядитесь-ко, победны мои очушки,
Хоть во этой божьей церкви посвященной
Про запас вы на сердечно мило дитятко,
Во умершее во бело это личушко!
Все попы-отцы духовны сдивовались,
Пономарь звонит во колокол — мешается,
Попы-отцы книги зачитаются!
Херувимский оны стих уж допевают,
Умерший венец уж прилагают,
Под праву руку бумагу кладавают,
На вековое живленье отправляют!

. . . .

Спаси господи попов-отцов духовных,
Что священные вы церкви отмыкали,
На престоле божью книгу отворяли,
Не жалили вы свечи да воску ярого,
Вы подсвичники на церковь выносили,
Честно-именно лебедушку отпили!

. . . .

Как берут да мою белую лебедушку
Со этой дубовой со скамеечки
На право́ плечо удалы добры мо́лодцы,
По лево́ плечо советны-дружны по́дружки;
Тут несут оны колоду белодубову

Со этой божьей церкви посвящённой
На крещенскую на славну оны у́личку,
На эту на микольску славну бу́яву;
Опускают мою белую лебедушку
По этым оны браным полотенечкам
Во могилушку, мой свет, во сыру землю!

. . . .

Я прошу еще попов-отцов духовных,
Вы глубоки погреба́ покадите-тко,
Не жалийте демьяна да вы ладану!

. . . .

Ты прости, моя белая лебедушка,
Во сем меня веку́ да веку будущем,
Ты во тяжком великом согрешеньице,
Буде сло́вечком тебя да приогру́била!
Прозабыла я, печальная головушка,
Поспросить еще сердечно свое дитятко,
Как раздать куды любимая покрутушка.
Сотлиет нонь в ларцах да цветно платьице,
Забусиют жемчуги нонь перебраные!
Я кладу ейну жемчужную подвесточку
Во эту божью церковь посвящённую,
Ко этой пресвятой да богородице,
Я своей души кладу да на спа́сенье,
Я по дитятке на вечно поминание;
Вси шелковые платочки заграничные
Я раздам да по удалым добрым молодцам,
Пусть-ко держат о владычных божьих праздничках,
Пусть-ко носят кругом шеи молодецкой!
Я вси алые девочьи ейны ленточки
По душа́м раздам по красныим по девушкам,
Пусть спасают оны белую лебедушку,
Взвеселяются на тихиих беседушках!
Раздарю да я колечка золоченые
По милыим, сердечным ейным по́дружкам,
Пускай носят-то на белых оны рученьках,
Поминают свою дру́жну разговорщичку!
Я подо́брю всю породу родовитую,
Я полажу всех сердечных милых сродничков,
Сарафаны я раздам им мелкоскладние!

Вы придите, сироты да бесприютные,
Вы обидные вси дочери безотние!
Я дарю да вас по розовой косыночке,
Я за то дарю обидных вас головушек,
Что сиротки вы победны-бесприютные,
Вам не о́т кого ждать себе покрутушки!
Я еще дарю вас, белыих лебедушек,
За ваше за великое желаньице,
Привитали вы к косатой моей ластушке,
Засмотрили во болезной ю постелюшке,
Взвеселяли во тяжелом неможеньице,
Проводили вы косату мою ластушку
До этой божьей церкви посвященной,
Вы несли да ю на белых своих ру́ченьках,
На своих несли на младыих головушках!
Уж вы слушайте, сиротны малы детушки!
Вы ходите-тко к победной мне скорешенько,
Засмотрите-тко, позяблую, частешенько,
Во обидушке меня разговорите-тко;
Погляжу на вас, победная головушка,
На свою да как я белую лебедушку!

ПЛАЧ О СВАТЕ

Невесткина свекровь отправляется на похороны свата — отца невестки. «Сказали: Сватушка живого нет! Вот тебе сватушко! Бог убрал — конец бревна урвал! Большак, спусти на похороны — сватушка похоронить, в послидний уж проводить до церквы божьей: доброй был!» Снарядилася, пошла путем-дорогой, горой-водой, лесом-парусом. На крыльце встречает ее сватья — невесткина мать:

Мне повыдти на крылечико перёное,
Мне-ка на́ эты новы сени решётчаты!
Как сказали многи добры эты людушки,
Мне пробаяли суседы спорядовые,
Что со этого раздолья со чиста поля,
По этому лугу да по зеленому,
Ко нашему крылечику перёному
Катит-жалуе любима-мила сватьюшка!
Видно, из роду сыскалася из племени,

Как идет она в хоромное строеньице,
На последнее ко сватушку прощеньице!
Ты послушай-ко, любима-мила сватьюшка!
Да как шла путем-широкой дороженькой,
Ты не стретила ль надежной там головушки,
Во темном лесу дремучем,
Аль на чистом его полюшке?
Кругом шла да как ты малого озёрышка,
По крутому ты шла да как по бережку,
Там не видла ль любима-мила сватушка?
Он охоч ведь был, надежная головушка,
Ходить-издить к быстрым риченькам,
На риченьках стрелять серых утушек,
На озерышках ловить свежих рыбонёк!
Постою, бедна горюшица, подумаю,
Поспрошу, бедна горюша я, доведаюсь,
Он не съехал ли в любимо к вам гостибище,
Ко своей белой надеженька-лебедушке,
Засмотреть он бажёных своих внучаток?
Подожду, бедна горюшица, подумаю,
Не расскажет ли любима-мила сватьюшка
О моей милой семеюшке,
Не поведат ли доброго известьица?

Сватья-свекровь с дороги отвечает:

Ты послушай-ко, любима моя сватьюшка!
На крылечушке меня не останавливай,
На прогулочке-на уличке не спрашивай;
Можешь знать-ведать, любима моя сватьюшка,
Что, пристаршая победная головушка,
Я дороженькой ведь шла да приустала,
У крылечушка едва я отсдыхалась!
У холодного вестей ты не выспрашивай,
На переднем крылечке не выведывай,
Допусти хоть до хоромного строеньица,
До своей ты брусовой белой лавочки!

Вы послушайте, народ да люди добрые,
Приложите-тко совет-думу крепкую:
Да мне как назвать победную головушку?
По-прежнему назвать ли милой сватьюшкой,
Аль назвать было победной этой вдовушкой?

Не любимое словечико вдовиное!
Хоть я шла путем-ши́рокой дороженькой,
Мимо это кругло малое озерышко,
Я по кру́тому шла там по бережку,
Я по тихиим шла да всё по за́водям,
Столько видела, победная головушка,
На той сто́роны малого озерышка,
Что незнамый человек там шатается.
Невдомек пришло, победной головушке,
Посмотреть мне во бело его личушко,
Поглядеть да мне во ясны его очушки,
Заприми́тить по желтыим кудёрышкам!
Нонь сказала бы победным вам головушкам:
Да я шла как, кручинная головушка,
Через быстру я шла да эту риченьку
По этой дубовой по мостиночке,
По этой кленовой перекладинке,
За кустышком вдруг что-то схробысталося,
Уловня вроде рыбонька там свежая;
Уж я так, бедна-победна, испугалася,
От риченьки бежала поскорёшенько,
В путь-дорожку, горюша, поспешалась,
С переполоху я шла, взад не ворочалась!
Не глядела под ракитовой под кусточек,
Не смотрела под малиновой под листочек:
Аль под кустычком птица перелетная,
Под листочком человек ли е прохожой?
Извини в том, любима-мила сватьюшка,
Он не ехал на ступистой к нам лошадушке
Во любимое желанное гостибище!
Поджидала я, кручинная головушка,
Не подъедет ли любимой-милой сватушко.
Тут раздумалась победным своим разумом:
У нас спущена ветляная нешутушка
Она на́ свою родиму эту родинку.

К невестке:

Ворочусь пойду, печальная головушка,
Ко своей я ветляной нешутушке:
Ты застала ли в живности родителя,
Сердечное великое желаньице?
Как вечёр ты по поздому по вечеру

Спросилась у победных нас головушек,
Доложилась у богоданного у батюшка:
«Вы пустите на родиму меня родинку,
Очень тя́жёл мой желанной родной батюшко?»
Говорила я, кручинная головушка,
Большаку да я, во доме настоятелю:
«Отпустить надо ветляная нешутушка
На свою да на родимую на родинку,
На послиднее к родителю прощеньице!»
Ты просила тут, ветляная нешутушка,
Во собой да ты сердечных своих детушек.
Отвечала я, печальная головушка:
«Долго путь пройде дальняя дороженька
Со малыма сердечныма детушкам;
Малы детушки пойдут потихошеньку,
Приустанут путем-ши́рокой дороженькой;
Ты пройдешь с има темну эту ноченьку,
Не застанешь ты родителя ведь в живности!»
Говорила я, печальная головушка:
«Будут деточки твои не обижены,
Им устлана пуховая перинушка,
Будет убрано складнее зголовьицо;
Уложены сердечны будут детушки,
Усыплены малы мои внучатки!»
Говорила я, кручинная головушка:
«Снаряжайся знай поскорёшенько,
Ты путем иди дорожкой суровёшенько,
Заставай ты родителя-батюшка,
Пока в живности великое желаньице,
Ты проси собе прощенья с благословленьицем,
Да ты на́ веки проси нерушимые!»

Сватья-вдова, мать невестки:

Спасет бог, моя желанна мила сватьюшка,
На вашем великом желаньице!
Да вы умны богоданные родители,
Разумна любимая семеюшка,
Почитат да он жену-семью любимую!
У вас вложено великое желаньице
До моей этой белоей лебедушки,
До сердечных бажёных моих внучаток!
Почасту держишь на белых своих рученьках,

Да ты топишь тёплы-парны про их баенки;
Почитаете сердечно мое дитятко!
У вас вольная дана ей была волюшка
Почасту́ да на родиму ходить родинку;
Всё хвалится моя белая лебедушка
Она этой сторонушкой судимой,
Удобрят да богоданну тебя матушку;
«Лучше-краше мне девочьего живленьица
На судимой, скаже, этой мне сторонушке!»
Да ты слушай-ко, любима моя сватьюшка!
Мы довольны тобой, бедные головушки;
Как мы издили с покойной головушкой
Ко своему сердечному дитятке,
Не сгрустнулась, любима-мила сватьюшка,
На свою да ты ветляную нешутушку,
Не грубила нас, печальных головушек;
Не надиялась, любима-мила сватьюшка,
Да нас до́сыта, победных, накормитися,
С весела́ да в ясны очи наглядитися!
Как мы издили с покойной головушкой,
Ох хвалился всё любимым угощеньицем,
Удобрял да он житье ваше богатое,
Восхвалял да он во добрые во людушки:
«Наша сча́стлива ведь белая лебедушка,
Как таланное сердечно наше дитятко,
В похвалы у богоданныих родителей!»

Сватья-свекровь отвечает:

Ты послушай-ко, любима моя сватьюшка!
Я вперед прошу, кручинная головушка,
Ты гости, бедна любима-мила сватьюшка,
Без своей хоть ты надежной головушки,
Принимать будем горюшицу по-старому,
Будут ествушки тебе да по-досюльному,
Спасет бог да вам, любима-мила сватьюшка,
Что ходили ко своей белой лебедушке,
Не гневались вы нашим угощеньицем,
Не гнушались вы ествами сахарныма!

Сватья-теща:

Еще слушай же, любима моя сватьюшка!
После своего родитель-батюшки

Вы спустите во любимое гостибище
Мою белую кручинную лебедушку
Засмотреть меня, победную головушку,
Хоть о светлом Христове воскресеньице,
О владычном ли господнем божьем праздничке!
Я сжидать буду, печальная головушка,
Я стречать да на крылечке ю перёном
Со сердечныма желанныма внучаткам;
Стану пó избы, горюшица, похаживать,
У окошечка я буду всё послушивать,
Не скрипят ли путем саночки дубовые,
Не едут ли гостюшки любимые,
Ко мне, бедной головушке,
Сердечные желанны мои детушки!
Я составлю ведь ествушка сахарние,
Я по разуму им питьица медвяные,
Закуплю да им сладкие закусочки!
Я тебя прошу, любима-мила сватьюшка,
С сердечныма я вкупе прошу детушкам,
Тебя вмисте со ветляной нешутушкой,
За сестру тебя прошу да за бажёную,
Я за гостью почитаю за любимую!

Сватья-свекровь:

Спасет бог тебя, любима-мила сватьюшка,
На твоем да на великом желаньице;
При суседушках меня не осрамила,
Перед добрыма людями ты не выдала!
Хоть не спацлива ведь я да не желанная,
Хоть я нá слово, победнушка, спесивая,
На ричную поговорочку бросливая,
Горяча больно, победная головушка, —
Приобижу когда белую лебедушку,
Свою милую ветляную нешутушку,
Не в пронос да буде в добрые во людушки,
Невдомек да вам, желанным родителям!
Благоразумная ветляная нешутушка —
У мня умное сердечно это дитятко!
Не дават да воли семье своей любимой,
Почитат меня, задорну богоданную,
Она матушкой меня да взвеличает
И родителью меня да воскликает;

Запоходит на родиму когда родину,
Доложится у победной головушки,
Она спросится в любимое гостибище,
Меня звать стане, печальную головушку:
«Ты пойдем да богоданна с нами матушка,
Ты во это во любимое гостибище,
На мою да ты родиму пойдем родинку,
Ко моим светам желанныим родителям!»
Да я разумом, горюшица, простёшенька,
На словах поднять горюшица любимая,
На подъем да я, горюшица, легошенька.
Снаряжусь вкруте с сердечныма я детушкам,
Мы пойдём да тут с има поскорешенько,
Разговор держим ведь с има веселёшенько,
На среканьицо суседям спорядовым, —
«Будто с ро́дной она дочерью похаживат!»
Я ходила ко любезному сватушку,
Почасту́ во любимое гостибище,
Почитал он за сердечну милу гостьицу,
Всегда сдиял со мной доброе здоровьице,
Кругом-на́окол обхаживат тихошенько,
Говорить стане победной мне головушке:
«Ты садись да всё на стульицо кленовое,
Ты устала путем-широкой дороженькой!»
Говорить стане любимой он семеюшке:
«Да ты слушай-ко, жена-семья любимая!»
Стане шуточную речь он разговаривать,
Он жену свою ведь стане поднаряживать:
«Ты ходи да по хоромам-то скорёшенько,
Ты готовь-ко да им ества суровёшенько,
Да ты ставь-ко самовары им шумячие,
Ты вари да крепки кофеи горячие;
У нас гостюшки теперечко любимые —
Во-первы́х, у нас сердечны эты детушки,
Во-других, да дорогая мила сватьюшка!»
Принимал всегды сват мой от усердия,
Меня потчивал с великого желаньица.
Говорить да станут добры мне-ка людушки,
Как сбивать станут победну с ума с разума:
«Да ты ходишь с сердечныма детушкам,
Не к лицу ходишь в любимое гостибище,
Во глаза лестит любимой тебя сватушко,

Обсуждат тебя любима-мила сватьюшка,
Что ведь ходишь со сердечныма со детушкам
Во любимое ты к им да всё гостибище!»
Я не слушала ведь добрых этых людушек,
Никаких их я пустыих разговорушек.
Да нам пó уму ветляная нешутушка,
Нам по разуму любима ей породушка.
Ты послушай-ко, родима моя сватьюшка!
После твоей-то надежноей головушки
Мы отложим всё любимое гостибище;
Как моей милой ветляной нонь нешутушке
Хоть захочется на родинку тошнёхонько,
Отхочется от родинки скорёшенько!
Столько слушайте, народ да люди добрые!
На катучем посидеть да хоть на камышке,
На родимой побывать бы столько родинке!
Всё не голодна придё она, не холодна,
Не для хлеба придё соли наеданьица,
Не для сладкого медвяна напиваньица;
Повидать да свет любиму свою матушку,
Посмотрить да светов братьицов родимых.
Да ты слушай-ко, родима моя сватьюшка!
Как сегодняшним господним божьим дéнечком
Да я шла путем-ши́рокой дороженькой,
Я по вашим лугам сенокосныим, —
Тут посохла на лугах трава зеленая,
Тут поблёкли всяки розовы цветочики,
Из погибели-то деревца шатаются,
На все стороны пруточки развеваются,
По сырой земле листочки свиваются!
Устоялась тут, победна, призадумалась,
Огляделася, победна, устрашилася,
Ума-разума, победна, изменилася!
Как до сегодняшня господня божья дéнечка
Как на вашей на луговой этой поженке
Очень длинная трава да вырастала,
Всяки разные цветочки расцветали,
Уж как деревца росли не погибали,
Кругом-нáокол пруточки завивались
И зеленые листочики шумели!
Тут раздумаюсь победным своим разумом:
Перемена на лугах на сенокосных,

Изменушка в хоромном во строеньице,
Изменилися поля да хлебородные!
Тут подумала победным своим разумом:
Нету в живности любимого, знать, сватушка,
У моей да, знать, родимой у сватьюшки
Во доми, видно, великая кручинушка,
На окошечке злодийная тоскичушка,
Порассталася с надежной, знать, головушкой.

К свату-покойнику:

Ворочусь да я, печальная головушка,
Я во этот во почестной во большой угол,
Я ко этому любимому ко сватушку;
Воскликать стану, победна, жалобнешенько,
Разговаривать по-прежнему тихошенько:
«Да ты стань-восстань, любимой-милой сватушко,
Да ты сдий-ко со мной доброе здоровьицо,
Сговори со мной хоть малое словечушко!
Как допрежь сего, до этой поры-времечка,
До сегодняшя господня божья де́нечка,
Как стретал да нас на ши́рокой на улице,
Убирал наших ступистых лошадушек!
Были гостюшки у сватушка униманы,
Соболины, куньи шубоньки скидываны,
Как по стопочкам ведь платьица развешены,
По гостям да были стульица расставлены;
Как сегодняшним господним божьим денечком
Не стаёшь да ты на резвые на ноженьки,
Не разманешь свои ясны эты очушки,
От сердечка белых рук не отшибаешь,
От белой груди ты их не подымаешь!
Что же гнев несешь, любимой-милой сватушко?
Знать, напрасно добры люди насказали что,
Аль голубушка невестушка пожалилась
На меня да богоданную на матушку,
Как на этую свекрову, змию лютую?
Ты послушай же, любимой-милой сватушко!
Кажись, дитятко твое да не обижено,
Всё невестушка словами не огру́блена;
Я стеной стою по ей да городо́вою,
Заменяю на работушке тяжелой!
Сговори да хоть единое словечушко

Ты при милых спорядовыих суседушках,
При всех сродчах сговори да ты, при
сродничках!
Знаю-ведаю, печальная головушка,
Поразгневался родимой милой сватушко,
Что не спущала любимой невестушки
Засмотреть тебя в тяжелом зголовьице,
При злодийном твоем я неможеньице!
Можешь знать-ведать, родимой милой сватушко,
Нынь стрядня да пора-времечко рабочее,
Пришло времечко теперь да сенокосное;
Не одна живу ведь я да единешенька,
Е великая любимая семеюшка,
Есть ведь братья у меня да сдвуродимые,
Е племяннички у нас да всё любимые;
Как спущать да ю на родинку частёшенько,
Буде не́ любо братцам сдвуродимым,
Буде не любо племянничкам любимым;
Буде здор да во любимой во семеюшке,
Неприятности в крестьянской нашей жирушке;
Будут грубно светы братцы разговаривать,
Не к лицу будет любимой невестушке!
Ты послушай, родимой милой сватушко!
Ты прости меня, печальную головушку,
Ты во всем веку прости да меня в будущем!

При отпевании:

День ко вечеру теперь коротается,
Ко горам красно солнышко двига́ется,
Как народ-добры люди собираются,
Староверы со пустыней-то съезжаются,
Во монашеское платье одеваются;
Воску ярого свечи да затопляют,
Одноручное кадило зажигают,
Староверчески стихи да запевают!
Оны голосом ведут потихошеньку,
Оны сло́вечко-то скажут полегошеньку,
Крест кладут оны ведь по-писаному,
Как начало полагают староверское,
Отпевают любимого нонь сватушка!
Ты послушай-ко, родимая невестушка,
Да ты стань подле надежноей головушки,

Да ты вточь гляди во темные во очушки,
Не пугайся-тко великого желаньица!
Как призаперты нонь очушки плотнёшенько,
Почернело его бело это личушко,
Поблекли его белы эты рученьки,
Придались ко гробу резвы эты ноженьки!

В конце отпеванья:

Я гляжу-смотрю, печальная головушка:
Нонь скорёшенько свечи да догоряются,
Староверские стихи да допеваются,
Вси ведь добрые-то людушки прощаются,
Оны к мертвыим устам да прилагаются!
Наглядитесь-ко вы, род-племя любимое,
Насмотритесь-ко, сердечны малы детушки,
Приклонитесь-ко во резвые во ноженьки,
Прилагайтесь-ко к родителю ко батюшку!
Укрывается великое желаньице,
Удаляется желанной родной батюшко!
Ты прости, да наш любимой-милой сватушко,
Ты сердечныих прости да малых детушек!

К детям покойного:

Вы послушайте, любимы-милы сватушки,
Недорослы боровые ягодиночки!
Хоть вы возрастом, светы, не малешеньки,
Во годах еще вы дети молодешеньки,
Умом-разумом головушки простешеньки!
Как вам жить да без родителя без батюшка,
Управлять да дом крестьянска буде жирушка?
Прежде добрых людей вы не кидайтесь-ко,
Позади да вы от их не отставайте-тко
Вы на трудной крестьянской на работушке.
Много у́ма надо разума в головушку,
Надо розмыслу в ретливое сердечушко
Уже вам, да златокрылым ясным со́колам!
Глупы-молоды скачёные жемчужинки,
Да вы слушайте родитель вашу матушку,
Почитайте вы наказы света батюшка!

. . . .

ПЛАЧ О ХОЛОСТОМ РЕКРУТЕ

В избе много народу. Мать вопит:

Я чего да сижу, мать бедна бессчастная,
Сирота теперь сижу да бесприютная,
И на брусовоей сижу да белой лавочке,
И под печальныим косевчатым окошечком,
И под туманноей стекольчатой околенкой?
Я сижу, бедна горюша, призадумавши
И чужих ба́сенок, горюша, приослухавши!
Подивуют мне-ка до́бры эти людушки
И посрекаются спорядные суседушки:
«И, знать, на радости сидит да на весельице
И на великой, знать, господней божьей милости —
У ей вси вкупе сердечны, видно, детушки.
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И что ведь при́брались народ да люди добрые?
И не весельице у нас да не забавушки,
И не тихие смиренные беседушки,
И не честно́е у нас да пированьице.
Нонь как этыим учетным долгим годышком
И сочинилась грозна служба государева,
И сволновался неприятель земли русской,
И присылать стали указы государевы,
И собирать стали уда́лых добрых молодцев
Как на сходку ведь теперь да на обчественну,
И тут писать стали удалых добрых молодцев
Да на этот на гербовой лист-бумаженьку,
И призывать стали судьи́ неправосудные
И всё ко этыим ко жеребьям дубовыим!
Уж как этыи удалы добры молодцы
И перед го́спода глаза да ведь крестили
И богородице молитовку творили,
И оны брали жеребья да тут дубовые:
И пойти надо тут во службу государеву!
Как сегодняшним господним божьим де́нечком
И хоть не скованы да резвы у их ноженьки,
Только сковано ретливое сердечушко;
И хоть не связаны бурлацки белы рученьки,
И обрестованы указом государевым!
Вот похаживат сердечно мое дидятко
И он по доброму хоромному строеньицу,

И да он буйной-то головушкой покачиват,
Он жёлтыма кудеркама потряхиват,
И молодецкима-то ручкама помахиват,
И он на память-то словечка спроговариват,
И говорит столько, скачёная жемчужинка:
«Знать, судьба моя теперь да всё несчастная,
Сустигае, видно, жизнь да неталанная,
Сустигае грозна служба государева!
И на роду, да видно, служба мне уписана,
И, видно, нá делу, бурлáку, доставалася!»
Тут он смáхне свои белы эти рученьки
И на бурлацку молодецкую головушку,
И на завивные на желтые кудерышка;
И не жалие молодецких кудер желтыих
И с горя рвет да свои желтые кудерышка!
Тут он смáхнет молодецки белы рученьки
Он на этую на грудь да молодецкую
И подожмет свое ретливое сердечушко:
«И не тоскуй, да молодецкое сердечушко,
Не унывай, да молодецкая утробушка!»
И он пройдет да по хоромному строеньицу,
И он спроговорит единое словечушко
Всим приближним спорядовыим суседушкам,
Всим дружья́м да молодцáм своим приятелям,
В собину́ да душам красным скажет девушкам:
«Поглядите-тко, народ да люди добрые,
И на печального бурлáка на молóдого!
И как хожу я по хоромному строеньицу,
И по светлоей хожу да я по свéтлице:
И я не пьян, да с горя, мóлодец, шатаюся,
Без воды да резвы ножки подмывает,
Без огня мое сердечко разгоряется,
Без смолы моя утроба раскипляется,
Дума думушку бурлака пошибает,
И ум за разум у бурлака забегает!
Вы простите-тко, души да красны девушки!
Как что сдиется над добрыим над молодцем,
Как возьмут да в грозну службу государеву,
И вы воспомните, души да красны девушки,
И спомятите-тко бурлáка размолодого
Вы на этыих горах да на искатныих,
И вы на тихих на смиренныих беседушках!

Помолитесь-ко, старушки стародревние,
Вы пречистой пресвятой да богородице,
Чтобы господи-владыко-свет помиловал
Как от этой бы от службы государевой,
И возвратил бы на судиму бог сторонушку —
И рыболовушком на сине бы Онегушко,
И меня пахарем на чисто бы на полюшко,
И воскормителем желанным бы родителям!
И не тоскуй, моя родитель родна́ матушка!
И ты не плачь, мое желанье, горючмы слезмы,
И ты не дай тоски к ретливому сердечушку,
И ты обидушки ко зяблоей утробушке!»
Я гляжу-смотрю, победная головушка,
И на печальное сердечно свое дитятко:
И как не белая березка нагибается,
И не шатучая осина расшумелася —
Добрый мо́лодец кручиной убивается!
Не дай, боже, ведь того, да боже-господи,
Расставаться со сердечныим со дитятком!
Ой, тошнёхонько ретливому сердечушку!
Как детиная тоска неугасимая,
И как жива эта разлука пуще мертвой!

Приезжают за рекрутами земские власти; мать вопит:

И прошел де́нечек теперь да не видаюча,
И красно солнышко ко западу двигается,
И ко крылечику судьи да подъезжают,
И тут подогнаны ступистые лошадушки
И не по разуму любимы хоть извозчички
И про сердечное рожоно мое дитятко!
И по фатерушке судьи́ да всё похаживают,
И добра молодца они всё понаряживают:
«И ты справляйся, молоде́ц, да поскорёшеньку,
И одевайся-тко, бурлак, да суровёшенько,
И у крыльца стоят ступистые лошадушки,
И отправляйся в путь-широкую дороженьку
Ты ко славному ко городу Петровскому,
Ко принёмноей палате белокаменной!»
И как у мо́его сердечного у дитятка
И подломились да тут резвы его ноженьки,
И подрожали молодецки белы рученьки,

И поблекло его белое тут личушко,
И приужахнулось бурлацкое сердечушко,
И красота с лица у светушка стерялася,
И с горя желтые кудерки развиваются!
И хоть одет да он во цветное во платьице,
Хоть надеты ведь тулупы одинцовые,
И не цветет да теперь цветно на нем платьице
И не красйт да добра молодца покрутушка,
Не согреват да кунья шубка соболиная!
Сдайволюйте-тко, народ да люди добрые,
И смилосердуйтесь, судьй да милосердые!
Вы возьмите золотой казны по надобью,
Вы увольте-тко на темну эту ноченьку
Вы рожоное сердечно мое дитятко!
Я удумаю, победная головушка:
Схичу-спрячу я скачёную жемчужинку
Я от этыих властей немилосердыих,
Я от этыих судей неправосудныих,
Я запру да ведь во светлу его свéтлицу
Я на эту на тесовую кроваточку,
Положу да на пуховую перинушку,
Принакрою соболиным одеялышком,
Призадвину я ситцéвы занавесочки
И отвечать буду судья́м да я обманывать:
«Приотправила сердечно мое дитятко!
Он ко городу уехал ко Петровскому,
И он не ждал да вас, властей ведь милосердыих,
Он казенного не ждал да всё извозчичка!»
И пораздумаюсь победным умом-разумом:
«Нынь не скроешь-то сердечного ведь дитятка:
Времена теперь пошли да всё бедовые,
Хитроумны стали власти страховитые!»
И дайволюйте-тко, судьй вы правосудные,
Уж как мóему сердечному-то дитятку,
И с горя систь ему на саночки дубовые,
И попроехать на ступистоей лошадушке,
И прокатиться по селу да деревенскому,
И по прогулушке по шйрокой по уличке
И со малыма ему да поровечникам:
Как споют оны солдатску ему писенку,
И воспотешат-то уда́ла добра молодца,
И взвеселят его унылую утробушку!

Ой же ты, мое сердечно мило дитятко!
И укатись, да мое красное ты нá золоте,
И укатись да от родимой нонь от родинки
И далеко да на чужую на сторонушку,
И ты на эты на уречные неделюшки
И в города да удались ты незнакомые,
И ты за крепости уйди новогородские;
И не знали бы судьй неправосудные,
И не доведались бы власти страховитые;
И тоей порушкой теперь да тым времечком
И принаполнятся наборы государевы,
И ты останешься, сердечно мое дитятко,
И во своей да молодецкой вольной волюшке!»
И пораздумаюсь победным своим разумом:
Никуда нынь не уйдешь да не упрячешься,
Времена теперь пошли да всё бедовые,
Хитроумны стали власти скрозекозные!

Вопленица причитает за рекрута:

И как у нашего хоромного строеньица,
Как у этого крылечика перёного,
Как у этого столба да у точёного
Есть подогнаны ступистые лошадушки
И под меня, да под бессчастна добра молодца!
И все извозчички — крестьяна полномочные,
И челом бьют да мне-ка судьи, поклоняются,
И со мной диют оны доброе здоровьице.
И как до сегодняшна учетна долга гóдышка,
И в моем пóросту да было в возрастаньице,
И не знали меня добры эты людушки,
И по изотчинке меня не нарекали,
И не били-то челом, низко не кланялись;
И столько знать да стали добры эты людушки,
И примечать стали судьй да правосудные
И как брать надо во службу государеву.
И охти мни, да добру молодцу, тошнешенько!
И дайволюйте-тко, судьй вы правосудные,
И сноровите-тко вы, власти милосердые,
И мне пройти да по хоромному строеньицу,
И по двору пройти, бурлаку, колесистому,
И по сараю-то пройти да хоботистому,
И мне проститься со хоромным строеньицем,

И во двори да со любимоей скотинушкой,
И во конюшенке проститься с конем добрыим!

Мать к молодцам и сверстникам рекрута:

И вы послушайте, уда́лы добры молодцы,
И уж вы, милые-любимы поровечники!
И да вы спойте хоть унылу ему писенку,
И взвеселите вы скачёную жемчужинку!
И ты пройди да ведь, уда́лой доброй молодец,
И по прогулушке по ши́рокой по уличке,
И ты меняй свою кручину на весельице,
И ты обидушку свою на доброумьице!
И да мы по́глядим, печальные головушки,
И как ведут да дружье-братьица-приятели
И как тобя, нашу скачёную жемчужинку,
И под бессчастны молодецки белы рученьки,
И воспевают-то солдатску жалку писенку
И уласкают-то скачёную жемчужинку!
И с деревенскиим селом, да свет, прощается
И сговорит наша скачёная жемчужинка:
«И ты прости-прости, село да деревенское,
И прости, уличка, бурлакушка, рядовая,
И вси суседушки простите спорядовые,
И вы простите, вси старушки стародревние,
Меня, малые младенцы-недоросточки,
И да вы вдовушки простите-тко победные,
И меня, горькие бессчастны вы сироточки;
И как ходил я по прогульной этой уличке,
Я не впёрвое прошел, бурлак, последнее,
И проторил да эту малую тропиночку
Я до матушки теперь да до сырой земли;
И от меня, да от доро́дня добра молодца,
И от злодейской от великой от кручинушки
И мать сыра земля теперечко шатается,
И от горючих слез следочки заплываются!

Рекрута́ едут кататься по деревне; мать вопит:

И пойду-выйду я на ши́року на уличку,
И погляжу да на сердечно свое дитятко:
Как он и́де по прогульной этой уличке
И на ступистоей удалой на лошадушке,
И он на саночках, мой свет, да самокатныих,

И как подвязаны звон-унылы колокольчики,
И спотешат себя сердечно мое дитятко,
И взвеселят да молодецкую утробушку.
И вы глядите-тко, народ да люди добрые,
Вы приближни спорядовые суседушки,
И вы смотрите-тко, ведь род-племя любимое,
Вы, добротушки желанны родны тетушки,
И вы, отда́ные сестрицы сдвуродимые,
Вы на милую скачёную жемчужинку!
И хоть гулят столько скачёная жемчужинка,
И он не с радости, наш свет, да не с весельица,
И со злодийноей великой со кручинушки,
И с проклятоей теперь да со досадушки!
И по пути да по широ́кой по дороженьке
И добрый конь нонько идет да спотыкается,
И лошадина голова да принаклонена;
Как на санках добрый молодец шатается!
И не вёшный этот ручей разливается —
И бедный молодец слезами умывается;
Он снимает-то с головушки тут шапочку
И на все на три, четыре на сторонки поклоняется,
И со любимой своей родинкой прощается,
И с горя молвит-то, наш свет, да таково слово:
«И ты прости-прости, село да деревенское,
И ты усадьба-то прости да красовитая,
И вы дере́венки простите садовитые,
И вы простите, тёмны лесушки дремучие,
И все сахарние садовы деревиночки,
И вы простите-тко, луга да сенокосные,
И добра молодца, поля да хлебородные,
И сине славное прости да ты, Онегушко,
И ты родимая прости меня сторонушка,
И прости волость-то меня да красовитая,
И ты, сторонушка, прости меня, гульливая,
И ты гульливая сторонка, щегольливая;
И ты прости, да молодецка вольна волюшка,
И ты прости, да божья церковь посвященная,
И пресвятая мать прости да богородица.

С гулянья заезжают в церковь; мать вопит:

И говорит еще скачёная жемчужинка:
«И теперь съезжу в божью церковь посвященную,

И попрошу да я попа-отца духовного,
И воспокаюся служителю церковному,
И помолюсь да я богу от желаньица,
И прослужу да я молебен богородице,
И я поставлю ей свечи да воску ярого,
И положу-то пелены да ей шелковые!
И помолюсь да со слезами со горючима
Уж я этому владыке всё небесному:
И сохранил бы меня господи, помиловал,
И от принёмноей палаты белокаменной,
И как от этой бы от службы государевой!
И ты спаси, да пресвята мать богородица,
Ты от этыих властей немилосердыих,
Ты от этыих судей да всё безбожныих!
И вы простите-тко, попы-отцы духовные
И благодетели служители церковные!
И на духовныих молитвах вспомяните-тко
Вы меня, да всё удала добра молодца!
И буде вόзвращусь на родимую сторонушку
Я со этого со города Петровского,
Рассчитаюсь я за ваше утруженьице
И за молитовки-то ваши ведь церковные
Уж я сдию вам духовно угощеньице!»

По приезде из церкви родные зовут рекрута в гости.
Провожая в дверях, мать вопит:

Я гляжу-смотрю, кокоша горегорькая,
И на сердечное гляжу да я на дитятко,
И как идё да он по широкой по уличке,
И во любимое идё да во гостебище
И ко добротушке к желанной идё тетушке.

Тетка, встречая, вопит:

Я повыду-то, печальная головушка,
Я на это на крылечико перёное,
Да я стричу-то любимо свое племнятко,
И подхвачу его под праву белу рученьку,
Я прижму да ко ретливому сердечушку!
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
Я на эта златокрыла ясна сόкола:
И хоть с дружьём идё, мой свет, да со приятелям
И с холостьбой идё, желанье, неженатой,

И он не князем-то идё ко мне молóдыим,
И он не славным женихом да наряжёныим,
И хоть не первое идё, мóже, последнее,
И со злодийноей идё да со кручинушкой
Он ко мни да во любимое гостибище!
И ты поди, мое сердечно мило племнятко,
И ты по-прежнему поди да по-досюльному,
И как ходил да ты к печальноей головушке,
И ты во радости ходил да во весельице!
Как про тебя, мое сердечно мило племнятко,
Нонь дубовые столы да порасставлены,
И тонки белы скатертѝ да поразостланы,
И сахарни тебе ествы приналажены,
И с Новагорода питья тебе доставаны!
И ты пройди, мое любимо-мило племнятко,
Ты в мое пройди хоромное строеньице,
Ты во светлую пройди да мою свéтлицу;
И ты раздень да молодецко цветно платьице,
И положу да я на стопочку точёную,
И посажу тебя на стул да на кленовой,
И угощу я тебя, дитятко, учёстую;
И ты садись, да наш сдовольный белый светушко,
И ты гости, гости, любимо мое племнятко,
Пока вó своей бурлацкой вольной волюшке!
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И на сердечного любимого племянничка:
И уж он ествушек, горюн, не искушáет,
И медвяного питья не испивает,
Он горючима слезама обливается,
Он великоей кручиной утирается.
Жаль-тошнёшенько победным головушкам
Нам сердечного любимого племянничка!
И день ко вечеру теперь да коротается,
И красно солнышко ко западу двигается,
И наше дитятко с суседами прощается,
И во слезливу путь-дорожку отправляется;
И не начаемся, печальны мы головушки,
И увидать нашу скачёную жемчужинку.
И ты послушай же, любимо мое племнятко!
Как что сдиется, скачёная жемчужинка,
Как соймут да молодецку вольну волюшку,
Как приведут да во палату белокаменну,

И поразденут у вас цветно это платьицо,
И вас поставят-то под меру государеву,
Как под эту под линеечку дубовую,
И у тебя, наша скачёная жемчужинка,
И тут подломятся бурлацки резвы ноженьки,
И подрожат да молодецки белы рученьки,
И приужахнется ретливое сердечушко,
И помутятся молодецки ясны очушки.
И тут повыстанут судьи́ неправосудные
Со этыих со стульицев кленовыих
Оны на́ свои на резвые на ноженьки
Как от этыих столов да от дубовыих,
В белокаменной полатушке похаживают,
И козловы сапоги у их поскрипывают,
И оны вточь глядят во ясны вам во очушки,
И по головушке начальники подрачивают:
«И всим здоров да моло́дец-то этот бравой!»
И столько слушайте, народ да люди добрые!
И не радили бы, победны мы головушки,
И отпустить нашу скачёную жемчужинку
И во злодийную палату во принёмную!
И буде господи владыко не помилует
И как во этой во палате белокаменной,
И буде «лоб» скричат жандары государевы,
И тут подхва́тя вершала́ да всё молодые
Как тобя, нашу скачёную жемчужинку,
И поса́дя как на стульица кленовые,
И во руки́ оны берут да бритвы вострые,
И оны брить да будут желтые кудёрышка!
И у тобя, да у скачёной у жемчужинки,
И волоса падут, наш свет, да на дубовой пол,
И тут ты сдынешь свои белы эты рученьки
И на печальну молодецкую головушку,
И горьки слезушки с очей да проливаются:
«И куды волюшка моя да подевалася
И молодецкие кудёрка истерялися!»
И прибери свои завивны кудри жёлтые
Ты со этого полу́ да со дубового,
И ты клади да во гербовой лист бумаженьку
И отошли да на родиму свою родинку,
И на погляженьице желанныим родителям,
И на утехушку нам сро́дчам — милым сродничкам!

И не поставь в гнев, скачёная жемчужинка,
И хоть я у́нылo, горюша, причитала,
И во слезах тобе, победна, рассказала
Про злодийную палату белокаменну!
И ты гости, да тёпло-красно наше солнышко,
И пока на́ своей родимой ты сторонушке,
И ты по этому селу да деревенскому,
Ты по милым спорядовыим суседушкам!
Как тебя, да тепло-красно наше солнышко,
Сожалиют вси спорядные суседушки!

Вопленица за рекрута, обращаясь к его товарищам:

И спасет бог да вам, дружьё-братья приятели,
И что спевали вы унылы жа́лки писенки,
И воспотешили удала добра молодца,
И молодецку мою зяблую утробушку:
И нынь сердечушко мое не утешается
И молодецкая головушка кручинится —
И поскореньку наб бурлаку распроститися
И мне-ка со́ своей родимой со сторонушкой,
И суровёшенько мни наб да отправлятися
И во злодийну эту службу государеву!
И жаль-тошнёшенько удалу добру молодцу,
И порасстаться со родимой мне-ка родинкой,
И мне с дружьём-братьём теперечко с приятелям!

Проводы, угощенье и прощанье:

Поглядите-тко, народ да люди добрые
И все приближни спорядовые суседушки!
И как во этом во поче́стном во большом углу
Уже все вкупе удалы добры молодцы,
Вси сидят тут рекрута́ да очередные,
И не уеданьице им ествушка сахарние,
И не всласть да им сладка нонькy водочка!
За столом да их головки принаклонены,
И о сыру землю их очушки утуплены,
И тут великоей обидой забавляются,
И оны горькима слезама обливаются!
И говорят да им тут власти поставленные:
«И с родом с племенем, бурлакушки, прощайтесь-ко,
И в путь-дороженьку, рекру́ты, отправляйтесь-ко!»
И ответ держат им рекрутики моло́дые;

«Дайволюйте-тко, судьи́ вы милосердые!
И хоть единой час вы дайте-тко, минуточку
Нам потешить свое сердце молодецкое!»
И, знать, пришла да ведь пора да тое времечко
Из-за стола пойти бурлакушкам моло́дыим,
И от кушаньев пойти да от сахарныих,
И от питьицев пойти да от медвяныих;
И нынь долит да их великая кручинушка,
И ушибат да их великая тоскичушка!
И оны крест кладут, бурлаки, по-писаному,
И перед господом ведь славу сотворяют.
И затопляли тут свечи да воску ярого,
И на бурлацкие колена становилися,
И сговорят да тут рекрутики моло́дые:
«Уж ты спас да наш владыко многомилостливой!
И ты спаси да нас, бессчастных добрых молодцев,
И ты от этоей от меры государевой!
И ты, покров-мать пресвятая богородица!
И ты покрой да нас, рекрутиков моло́дыих,
И от злодейской ты от службы государевой!»
И тут повыстали на резвы оны ноженки,
И приклонили свою буйную головушку
И со младой вышины да до сырой земли;
И на все на три-четыре на сторонушки
Всим окольныим суседам поклонялися,
И в собину поклон желанныим родителям,
И во пристаршии да держат оны ноженки:
«И вы простите-тко, желанные родители,
И во всей глупости простите нас во дурости!
И благословите-тко, желанные родители,
И нам поехать во путь-ши́року дороженьку,
И наделите-тко таланом вы нас, участью
И всей великоей господней божьей милостью!
И вы смотрите-тко, народ да люди добрые!
И как не белые березки нагибаются —
И с отцом с матерью рекрутики прощаются,
И оны червышком, бессчастные, свиваются,
И оны клубышком, победные, катаются,
И в безызвестную сторонку снаряжаются!
И не ясен сокол с тепла гнезда слетает —
И добрый молодец из дому выезжает.
И нынь по позднему теперечко по вечеру

И по закату тёпло-красного ведь солнышка
Тут повыстали бурлакушки сердечные;
И как повышли со хоромного строеньица
И у крылечика оны обстановилися,
И как зглянули на хоромное строеньице,
И на светлую зглянули оны свéтлицу,
И сняли шапочки со младых со головушек,
И на три стóроны бурлаки поклонялися,
И со строеньицем оны да распростилися:
«И ты прости-прости, хоромное строеньице,
Прости, светлая тёсова нова горенка!
И не бывать да на родимой буде родинке,
И не хаживать по хоромному строеньицу,
И нам не сиживать во светлой буде свéтлице!»
И поклонилися бессчастные рекрутики,
И печальные удáлы добры молодцы,
И своим да всё ступистым лошадушкам:
«И спаси господи ступистыих лошадушек,
И что возили нас, печальных добрых молодцев,
Всё по этыим владычным по праздничкам,
И по тихим по смиренным беседушкам,
И по унылым, слезливым по свадебкам!
И знае-ведае бессчастно ретливо сердце:
И нам не езживать на ступистыих лошадушках,
И нам не сиживать на санках самокатныих!»
И уж как тут эты рекрутики печальные
И оны пóджали ретливое сердечушко,
И сговорили тут, бессчастны, таково слово:
«И ты не ной, наше сердечко молодецкое,
И не тоскуй, наша утробушка бурлацкая!
И жаль расстаться со родимой со сторонушкой!»
И со тоски да тут пали рекрута о сыру землю,
И подхватили да их судьи поставленные,
И взяли молодцев под правую под рученьку,
И посадили во печальны дубовы́ сани
И приукрыли соболиным одеялышком;
И приоттóлкнули желанныих родителей
От своих оны сердечных милых детушек,
И отпихнули сродчев-сродничков любимыих!
И тут извозчички добры́х конéй понудили,
И добры кóнюшки пошли да суровешенько.
И быдто серый волк под кустышком поукиват,

И так бурлаки путь-дороженькой тоскуют,
И в дубовы́х санях оны да горекуют!
И не дали́-то им судьи́ немилосердые
И со старыма старушкам им проститися
И на все стороны рекрутам поклонитися!
Как везут да их извозчички немилые
И не по разуму ступистые лошадушки
И дале, дале от родимоей сторонушки,
И ускоряются ко городу Петровскому,
Как ко этому принёму государеву.

К матери — двоюродная сестра:

И ты послушай, бедна мать да горегорькая!
Хоть снаряжашь свою скачёную жемчужинку
И ты не в славны города да понизовые,
И не в извозчички, горюша, ты в охотные,
И не в бурлакушки, горюша, ты во вольные,
И не по эту золоту казну довольную,
И погляди, бедна кручинная головушка,
Ты на эта златокрыла ясна сокола!
И по мостиночкам, наш свет, да он похаживат,
И он во цветноем бурлацкоем во платьице;
И не краси́т на нем да цве́тно это платьице,
И со кручинушки головушка не гладится,
И со обиды волос к волосу не ладится,
И со печали жёлты кудри растрепалися!
И не темны леса ко зени приклонилися,
И не камышки нонь с гор да поскатилися,
И добры людушки бурлаку сдивовалися —
И до сегодняшня господня божья де́нечка,
И как до этой до студеной холодно́й зимы,
И быв свеча у нас была да нетоплёная,
И как верба́, да был наш свет-то, золоченая,
И быв сахарная он был да деревиночка,
И как наливная изюмна ягодиночка;
И уж как этоей студёной холодно́й зимой
И наша милая скачёная жемчужинка
И быдто деревцо, наш свет, да подсечёное,
И во сыром бору береза подсушёная,
И недозревша как теперь да ягодиночка,
И быдто вёшная земля да ворошоная,

И на лугах трава, наш свет, да подкошоная,
И быдто рыбинка во сетку изловлёная,
И как ясе́н соко́л во клетку посажо́ной!
И как сегодняшним господним божьим де́нечком
И скрозь туман да печё красно это солнышко,
Скрозь-то темный лес светлеет млад светёл месяц
И скрозь облак-то течет да наша милая звезда
да подвосточная.
И ты гляди-смотри, сестрица сдвуродимая,
И на сердечное рожоно свое дитятко:
И нынь не годышек ведь с им да годовать,
И не уречная неделя красоватися,
И прошла зимушка студёна — не видаюча,
И вдруг недели миновались — не слыхаюча;
И по часу́ наши бурлаки одеваются
И во злодийную палату снаряжаются.
И ты послушай, свет сестрица сдвуродимая!
И как ночесь да было темной этой ноченькой,
И у тебя да про сердечно мило дитятко
И было убрано хоть складнее зголовьице,
И хоть ложился спать по позднему по вечеру
И сговорил да тут скачёная жемчужинка:
«И я последнюю-то сплю да тёмну ноченьку
И я на этой на пуховоей перинушке,
И на убраном я на складнем на зголовьице!
И ты послушай же, родитель родна матушка,
И не клони да в сон победной буйной го́ловы,
И подле сядь да на тесовую кроваточку
И супротив да ты обидного сердечушка;
И ты гляди-смотри, родитель, во бело́ лицо,
И ты погладь да по бессчастной буйной го́ловы,
И подрачи́ ты по бессчастным по белы́м грудя́м,
И не жалей, зажги свечи да воску ярого!»
И темной ноченькой свечи́ горят-туманятся,
И как бессча́стной добрый мо́лодец печалится,
И не спокойна была тёмна ему ноченька;
И, знать, что ведае ретливое сердечушко
И нынь над молодцем великую невзгодушку!
И он не сном да тёмну ночку коротает,
И он горючима слезама обливается;
И от победных молодецких его слезушек
И потонувши круто складнее зголовьице

И полинявши наволочечки шёлко́вые!
И с тоски сма́хне молодецки свои рученьки
И на печальну молодецкую головушку,
И с горя рвет да свои желтые кудёрышки,
И подает да он родимой своей матушке:
«И ты возьми, моя родитель жалостливая,
И мои желтые завивные кудерышки,
И ты клади да во гербовый лист-бумаженьку,
И положи кудри во правую во пазушку,
И прижимай да ты к ретливому сердечушку;
И знаю-ведаю, горюн да я печальной:
И что забудешь ты, родитель родна матушка,
И ты меня — своё сердечно мило дитятко —
И ты ведь по́ясок носить будешь слабёшенько,
И ты обро́нишь мои желтые кудёрышки,
И подоймут да светы братьица родимые
И мои желтые завивны там кудёрышки
И повыкинут с хоромного строеньица,
Иль сожгут оны в огни да в этом плящеем!»
Еще слушай же, сестрица сдвуродимая!
Уж как этую скачёную жемчужинку
И ты в бессчастный день во середу засия́ла,
И в бесталанный день во пятницу вспоро́дила;
И, знать, не в ту пору на свет ты попустила,
И когда божьи были церкви приотворены,
И во церквах да божьи книги приотомкнуты,
И двери царские в церквах были приотперты;
И в бесталанный час по вечеру родила,
И когды ку́знецы во кузницах стояли
И как булат это железо разжигали
И ко оружьицам замки да прилагали;
И на роду служба ему, свету, уписана,
И на делу́ ему от братьев приделялася!
Еще слушай же, сестрица сдвуродимая!
И хоть ты думаешь, печальная головушка,
И поостанутся сердечны у тя детушки,
И то гордливы тыи детушки, спесивые.
И попеняю при всех добрыих я людушках,
И посрекаюсь при спорядныих суседушках:
И ты не матушка была да ему — мачеха,
И быдто у́ сердца его ты не носила;
И не слыхал да он, любимо наше племнятко,

И как от вас, своих желанных родителей,
И он ни ласкова прелестного словечушка,
И не видал да он, скачёная жемчужинка,
И от вас да он великого желаньица,
И ненавидли светы братьица родимые
И за столом его сидеть да за дубовыим,
И на стульицах его да на кленовыих!
И возрастал как он, любимо наше племнятко,
И он не нашивал сапоженьков козловыих,
И он не держивал бурлацка цветна платьица,
И была не́ дана ступистая лошадушка
И ходить-издить по владычныим по праздничкам;
И его кушаньем ведь вы не наважали,
И всё крестьянскоей работой утружали;
И вы держали-то его вместо подворничка,
И почитали-то его да как работничка!
И говорит тебе сердечно мило дитятко,
Он пеняет жалостливой тебе матушке:
«И попустила что великое желаньице,
И по головушке, родитель, нонь подрачиваешь?
Я не дитятко тебе да не сердечное,
И ты солдатушком меня да ведь засияла,
И ты солдатушком меня да ведь споро́дила;
И не на красном да я солнышке повырощен,
И уж я рос да на катучем синем камешке;
И не дитятко ты ро́стила — изменушку;
И надсмехались светы братьица родимые.
И надрыгалися желанные родители!
И удивляюсь я, удалый добрый молодец, —
Уж как этоей студёной ноньку зимушкой
И стали светушки ведь братьица ласко́вые
И родима моя матушка спацли́вая!
И кругом-около родитель-то подхаживат,
И хоть во ясны мни-ка очушки поглядыват,
И уласкают светы братьица родимые
И всё милыма прелестныма словечушкам,
И утешают-то бессчастна добра молодца.
И я того, бедный бурлак, да обиждаюся:
И при после́ди я скажу да поры-времечки:
И мне-ка не было, бурлаку, приберёгушки
И от родителей великого желаньица!
И уж как мне-кова, бессчастну добру молодцу,

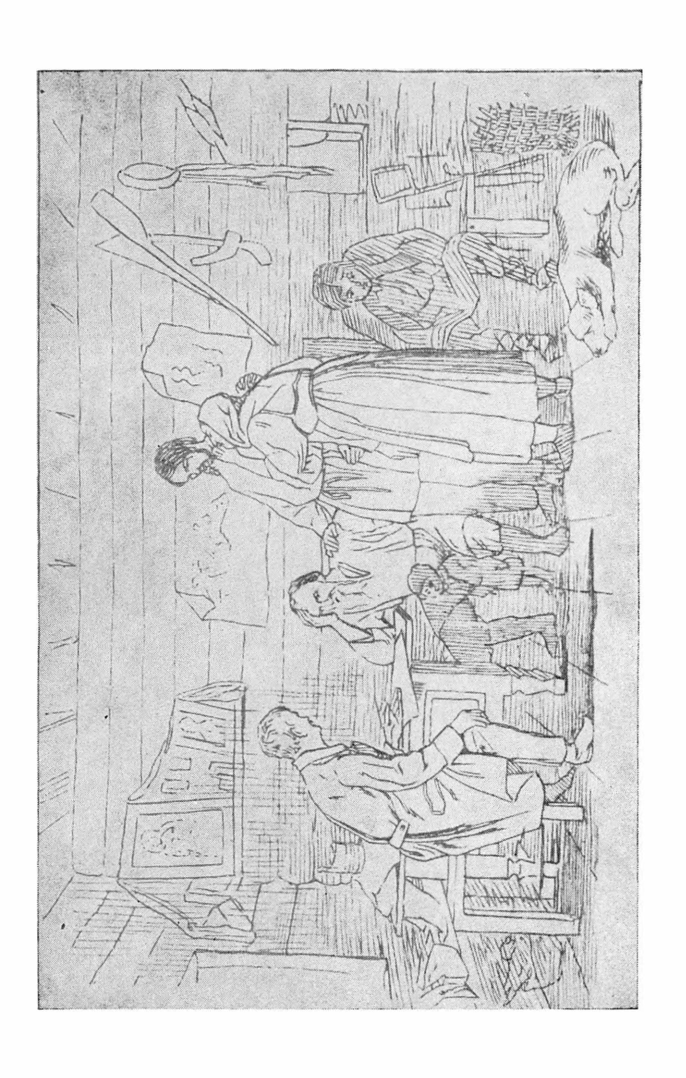
И мне-ка не было ведь сладка уеданьица,
И мне медвяного, бурлаку, упиваньица;
И не настроено да мне-ка цветна платьица,
И всё вы ладили на милых других детушек!
И я повы́стану по утрышку ранешенько,
Я обуюсь в сапоженка поскорешенько,
Я одену хоть шубенку стозаплатнюю,
И подпояшусь я, победной, хоть веревчонкой,
И снаряжусь да на крестьянскую работушку,
Я во эты во темны леса дремучие,
Я за этыма травама за зеленыма;
И мои братьица в домы́ да оставаются,
И на пуховоей перинке проклаждаются.
И хоть приду со темны́х лесов дремучиих,
И я повыпрягу ступистую лошадушку,
И приведу да я на стойлы на конины́е,
И задам ло́шадям еденья со питемьицем,
И я приду да во хоромное строеньице,
И у моей да у родителя у матушки
И произведены обеды полуденные,
И отдыхают-то сердечны у ней детушки,
Как мои да милы братьица родимые;
И по избы́ стану, бессчастной, я похаживать
И говорить стану родителю я матушке:
«И вы накройте-тко на стол да на дубовой,
И вы дайте мне еденья со питемьицем!»
И по избы станешь, родитель, ты похаживать,
И ты не с ве́села на мо́лодца поглядывать,
И ты не ласково со мной да разговаривать!
И уж как этоей студёной-холодной зимой
И сдивовалися ведь до́бры эты людушки —
И хоть стала нонь близёшенько подхаживать,
И в устах держишь хоть прелестные словечушка,
И во сердцы́ нету великого желаньица,
И лицемеришь нонь при добрых столько людушках,
И обиждашь столько удала добра молодца!
И мне-ка и́з роду ведь было да из племени
И всех желаннее родитель была тетушка,
И на любимое была да краснословьице,
И на сердечное великое желаньице,
И на заступушку была на приберёгушку!
И у меня нонь, у бессчастна добра молодца,

И так победное сердечко разгорелося,
И так обидушка с досадой расходилася!
И не ласкайте, светы братьица родимые!
И ты не плачь да понапрасну, родна матушка,
И не диви да многих добрых столько людушек —
И я не дитятко тебе да не рожоное!
И, знать, не трудничек я вам да не работничек,
И не старатель был крестьянской, видно, жирушки,
И не рачитель до участков деревенскиих!
И знае-ведае ретливое сердечушко,
И что вы ро́стили удала до́бра молодца,
И во людушки вы ростили казенные,
И на убойну эту службу государеву,
И на измену светам братьицам родимыим!
И высоки́, да знать, вы те́рема построите,
И знать, зеленые сады да принасиете,
И винограду, видно, в садику наростите;
И как посли́ меня, бессчастна добра́ молодца,
И принаскопите казну да вы бессчётную,
И будут детушки стоять ваши любимые,
И во уличках стоять оны рядовыих,
И во лавочках стоять оны торговыих!
И уж как я, да горегорькой е детинушка,
И единёшенек, уда́лой доброй молодец,
И отрешон да от крестьянской я от жирушки,
И приотказан от хоромного строеньица;
И быдто птиченька в лесах да заблудящая,
И так же я, бедной бессчастный добрый молодец!
И прости-и́звини, родитель родна матушка,
Что попенял да я при добрых тебе людушках
И посудьячил при спорядныих суседышках, —
И я клоню тебе бессчастну буйну голову
И молодецко бесталанное сердечушко!»
И я скажу тебе, сестрица сдвуродимая,
И для людей зря рушишь горьки свои слезушки,
Как вестимо всем спорядныим суседушкам
И про его да молодецко возрастаньице,
И какова была от вас да приберёгушка;
И он гневён да наш сдовольной белой светушко,
Что говорят да его братьица родимые:
«И мы возро́стили себе да всё изменушку!»
И оны хо́дя, светлы братья, взвеселяются:

«И слава богу-то теперь, да слава господу!
Е замена в грозной службе государевой!»

Вопленица за рекрута обращается к тетке:

И спасет бог, да сдвуродима мила тетушка,
И на твоем складне-умильном причитаньице,
И на твоих да на рассказах правосущиих!
Уж как я, да разбессчастный добрый молодец
И бесталанная победная головушка,
И я в бессчастный день во середу засиян,
И в бесталанной день во пятницу вспорожен,
И я солдатушком в купели ведь окупан,
И во казенные во людушки возрóщен,
И меня в зыбоньке, солдатушка, качали,
И вдвое-втрое тут мни горя накачали!
И уж я взрос да на катучем синем камешке,
И к завоенному оружьицу воскормлен,
И на измену светам братьицам родимыим;
И от младости во радости не бывано,
И от рожденьица веселых дней не видано,
И не видал да я великого желаньица
И от родителя родимой своей матушки
И не слыхал да я прелестныих словечушек
И от своих да светов братьицев родимыих!
И поровечники ведь мни были не пóдружье —
И подойду я к ним, удáлой доброй молодец,
И во глаза-то мни оны да прилещаются,
И посторонь оны «служивым» нарекают,
И говорят да там суседи спорядовые:
«Не участник он участков деревенскиих,
И не дольщик он крестьянского ведь полюшка
И не косец да на луговых буде пóженках!»
И во глаза лестя́т дружьё-братья-приятели,
И по заглазью-то оны да спроговаривают:
«И вот казенный-то солдатушко похаживае,
И горемыка-та удáлая погуливае!»
И подойду да я ко красным ко девушкам,
И ведь тут да мни, бессчастну, не весельице,
И красны девушки меня да сторонилися,
И быв чужанина меня да полошилися!
И вдруг подрéже тут победно ретливó сердце
И пустылая родима каже родинка!



И еще слушай же, родитель мила тетушка!
И ты пойди со мной ко городу Петровскому,
И да ты пóгляди, родитель мила тетушка,
И как в злодийной ведь палате белокаменной
И нас дóгола, победных, раздевать будут,
И становить станут под меру государеву,
И принимать станут бессчастных добрых молодцев
И во злодийную во службу государеву!
И станут брить да наши желтые кудёрышки,
И приберешь, моя родитель мила тетушка,
И мои желты молодецкие кудёрышки
На доброумьице себе, на погляженьице
И на роздий себи великоей кручинушки;
И ты увидишь тут, родитель мила тетушка,
И как нас сводят в божью церковь посвященную
И принимать да нас присягу уреченную,
И служить да верой-правдой нам, солдатушкам,
И без измены-то царю — богу русийскому.
И тут повысмотришь, родитель мила тетушка,
И как водить станут бессчастныих солдатушков
И приучать да ко оружьям завоенныим,
И нас ко этым пистолетам зарукавныим;
И как съедешь на родиму нашу сторону,
Порасскажешь многим добрым столько людушкам
И всим приближним спорядовыим суседушкам!

Вопит соседка, у которой брат в солдатах:

Я стою гляжу, кручинная головушка,
И что впотай рушý, победна, горючи́ слезы,
И не попущу да я, кокоша, жалка голоса,
И я обидной горькой причети солдатской!
И подивуют мне-ка добры эты людушки,
И посрекаются спорядны вси суседушки;
Я сестра, видно, стою да ведь безбратняя,
И, знать, сердечушко мое да беспечальное,
И у меня ведь, у победной у головушки,
И единá также скачёная жемчужинка,
И единóутробной светушко братец родимой,
И также отдан в грозну службу государеву!
Уж как третий-то учетный идё годышек,
И как я да была в городе Петровскоем,
И хоть недолгой я поры да была времечки,

Хоть одну жила уречную неделюшку,
И насмотрелась на бессчастных я головушек
И на победну горьку жизнь да я солдатскую!
И не дай господи на сём да на белом свете
И глядить-смотрить на подстрильных ясных сóколов!
И отрешённы-то от добрых оны людушек,
И приотрéкнутся от сродчев оны сродничков.
И я гляжу да нынь, печальная головушка,
И как похаживат наш сдовóльной белой светушко,
Уж как милой спорядовой наш суседушко
И он по доброму хоромному строеньицу,
И как тоскует-то ретливое сердечушко
У дорогой милой скачёноей жемчужинки!
И мне-ка смить ли то, печальноей головушке,
И подойти, бедной горюшице, близешенько,
И наложить свои бессчастны белы ручевьки
И на победны молодецки твои плечушки
И на бессчастну молодецкую головушку!
И не огонь иду, горюшица, не óбпалю,
И не змея иду, победна, я не óклюну!
И сама пó себе, горюша, разуметь могу,
Я по светушке по братце разумию вас:
И жаль расстаться с молодецкой вольной волюшкой
И распроститься со родимой со сторонушкой!
И ты послушай, спорядовой мой суседушко!
И не радúю я, победная головушка,
И тоби быть да в грозной службе государевой;
И возврати господи скачёную жемчужинку,
И тебя взад да на родимую сторонушку,
И большаком да тебя в дом-то настоятелем,
И тебя пахарем на чисто взад на полюшко,
И сенокосцем на луговые на поженки,
И севцем да на распашисты полосушки,
И рыболовушком на сине на Онегушко!
И как тобя, да тёпло-красно наше солнышко,
И наша милая свеча да не топлёная,
И сожалиют вси спорядные суседушки
И за твои да за умильные словечушка!
И как смиреньице у тя было со кротостью,
И ты не плут да был ведь, свет-то, не разбойничек,
И красным девушкам ведь ты да не насмешничек,

И молодым жена́м ведь ты да не проказничек,
И как мужниим-то жо́нам не стыдитель был!
И долгих ве́черов, наш свет, да не просиживал,
И тёмных ноченек, наш свет, да не прогуливал!
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И на тебя, да златокрыла ясна сокола;
И нынь под тученькой ты ходишь гряновитоей,
И ты под облакой ведь е да страховитоей!
И ты думаешь бессчастным своим разумом:
«И возврачусь да на родиму, може, родинку!»
И ты послушай-ка, скачёная жемчужинка,
И не поставь во гнев, сдовольной белой све́тушко,
И буде господи-владыко не помилует
И от злодийной тобя службы государевой,
И ты пойдешь да во солдатушки походные,
И ты во дальную путь-широку дороженьку,
И в безызвестну незнакомую сторонушку,
И я пона́кажу, печальная головушка,
И как тобе, милый спорядный мой суседушко:
И не случится ль тобе слышать
И там про братца про родимого
И увидать мою скачёную жемчужинку!
И во единой во казармы, може, со́йдетесь,
Иль на стретушке, бессчастны, може, стрититесь,
И да вы ду́-друга, победны, приузнаете,
И за одним, може, столом да вы там будете,
И, може, сядете за стол да против ду́-друга,
И вы на ду́-друга, победны, усмотри́тесь-ко,
И потихошеньку ведь вы разговоритесь-ко:
«И с коей сто́роны, солдат, какой губеренки?
И сколько лет служишь во службе государевой?
И ты которой год в солдатушках походныих?»
И тут вы ду́-другу, победны, порасскажетесь,
И вы, бессчастны тут солдаты, порасплачетесь!
И ты скажи, да спорядовой мой суседушко,
И моей милоей скачёноей жемчужинке,
И скажи низкое поклонно челобитьице!
И ты скажи еще, сдовольной белой светушко,
И таки ль гнев несё скачёная жемчужинка
И всё на нас, да на печальныих головушек,
И что не пише скорописчатой он грамотки,
И не упише свою жизнь бедну солдатскую?

И таки ль нет да ему вольной столько волюшки,
Иль на письмо нет золотой казны бессчётноей,
И нет попутчичков оттуль, видно, ходаталей?
И ты поро́сскажи, спорядной мой суседушко,
И что не знаем мы, горюшицы, не ведаем,
И во какой орды́ наш свет, да во какой земли;
И что по утрышку его мы воскликаем
И по вечерниим зарям да вспоминаем!
И ты скажи, да тёпло-красно мое солнышко,
И как тоскую я по братце по родимоем!
И кабы мне-кава, печальноей головушке,
И были крылышки, горюше бы, гусиные,
И были по́лёты, победной, лебедины бы,
И я бы справилась, горюша, поднималась
И выше лесушку, победна бы, дремучего,
И на безродну бы на чу́жу на сторонушку,
И я во дальни города бы незнакомые;
И облетела всю Русию подселенну бы,
И повзыскала бы скачёную жемчужинку
И на пути да во солдатушках походныих,
Я по этым бы казармам по казенныим,
И по часовенкам искала бы на спа́сеньи,
И по зеленыим лугам да там на стра́женьи!
Я слетала бы за си́не за Онегушко,
Я во это в океян да сине морюшко,
Повзыскала бы по чёрным бо́льшим ко́раблям,
И я по этым берегам да незнакомыим,
И признавала б светушка́ братца родимого
И по солдатскому бессчастну белу личушку,
И по печальным его ясныим по очушкам,
И по обидным по солдатским разговорюшкам!
И знаю-ведаю, печальная головушка,
И про его да я жизнь горьку-бессчастную!
И как в три годы резвы ножки притопталися,
И все солдатски сапожонка придержалися,
И по походушкам мондеры притаскалися,
И заболели-то солдатски его плечушка,
И столько носячи ранцы́ эты казенные,
И подрожали, може, бе́лы его рученьки,
И столько де́ржачи оружьица военные!
И притомивши-то скачёная жемчужинка,
Уж он ходячи, наш свет, да по походушкам,

И он сто́ячи, победной, каравульщиком
Всё у этыих замко́в да у казенныих!
И еще слушай же, спорядной мой суседушко,
И ты скажи да светушку братцу родимому:
И как посли́ его, скачёноей жемчужинки,
И изменилася крестьянска наша жи́рушка,
И издержалась золота́ казна бессчётная!
И ты еще скажи, спорядной мой суседушко:
И хотя ж есть да светушки братцы родимые,
И всё не спа́цливы к солдатушку бессчастному,
И как в злодийну его службу приотправили,
И прозабыли его братьица родимые,
И не распро́дают любимоей скотинушки,
И не пришлют да золотой казны по на́добью,
И на расход ему, солдатушку бессчастному!
И сдайволюй, да спорядовой мой суседушко,
И мни поро́ссказать про службу государеву,
И что я видела, печальная головушка,
И как была да я во городе Петровскоем
И отпускали как солдатушков бессчастныих
И их во партии, победныих, во собраной,
И как идут да путем-ши́рокой дороженькой,
И оны в дальную орду да безызвестную.
И как по ранному было да всё по утрышку
И приходили эты дядьки-то со старшима,
И оны про́шли по казармам по казенныим,
И оны громко всим солдатушкам сказали:
«И вам отправка сего де́нечка господнего
И вам со города теперь да со Петровского».
И как у этых у солдатушков бессчастныих,
И в крепкий сон да у солдатушков не за́бранось,
И тут повы́стали солдатушки победные
И как со этых оны коек со казенныих,
И тут Исусову молитву сотворили,
И во слезах глаза солдатушки крестили,
И не ключёвоей водой да умывалися,
И как не в бело полотно да утиралися —
И умывалися солдаты горючмы слезмы,
И утиралися великоей обидушкой,
И обували сапожёнки тут казенные,
И на плечушки шанельчишки походные,
И крепко-на́крепко сердечко подтягали;

И приходили хотя дядьки-то со старшима
И их повывели на широку на уличку,
И их в шариночку, солдатов, становили,
И по единушке солдатов выкликали,
И во походные солдаты назначали.
И как в шариночке победнушки стояли,
И уж так да камендеры надрыгались:
И как стояли бы, солдатушки, прямёшенько,
И глядили бы, бессчастны, веселёшенько,
И белы рученьки были б да порасставлены,
И в едину струну бы ноженьки наставлены,
И говорили бы солдаты умильнёшенько,
И привыкали бы к ученью хорошохонько!
И насупротив стоим, победны мы головушки,
И поблизёшеньку ведь нас не подпущают
И как злодии-камендеры скрозекозные;
И нету душеньки у их да во белых грудях,
И нету совести у их да во ясных очах,
И нет креста-то ведь у их да на белой груди;
И невмогуту им умильно причитаньице,
И им не пó сердцу горючи наши слезушки!
И как приставлены судьи да всё немилостливы,
И тут привозят оны бочки с ключевой водой,
И тут над нама-то оны да надрыгаются!
И как начальнички стоят да там не русские,
И как судьишечки ведь там не новгородские;
И велят оны из труб да всё пожарныих
И нас окачивать, победныих головушек,
И всё тушить пожар в ретливыих сердечушках!
Ой, тошнёхонько победным нам головушкам!
И невмогуту нам сесветное живленьице
И всё от этыих властей да страховитыих,
И всё от этыих судей да скрозекозныих.
И суди господи злодиям-супостатыим
И за их тяжкие велики беззакония!
И ты услышь наши молитвы изутробные,
И ты узри да наши слезы горегорькие!
И при последи-то походе этой времечке
И как на нас, да на победныих головушек,
И быдто белочки солдатушки поглядают,
И быв упалы серы заюшки посматривают,
И не посмиют-то, удалы добры молодцы,

И с ноги на ногу оны да всё пере́ступить
И скинуть ясных бессчастных своих очушек
И всё на нас, да на печальныих головушек,
И у которых е желанны хоть родители,
И у которых е сестрицы хоть родимые,
И хотя ж клубышком, горюши, мы катаемся,
Хотя червышком, бессчастные, свиваемся,
И не повиря нам, победным головушкам,
И столько этыи власти́ немилосердые.
И жаль-тошнёшенько победным нам головушкам
И своих милыих скачёных нам жемчужинок;
И на три ряд наше сердечко прирастрескае,
И на четыре ряд утроба перелопала,
И столько глядячи на братьицев родимыих!
И подходить стали судьи́ неправосудные
И как ко этыим солдатам новобранныим,
И наливали тут по чары зелена́ вина,
И оны в музыку, злодии, заиграли,
И барабанщик барабан да пробивает.
И сговорят да тут судьи́ неправосудные:
«Марш! В поход пойти бессчастныим солдатушкам!»
И позади пошли победны мы головушки,
И мы не знаем-то, кокоши горегорькие,
В кую путь пошли широкую дороженьку;
И сговорят да тут судьи́ неправосудные:
«И вы, прибравые солдатики моло́дые,
И вы по городу пойдете по Петровскому
И мимо славную палату енеральскую,
И вы пойдите, новобраны, веселешенько,
И пойте писенку, походны, умильнешенько!»
И столько диется солдатушкам бессчастныим!
И им писенки запить да не хотелось бы
И ущемля́т у их ретливое сердечушко,
И обмирает у их зяблая утробушка!
И впереди идут всё дядьки да со старшима,
И позади идут ведь крепки караульщички,
И середи да музыканты с барабанами;
И как по городу идут оны тихошенько,
И скрозь слезы́ поют жа́лку оны писенку,
И скрозь обидушку словечка выговаривают,
И не мешаются, ногами-то выступывают,
И ретливо сердцо́ ведь кровью запечатано!

И не дай господи на сём да на белом свету
И расставаться-то со братьицем родимыим,
И отпущать да во солдатушки походные!
И не глядили бы победны ясны о́чушки
И на бессчастное житье да на солдатское,
И на слезливо их, победных, расставаньице!
И как жива эта разлука пуще мертвой!
И не радила бы победна я головушка
И я ни роду бы крещеному, ни некрести,
Как ходить да по солдатушкам походныим!
И я не знаю ведь, печальная головушка,
Кое день да кое темная де ноченька;
И во горях, бе́дна кокоша, во кручинушке,
И по сырой земле, горюшица, каталася!
И сговорила тут скачёная жемчужинка,
И мой бессчастной светушко̀ братец родимой:
«И ты прости, прости, сестрица-свет родимая,
И ты во всей вины прости да во всей глупости!»
И сговорил да еще, красно мое солнышко,
И со право́й руки подал мне злачён перстень,
И от сердечка опояску новгородскую,
И со кармана он платок да левантеровой,
Вси пода́л да он утехи молодецкие
И сговорил да при последи таково слово:
«И дарю тебе, сестрица-свет родимая,
Я на память-то, сестрица, свой злачён перстень,
На доброумье опояску новгородскую,
И на роздий тебе великоей кручинушки
И со ка̀рмана я платок да левантеровой;
И спамяти́ меня, сестрица-свет родимая,
И ты гляди да на последние подарочки,
И точно на́ меня уда́ла до́бра молодца;
И ты держи эты любимые подарочки
И да ты в день держи на белых своих рученьках,
И да ты в ночь ведь у ретливого сердечушка,
И мой злачён перстень держи, бедна, по праздничкам,
И прилагай, бе́дна, ко блёклому ко личушку,
И прижимай да ко бессчастну ретливу́ сердцу!»
Уж вы слушайте, народ да люди добрые!
Как прощалася, победна, расставалася
Я со светушком со братцем со родимыим,
И мы плотнещенько ко сердцу прижималися

И во сахарние уста да целовалися,
И сговорил еще, скачёная жемчужинка,
И с горя малое единое словечушко,
И он челом бил, мой ведь свет, да низко кланялся,
И он до матушки, наш свет, да до сырой земли
Уже всим вкупе спорядныим суседушкам,
И он воздал да всим спасибо с благодарностью,
И он за ваше за великое желаньице!
И буде вирите, народ да люди добрые,
И не могу забыть, кручинная головушка,
И я про слёзное со братцем расставаньице,
И я про бедное солдатско похожденьице,
И я ни в день забыть, ни в тёмну ночь осеннюю.
И поглядите, многи до́бры столько людушки,
И вы на этого бессчастна добра молодца,
И вы на этого суседа спорядового!
И он тонёшенек теперь, да как тетивочка,
И молодёшенек, наш свет, да как травиночка,
И зелена стоит быв он да деревиночка,
И недоро́сла, как кудрявая рябинушка,
И недозрела борова да ягодиночка!
И молчи-то-ко, спорядной мой суседушко:
И как ты со́йдешь-то во службу государеву,
И на словах да ты, бессчастный, всё простешенек,
И умом-разумом, победной, ты глупешенек.
И ты подтыченья, победной, наувидишься,
И ты поушенья, бессчастной, наприни́машься;
И тут избита-то бессчастна будет спинушка,
Всё подбиты будут ясны твои очушки,
Исколочена бессчастна буде го́лова,
Как подсечены ведь резвы будут ноженьки,
И придосажено ретливое сердечушко,
И приобижена бессчастная утробушка!
И в темном ли́се — да ты зверя устрашился бы,
И в чистом поле — да ты змея убоялся бы,
И в злодийной этой службы государевой
И не начаешься ты горя — накачаешься,
И не надиешься обидушки — навидишься;
И невзначай да получать будешь поу́шенья,
И ты не знаешь, за что побои превеликие!
Уже ой да горе-служба государева:
И как еденьице вам буде ведь скотиное,

И точно питьице, победным, лошадиное:
Уеданьице вам будут ведь сухарики,
И вам питемьице-то вóдушка со ржавушкой!
И хоть не великую вину да вы провúнитесь,
И нету милости, бессчастным, нет прощеньица;
И под бока станут солдатские подтыкивать,
И подобьют да ваши ясны эты очушки,
И победную бессчастную головушку,
И дают розги во бессчастны ваши плечушки,
И уже бьют да так бессчастну вашу спинушку
И страшно-у́жасно ведь палкама великима,
И вам не сто дают ведь разом — целу тысячу;
И тело с мясом у бессчастныих смешается,
И как из плеч да ручьем кровь-то разливается!
И как от этыих побоев от тяжелыих
И тут бессчастна бы головка не клонилася,
И тут солдатское бы сердце не корилося,
И наб повынести могучим вашим плечушкам
И эты смертные побои да тяжелые,
И наб повытерпеть бессчастному сердечушку
Уж как всю эту обиду преужасную;
И тут утробушка у вас не унывала бы,
И горючи́ слезы у вас не протекали бы,
И как пред этыим начальством пред всевышниим,
Как пред этыим злодием супостатыим;
И веселы́м наб быть, победным, не смеятися,
И при обиды вам, несчастным, не расплакаться —
И межу собой начальники смущаются,
И над бессчастныма солдатам изъезжаются!
И не поставь во гнев, спорядной ты суседушко,
И что жалобно, горюша, причитала,
И про злодийну грозну службу рассказала;
И хоть я нé была во службы государевой,
И не ходила по походам я солдатскиим,
И столько бы́ла я во городе Петровскоем —
Я одинова со братцем со родимыим,
Хоть одну была уречную неделюшку,
Я навиделась, победная головушка,
И насмотрúлась на солдатов новобранныих,
Как ходили на ученьице великое;
И хотя ж ветрышки-то были со погодушкой,
И была стужа со морозами крещенскима,

И всё неверны командеры страховитые
И столько этыих солдатушков моло́дыих
И приучали ко оружью завоенному,
И чтобы вдруг ровно направо повернулися.
Чтоб в минуточку оружья перекинули,
И их повыстанет шариночки казенные,
И плечо с пле́чом ровно б у них ровнёшенько,
И буйна голова была б у их прямёшенька,
И отойдут да командеры тут ведь ротные,
И оны впрямь глядя́ по плечушкам могучиим,
И оны вточь глядя́ по буйной по головушке.
И новобранные солдатушки бессчастные,
И всё к оружьицу оны не применилися,
И оны в вытяжку стоять да не навыкли
И поворотушков держать да не умиют!
И горячи да эты ротные — свирепые,
И отдали́ да оны скоро поразо́йдутся,
И закричат оны, злодии, по-звериному,
И как этыих бессчастныих солдатушков
И оны ткнут да всё во правое во плечушко!
И как у этыих солдатушков бессчастныих
И со ясны́х очей да слезы вдруг повытекут.
И как у нас, да у печальныих головушек,
И обмират наше ретливое сердечушко,
Уж как глядячи на скачёныих жемчужинок!
Хоть в бело лицо дуют буйны эты ветрышки,
В ясны́ очи бьет погода непомерная,
И никуды, бедны солдаты, не уве́рнешься,
И по фатерышкам, бессчастны, не разо́йдешься!
И от снежку да зябнут резвы у их ноженьки,
И от оружьица бессчастны ручки белые,
И от морозушку сердечко перетрескает;
И не одеты там собольи белы шубоньки,
И одни только мундеры сукон серыих;
И у их здрагиват бессчастно тело белое!
И мне-ка жаль того, победноей головушке:
И лучше я, бедна горюшица, радела бы
Ему скорую злодийну бы смеретушку
И опустила бы, горюша, во сыру́ землю!
И тут не ржавело б победно ретливо сердцо́,
И где таскается бессчастно наше дитятко,
Иль зябет да по студёной он по зимушке;

И летной пóрой на дождях стоит сыпучиих,
И на страстя́х, може, светушко, на у́жастях;
И мое трескае ретливое сердечушко.
Ой бессчастные солдаты, неталанные!
И как у вас, да у победных головушек,
И без угару разболится буйна гóлова
И от побоюшков у вас да от тяжёлыих!
Наб бояться-то судей неправосудныих,
И покоряться наб властям немилосердыим,
И подрожать да вам кажинную минуточку!
И буди проклято на сём да на белом свете —
Уж как это зло-великое несчастьице,
Всё злодийное проклято бесталаньице —
Уж как эта грозна служба государева!
И трудна́-тя́жела ведь служба государева:
И день и ночь служить солдатушкам бессчастныим,
И нет спокою-то ведь темной этой ноченькой,
И нет отдóху на владычны божьи празднички!
Дробить наб, да как начальству-то являтися,
Чтоб мундеры сукон серыих наглажены,
Как оружьице всё было бы начищено,
И сабли вострые всё были бы насветлены,
И плотно-на́плотно ведь были б подпоясаны!

Если рекрут пошел охотой за братьев,
то соседка продолжает:

Да ты слушай же, спорядной мой суседушко!
И ты окинулся на братьицев родимыих
И на их ласковы прелестные словечушка!
И ублаждают тебя, доброго ведь молодца,
И тебе цвéтно ноньку платьице наряжено,
И тебе ествушки сахарные составлены,
И тебе питьица медвяные налажены,
И для прогулушки добры́ кони подпряжены.
И да ты думашь, спорядовой мой суседушко,
И что ведь век будет тебе да уваженьице?
И не векóво уваженьице — часóвое!
И тебя сда́ют как во службу государеву,
И позабудут светушки́ братцы родимые!
И буле бог судит, владыко многомилостливой,
И по благу́ служить ведь службу государеву,
И буде выслужишь уречны эты годышки,

Буде возвра́тишься на родимую сторонушку, —
И не будет тут от братьев уваженьица,
И приобидят тут солдатушка бессчастного,
И сговорят да тебе братьица родимые:
«И ты не дольщичек крестьянской нашей жирушки,
И не участничек участкам деревенскиим,
И не пристройщичек к хоромному строеньицу,
Ты не пайщичек любимоей скотинушки!»
И позабудут светушки братцы родимые
Оны нынешню напасть-беду великую,
И сговорят еще солдатушку бессчастному:
«И ты ведь дольщичек всё службы государевой,
И ты участничек солдатушков походныих,
И ты пайщичек казармам всё казенныим,
И половинщик ты оружьям завоенныим!»
И заобидишься, солдат ты, закручинишься,
И во слезах да ты ответишь таково слово:
«Бог судья вам, светушки́ братцы родимые,
И как во ту́ пору было́, да в тое времячко,
И когда грозна эта служба сустигала,
И вы не шли да туды, братцы, не сдавалися,
И вы ведь мной, да горегорьким, заменялися,
И кабы знал да я, бессчастной, про то ведал бы,
И вас не слушал бы я, братьицев родимыих,
И не окинулся б на ласковы словечушка,
И не сменял бы ум тот разум на безумьице,
И я не шел бы в грозну службу государеву!
И хоть бы в горе жил — на вольной своей волюшке,
И хоть я в ху́дом был, победной, во житьишечке, —
И столько на́ своей любимой бы сторонушке!
И как за вас, да светушки́ братцы родимые,
И много страсти я приви́дал, много у́жасти
И больши́ того — побоев превеликиих;
Белы рученьки мои да примахалися,
Белы ноженьки мои да притопталися,
Ясны очушки мои да притомилися,
Бедна спинушка моя да пораспластана,
И вся утробушка моя да перержавела;
От подтычин я не вижу света белого,
От поу́шенья не слышу ветра буйного!
Бог судья вам, светушки братцы родимые!»
И тут воспомнишь ты кручинную головушку,

И ты меня, да ведь приближную суседушку:
«И говорила как спорядная суседушка,
И так ведь и́збылось и в точь всё обреща́лось!»
И ты не гневайся, сдовольной белой светушко,
И на мое да ты нескладне причитаньице!
Хоть не умильно я, горюша, причитала,
Столько ума-разума в головку придавала!
И хоть не много жизнь солдатскую видала,
Знаю-ведаю, победная горюшица,
Каково да им, бессчастным, уваженьице!

Соседка к матери, если она не причитает:

Порастроньтесь-ко, народ да люди добрые,
Дайте мистечка вы мни да несомножечко,
И с одну ле́тную со малую тропиночку,
И вы со этую дубовую мостиночку,
И не на добром мни ко́мони проехать,
И едино́й пройти кручинной мни головушке,
И мне ко милоей спорядноей суседушке,
И повзыскать мне-ка, печальноей головушке,
И мне, победной, бедну матерь горегорькую.
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И я на милую спорядную суседушку,
И что сидит да на брусовой она лавочке,
И у ей по́джато ретливое сердечушко,
И принакло́нена бессчастна буйна го́лова,
И утуплены ведь очи на дубовой пол,
И вопота́й руши́т, горюша, горючи́ слезы́?
И ты послушай же, спорядная суседушка!
И не попустишь ты унылой жалкой го́лосок,
Хоть не умильное бы складне причитаньице,
Всё не для́ чести, горюша, не для по́хвалы,
И со великой бы злодийной ты кручинушки;
И хоть горю́чи, бедна, слезы проливаешь,
И не повиря того добры тебе людушки!
И про тебя, да про бессчастную головушку,
И межу ду́-другом тихонько разговаривают:
«И не жали́е, знать, сердечного ведь дитятка,
И свою милую скачёную жемчужинку!»
И не могла стерпеть кручинна я головушка,
И содержить свое ретливое сердечушко,
И подошла да я, кручинная головушка,

И наздыну свои бессчастны белы рученьки
И на твои столько печальные на плечушки:
Ты послушай, спорядовая суседушка!
И что сидишь да на брусовоей на лавочке
И не подходишь ко сердечному ко дитятку?
И он похаживат, удалый добрый молодец,
Хоть по доброму хоромному строеньицу,
И нету сродчев у него, да видно, сродничков,
И нету любушек-сестриц, видно, родимыих,
И по головушке никто да не подрачивает,
И по бессчастным его плéчам не поглаживает?
И подойди да ты, родитель родна матушка,
И ты наздынь свои, родитель, ручки белые
И на печальну молодецкую головушку,
И на бессчастные могучи его плечушки!
И, видно, ý тебя, печальной у головушки,
И плотно-каменно ретливо, знать, сердечушко,
Что отдалú ходишь, горюшица, туляешься
И от сердечного рожоного от дитятка!
И как у твóей скачёноей жемчужинки
И закручинилась бессчастная головушка,
И закатился, знать, катучий белый камешек
И на печальное бурлацкое сердечушко,
И на бессчастну молодецкую утробушку!
И он без ветрышка, наш светушко, шатается,
И ума-разума, победной, он срекается,
И он похаживает, свет, да выговаривает,
И он во все в эвты во добрые во людушки,
И сговорит да он, победной, таково слово:
«И я не знаю, добрый молодец, не ведаю,
И что разгневалась желанна моя матушка
И на бессчастного удала добра молодца,
И кругом-около родитель не обхаживат,
И ко мни вó глазы родитель не поглядыват,
И про запас да в молодецко бело личушко.
И подойди скажи, родитель родна матушка,
И чим разгневал я, удáлой доброй молодец,
И отрешил чим я родительско желаньице?
Аль ты слушаешь любимых своих детушек,
И моих милых светов братьицев родимыих?
Ты подумай же, родитель родна матушка,
Как мои да светы братьица родимые

Изживают меня, бедна добра молодца,
И быдто лютого зверя́ да из тёмна́ леса,
И быдто лютую змею да из чиста́ поля́;
И знать, что я, бедной бессчастной доброй молодец,
И знать, не дитятко тебе да не рожоное,
И знать, не вси равны сердечны тебе детушки,
И тебе по́-люби, знать, дети остаются.
Уж как вы, мои желанные родители,
Изгоняете бессчастную головушку,
И быдто заишка с-под ракитова под кустышка,
И горносталя с-под катуча бела камешка!
И можно знать, моя родитель родна матушка,
И про бессчастного удала добра молодца:
Уже так мое сердечко разгоряется,
И зла великая кручина расходилася
И на сердечушке тоска да распалилася,
И белой свет да со ясных очей теряется!
И чем разгневал я родитель тебя матушку,
Так ты в том прости, родитель жалостливая!
И не гневила бы, победна моя матушка,
И при последи-то меня да поры-времечки,
И не дивила бы ты добрыих-то людушек,
И не знобила бы бессчастного сердечушка!
И мне пройти было, бессчастну добру молодцу,
И мне во этот бы унылой задний у́голок
И ко желанноей к родителю ко матушке,
И приклонить своя бурлацкая головушка,
И покорить да всё печальное сердечушко!
И не прошу да я, уда́лой доброй молодец,
Я ни злата-то у вас да всё ни се́ребра,
И не прошу да золотой казны по надобью —
Я прошу столько, родитель родна матушка,
Я родительско прощенье с бласловленьицем!
И как что сдиется, родитель моя матушка,
И над бессчастноей бурлацкоей головушкой,
И как во этой во полаты белокаменной,
И буде бог судит бессчастну добру молодцу
И во злодийной быть во службе государевой,
И не спокиньте-тко бессчастна добра молодца,
И вы приидьте-тко во город во Петровской;
И не забыдьте, светы братьица родимые,

И во поход меня, бессчастна, проводите-тко!
И обмендерят как бессчастных нас головушек,
И увидаете, сердечные, узнаете
Тут про нашу бедну жизнь да про солдатскую,
И про бессчастное еденье со питемьицем,
И про тяжкие побои превеликие,
И про зло это начальство страховитое,
И про злых этых судей да скрозекозныих!»

Другая соседка к матери:

Я ответ держу, кручинна нынь головушка,
И я тебе, милой спорядноей суседушке!
И да ты слышала, победна, в глаза видела:
И скрозь обиду твое дитятко высказыват,
И скрозь горючи он ведь слезы выговариват;
И приклонил свою бессчастну он головушку,
И покорил да бесталанно ретливо́ сердцо́
И он со этыма слезама со горючима
И он при всих да ведь при добрыих при людушках,
И при ближних спорядовыих суседушках;
И он повысказал, уда́лой доброй молодец,
И како́ его из дому похожденьице!
И жаль-тошнёшенько удала добра молодца:
И он возрастом, наш свет, да не малёшенек,
И на походочку, наш свет, да быдто стопочка,
И во лицы да всё белила со румянама,
И развесёлы молодецки ясны очушки;
И по палатушке пройдет, да свет, не стря́хнется,
И говорит да наш свет-то, не мешается,
И знать, приглянется судья́м там поставлёныим!
И ты послушай, спорядовая суседушка!
И кабы у́ тебя, кручинной у головушки,
И во сердцы́ было велико бы желаньице,
И во устах были прелестны бы словечушка
И до печального сердечного до дитятка,
И не допустила бы, победна, во резвы́ ноги́,
И ты приняла б на белы свои рученьки,
И от тошна́ горя́ к сердечку прижимала бы,
И со кручины к белу лицу прилагала бы,
Уговорила бы дитё да уласкала бы,
И наказала бы сердечному ты дитятку
И ты умильныим родительским словечушком:

«И как поедешь ты, сердечно мило дитятко,
И ко злодийному ко городу Петровскому,
И на пути да гди на ши́рокой дороженьке
И где увидишь ты часовни богомольные,
Где прознаешь да ты церквы посвященные,
И во часовенки зайди да ты на спа́сенье,
И в божьи церквы заходи да ты на мо́ленье,
И да ты ставь-ка там свечи да всё рублевые,
И засуляй-ко пелены да всё шелковые
И ты пречистой пресвятой да богородице;
И молись да ты там богу от желаньица,
Чтобы господи-владыко-свет помиловал
И от злодийной грозной службы государевой,
И возвратил бы на родиму тебя родинку,
И во свой да дом, крестьянскую во жирушку;
И ты начальству во палаты не годился бы,
И черным вороном в глаза да показался бы!
И ты послушай, спорядовая суседушка:
И когда дитятко тебе да покорялося
И как бессчастная головка приклонялася
И ко теби да всё во резвые во ноженьки,
И у тобя, моя спорядная суседушка,
И не здынулись тут ведь бе́лы твои рученьки
И на печальну на бурлацкую головушку,
И на обидны его желтые кудёрышки.
И знать, на ту пору уста да запечатались,
И у тобя, да у спорядной у соседушки,
И не воротится ведь нынь да всё речист язык!

Соседка, у которой брат в солдатах, к народу:

И вы послушайте, народ да люди добрые,
Что ведь я скажу, кручинная головушка!
Сама по́ себи, горюша, разуметь могу;
Я была в такой ж великоей кручинушке,
Я в несносноей злодийноей тоскичушке!
И как со светушком я братцем расставалася
И всё горючима слеза́ма обливалася.
И во горя́х добрых людей не узнавала,
И родимого я братца не видала!
Не дивуйте-тко, народ да люди добрые,
И также этой спорядовоей суседушке:
Ведь детиная тоска — неугасимая;

И може, нет да ума-разума в головушке
И у ей ро́змыслу в ретливоем сердечушке;
И как сегодня, сего де́нечка господнего
И без ума, да може, мать ходит-шатается!
И вы не ви́рите, спорядные суседушки,
И нам, бессчастныим кручинныим головушкам:
И вы во добрыих живёте всё во жирушках,
И вы невзгоды над собой да не видаюча,
И вы кручины-то печали не слыхаюча;
И може, рада бы она да при́читать —
И она в грамоты, горюша, не училася,
И всё от добрых людей да непонятная!
И не начаялась она да не надиялась
И над собой да всё великоей кручинушки!
И она в доброй во крестьянской жила жирушке,
В добре ро́стила сердечных она детушек;
И она думала победным, може, разумом,
Что повыращу сердечных своих детушек,
И отпущу да их на чу́жу на сторонушку,
И по охотным бурлацкиим работушкам,
И наживут да золотой казны по надобью,
И да мы при́берем бурлакушка охотничка,
И добра молодца возьмем да мы нанемщичка,
И задайм да золотой казны бессчётноей,
И слободим да мы бурлацкую головушку!
И не по думушкам теперь да дело ставится,
И не по розмыслам у ей да обрещается:
И хоть возро́стила сердечных еще детушек,
И сожалела отдать в добрые во людушки,
И содержала на родимой их сторонушке,
И всё во доброй во крестьянскоей во жирушке.
Еще думала спорядная суседушка:
«Може, годышки-то будут не бедовые,
И не придут скоро наборы государевы!»
И как по ейному великому бессчастьицу
И пошли годышки теперь да всё бедовые,
И времена пошли с бедами со напастями,
И часты́ пошли наборы государевы,
И выбирать стали уда́лых добрых молодцев,
И всё по полному бурлацкому по возрасту,
И красотой да всё по белому по личушку,
И на походочку бурлакушков щебливую,

На поговорюшку рекрутиков учливыих!
И как у ей да тут, спорядноей суседушки,
И тут пово́зросла сахарна деревиночка,
И вдруг ведь ра́сцвела изюмна ягодиночка;
И тут ведь знать стали народ да люди добрые,
И тут проведали судьи́ неправосудные,
Что к набору есть скачёная жемчужинка.

Та же соседка к матери:

И ты послушай, спорядовая суседушка!
И ты проглупала скачёную жемчужинку,
И прозабыла ты, печальная головушка,
Как в досюльны времена да было годышки,
И были людушки ведь е да запростейшие,
Уж как прежний-то народ да был ведь спа́цливой,
И новгородские крестьяна небало́вливы,
И как судьи́ да в тую пору правосудливы,
И как власти́ да тогда были милосердые,
И были времечка в ту порушку спокойные!
И прозабыла ты, печальная головушка,
И что ведь времечко идет да ускоряется;
И пошли людушки ведь е да всё баловливы,
И судьи́-власти-то пошли да скрозекозные,
И начальнички пошли да всё бездельные,
У их женушки пошли да белорукие,
У их дочушки пошли да ничевухи —
И не ткиюшки оны да не прядеюшки,
И одно у их в умы, да одно в разуме —
И всё белила-то у их да со румянами,
И как хвостом вертеть да как ногой тряхнуть;
И не знают-то, бессчастные, не ведают,
И что ведь дом вести — не головой трясти,
И как от этого велика беззакония,
И как от ихного теперь неправосудья
И на часу́ да всё законы составляются,
И на минутой вси статьи да рассуждаются;
И мужиков-то всё судить да добираются,
И их на́гладко, бессчастных, разоряют!
И как за наше за велико согрешенье
И пошли годышки ведь нонь да всё бедовые,
И зачастую неприятель всё волнуется,

И под Русию подселенну подбирается,
И пошли часты нонь наборы государевы!
И ты послушай, спорядовая суседушка!
И да ты властна всем сердечным своим детушкам,
И ты бы ладила в уречны их во годышки
И ты бы славныим купцам да всё богатыим,
И ты бы на́жила златой казны бессчетноей;
И не спала бы ты по темныим по ноченькам,
И ты ездила б к судьям неправосудныим,
И ты по этым писарям да хитромудрыим,
И на безлюдье золотой казной дарила бы,
И чтоб подальше в жеребьях да отложили бы
И твою милую скачёну бы жемчужинку!
И нынь схватилася, спорядная суседушка,
И жали́ть да всё сердечно свое дитятко,
Как поблизёшеньку в бумажку записали;
И ты проспала-то по темныим по ноченькам,
И нынь проглупала по божиим по де́нечкам;
И наб вдруг спустить сердечно нонько дитятко
Из очей да ведь скачёную жемчужинку,
И единёшенька удала добра молодца
И от доброей крестьянскоей от жирушки.
И вам укор да от спорядныих суседушек;
И обиждаться-то сердечно буде дитятко,
Что поотдали во службу государеву,
Пожали́ли светушко́в братцев родимыих!
И знать, так сужено скачёноей жемчужинке,
И на роду судьба бессчастному уписана,
И на делу́ да, видно, служба доставалася
Твоему да всё печальну милу дитятку!
И как на этой на уречной на неделюшке
Я заметила, печальная головушка:
И как поедет-то бессчастной доброй молодец
Он на доброй на ступистоей лошадушке,
И на хорошиих на санках самокатныих,
И он на славноем коври новогородскоем,
И принаклонит-то бурлацкую головушку!
Я повыду на крылечико перёное,
Я гляжу да на путь-широку дороженьку,
Я в раздольице, горюша, во чисто́ поле,
И на бессчастного удала добра молодца;
И он идё путем-широкой дороженькой,

И он раздольицем, победной, всё чистым полём,
И он глядит да на четыре вси сторонушки
И молодецки горьки слезы проливает,
И он с головушки фуражечку снимает,
И кашемировой платочек вынимает,
Им подмахиват бессчастно бело личушко,
И утирает, бесталанной, горючи слезы!
Знать, что ведае ретливое сердечушко
И над собой да злу великую невзгодушку!
И прогляжу, бедна горюша я бессчастная,
И как на светушка я братца на родимого.
И ты послушай, спорядовая суседушка!
И ты бы взяла золотой казны по надобью,
И ты сходила бы во улички рядовые,
И ты во лавочки зашла бы во торговые,
И закупила лист бумаженьки гербовоей,
И наняла бы писарёв да хитромудрыих,
И ты списала у скачёной бы жемчужинки
И его ласковы, прелестны бы словечушки,
И ты учливу бы умильню поговорюшку,
И ты цвéтно бы бурлацко его платьице,
И бессчастно молодецко его личушко,
Бесталанны бы слезливы ясны очушки!
И ты держала бы во правой белой рученьке,
Прижимала бы к ретливому сердечушку,
И прилагала бы ко блеклому ко личушку
Ты на свéтло бы Христово воскресеньице,
На стопочке держала бы точеной!
Как во нашем селе да деревенскоем,
Как у нашей божьи церквы посвященной,
И во приходе буде праздничек годóвой;
Как приезжать да станут сродчи-милы сроднички,
И соберется вся порода именитая,
И да вы сладите обеды полуденные,
И тут сходила в мелкорублену бы клеточку,
И ты бы прúнесла патрет да лицо белое,
И становила бы за стол да за дубовой,
Ты на это бы косевчато окошечко!
И сродчи-сроднички глядили любовались бы,
И ты сама села, победна бы головушка,
И супротив бы ты патрета лица белого,

И ты дрочила по гербовой бы бумаженьке,
И тут воспомнила сердечно ты бы дитятко;
Вси бы род-племя любимо вспамятили бы
Как за этыим столом да за дубовыим;
И нагляделась бы, спорядна ты суседушка,
Как на сердечное рожоно свое дитятко;
И ты бы причетью, горюша, причитала,
И сговорила бы, бессчастна, таково слово:
«Хотя ж при́брались вы, род-племя любимое,
Хотя ж вси вкупе, порода именитая,
И едино́й нету скачёноей жемчужинки!
И мы не знаем-то, победнушки, не ведаем,
Где победное дитё да обрещается!
И светы братьица с породой угощаются,
И за дубовыим столом да прохлаждаются,
И едино́, може, бессчастно это дитятко
И трои суточки ведь, ди́тё, не едаюча,
И неделюшку спокою не видаюча;
И может, на́ страсти, наш светушко, на ужасти,
И на сраженьице наш свет да на великоем;
Не до владычного господнего до праздничка
И не до сладкого ему да уеданьица!
И может, горькима слёзама обливается,
И ретливо сердце ведь кровью запечаталось
Как во этой грозной службе государевой
И во бессчастныих солдатушках походныих!
И в слезах вспомнит он родиму свою родинку,
И сговорит столько бессчастной доброй молодец
И межу братией солдатамы походныма:
«Как сегодня, скаже, де́нечка господнего
Как на мо́ей на родимой, скаже, сто́роне,
И как у нашей пресвятой да богородицы
И е престол да ведь господень божий праздничек,
И е гуляньице на ши́рокой на улице,
Как собраньице душа́м да красным девушкам,
Всё гульбищечко уда́лым добрым молодцам;
Уж как мы, бедны бессчастные солдатушки,
Не на гульбищечке ведь мы да прохлаждаемся,
С завоенным мы оружьем забавляемся,
И нас не носят с горя резвы нонько ноженьки,
И не глядят да на́ свет ясны наши очушки!»
И ты послушай, спорядовая суседушка!

И пожалела золотой казны бессчётной,
И не пожалела ты сердечно свое дитятко,
И ты не ня́нила писарёчка хитромудрого.
И не списала еще, победна ты головушка,
Как ведь дитятко тебе да выговаривал,
И скрозь обиду при добры́х людя́х высказывал,
Что ублаждали-то его да как нанёмщика;
И обиждалося сердечно мило дитятко
И на тебя, да на родитель всё на матушку,
И он на светушков на братьицев родимыих!
И не списала на спомин своей скачёноей
жемчужинки,
И на раздий своей великоей кручинушки.
И молча схватишься, спорядная суседушка,
Да как по́живешь с любимыма со детушкам,
И не будет-то, победной, приберёгушки
И уваженьица от милых своих детушек;
И тут воспомнишь ты скачёную жемчужинку,
И ты печальное сердечно свое дитятко,
И скрозь обидушку, горюша, ты великую
И да ты до́ждешься разливной весны красной,
И ты повыдешь всё на широку на уличку,
И с горя со́йдешь ты к кру́тому ко бережку;
И быстры риченьки теперь да поразо́льются,
И синё славное Онего порасполется,
И ты глядить станешь за сине за Онегушко,
И ты нагля́дать будешь чёрных бо́льших ко́раблей
Издалека́, бедна горюша, из синя́ моря,
Не забилиют ли там то́нки белы парусы,
И не покажутся ли чёрны бо́льши ко́рабли,
И не подъедет ли сердечно мило дитятко
И он ко пристани, наш свет, да корабельной,
И он на тихие, наш светушко, на заводи.
И не дождешься ты, печальная головушка,
Взад воротишься в хоромное строеньице!
И ты патрет взяла б, бело его личушко,
И ты ходить стала б по хоромному строеньицу,
И ты во светлую сходила бы во све́тлицу,
И ты носила бы патрет да бело личушко
И супротив очей во белых своих рученьках,
И ты клала бы на стол да на дубовой,
И обходя ж да ты патрету поклонялася,

И ты горючима слезамы обливалася,
И тут раздияла велйку бы кручинушку,
И тут спромолвила едйно бы словечушко:
«Наглядитесь-ко, бессчастны мои очушки,
И вы на эту на гербовую бумаженьку,
И как на милое сердечное на дитятко!»
И пораздумайся победным своим разумом:
И твои ноженьки, победна, притопталися,
И твои белые-то ручки примахалися,
И ясны очушки твои да притомилися,
И твоя сила, у бессчастной, придержалася,
И твой век, да у горюши, скоротался ведь,
И пристарела ты, спорядная суседушка,
И не видать, може, сердечна будет дитятка,
И може, на́ слыхе, горюше, не слыхать буде!
И быдто вёшная вода со льдом разо́йдется,
И так же ты, бедна, со дитятком расстанешься:
И поразлучат-то победную головушку
Как во этом тебя городе Петровскоем,
Во принёмноей палате белокаменной
Уж как этыи судьи́ неправосудные,
Уж как этыи власти́ немилосердые:
И отведут этых бессчастныих рекрутиков
Как во эты во казармы во казенные;
И вы без спросу к ним, победные, не сходите,
И без докладу вы в глаза да не увидите!
И как их выпустят на шйроку на уличку,
И впереди да у их будут провожатели,
И позади дают солдата караульщика.
И хоть пойдешь, бедна, в казармы во казенные,
И золотой казной ведь надо подаритися,
И угостить надо ведь дядьков-то со старшима,
И угостить надо, горюшице, уподчивать!
И ты послушай, спорядовая суседушка:
И я поро́сскажу печальной всё головушке,
И накажу теби, спорядноей суседушке;
Я сама была, печальная головушка,
И во злодийном была городе Петровскоем
Я со светушком со братцем со родимыим;
Я сама знаю, горюша, про то ведаю,
И как ходить да во казармы во казенные,
И по часам ходить туды да по минуточкам.

Я ходила как ко братцу ко родимому,
У дверей да я дарила всё придверничков,
И угощала его крепких караульщиков,
И придержала золоту казну бессчётную;
И хотя ж придем мы по утрышку ранёшенько,
И крепко-накрепко воротушки призаперты,
И плотнёшенько решёточки задвинуты;
И кругом-около, горюшицы, похаживаем,
На часовых этых солдатушков поглядываем,
И поскорёшеньку ль ворота поотложатся,
Что решёточки в казарме приотдвинутся ль,
Скоро ль выпустят скачёныих жемчужинок
Прогуляться их на широку на уличку
И повидать да нам, победныим головушкам.
И ты воспомнишь, спорядовая суседушка,
И мое бедное уныло причитаньице;
И не радела бы, печальная головушка,
Порасстаться-то с сердечным тебе дитятком!
И всё не вирят-то судьи неправосудные,
Не разумиют всё власти немилосердые,
Что нам жаль-тошно сердечных милых детушек!
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И на твое да на сердечно мило дитятко:
И быдто вёшная земля да ворошёная,
И твое милое сердечно сидит дитятко,
И вдруг подзяблая изюмна ягодиночка,
И вдруг подсохлая сахарна деревиночка!
И скрозь туман да пече красно это солнышко
И на бессчастного удáла добра молодца,
И долит его великая заботушка,
Ушибат его злодийная невзгодушка,
И жаль расстаться-то сдовольну белу светушку
И ему с добрыим, хоромным строеньицем,
И со светлой ему да всё со светлицей!
И как сегодня, сего дéнечка господнего,
И как у вас да во столовой новой горенке
И хоть расставлены столы у вас дубовые,
И на столах да самовары хоть шумячие,
И хоть садилися сердечны твои детушки,
И на стульица садились на кленовые,
И дружьев-братьицев садили всё приятелей,
И своих милыих садили поровéчников,

И мы глидили всё, победные головушки,
И со сторон да на скачёных жемчужинок —
И у единого сердечного у дитятка
Как дрожат да молодецки белы ручиньки,
Как поднять да эта чайна столько чашечка,
И он не чаю столько, свет, да искушáет,
И он горючи-бедны слезы проливает!
И твои детушки ведь тут сильно расплакались,
И за дубовыим столом да разобиделись,
И оны дý-другу тут братья покоряются,
И единý да свету братцу поклоняются,
И наливают ему чару зеленá вина!
И говорит эта скачёная жемчужинка,
Он своим да светам братьицам родимыим:
«И что за чудышко теперь да причудилось,
И что за дивно в доме диво проявилось,
Что дубовые столы да порасставлены,
И тонки гладкие сукна да поразостланы,
И что собраньице народу-людям добрыим;
И я взгляну да на косевчаты окошечка,
И прикручинивши косевчаты окошечки,
И на слезах стоят стекольчаты окóленки,
И при печали самовары-то шумячие!
И что почтеньице от братьев угощеньице
Уж как мне-ко-ва, удалу добру молодцу!
И не честнóе ведь у нас да пированьице,
И не веселое у нас да столованьице;
И за столом да я не князь сижу молóдой,
И сижу мóлодец теперь я под неволюшкой,
И при досадушке сижу да я несносной!
Уж вы слушайте, дружьё-братьё-приятели,
Уж вы пейте чаи-кофеи горячие,
Взвеселите-тко победную головушку,
Вы воспойте-тко унылу жалку песенку:
Я менять буду кручину на весельице!
И как послú меня, дородня добра молодца,
И вы пойдите, бýрлаки, на гуляньице,
И вы на тихие смиренные беседушки,
И вы воспомните бессчастна добра молодца
И во шестёрочках, бурлакушка, веселыих;
И столько нéвесто, дружьё-братьё-приятели,
Не могу да знать, удáлой доброй молодец,

И мне-ка быть ли на родимой на сторонушке!»
И сговорит еще уда́лой доброй молодец:
«И супротив стоишь, родитель родна матушка,
И хотя ж рушишь ты, горюша, горючи́ слезы,
И как посли меня, родитель жалостливая,
Буде сжалу́ешься до бессчастна добра молодца, —
И ты гляди, моя родитель родна матушка,
На моих дружьёв гляди да на приятелей,
И на любезныих гляди да поровечников;
И зазови моих любезных поровечничков
Хоть на владычной ты господень божий праздничек,
И угости, моя родитель, их, употчивай,
Будто своего, родитель, да ты дитятка!»
И ты послушай же, спорядная суседушка:
И примечай его ласко́вые словечушки,
И прилагай слово к ретливому сердечушку,
И поплотнее ты ко зяблоей утробушке!

Та же соседка к рекруту:

И ты послушай, златокрылой наш ясён соко́л,
И да ты милой, спорядовой наш суседушко!
И не забыть буде победным нам головушкам
Всё тебя да нам, удала добра молодца.
И мы сберемся как, спорядные суседушки,
И на сиди́му на прядимую беседушку,
И хоть придут да твои милы поровечники,
Не забудем мы, печальные головушки,
Все тебя, да златокрыла ясна сокола
И всё печальныих словечушек слезливыих,
И всё обидныих наказов молодецкиих!
И скрозь обиду доброй молодец высказывал,
И скрозь злодийную кручину выговаривал!
И жаль-тошнёшенько победным нам головушкам
И тебя, милую скачёную жемчужинку:
И поговорюшка была твоя учливая,
И разговорушки-то были чваковитые,
И ты шутил да всё на ши́рокой на уличке,
И не обидел ты ведь добрыих-то людушек,
И не грубил да спорядовыих суседушек,
И не кливил да ты ведь малых этых детушек;
И шутя времечко у света проходило!
И сожалием мы, печальные головушки,

И за твое да за велико доброумьице,
И за прелестны твои ласковы словечушка!
Вси жалиют многи добры тебя людушки,
Вси окольные спорядные суседушки,
И жалиют тебя малы недоросточки!
И за столом да сидит молодец дубовыим,
И хоть на стульицах, наш свет, да на кленовыих,
И молодецкой буйной го́ловой покачиват,
Он бессчастныма кудёркама потряхиват,
И он горючима слезамы обливается,
И великоей кручиной утирается,
И не в любимую дороженьку справляется,
И не по разуму извозчички моло́дые!
И не везите-тко, ступистые лошадушки,
И вы бессчастного удала добра молодца
И ко злодийному ко городу Петровскому,
Ко принёмноей палате белокаменной!
И на пути да, до́бры кони, становитесь-ко,
Уж вы взад да со дорожки воротитесь-ко!
И возвратись, да наш спорядной ты суседушко,
И ты взад да на родимую сторонушку,
На утехушку ты нам, на доброумьице!

Та же соседка к матери:

И ты послушай, спорядовая суседушка!
И ты отпустишь как сердечно свое дитятко
Ты к злодийному ко городу Петровскому,
И затопи, бедна, свечи́ да воску ярого
И ты пречистой пресвятой да богородице,
И ты молись, бедна горюша, с горючмы слезмы,
Ты ведь господа-владыку всё упрашивай,
И сохранил бы столько господи, помиловал
И твое милое сердечно это дитятко
И всё от этой грозной службы государевой,
И от бессчастныих солдатушков походныих,
И возвратил бы он рожоно твое дитятко
Его в дом да во крестьянскую во жирушку,
Воскормителем победным бы головушкам!
И ты послушай, спорядовая суседушка,
И что скажу да я, кручинная головушка!
И буде господи его да не помилует
От злодийноей от службы государевой,

И да ты съидешь как ко городу Петровскому, —
И про запас гляди, победна ты головушка,
И на сердечное печально свое дитятко;
И подле сядь да ты скачёноей жемчужинки,
И ты подумай при последи думу крепкую.
Потуряют-то судьи́ неправосудные,
Потужают в путь-широ́кую дороженьку,
И сговорят столько судьи́ неправосудные:
«Одевайся-тко, удалой доброй молодец,
Надевай-ко свое цветно это платьице,
Снаряжайся со хоромного строеньица,
Ты прощайся со родителью со матушкой,
И с суседами прощайся спорядовыма,
С своей милоей породой именитою,
С дружьём-братьицем прощайся, со приятелем!»

Та же соседка к двоюродным сестрам рекрута:

Вы послушайте-тко, белые лебедушки,
И да вы любушки-сестрицы сдвуродимые!
И како́ ж было сердечное желаньице
Всё до вас было, до белыих лебедушек,
И уласкал всегда скачёна вас жемчужинка!
Как приходить стане владычный божий праздничек,
И говорить да стане братец-красно солнышко:
«И уж вы любушки сестрицы сдвуродимые,
И вы давайтесь у желанныих родитель
И вы к владычному господнему ко праздничку,
И во любимо во сердечно во гостибище,
И я свезу да вас там белыих лебедушек!»
И допрежь сего поры да этой времечки
Вы снаря́дитесь, лебедушки, скорешенько,
И вы пойдите со братцем суровешенько.
И любовались мы, спорядные суседушки,
Как ходили вы, лебедки, по гуляньицам,
И утешались вы со братцем, взвеселялися;
И как цвело да на вас цве́тно это платьице,
И алели в косы алы у вас ленточки!
И вы воспомните-тко, белые лебедушки, —
И да вам летной был, голубушкам, повозничек,
И да вам зимной безответной был извозчичек;
И да вы издили со братцем сдвуродимыим

И по гульбищечкам ведь вы да по прокладбищам,
По искат-горам вы издили высокиим,
Вы по этыим унылыим по свадебкам,
И по тихиим смиренным беседушкам,
И красовались вы сдовольным белым светушком.
И на добро́м коне была сбруя золоченая,
И на вас цветно было платьице покуплено,
И как пошиты были шубки соболиные;
И тут снарядитесь с довольным белым светушком,
И вы усадитесь во санки самокатные;
И со сторонь да глядя добры эты людушки,
И всё дивуются спорядные суседушки,
И как вы идите с любимыим повозничком
И взвеселяетесь путь-ши́рокой дороженькой,
И воспеваете унылы жалки пи́сенки;
И шутя времечко, голубки, провожали,
И за весельицем дорожку коротали
И вы со светушком со братцем сдвуродимыим,
И вы со милым соколочком златокрылыим!
И он заступушка вам был да заборонушка,
И он стоял по вас ведь, белыих лебедушках,
И он за вашу за бажону волю вольную!
И вы воспомните, души́ да красны девушки,
И по разливноей его да вёсны красной,
И вы на трудноей крестьянскоей работушке,
И на чистыих полях да хлебородныих,
И на зеленыих лугах да сенокосныих,
И где работушку со братцем работа́ли,
И заедино жалки песенки спевали,
И он ведь сло́вечком-то вас да не огру́бил,
И он тяжелоей работой не огру́зил!
И были ласковы прелестны вам словечушка
И вам от эта соколочка златокрылого,
И вам от светушка от братца сдвуродимого!
И вы послушайте, косаты летны ластушки:
Как что сдиется над им да как что сбудется,
И кто возить да будет белыих лебедушек?
И вам не буде столько летного повозничка,
И да вам зимна безответного извозчичка
По гульбищечкам у вас да по прокладбищам,
И впереди у вас не будет передовщичка!
Как сдиется над братцем ясным соколом,

И приотмените владычны божьи праздничкы,
Приотложите смиренные беседушки,
Вси унылые слезливы эты свадебки.
И как поедут-то советны ваши по́дружки,
И тут вы станете, печальные головушки,
И вы похаживать по хоромному строеньицу,
И вы поглядывать в косевчато окошечко,
И вы посматривать на ши́року на уличку,
И тут вы горькима слезамы обливатися,
И тут великоей обидой отиратися!
И хоть отпу́стя вас, победных, на гуляньице,
И целый день пройде у вас, бедных, справляюча,
И вам повозничка, победным, дожидаюча!
И как посли́ да света братца сдвуродимого,
И уж как эта соколочка златокрылого,
Не сугреват да вас сугревна ваша шу́бенка,
И не цветет да на вас цветно нынько платьице,
И всё со этой со великой со кручинушки
И со злодийноей великоей обидушки.
И добры людушки того да принабаются,
И вси суседушки того да насрекаются!
И как посли́ да света братца сдвуродимого,
Уж как эта соколочка златокрылого,
Уж вы пойдете как, белые лебедушки,
И вы на трудную крестьянску как работушку,
И вспомятуете, победны, потоскуете,
Потоскуете, бессчастны, порасплачетесь:
И середи да тёпло-красного ведь летушка
И жалобно́ да печё красно это солнышко́,
И уныло́ да в саду птички возжупляют,
И оны причетью ведь пташки причитают!
И как у вас, да у печальныих головушек,
И унывать стане ретливое сердечушко,
И ушибать стане великая обидушка:
И посли светушка ведь братца ясна сокола
И на лугах да вам ведь свет-от не объявится,
И на чисто́м поле ведь братец не покажется!
И тут вы сядете, обидны красны девушки,
И под ракитовой, горюши, этот кустышок,
И на катучий да вы сядете на камешок,
И думу думать да вы станете тут крепкую,
И воскликать да света братца сдвуродимого:

«И как на эту бы пору́ да в это времечко
Приобъявился бы сдовольной белой светушко
И он во этом бы солдатском хоть во платьице,
И показался хот на минутной бы часочек,
И поглядели бы во ясны мы во очушки,
И мы в печальное во блёклое во личушко!
Не устрашились бы, горюши, не споло́хались,
И мы спросили бы, победные головушки,
Про бессчастно горегорько живленьице,
И бесталанное солдатско похождение;
И мы досы́та ведь, победны, накормили бы,
И сладкой водочкой его горе раздии́яли б!»
И не увидите вы, белые лебедушки,
Из-под кустышка, победны, сера заюшка,
Из-под камешка, горюши, горносталюшка!
И прибирайте-тко, души́ да красны девушки,
И вы на горушках его да на высокиих,
И на гульбищечках его да на прокладбищах,
Из бурлаков прибирайте вы моло́дыих
И вы по цветному, горюшицы, по платьицу,
Вы по белу молодецкому по личушку,
Вы по ясным молодецким его очушкам,
И по желтыим завивным кудёрышкам,
И по походочке бурлацкоей щебливой,
По говорюшке его да цвяковитой,
Вы по возрасту, горюшицы, по волосу
И супротив своей скачёноей жемчужинки,
И супротив да света братца сдвуродимого,
И молча схватитесь, голубушки, наплачетесь,
Спамятуете, победны, натоскуетесь;
И не подсядете к скачёноей жемчужинке,
И вы ко светушку ко братцу сдвуродимому!
И не поставьте в гнев вы, белые лебедушки,
И что причитаю я, печальная головушка!
Я сама знаю, горюша, сама ведаю
И про злодийную великую обидушку,
И како́ да е со братцем расставаньице!
Как со светушком я братцем расставалася,
И я навеки́ с ним, горюшица, прощалася,
И не надиюся, победная головушка,
Я дождаться своего да ясна сокола
Со злодийной этой службы государевой;

И он во снях да мни, горюшице, не кажется,
И наяву мне-ка, горюше, не объявится
И ни на трудной мне крестьянскоей работушке,
И ни у синего у славного Онегушка,
Ни на тихиих, горюше, мне на заводях,
И ни на пристанях, горюше, корабельныих!
И так же вы, бедны кручинные головушки,
И про запас да вы глядите на красно свое солнышко,
И вы на светушка на братца сдвуродимого!
И как у вашей у скачёноей жемчужинки
И подрезано ведь нынь да ретливо́ сердце́:
И наб пойти да со родимой со сторонушки,
Как со доброго хоромного строеньица;
И жаль расстаться-то бурлакушку тошнешенько,
И распроститься с родом-племенем скорешенько!
И он горючима слезама омывается,
И ретливо́ сердце́ ведь кровью обливается;
И со злодийноей великоей кручинушки
И цветно платьице по швам да расшивается;
И со этоей великой обидушки
И распаялися перстни́ его жуко́венья
И на его да молодецких белых ручельках!
И хоть дружьё-братьё ведут его приятели,
И хоть по доброму ведут да по строеньицу,
И по светлоей ведут да его све́тлице,
И он не пьян да с горя, молодец, шатается,
И не дай господи на сём да на белом свете
И как смотреть да на бессчастных добрых молодцев,
И на горючие бурлацки смотреть слезушки,
И на тоску да их глядеть ведь молодецкую!
И лучше на́ свет оны были б не спорожены
И как бессчастные сердечны эты детушки,
И бесталанные солдаты новобранные!
Как сегодняшним господним божьим де́нечком
И всё горит свеча теперечко туманится,
И пресвята мать богородица печалится,
И сожалиет-то удала добра молодца,
И как бессчастного рекрутика моло́дого.
И ты садись ноньку, уда́лой доброй молодец,
И да ты милой спорядовой мой суседушко,
И ты во этот во поче́стной во большой угол,

И ты на лавочку, наш свет, да на дубовую,
И ты под мило под косевчато окошечко,
И под туманную стекольчату околенку.
И вы глядите-тко, народ да люди добрые:
И поскорёшеньку сестрицы подвигаются,
И как клонят да оны буйну свою голову,
И как корят оны ретливое сердечушко
И при послéди-то теперь да поры-времечки,
И всё ко светушку ко братцу-ясну соколу,
И сожалиют оны братца сдвуродимого,
И расстаются с соколочком златокрылыим!
И говорит да им скачёная жемчужинка,
И скрозь слезушки, победной, им наказыват:
«И как пойду да я во службу государеву,
И вы, летные косаты мои ластушки,
Не забыдьте вы бессчастна добра молодца,
Не забыдьте вы солдата горегорького!
И вы спроведайте у добрыих у людушек,
И напишите скорописчатую грамотку,
И вы пошлите-тко на чýжу на сторонушку,
Ко бессчастному солдату горегорькому!»

Мать к соседям:

Вы послушайте, народ да люди добрые,
И вси суседушки мои да спорядовые,
Как утрось было по ранному по утрышку,
Как до раннего петунья воспеваньица
И до унылa соловьиного жупляньица;
И красно солнышко в тумане выкаталось,
И добрый молодец с кручинушки ставает,
И со обиды резвы ножки обувает,
И со печали цветно платье надевает,
Горючмы слезмы лицо да обмывает,
И сговорит да он, победной, таково слово
И он мни, да всё родимой своей матушке:
«И бласлови да на сесь день меня господний
И ты, желанная родитель моя матушка».
И сговорит еще бессчастной доброй молодец,
И он в обидушке, победной, таково слово:
«И я спал да ведь, бессчастной доброй молодец,
И знать, последнюю господню божью ноченьку
И во своей да я во светлоей во свéтлице,

И на этой на тесовой на кроваточке,
И на своей да на пуховой на перинушке,
И на этом крутом складнеем зголовьице,
И я под теплым соболиным одеялышком!
И не сном-то коротал да я ведь тёмну эту ноченьку,
И думал думушку, бессчастный, во бессоньице,
И обливался я слезамы во кручинушке,
И ретливо мое сердечко подмывало,
И бессчастная утроба обмирала,
И знать, приходит та пора да это времечко,
И как послидние часы да со минуточкой,
И как мне-ко-ва, удалу добру молодцу,
И наб поехать со хоромного строеньица,
И разлучиться со родителью со матушкой,
И порасстаться с родом-племенем любимыим,
И на́век бросить да родиму эту сторону!
Ой, тошнёхонько, родитель жалостливая,
Мне, бессчастному удалу добру молодцу!
И не повирите, народ да люди добрые, —
И невмогутушку слезливые словечушки,
И не по летушкам великая ознобушка!
Уж как мни, да ведь кокоше горегорькоей,
Вдруг как треснуло ретливое сердечушко,
И перелопала бессчастная утробушка,
И от тошна́ долит великая кручинушка,
И на глазах слезы у беднушки не ставятся,
И невмоготу мни сесветное живленьице!»

Соседка утешает мать рекрута:

И ты послушай, спорядовая суседушка,
И не давай тоски к ретливому сердечушку,
И береги да ты пристарше свое личушко!
И знаем-ведаем, кокоша горегорькая,
И не в спокое что ретливое сердечушко,
И про твою да мы великую невзгодушку,
И про проклятую злодийную кручинушку!
И да ты съезди-тко, кокоша горегорькая,
И ты во эту божью церковь посвященную
И ты ко этой пресвятой да богородице,
И помолись да ты владыке от желаньица,
И ты крест клади, горюша, по-писаному,
И ты поклон веди, победна, по-ученому:

И ты поставь свечу, горюшица, рублевую,
И пелену да положи ты ведь шёлковую
Уж как этой пресвятой да богородице
И ходателю Миколе многомилостливу;
И поклоняйся ты до матушки сырой земли,
И ты с горючима слезама материнскима;
И ты проси да пресвятую богородицу,
И от желаньица проси да со усердием:
«И сохрани, да пресвята мать богородица,
И ты меня спаси, кокошу горегорькую,
И ты от этоей тоски неугасимоей,
И ты от этоей печали неудольноей!»
И може, господи-владыко-свет помилует,
И пресвята мать богородица заступится,
И сохранит да ведь Микола многомилостливой
Уж как милое рожоно твое дитятко
И во пути да во широкоей дороженьке,
И от злодийной этой службы государевой,
И от этыих солдатов новобранныих,
И от этыих полков да ведь походныих!

К рекруту — соседка:

И ты послушай, спорядо́вой наш суседушко!
И за тебя да вси владыке мы помолимся,
И мы пречистой пресвятой да богородице,
Чтобы господи-владыко-свет помиловал,
Дал бы господи ведь доброго здоровьица
И ума-разума во буйну бы головушку,
И понятия в ретливо бы сердечушко,
И тебе мудрости в бурлацкую утробушку,
И за твое да за великое смиреньице,
И за твое да за велико доброумьице!
Ведь смиреньице у тя было со кротостью,
И всим челом да было низко поклоненьице;
Ты по уличке ходил, да свет, тихошенько
И ты головушку носил да понизешеньку,
Поговорюшка была твоя ровнешенька,
И сердечушко ведь было не спесивое,
И добрый молодец ты был да не гордливой;
И да ты старого суседа не огру́бил,
И да ты малого младенца не обидел!
И быде со́йдешь ты во службу государеву,

И спаси, господи, удала добра молодца
И от побоев-то тебя да от тяжелыих,
И от страстей-властей тебя да страховитыих!
И ты послушай, спорядовой мой суседушко,
И не поставь во гнев, сдовольной белой светушко,
Что понáкажу, кручинная головушка:
И не шали да ты там, дúтё, не сбалуйся-тко,
Не упивайся во хмельны да там напиточки;
И может, даст да господь службу не тяжелую,
И раскрое бог науки вси великие
И тебе да все во службе государевой;
И ты повыслужишь уречны свои годышки,
И може, судит бог владыко многомилостливой,
И побывашь да на родиму ты сторонушку,
И с родом-племенем, бессчастной, увидаешься,
И издалёка да ведь солдаты ворочаются,
И на великиих сраженьицах спасаются!
И еще слушай, спорядовой мой суседушко:
И как катучий этот камень не мохнатеет,
И так походной-то солдат да не богáтеет!
И ты запрóдал бы любимую скотинушку,
И да ты взял бы золотой казны по нáдобью.
И как во этой в грозной службе государевой
И вы придержитесь, победны, притаскаетесь,
И там износится солдатско у вас платьице,
Вси притопчутся казенные сапоженьки;
И вы к начальству появиться не посмиете;
И вам ведь нé нажить мундеров сукон серыих,
И вам ведь нé обуть бессчастных своих ноженек!
И еще слушай-ко, спорядной наш суседушко:
И не могу да знать, кручинная головушка,
И увидаем ли, спорядные суседушки,
И мы тебя, да златокрыла ясна сокола,
И как на сём да мы, горюши, на белом свете?
И хоть чрез три да вы учетных этых годышка
И хоть каку да ни е весточку послали бы,
И хоть три строчки вы, победны, написали бы,
И мы бы знали хоть, горюшицы, да ведали,
И вы в какой орды, бессчастны, во коёй земли,
И в сухопутном ли вы, светы, похожденьице,
И у синя́ моря ль вы, светы, на сраженьице,
Аль на крýтом вы ведь, светушки, на бéрежку,

На жёлтых песках стоите ль на сыпучиих!
И уже где да вы, победны, сохраняетесь,
И от злодиев-неприятелей спасаетесь,
И в раздольицах степях ли во великиих,
Аль в долинушках, победные, во дикиих,
И упишите нам, сдовольны белы светушки!
И у вас, може, бессчастных у солдатушков,
И золота казна на тот час не случается,
И хитромудры писаря будут призаняты,
Аль не будет у вас вольной столько волюшки.
И тут приде да как разливна красна вёснушка,
Как повытают снежочки со чиста́ поля,
И повынесе ледочки со синя́ моря́,
И будут ко́рабли в синём море шататися,
И вы на ко́раблях, бессчастные, скитатися,
И там увидите да малу эту птиченьку,
И как летит она в родиму вашу сторону,
И понизёшеньку вы птице поклонитесь-ко,
И пословечно перелетной накажите-тко,
И всё ко родушку теперь да вы ко племени,
И хоть по низкому поклону челобитному
И со обиды об солдатскоем живленьице!
И мы глядить будем, кручинные головушки,
И на печальну перелетну малу птиченьку,
И коя ле́тит ниже облачка низёшенько,
И она машет столько крылышком тихошенько,
И она голосом ведет да унылёшенько,
И она жалобно ведь, птичка, разговаривае,
И она бьет челом тут нам да поклоняется,
И порасска́же тут печальным нам головушкам:
«И лечу, птиченька, с-за гор я с-за высокиих,
Из-за лесушков лечу да с-за дремучиих,
И я со дальноей со чу́жей со сторонушки,
Из-за славного с-за синего с-за морюшка,
И мы ведь, ле́тячи дорожкой, приустали,
И в синем морюшке корабль да увидали,
И на спокой да мы на отдых становилися,
И мы на ко́рабли на мачты тут садилися,
И много у́жасно солдатов мы смотрели;
И как один столько солдатушко бессчастной,
И он по ко́раблю, солдатушко, похаживат,
И он печальну меня, птиченьку, высматриват:

«И ты откуль летишь ведь, птица, куды путь держишь,
И на мою ль летишь родиму на сторонушку?
И ты лети, да эта птиченька, тихошенько,
И ты ведь слётишь на родиму мою родину,
И ты под сиверну холодную сторонушку,
И ты за славное за сине за Онегушко,
И увидашь моих желанныих родителей,
И всех спорядныих моих да ты суседушек;
И скажи низкое поклонно челобитьице
И от меня, да от солдатушка бессчастного!»

Та же соседка к братьям:

И вы послушайте, спорядные суседушки,
Да вы милы светушки́ братцы родимые:
И не забыдьте вы бессчастна добра молодца,
И своего да светушка́ братца родимого.
И тяжела да ему служба доставается:
И на часах ему стоять да на всеночныих,
И по зарям ему, бессчастну, по вечерниим,
И во полно́чь да под звездам-то под восточным
И студеноей холодной этой зимушкой;
И на снежках стоять, победному, перистыих
И на студеныих морозах-то на плящиих;
И как дрожит его ретливое сердечушко,
И от ветра́ да зябет блёкло его личушко;
И тут он скажет-то единое словечушко:
«Ой, бессчастны мы на свете уродилися,
И бесталанна бедна жизнь наша солдатская,
И горегорька наша служба государская!»
Уж как вы, да светы братьица родимые,
И про злодийну эту службу не прознаете,
И на родимой вы сторонке оставаетесь
И во своем да во хоромном во строеньице,
И на тесовыих своих да на кроваточках,
И на мягкиих пуховыих перинушках;
И не позя́бнут у вас резвы эты ноженьки,
И не подвие ветром блёклого ведь личушка;
И на медвяном да вы в доме уеданьице,
И на утехушках ведь вы да на забавушках!
И не забыдьте ж вы бессчастна добра молодца
И своего да светушка братца родимого!

Когда бреют лоб, мать вопит:

Будьте прокляты, злодии супостатые!
Вергай скрозь землю ты, некресть вся поганая!
И секите вы кудри поскоряя,
И точите вы бритвы повостряя,
И уж вы брийте его да побеляя;
Охти мни да мне тошнёшенько!
И кабы мне да эта бритва навострёная,
И не дала бы я злодийной этой некрести
И над моим ноньку рожденьем надрыгатися;
И распорола бы я груди этой некрести,
И уж я вынула бы сердце тут со печенью,
И распластала бы я сердце на мелки́ куски,
И я нарыла бы корыто свиньям в месиво,
А и печень я свиньям на уеданьице!

Когда забреют, соседка вопит:

Как сегодняшним господним божьим де́нечком,
Во бессчастный час, во злу эту минуточку
Уж как при́няли бурлакушков моло́дыих
Во принёмную палату белокаменну,
И их подбрили-то, удалых добрых молодцев,
И во злодийную во службу государеву.
Тут им дали этых крепких караульщиков,
Да им дядьку становили-то со старшиим;
И тут сводили в божью церковь посвященную,
И приводили их к присяге вековечноей;
И выше го́ловы кресты оны вздымали,
И свою сторону солдаты забывали,
И отца-матушку рекру́ты проклинали:
«И мы служить будем царю-богу российскому,
И мы стоять будем за веру христианскую,
И мы не сделаем измены в каменной Москвы,
И мы спасать будем Россею подселенную.
Мы оружьице держать да на право́м плече,
И саблю вострую держать да во право́й руке!»
И тут повыдали солдатикам моло́дыим,
Как моло́дыим солдатам новобраныим
И не по ноженькам сапоженьки козловые,
И не по плечушкам мондеры сукон серыих,
И на головушку им шляпы не пуховые —
И да им киверы солдатские пудовые!

И тут соймут да молодецку вольну волюшку,
И тут повыдадут им ружьица тяжелые,
Их отправят в путь-дорожку незнакомую,
И во поход сошлют удалых добрых молодцев
И как во эты города да не в бывалые,
И дале-дале от родимой от сторонушки!
И оны пойдут путем-широкой дороженькой,
Хоть студеноей пойдут да холодной зимой,
И как повыстанут на гору на высокую,
И оны брякнут тут оружьем завоенныим,
И оны топнут правой белой этой ноженькой,
И споют с горя унылу жалку писенку,
И оны, стоячи на горы на высокоей,
И воспомянут-то родиму свою сторону:
«И ты прощай, наша родимая сторонушка,
И ты гульливая сторонка, щегольливая!»
Уже слушайте, солдатики молодые:
Да вас сошлют как на чужу на сторонушку,
И наб у будочки стоять да студёной зимой,
И на часах стоять, бессчастным, на всеночныих;
И от земли да зябут резвы ваши ноженьки,
И от оружьица зябут да ручки белые,
И как от ветра подвеват да блёкло личенько,
И от морозушку сердечко порастрескает;
И вы у будочки-то будете похаживать,
И сапог о сапог ведь вы да поколачивать,
И с руки на руку ружье да перекидывать;
И глядеть да вы будете, бессчастные,
И выше лесушка глядеть да по поднебесью!
И ты смотреть будешь, солдат, да на светёл месяц
И на эты часты звезды поднебесные,
И поскорёшеньку ль светёл месяц закатится,
И часты звездочки в минуточку стеряются ль,
И скоро ль свет да ясна зоренька просветится,
И распечет ли это красное ведь солнышко
И обогреет ли солдатское сердечушко,
И приоттает ли бессчастная утробушка.
И тут воспомните родиму свою сторону,
И тут сговорите единое словечушко:
«И лучше были б мы, солдаты, не спорожены;
И как родитель нас, бурлаков, попустила,
И нас не участью-таланом наделила,

И злой бессчастной этой службой наградила!»
И не дай господи на сём да на бело́м свете
Уже жить да в грозной службе государевой:
Как еденьице солдатушкам — сухарики,
Как питемьице им — водушка со ржавушкой.
И вы послушайте, бессчастные головушки!
И как вас со́шлют с безызвестную сторонушку,
Хоть за синее за славное за морюшко
И как на этыих на черных бо́льших ко́раблях,
И буйны ветры в чистом поле развеваются,
И непомерная погода подымается,
И на синём море волна да сколыбается,
И как вода да со желты́м песком смешается,
И черны ко́рабли ведь в море раскачаются,
И мачты о́ воду со брызгам ударяются,
И сговорят да тут дядьки им пристаршие:
«И вы идите-тко, матросики моло́дые,
И не страшитесь-ко погоды непомерной,
И поднимайтесь вверх по мачтам по дубовыим,
И вы держитесь-ко за снасти за смолёные,
И убирайте тонки белы эты парусы!»
И тут сердечушко у вас да приужахнется,
И тут воспомните, бессчастные солдатушки,
И вы желанныих своих да всё родителей —
И на молитвах оны да вспомянули бы,
И за матросов оны бога помолили бы.
И столько не́весто, победным, невестимо!
И поставаете по мачтам по дубовыим,
И вы по этыим по снастям по смолёныим,
И с переполоху-то сбы́дут белы рученьки,
И тут падете вы во синее во морюшко,
И во этую вы воду во глубокую!
И буде господи вас, светушко, помилует,
И спасет вас пресвята мать богородица,
И на этом на большом на черном ко́рабле
И вас прибьет да там ко кру́тому ко бережку,
И хоть не к знамым к островам да не к бывалыим.
И може, буде вам, бессчастным, воля вольная
И как повыйти-то на кру́той красной бе́режок;
И ты по бе́режку иди, бедной, тихошенько,
И ты гляди да выше лесу по поднебесью,
И выше гор гляди, наш светушко, высокиих,

И вровень с облачкой гляди да ты ходячей,
И примечай да перелетну малу птиченьку;
И не гусей гляди, наш светушко, не ле́бедей:
И гуси-лебеди-то птиченька гордливая,
И на речах да эта птиченька спесивая,
Высоко́ да она ле́тит по поднебесью,
И хоть поле́тит по родимой твоей родинке,
И на косевчато окошко не рассядется,
И про походныих солдатов не расскажется!
И ты гляди-смотри, сдовольной белой светушко,
И ты печальну перелетну малу птиченьку
И горегорькую кокошу из сыра́ бора́ —
И та птиченька ведь е да не гордливая,
И на речах-баснях она да не спесивая;
И ты пиши, свет, скорописчатую грамотку,
И ты со чу́жеей со дальноей сторонушки,
И ты со этыих полков да новобранныих,
И ты с-за синего с-за славного с-за морюшка
И ты со бо́льшего со черного со ко́рабля!
И упиши, наша скачёная жемчужинка,
И про бессчастну свою жизнь да про солдатскую,
И не пером пиши, наш свет, да лебединым,
И не черныма пиши да ты чернилами,
И ты письмо пиши, наш свет, да всё кручиною,
И запечатай ты его да ведь тоскичушкой;
И хоть ты выйдешь, свет, на кру́той этот бе́режок,
И увида́шь да перелетну бедну птиченьку,
И ты клади да ей под правое под крылышко
Уж ты эту скорописчатую грамотку;
И мы по этой по разливной красной вёснушке
И мы ходить будем на ши́рокой на уличке,
И мы глядить будем, горюши, по поднебесью,
И мы смотреть да перелетной малой птиченьки;
И как увидим мы кокошу перелетную,
И воскликать станем мы ма́лу эту птиченьку
И на отдо́х да на крылечико перёное,
И на рассказ да на косевчато окошечко:
«И ты иди да перелетна сюды птиченька,
И ты откуль летишь да куды путь держишь,
И со которой ты летишь да со сторонушки,
И ты с-за славного ль с-за синего Онегушка,
Ты с-за этого ль ’кеан да синя морюшка?»

И тут птиченька ко зени ведь приклонится,
И супротив дому она да приусядется,
И принесет да скорописчатую грамотку,
И тут смахнет да она правым этым крылышком,
И тут уронит скорописчатую грамотку
И супротив наших косевчатых окошечек;
И тут мы вóзьмем скорописчатую грамотку,
И мы сходим к писарям да хитромудрыим,
И рассмотри́м да скорописчатую грамотку —
Как тоской да е письмо ведь запечатано,
И с горючмы слезмы, с кручинушкой написано;
И прочитаем мы, печальные головушки,
И тут узнаем про бессчастного солдатушка,
И про злодийну бедну жизнь да про солдатскую.
И не поставь во гнев, скачёная жемчужинка,
Что понáкажу, печальная головушка:
И как служить будешь во службе государеве
И ты писать да на родиму свою сторону,
И не упиcывай, сдовольной белой светушко,
И нам ведь низкиих поклонов-челобитьицев,
И упиши, наша скачёная жемчужинка,
И про бессчастно горегорькое живленьице!

ПЛАЧ О СОЛДАТЕ, ПРИБЫВШЕМ НА ПОХОРОНЫ ОТЦА

И приузнала тут родитель его матушка,
И наздынула тут бессчастны белы рученьки
И на обидну на печальную головушку,
Она сдияла с ним доброе здоровьице
И плотнёшенько к сердечку прижимала,
И лицо к личушку она да прилагала,
И ко солдатскиим устам да припадала,
И она с радости, родитель-то, сказала:
«Слава богу-то теперь да слава господу!
Слава вышнему царю да всё небесному!»
И сговорила тут во добры она людушки
Всё со радости она да со весельица:
«Как мне белой свет теперь да порассвитился,
И красно солнышко теперь будто порóспекло,
Как светлёшенько-то месяц порассви́тился,
И часты звездочки теперь да рассветать стали!»

И сговорила тут сердечным она детушкам:
«И что стоите да вы, ди́ти, остолопились,
И вы клони́те теперь буйную головушку
Всё ко светушку ко братцу ко родимому!
Да мы до́ждались скачёноей жемчужинки,
И я сердечного рожоного ведь дитятка,
И мы со дальной пути-ши́рокой дороженьки,
И с заграничной чужой-дальноей сторонушки!
Десять лет да мы письма не принимали,
И мы слыхом про него да не слыхали,
Мы во живности его да не считали!
Аль гора да со горой, светы, не со́йдется,
Человек живой со родышкой свидается!»
Тут спахну́лася порода именитая;
Оны диют с ним ведь доброе здоровьицо,
Вси собралися суседы спорядовые,
Межу ду́-другом оны да рассуждаются,
Всё про гостюшка ведь е да наслухаются!
И раздевать да стали род-племя любимое,
Вси ведь ранцы от его да отбирают,
И перед ду́-другом шинель да скидывают.
Как судил господи солдатушку победному
И ему быть да на родимой своей родине,
И повидать еще желанныих родителей,
И при последи при родителе при батюшке,
Проводить да к божьей церкви посвящённой!
И тут спахнулася родитель родна матушка,
И вдруг на радости она да на весельице
И она ставила столы скоро дубовые,
И она стла́ла скатерти́ да шито-браные,
И она на́несла-то ествушков сахарниих,
И она на́лила ведь питьица медвяные;
Тут садила ведь за стол да за дубовый,
И сама села-то на стул подле кленовый;
И она потчеват сердечно свое дитятко,
И она гладит всё по младой по головушке,
И она дро́чит по солдатскиим по плечушкам,
И она ласково его да уласкает,
И она у́ныло-печально причитает,
И говорит столько родитель родна матушка
Всему роду да спорядныим суседушкам:
«И вы послушайте, народ да люди добрые!

И не сдивуйте-ко, суседы спорядовые,
Что прозабыла я надежную головушку,
И зрадова́лась на сердечного я дитятка;
И буде ви́рите, народ да люди добрые,
И разуми́ете, суседы спорядовые,
Уж я так, бедна горюша, зрадова́лась,
Как я до́ждалась годова будто праздничка,
И точно светлого Христова воскресеньица!»
И да ты ешь, мило сердечно мое дитятко,
И напивайся, мое дитятко, пьянешенько,
И я пойду, бедна-кручинна нонь головушка,
И воскликать пойду надежную головушку,
И стану радовать, печальная головушка!
И ты послушай-ко, сердечно мое дитятко:
И да мы сядем-ко, победные головушки,
Мы на эту на брусову белу лавочку,
И припади ты ко родителю ко батюшку,
И может, дитятко, ведь ты да поталаннее,
И родитель до тебя да пожеланнее;
И воскликай да желанного ты батюшку:
«Ты повыстань, свет надежная головушка,
И отвори да свои ясны эты очушки
Ты на сво́е на сердечное на дитятко,
И на обидного солдатушка походного!
Со пути как, свет, пришел да со дороженьки
И поспешился на родимую на родинку,
И он ко сво́им ко желанным родителям!»
И стану спрашивать, печальная головушка,
У обидного сердечного у дитятка:
И ты не ведал про велику, знать, невзгодушку,
И ты про эту про злодийскую кручинушку,
И ты про сво́его родитель про батюшка,
И что при трудной при болезной был постелюшке?
И что он при́ этом тяжелом неможеньице
И памяти́л столько сердечно тобя, дитятко?
И говорил да он, победная головушка:
«Кабы дал господи да доброго здоровьица,
И мне дождаться бы сердечно свое дитятко,
И мне обидного солдата новобраного!»
Говорил еще желанной родной батюшко:
«И не дождаться мне сердечного, знать, дитятка,
И не видать мне-ка во ясны его очушки!»

Ты послушай же, сердечно мило дитятко:
И кто сказал те про великую невзгодушку,
И на пути ль кто на широкой на дороженьке?
И отвечат столько солдат да новобраной,
И говорит да он во до́брые во людушки:
«И да я шел как путем-широкой дороженькой,
И унывало тут солдатско ретливо́ сердце́,
И подломилися солдатски ножки резвые,
И рад я систь был на пути да на дороженьке,
И соби думал я ведь крепку эту думушку,
Что ведь чу́вствуе победно ретливо́ сердце́,
И не начаюсь я соби какой невзгодушки?
Кажись, не́ болит у мня да буйна го́лова,
Я ведь йду на родимую сторонушку —
Всё на радости идти бы, на весельице!
И прихожу да ко селу я деревенскому,
И я гляжу да ведь на красное на солнышко,
Я с остатку да на бе́лой гляжу светушко,
И на деревеньки ведь я да становлюсь,
И под окошечком, солдат, стою-стучаюсь,
У знакомых ночевать да я даваюсь,
И я думаю, солдат, соби походной,
И ночевать да у людей ведь у знакомыих —
Я запомню-то крестьян да полномочныих.
Ко крылечушку я стал да подвигатися,
Со пути стала лошадушка казатися;
И я на уличке теперь да устоялся,
И я ступистые лошадушки дождался.
И вижу — йдет человек да всё знакомый,
А мой прежний-то сусед да спорядовой;
Человек да туто йде потихошеньку,
Уж смотрит на меня да всё вострешенько;
И хоть в бело́ лицо меня не признавае,
Уж он доброго коня да поставляе.
Я пришел да к этым саночкам дубовыим,
И честь возда́л ему я точно енеральскую:
Как во службы-то к чему да приучали,
Что умильную бы честь мы воздавали.
И стал я спрашивать суседа спорядового,
И далеко ль это селенье в расстояньице?
И говорит столько сусед да спорядовый,
Уж вточь глядит во ясны мни-ка очушки.

«Солдат, — скажет теперичка знакомой, —
Ты скажись-ко ведь солдат да мни знакомой,
Ты по имечки скажись да по изотчинке!»
Мое имечко ведь есть да всё тяжелое,
И назовусь да я суседом спорядовыим!
Тут я сдеял с ним ведь доброе здоровьице,
Я про всих спросил суседей спорядовыих,
И не сказался тут спорядному суседушку.
И повинюсь да вам, желанна ро́дна матушка —
Я назвал да вас суседмы спорядовыма,
И я сказался, мне-ка люди там знакомые, —
И вси во добром ли оны да во здоровьице,
И в исправности ль крестьянска у них жирушка?
И отвечал да мне сусед да спорядовый:
«Они живут да ведь теперечко по-прежнему,
И не изме́няна крестьенска у них жирушка.
Как вчерашниим господним божьим де́нечком
У их сделалась великая невзгодушка:
Переставился сусед нонь спорядовый!»
Я на красное на солнышко поглядываю,
На путь-широку дороженьку посматриваю —
И не пойду я на спокойну эту ноченьку,
Я направлюсь в путь-широкую дороженьку,
И поспешусь да на родимую на родинку,
Я застану-то родителя ведь батюшка
Пока во́ своем хоромноем строеньице,
Пока на́ своей брусовой белой лавочке!
И подобрал да я шинель тут сукон серыих,
И подынул ране́ц на плечушки солдатские,
Я отправился в путь-широку дороженьку,
Шаги делаю ведь я да по-звериному,
Уж я хо́боты даю да по-лисицыному,
Я военныим ружьем да подпираюся,
Путь-дороженькой иду да поспешаюся.
И я дороженькой ведь шел да призамаялся,
У перёного крылечка порасплакался;
Хоть постучался у крылечика перёного,
Подивился у косевчата окошечка
И доложился у дверей да у дубовыих:
«И вы пустите-тко солдатушка походного
Отдохнуть да с пути-широкой дороженьки,
И на спокойну вы пустите темну ноченьку,

И отдохнуть да с пути-широкой дороженьки,
Обогрить да мне солдатски ножки резвые,
Прирастаять бы ретливое сердечушко!»
Как в окошечко ведь вы да отвечали,
И на перёное крылечко не пущали,
И дубовы двери ведь вы да запирали;
И отвечала мне сестрица тут родимая:
«Всё не та пора у нас да пора-времечко,
Что пустить да нам, победныим, ночлежничков!
И не до вас да нам, солдатишко походный!
У нас е в домы великая невзгодушка,
Е злодийская великая тоскичушка!»
И скрозь околенку глядит да мила сватьюшка,
И сговорит да она речь-то умильнешенько:
«Он не швед-то ведь е да не татарин,
И ночлегу за собой да добры людушки не носят;
И со пути да со дороженьки пустите-ткось,
И вы от темной его ночи сохраните-тко,
И да ужиной его вы покормите-тко,
И родителя ведь есть да спомяните-тко!
И разумийте-тко вы дóбры того людушки,
Человек, может, идет да он кручинной,
И солдатушко идет да не богатой,
И может, нет да золотой казны по надобью!»
Поскорёшеньку ведь он да ворочается,
Он на этое крылечико перёное;
Тут зашел как во хоромное строеньице,
Распознал да тут солдат, порассказался
Он ведь про свою-то жизнь да про несчастную,
И как путем да он шел широкой дороженькой,
И где проведал про великую невзгодушку,
Где сердечушко его да взвещевало,
Про кручинушку его да рассказало!
И сговорил да тут солдатушко походной,
И как устал да путем-широкой дороженькой,
И заболили крепко рéзвы его ноженьки.
Тут ведь ýстлали пуховую перинушку,
Положили на тесову на кроваточку.
И склонилася родитель подле матушка
Как ко эту круту складнему зголовьицу,
И принакрыла соболиным одеялышком,
И просидела темну ноченьку до утрышка,

И ублаждала по солдатскиим по плечушкам,
И быв кокоша в сыром бо́ру вскоковала,
И темну ноченьку она протосковала,
И всё горючима слезама обливалася!
Тут повыстала по утрышку ранешенько,
Затопила она печь да поскорешеньку,
Она сладила тут ествушки хорошие,
И по разуму ведь питьица медвяные,
Она на́пекла блинов да деревенскиих;
И подходила ко тёсовоей кроваточке.
Тут Исусову молитву сотворила,
И она господа-владыку попросила,
Соболино одеяло приоткрыла,
И она правоей рукой да побудила,
И она с причетью дитё да воскликала:
«Хоть и жаль будить сердечно тебя дитятко,
Хоть устал да путем-ши́рокой дороженькой,
И притомилися ведь резвы твои ноженьки,
Примахалися ведь бе́лы твои рученьки,
Исшаталася ведь буйная головушка,
И настучалося ретливое сердечушко,
Столько этой путем-ши́рокой дороженькой!
Кабы знала я, горюша, про то ведала
Как вчерашним бы господним божьим де́нечком.
И про тебя, мило сердечно это дитятко,
Что в пути идешь широкоей дороженькой,
Так бы впря́гла я ступистую лошадушку,
Я во этыи во санки во дубовые,
Снарядила бы любимого извозчичка,
Я бы встритила, победнушка, за тысячу,
Я сердечно бы рожоно тебя дитятко;
Да ты стань-восстань, рожоно мое дитятко,
Ты ведь на́ свои на резвые на ноженьки;
Нонь ты на́ своей родимоей сторонушке,
Пока у́ своей родителя у матушки;
И не ротной по фатеры-то похаживает,
Не кума́ндер вас, солдатушков, побуживает,
И воскликат тебя родитель родна матушка
Есть за стол да за дубовой хлеба рушать,
И за столом да сиди, дитятко, полакомься —
У мня кушанья теперь да не солдатские,
У мня пи́тья про тебя да не артельные;

Сыто и́дется тебе да долго выспится!
Ты поро́сскажи, сердечно мое дитятко,
Ты на долго ль по билету приотпущен е
У великого царя да на слободушку?
И на сколько на учетных да ты годышков
Пришел пахарем на чисто ли на полюшко,
И сенокосцем ли луговые на поженки,
Аль рыболовушком на сине на Онегушко?
Нынь раздумаюсь победным своим разумом:
И не вовсе ж я, горюшица, бессчастная,
И сирота в людя́х ведь я не бесталанная;
И расставаюсь хоть с надежной я головушкой,
И себи до́ждалась сердечно это дитятко
Я во свой да дом крестьянскую во жирушку,
И больша́ком да по дому́ я настоятелем!
Спаси господи царя да со царицею,
И со наследством со сердечным со детушкам
Как от этых неприятелей неверныих,
Что спустил да ведь сердечно мило дитятко
Уж он на́ свою родимую сторонушку!
И ты послушай же, рожо́но мое дитятко:
И да ты стань теперь, дитё, да пробудися —
И белой свет да всё на уличке рассвитился,
И красно солнышко с-за облачки выгля́дае,
И выше лесушку дремуча подымается,
И добры людушки теперь да собираются,
И на часу́ да сродчи-сроднички съезжаются;
Во-первы́х, да ведь сегодня-сего де́нечка
Хоронить будем великое желаньице,
Как спацливого родителя ведь батюшка!
И во-вторы́х, еще порода собирается,
И посмотрить тебя, сердечно мило дитятко:
Идут тетушки ведь к нам да всё добротушки,
И катят-жалуют сестрицы сдвуродимые
И повидать да тёпло-красно тебя, солнышко,
И проводить да ведь родителя-то батюшка
Что до этой божьей церкви посвященной,
Как до этой пресвятой да богородицы!
Я пойду, бедна кручинная головушка,
Я по этому хоромному строеньицу,
Я ко свое́й ко надежноей головушке —
И не могу ли я, победна, допытатися,

Я едина-то словечка доспроситися
Я у свóей у надежной у головушки:
«Ты послушай-ко, надежная головушка,
И сговори да с ним хоть малое словечушко,
Ты с любимым со сердечным своим дитятком,
Со печальным со солдатушком походныим;
Ты повыспроси, надежная головушка,
Про бессчастну его жизнь да про солдатскую,
Про его да похожденье горегорькое,
Как про эту грозну службу государеву,
Какова да эта служба государева!
Лучше матушка ведь е да не родúла бы,
И на белой свет она не попустила бы —
Такова да эта служба государева!
Как на этых караулах на всеночныих,
Как по этыим студеным холодны́м зимам
От земли да зябут резвы эты ноженьки,
Как от ветра подвевае лицо белое!
Уж как в будку ведь солдат да забирается,
Не познобить бы столько белого ведь личушка,
И не отстать бы-то от резвыих от ноженёк!»
И рассказался тут сердечно наше дитятко,
И приоткрылся мне, желанной родной матушке:
«И как в походы мы, солдаты, снарядилися,
И со родимой своей стóроной простилися,
И нам присягу ведь попы-отцы читали,
И выше плеч да мы тут рученьки здымали,
И выше гóловы кресты мы поднимали,
И свою сторону да мы тут проклинали,
И соху-борону ведь мы тут забывали!
И на сраженье нас, солдатов, отправляли,
И нам причастьице, солдатушкам, давали,
И мы стояли за Русию подселенную,
И не дробили мы за веру христианскую,
И сожалили мы царя да превеликого,
И сожалили мы царицу благоверную!
И на сраженье-то наследник приезжае,
И уж он честь да нам, солдатам, воздавае,
И говорит да тут наследник умильнýю речь:
«И вы палите-тко, робята, не дробите-тко,
И послужите-тко за веру христианскую,
И пожалийте-тко царя, бога русийского,

Прогоните-тко злодия-неприятеля!
Вы без мерушки-то пейте зелена́ вина,
Вы без счёту получайте золоту казну,
Принимайте вы, солдаты, енеральску честь
Как за ваше услуженье да за верное,
Как за храбрость за вашу за великую!
И будут отпуски ведь вам да подомовые,
Как русийский царь да вас пожалует,
Он отпустит на родимую сторонушку,
И на отдо́х вас ко желанным родителям!»
И сожалили мы царя, бога русийского,
И наследника его да милосердого:
На плечах у нас мондеры сукон серыих,
На головушке-то ки́вера пудовые,
Опоясьем у нас сердце обрестовано;
Тут оружье да мы держим на право́м плече,
Саблю вострую мы держим во ле́вой руке,
И тут мы брякнем-то оружьем завоенныим,
И да мы топнем этой правой белой ноженькой;
Шаги делаем ведь мы да по-звериному,
Уж мы хо́боты даем да по-лисицыному;
И где нет пути-дороги, тут протариваем,
И где мхи да болота, тут орлом летим,
И на злодия мы, солдаты, наступали,
И за горы́ да супостата прогоняли;
И кабы вы, да ведь желанные родители,
И увидали бы ведь нас да на сраженьице,
И на великоем ведь нас да кроволитьи,
И так вы пали бы, желанны, о сыру землю,
И вы бы померли, победны, да ведь со́ страсти!
Как наследник-от ведь есть да милосердой,
И во дыму́ да между нами он поезживае,
И как ясе́н сокол, меж нама он пролетывае,
И уж просит-то владыку всё небесного
Покорить да ведь злодия супостатого,
И сберечи да ведь Русию подселенную!
И как война да в чистом поле уходилась,
И неприятель-то царю да поклоняется,
И на семь лет, пи́ше ему, да замиряется.
И на страженьице нас господи помиловал,
И нас великий царь медалями пожаловал,
И что мы бились-то за правду за великую,

И что стояли за Русию подселенную!
Тут солдатушки пошли мы, взрадовалися,
Неприятелю ведь мы да надсмехалися,
И подходить стали к двору да мы ко царскому,
И нас со радостью великой царь стретает,
И он по чары сладкой водки наливает,
И он походных нас солдатов угощает!
И мы по чары сладкой водки выпивали,
И мы русийскому царю честь воздавали
И поспешались на родиму свою родинку!
И походить да стал, солдатушко походной,
И хоть по вечеру я к родине позднешенько,
И добры людушки того да испугалися,
И родна матушка ко мне да не призналася!»
И тут спрогóворит родитель его матушка:
«И ты послушай-ко, сердечно мое дитятко,
И ты не гневайся, скачёная жемчужинка,
И да ты нá своих желанныих родителей!
И знать, судьба тебя, дитё, да повзыскала,
И как злодийна эта служба сустигала,
И кабы нынешним умом да теперь разумом,
Не пожалили мы любимой бы скотинушки,
И заложили бы луговы эты поженки,
И в заклад óтдали б распашисты полосушки,
И мы бы нажили бессчетну золоту казну,
И мы бы наняли охотна добра молодца,
И слободили бы бурлацкую головушку,
И не спустили б в злодий-службу государеву!
И теперь-нонечи, сердечно мило дитятко,
И не неси гнев на родителя на батюшка,
И ты простись да при послидней поры-времечки,
И пока нá своей брусовой он на лавочке,
И пока вó своем хоромноем строеньице!
Как сегодняшным господним божьим дéнечком
И понесут да всё родителя ведь батюшка
И как ко этой пресвятой да богородице,
И как ко этой церквы божьей посвященной,
И как до этой до ограды обложённой!
Хоть судил господь-владыко многомилостивой
Уж как быть тобе, сердечну милу дитятку,
И при послиднем у родителя прощаньице,
И хоронить да всё великое желаньице!

Укрывается родитель родной батюшко
И он не в дальную дорожку безызвестную,
И он во пóгреба, родитель, во глубокие!
И подойду да я к колоде белодубовой,
И я просить буду надежную головушку:
«И ты послушай-ко, надежная головушка,
Бласлови да ты сердечно это дитятко,
Ты обидного солдатушка походного,
Надели его таланом столько участью,
Надели да ты участком деревенскиим.
И ты прости, прости, родитель родной батюшко,
И ты во всей вины прости да нас во глупости,
И во всем тяжкоем великом согрешеньице!»

Н. С. БОГДАНОВА

Н. С. БОГДАНОВА

Настасья Степановна Богданова (Зиновьева) (1855—1937) — выдающаяся русская сказительница конца XIX — начала XX века, обладавшая большим и разносторонним репертуаром. Записи былин, песен, сказок и причитаний производились от нее многими известными собирателями — Н. С. Шайжиным, Ю. М. Соколовым, А. М. Астаховой, И. В. Карнауховой и др.

Н. С. Богданова родилась в 1855 году[1] в д. Зиновьево, нынешнего Заонежского р-на КАССР. Юность Н. С. Богдановой, особенно после смерти отца, была исключительно тяжелой. С 16 лет ей пришлось батрачить у монахов Клименецкого монастыря, работать на лесозаготовках, на погрузке судов и барж. 23 лет она вышла замуж за солдата, вернувшегося с турецкой войны, и поселилась в Петрозаводске, где муж ее занимался извозом «да фонари по зимам зажигал», а она сама ходила «по черным работам». Позже муж стал кучером у лесничего, затем лесным объездчиком «в Кореле» в Сямозерском лесничестве, где Богдановы прожили с 1891 по 1903 год. С 1903 по 1908 год они жили на казенной лесной даче на Кивасозере, а после смерти мужа в 1908 году Богданова вернулась в Петрозаводск, где была помещена в богадельню.

В связи с работой мужа Н. С. Богдановой в лесничестве в ее автобиографии сообщается о любопытном эпизоде: «Надо было выучить мужу наказ лесника, а то с места долой. Муж не мог затвердить никак. Я уж затвердила и лесничему наказ за мужа прочитала».[2]

---

[1] Обычно называется 1860 или 1861 год. Однако в автобиографии Н. С. Богдановой (см. «Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г.», Петрозаводск, 1910, стр. 199—204), записанной от нее Н. С. Шайжиным в 1910 г., сообщается: «Мни теперь 55 год». Это согласуется и с другими сведениями, сообщаемыми тут же (например, Н. С. Богданова вышла замуж 23 лет, после «турецкой войны», т. е. в 1878 г.).

[2] Там же, стр. 203.

Петь песни и исполнять причитания Н. С. Богданова начала в детстве: «Я гди хожу — всё песни, всё песни; без песен нигде; хоть выбьют меня (т. е. побьют. — *К. Ч.*), я все равно песни пою: и у люльки, и овин молотить, и на зароди (т. е. на стогу. — *К. Ч.*), и боронить — всё пою. Котору песню где услыхала, тую зараз переняла, другого разу не надо слушать».[1] В начале XX века после ряда публичных выступлений в Петрозаводске (в 1902, 1908 и др.) и первых записей от нее, Богданова приобретает известность как первоклассная исполнительница песен, былин и причитаний. В 1911 году она впервые выступает в Петербурге. Ее имя начинает появляться в статьях и исследованиях по народной словесности рядом с именами И. А. Федосовой, Т. Г. Рябинина, В. П. Щеголенка и других крупнейших русских сказителей. В эти годы сказительство становится основным источником ее существования.

В советское время Богданова получает помощь от Петрозаводского музея, а затем ей назначается республиканская персональная пенсия. В 1926 году записи от нее производятся экспедициями Института Истории искусств и Государственной академии художественных наук. В 1927 и 1929 годах Богданова снова посещает Ленинград, а затем Москву. В 1931—1932 годах от нее производятся повторные и дополнительные записи. В дореволюционное и советское время от Богдановой было записано 15 былин, 5 причитаний, песни, сказки и др. Значительная часть записей до сих пор остается достоянием архивов (Институт Русской литературы, Литературный музей, Карельский филиал АН СССР).[2]

Хорошо знавшая Богданову А. М. Астахова пишет: «Произведения, которые она исполняла, отличались высокими поэтическими достоинствами — яркими, чеканными образами, метким, выразительным словом. Как подлинная артистка, она умела создать определенное настроение, захватить и всецело подчинить слушателей, переводя его из одного строя переживаний в другой. Особенно пленяла в Н. С. Богдановой ее большая музыкальность. Она обладала чистым, приятного тембра сопрано, которое не утратило своего обаяния даже в старые годы сказительницы».[3]

---

[1] «Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г.», стр 201.

[2] Библиографию публикаций текстов, записанных от Н. С. Богдановой, и литературы о ней см.: А. М. Астахова. Памяти заонежской сказительницы Н. С. Богдановой (некролог). «Советский фольклор». VII, 1941, стр. 239—243. Дополнительно: А. М. Астахова. Былины Севера, т. II. М. — Л., 1951, стр. 45—47.

[3] Там же, стр. 45.

ПЛАЧ ВДОВЫ ПО МУЖУ, ПОГИБШЕМУ В КИВАЧЕ ПРИ СПЛАВЕ ЛЕСА

Села-то я, бедная, подумала,
Я раздумалась своим да умом-разумом:
Как на исходе-то холодная-студёная зимушка,
Наступает-то гульлива да разливна красна вёснушка,
Приходит-то тёпло красное вот летушко.
Как потают вот пушистые снежочики,
Разнесёт-то хрустальние лёдочики,
Поразольются озёра, бережочики,
Как пойдут да добры людушки, пойдут
да поразъедутся
По всим-то по разным сторонушкам,
По всяким-то оны да по наживушкам;
Как мой-то законная семеюшка
Куда удалится ли отправится али прú доме останется?
Подходил-то мой законная семеюшка ко косивчату
окошечку,
Он садился на брусову белу лавочку,
Он садился призадумавши,
Приклонил-то свою млáдую головушку,
Утопил да свои ясные он оченьки.
Говорила я, кручинная головушка:
«Ты чего сидишь теперь да призадумался,
Чужих басен ты чего же приослушался,
У молодушек ли ты да разговорушек,
Ли у девушек жупливых жалких писенок,
Ли у старушенек ли ты да повестушечек?»
Отвечал в ответ удалая головушка:
«Ничего я не ослушался, уж я только призадумался.

Как теби-то нет заботушки в головушке,
А у мня много заботушки в головушке!
Как долит-то вот великая заботушка
И крушит мою мла́дую головушку,
Холодит мое ретивоё сердечушко.
Вот зима теперь кончается и весна да приближается.
Денежки теперь да придержалися,
Хлебушки у нас теперь приелися,
И наживушки теперь да не привидится, а работы не прислышится,
Я не знаю сам теперечу, не ведаю,
Мни куды идти теперь да на наживушку,
Мни в которую отправиться сторонушку?
Уж я сдумал-то своим да умом-разумом:
Теперь люди-то на сплав да отправляются,
Да на выгонку бревенну снаряжаются,
Либо мне туда вот с нима да отправиться?
Там работушка ведь сру́чная,
Там ведь плата есть хорошая,
Там есть хлебушки готовые,
Ли отправлюсь, добрый молодец?»
Говорила я, кручинная головушка:
«Не ходи-ко ты на этую наживушку —
Хоть много-то туда да отправляются,
Да много и назад не возвращаются;
Там нажива есть не славная, а работа там задорная,
Там ведь служба беспокойная!
Та работушка теби будет несру́чная,
К той работушке-то вы да непривычный,
Там да никогда вы не бывали,
Той работки и в глаза вы не видали,
Там по утрышку ставать надо ранешенько,
До красного до праведного солнышка,
А по вечеру ложиться спать поздёшенько
Не на мягкую постелюшку, а на матушку сыру землю;
А постелюшка та — травонька мура́вая да мягкие мошочеки,
А зголовьице-то — сини камешёчики!
Надо цельный день по бережку похаживать,
По всим-то по сторонушкам посматривать,
Скорёшенько поскакивать, поскорее-то подбегивать;
Надо бегать по холодной ключевой воды,

Скакать надо прискакивать по лесам да по бревёшечкам,
За порядком-то посматривать,
Да бревёшечки направливать по ключёвой свежей водушке,
Их от бережков отпихивать, по реке их в ход налаживать!
Там хоть реки не широкие — есте длинные, безмерные,
Там места есте опасные,
Переплавы есте узкие, места да каменистые,
Там пороги есть свирепые,
Там вода бежит сердитая,
Вода бежит, сыграется, сердито колыбается,
В падуны она стекается;
В падунах места топучие,
Подходы туда трудные.
Бревна и́дут по водушке, задеваются за камешки,
Бревно с бревном стречается,
Там заломы набиваются, те заломы есте страшные.
Подходить надо со трудностью, избавлять да их с опасностью.
Подбегать надо смелешенько, избавлять надо скорешенько,
Не стоять да не постаивать, других да не поджидывать,
Не дорожить своей мла́доей головушкой,
Своей жизнью да сесветноей.
Поскорешенько канат надо подхватывать,
Ко деревцам на бе́режках привязывать,
Сквозь люлечку канат надо протягивать,
Поспешать надо во люлечку взаскакивать,
Крестить надо глаза да на святителей,
Избавлять надо бревёшки поскорешенько со залома-то великого,
Поддевать надо баграмы да умнешенько!
Ту осмелить надо мла́дую головушку.
В тую пору, в тое времечко много силы надо ловкости,
Много у́дати прибавити — со залома бревна сбавити,
Впредь по водушке отправити.
А как и то́ есте случается, что головки там кончаются.
Как задрожат да ручки белые,
Как не выхватит-то силушки в могутныих во плечушках,

Как, может, скружит ихну мла́дую головушку —
Тут пове́рнётся-то люлька на канатике,
Тогда падают удалые головушки
В кипучую, в сердитую во водушку.
Тогда жизнь да их кончается и головушки решаются».
Отвечал в ответ удалая головушка:
«Везди-то всегда люди вот бывают,
А без суда-то смертей не получают.
Я на реченьку пойду да не на дальнюю, — я на самую
на ближную,
Я на сплавку Кондопожскую, на реку пойду на Суньскую.
Я пойду туда близешенько, придет весть да вам
скорешенько!»
Снарядила я удалую головушку, отправила законную
семеюшку.
Пошел-то он в путистую дороженьку,
Он пошел-то на добычу на наживушку,
Уж мы с им да расставалися, уж мы с им
да распрощалися.
Туды сошли наши уда́лы добры молодцы,
Поступили-то оны да на работушку,
На спешную работку, не на свычную;
Стали оны, молодчики, работати,
Денечки вече́риком коротати.
Там длиннешеньки денечики казалися,
Им работка там не нравилась.
По реки Суны отправились, по́ быстрой оны наладились,
Как по бережкам стали оны похаживать, леса стали
направливать.
Подходили ко местам оны опасныим,
Ко крежам оны ко кру́тыим, ко порогам ко быстрыим,
К падунам семисаженныим, ко Ги́рвас под названием.
Тут оны заломы избавляли, впредь леса они по Суны
отправляли,
Вдоль по речке продолжалися, к Пор-порогу
приближалися;
Тут вода да разыгралася,
Встрету бревна да стреталися и заломы набивалися,
Тут молодчики спешилися, за багры оны хваталися,
Тут оны да подловчилися, за заломы принималися,
Вдруг леса да избавлялися, вниз по реченьке
спускалися!

Тут пошли оны по-старому, погнали́ леса по-прежнему;
Шли по кру́тыим по бережкам, шутили разны шуточки,
Спевали-то оны да разны песенки,
Шли по реченьке, смеялися, к Кивачу да приближалися.
Как Кивач — место опасное:
Тут река бежит свирипая, а вода есте сердитая,
Тут есть место кряжёвитое, тоё место каменливое.
Как тут бревна поверта́лися, тут заломы набивалися,
Заломы ты великие, леса да тут бессчетные, на сумму
ту огромную.
Как молодчики в тот час да ужасалися,
Круг залома-то оны стали́ побегивать,
В головах стали́ оны почесывать,
Стали́ оны багорики похватывать.
«Вы, робятушки, старайтесь-ко, вы за трости
принимайтесь-ко,
Вы за люлечку хватайтесь-ко!»
Хватали-то канатики скорешенько, брали́-то оны
люлечку живешенько,
Протя́гали сквозь люлечку канатики смоленые,
Причаля́ли оны трости да ко бережкам,
Скакали-то скорехенько во люлечку,
Стали люлечку близешенько подваживать,
Самы стали «Дубинушку» покрыкивать,
Самы стали баго́рца-то направливать да за де́ревцы
захватывать.
Хоть было́-то у их ловкости,
А не хватило только силушки,
Как подрезало у их да ножки резвые,
Задрожали-то у их да ручки белые,
Закружилися-то мла́дые головушки,
Тут упали-то багорышки со рученек,
Тут свернулась-то у их да эта люлечка,
Тут упали-то удалые головушки
В кипучую, в холодную во водушку,
Тут тонули-то наши добрые-то молодцы,
Тут пришла им скора неначаянна смерётушка!
Видно, богом та смерётка им да сужена,
Да самы ихны головушки на суд пришли!
Их забило во глубокую, во холодную во водушку,
В глубину их утащило непомерную;
Приломало им тут белые-то рученьки,

Придавило ихны младые головушки,
Протащило их по быстроей по реченьке,
Их бросало-то на крутые на бережки!
Тут нашли да их товарыщи,
Поднимали их на белые на рученьки.
Уж как что-то на себе да пригодилося,
В том в земелюшку молодчики ложилися!
Им ни гроба и ни савана, ни досок да посторонниих,
Не наладили веко́вого-то им одеяньица,
Домовищечка не сделали векового,
Ни петья́ божья́ церковного да ни звону колокольного,
Да не при́звали попа-отца духовного!
Как пришло нам письмо-грамотка нерадостно,
Известьицо пришло да невеселое —
Нет во живности нашей-то удалоей головушки,
Что пришла ему скорая неначаянна смерётушка.
Тут съужа́хнулось ретивое сердечушко!
Как-то стану жить я, беднушка-горюшица,
Как возращивать рожоныих сердечных малых детушек
Во вдовиноей во победноей в сиротскоей во жирушке?
Хоть жирушка была да мни-ка нужная,
Так я жена да была мужняя;
А уж как нынечу-теперичу сказать да тяжелешенько,
Ко сердеченьку принять да обиднешенько —
Нелюбимое вдовиное словечко я теперь да получила,
Я осталась вот, победная головушка,
Я во скудноёй во нужноёй во жирушке!
Не осталося именьица, богачества,
Не осталося у нас да золотой казны;
Уж как быдто с корабля да с безызвестного,
Мы осталися, победны, беспоместные,
Быдто в полюшке шатучи деревиночки,
Мы, победные, остались сиротиночки,
От бережка отчалили — ко другому не приехали!
Не поверю я, победнушка, ни письму да я ни грамотке,
я ни верному известьицу,
Я сама туда отправлюся, на место на погибшее,
К Кивачу да ко названному, к падуну да ко утопломy;
Стану я по реченьке похаживать
Да у людюшек выспрашивать, у товарищей
выведывать:
«Вы скажите-ко, пожалуйста, говорите, не маните-ко,

Ужель есть еще во живности
Моя-то законная семеюшка да удалая головушка?»
Охти мни, бедной горюшице, сама знаю, сама ведаю —
Письмо-грамотка не ложная, а известье не подложное;
Уж как век того не водится — со мертвы́х живы
не родятся!

ПЛАЧ О ДОЧЕРИ

Подойти мни вот, спобедноей кручинноей головушке,
Ко своему-то к рожоному к сердечному дитятку,
Ко своей-то мни ко белоей к лебедушке,
Ко умершеей ко бывшеей к подстылоей головушке!
Не от резвыих от ноженек, не младоей головушки —
Супротив-то сесть любимого ретивого сердечушка.
И как смотрю-то я, победная головушка,
На свою-то на белую лебедушку,
На своего-то на рожоного на сердечного на дитятка.
Как сегодняшним господним божьим де́нечком,
Да этыим-то ранниим-то утрышком
Всё я думала, кручинная головушка,
Уж я думала своим да умом-разумом:
Верно, дали-то свободну пору-времечко,
Пожалели, знать, белу ту лебедушку,
Пожалел, верно, крестовой твой батюшко
Да желанны твои тетушки
И не будили тебя, белая лебедушка,
С крепка сна оны сегодня не будили
И на работушку тебя не разряжали,
И также я, бедна кручинная головушка,
Поблизёшенько тебя не воскликала,
С крепкого сну-то тебя да не будила,
Ко порядне я тебя не разряжала.
Как раздумалась своим да умом-разумом,
Я спрошу теперь, кручинная головушка,
У тебя-то, моя белая лебедушка:
«Долго спишь ты вот теперь, да не прохватишься,
С крепка сну-то что-то долго не пробудишься?»
А не по-старому, знать, спишь да не по-прежнему:
Нет во белыих во рученьках маханьица,
Нет во резвыих во ноженьках стояньица,
Нет во ясных очах да мигованьица,

Застоялся-то речист язык во мла́дой во головушке;
Хоть и личенько, смотрю, есте бумажное —
Не бежат-то всё ведь слёзушки жемчужные!
Как смотрю, бедна кручинная головушка, —
И по фатерушке она да не похаживаё,
И на лавочке она да не посиживаё,
И в окошечко она да не посматриваё,
И по сенечкам не ходит да решетчатым,
Не выходит на любимое перёно на крылечушко,
И во светлу не заходит она во светлицу,
Во столовые не входит новы горницы,
И за пяльца не садится за точеные,
За узоры не садится за мудреные,
За ши́тьицем не сидит за рукодельным —
За любимым девичьим щепетеньицем,
Не спевает-то жупливых жалких песенок,
Не веселит-то свою мла́дую головушку,
Не потешает-то ретивого сердечушка!
У порядни не видать да ёй крестьянскоей,
У пово́ду домоводского:
У блинного не видать да ей печеньица,
У столового не видать да сыченьица,
У удоистых коровушек смотреньица.
Ты послушай, моя белая лебедушка,
Что спрошу-то я, кручинная головушка:
Ты чего-то всё теперь да побоялася,
Ты чего да постращилася?
Ты сесветноей, безотней, верно, жирушки
И обидного победного девочества?
Убралась ты на у́ную вековечную жирушку
Не во порушку-то ты да не во времечко —
В прекрасных молодых да ты во летушках,
В настоящее в прекрасное девочество!
Без надёжной, без отнеей ты жирушки
Как была-то тебе хворая, тяжелая постелюшка,
Умом-разумом была неустижимая,
Добрым людушкам была да на сдивленьице,
Роду-племени была да на сумленьице,
Мни вот, бедноей кручинноей головушке,
На великую тоску да на досадушку!
Ты во трудноей постелюшке сбивалася,
С ума с разума срекалася,

Всё я думала, кручинная головушка,
Размышляла я своим да умом-разумом:
Попрошу-то я бога от желаньица
Да святых я от усердия!
Пообещаю-то я свеченьки рублевые,
И посулю-то я пелены шелковые,
Может, ро́йдет-то худая пора-времечко,
Может, встанет-то рожоно моё дитятко
Со трудноей с тяжелой со постелюшки,
Может, справится по-старому, по-прежнему!
Вот прошла-то теби трудная постелюшка,
А пришла-то теби скора непосульная смерётушка,
Подошла она к теби тихошенько,
И у́брала она тебя скорешенько,
Во юных, в молодых тебя во летушках!
Как ты была-то всё, голубушка, в живности,
Хоть в сиротском во прекрасноем девочестве,
Была девушка во чести да во славушке.
Добры людюшки тебя да всё хвалили,
Называньице было теби очи́мое,
Похвала теби всегда да позаочная,
Было росту у тебя да всё пригожества,
А красы-басы было да всё угожества!
Добры людушки срекалися,
Вси красотушки тобой да динoвалися
И жирушка была теби сиротская —
Только волюшка твоя была господская!
Уж ты жила, моя белая лебедушка,
Ты в безо́тнеей в обидноей во жирушке,
Со своим-то со крестовым жила батюшком,
Да свои были желанны твои тетушки,
Не влагали-то сердечного желаньица
До тебя-то, до красноей девушки.
С благословеньица-то не было ложеньица,
Со Исусовой молитовкой буженьица!
Будили-то по утрышку ранешенько
Всё тебя до праведного солнышка,
И разряжали на крестьянскую работушку:
Не по силушке давали-то работушку,
Не по розмыслу теби оны заботушку,
Гди работушка та им не прилюбилася.
Да тогда оны тобой да заменилися,

Огрубляли тебя грубныма словечкамы,
Ударяли-то ударамы ведь бо́льныма,
Обижали-то тебя, да красну девушку,
Изнуряли меня, бедную горюшицу!
Тогда вилося, свивалося
Мое тогда победное, ретивое сердеченько.
И не посмела я, победная головушка,
Я взасту́п сказать единого словечушка.
Была волюшка твоя да не улажена,
Да головушка твоя да не учесана,
Мелка косынька-то не была уплетена,
Теби не было слободной поры-времечки
По гульбищам ходить да по прокладищам,
По веселым теби да всё по игрищам,
По годовым владычным по праздничкам.
Теби не было любимыих да гостиныих неделюшек
Во почестном побывать теби гостебище —
Вешныих неделюшек красивыих
Да осенних теби да сербетливых,
А зимниих теби да всё гульливыих!
Как имели-то заботушку в головушке
Над тобой да распоряживать,
А не имели той заботушки
Да тебя оны улаживать:
Обувать-то твоих резвыих ноженек,
Одевать твоих девочиих плеченек.
Теби не было всё, белая лебедушка,
По ноженькам-то не было обуточки,
А по плеченькам-то не было одеточки,
Кажной праздничек-то не было покупочек
Да кажи́мо воскресеньице — обновочек,
Теби не было-то летниих украшеньицев
Да зимниих теби да согреваньицев,
Не справлены-то куньи были шубоньки!
Приходили всегда празднички годовые,
У тебя-то были слезушки готовые,
Ты садилась под косивчато окошечко,
Проливала ты горю́чи-горьки слезушки!
Как ходили-то советны твои по́дружки
Ко владычному годовому ко праздничку,
А говорила ты победной мни головушке,
Что заверну свою я младую головушку,

Завихну свое ретивое сердечушко —
Нет по разуму мне цветныих-то платьицев,
Не пойду лучше к владычному ко праздничку,
Пойду лучше в дремучие во лесушки
Я по сладкие по розовы по ягодки;
И не уходится ль обидушка в головушке,
Не закрепится ль там ретивое сердеченько!
Ты послушай-ко, рожоное дитятко,
Сокрушилась моя мла́дая головушка,
Уж как ростячи рожоные вас детушки
Посли своей-то законноей семеюшки,
После вашего кормильца света батюшки!
Прошло десять-то учетных круглых годышков,
Как преставилась законная семеюшка,
Как осталась-то победная головушка
Во вдовиной в горегорькоей во жирушке
Со своима-то со малыма с рожоныма со детушкамы,
Я со глупыма со малыма осталась недоросткамы,
Я со стадышком осталась со гусиным,
А со дру́гим — с лебединыим!
Уж думала своим да умом-разумом,
Размышляла своей младоей головушкой:
«Уж я как-то стану жить теперь, победнушка,
Во большой да не в одольнеей семеюшке
И как возращивать рожоных детушек?»
Не разрушить бы мни великоей семеюшки,
Не рассердить-то мни бы братца богоданого,
Вашего крестового бы батюшку,
Не разгневать бы ветляныих нешуточёк,
Мни своих-то богоданыих невестушек,
Поприбавить бы мни разума в головушку,
Не распустить бы мни рожоных своих детушек
Мни по всим бы по сторонушкам!»
Говорил мни вот крестовый да ваш батюшко:
«Наступила вот пора теби не прежная:
Нынь ведь время теби будет не по-старому,
И распорядки вси твои да не по-прежному —
Если ду́мно жить с намы во семеюшке,
Надо иметь много заботушки в головушке:
Ставать надо по утрышку ранешенько
Да и по вечеру ложиться спать позднешенько.
Ты не будешь теперь да нас разряживать,

Мы тебя теперь да будем распоряживать!»
Тут раздумалась, победная головушка,
Я своим да умом-разумом,
Уж не знала тут, победнушка,
Примениться как к горегорькоей к сиротскоей
ко жирушке,
Уж мни как-то жить на сём свите на белоем,
Не стерпеть будет великоей кручинушки,
Не сносить будет злодейноей обидушки.
Потом раздумалась опеть да умом-разумом,
Что закреплю свое ретивое сердечушко:
Стану горюшка во людюшки не сказывать,
Про обиду добрым людям не рассказывать,
Чтобы горюшко мое бедно не плакало,
На меня бы то оно да не судьякало,
Приклоню я свою младую головушку!
Приклонила я головушку низешенько,
Покорила я сердеченько милешенько,
Своей-то я любимой всей семеюшке
Говорила я, спобедная головушка:
«Хоть не по-старому держите, не по-прежнему,
Хоть работушкой меня да огрузите-ко,
Да словечками меня да не грубите-ко!»
Тут я стала жить, спобедная головушка,
Тише водушки я стала жить ключёвоей,
Ниже травоньки-то стала жить шелковоей,
Клонить-то стала младую головушку
Всим любимыим спорядныим да и запольныим
соседушкам.
Тут не хозяйкой стала да распорядчицей —
На работушке была да за работницу,
На двори-то я была да за коровницу,
На гумни-то я была да за молотчицу,
Гди работушка та им не прилюбилася,
Тут и мной оны всегда да заменилися!
Тут жила, бедна кручинная головушка,
Я не знала в году праздничка годóвого,
Воскресеньицев не знала я Христовыих,
Всё ходила я по темным по лесушкам,
Я по разныим всегда да по работушкам.
Уж мы жили-то, рожóны, с вамы, детушки,
Вы росли-то всё безотние, сиротские,

Вам от солнышка-то не было согревушки,
Вам от ветра не бывало заборонушки,
Вам от частого от дождичка покрышечки,
Вам от добрыих от людюшек заступушки!
Слыли вольные-то вы да самовольные,
Безунёмные вы слыли, безнарядные,
На работушку-то слыли малосилые,
У стола-то слыли больше вы едучие.
Огрубляли вас вот грубныма словечкамы,
Да стращали меня, бедную горюшицу,
Угрожали всё победную головушку
Оны хлебамы всегда да вот особыма,
Да столамы-то стращали всё отдельныма!
Не дай господи на сём свите, не приведи
Во сиротскоей в обидной жить во жирушке!
Лучше не были бы дети тыи рóжены,
Лучше не были бы на белой свет попущены!
Ты послушай, моя бела лебедушка,
Ты любимое рожóно мое дитятко,
Что скажу, бедна кручинная головушка:
Как сегодняшним господним божьим дéнечком
Как прибираются народ да люди добрые,
Собрались-то вси спорядные запольные суседушки
И все соседски мáлы детушки, —
И вот не шелковый клубок теперь катается,
Вся породушка вот к нам да прибирается.
Как пришли теперь да сродцы наши сроднички,
Пришли-то наши тетушки-добротушки,
Да сестриченьки пришли да двуродимые,
Да жаланные пришли-то твои дядюшки!
Не по-старому пришли да не по-прежнему!
Уж как преж сего ходили да до этого,
Как ты была, головушка, во живности,
Выбегала на перёно ты крылечушко,
Выходила ты на шúроку на уличку,
Ты стречала-то своих да дорогих гостей,
Ты с покорным стретала да с почтеньицем.
Ты вводила во хоромное строеньице,
Проводила-то во светлы их во светлицы,
Ты в столовы проводила новы горницы,
Угощала ты своих да дорогих гостей,
Кипятила самовары ты луженые

С чаями-кофиямы заварёныма!
И закусочки былѝ всѐгда наложены,
Были ествушки всегда да приготовлены!
Уж как нынечу-теперечу,
Как сегодняшного денечку
Наши гостюшки пришли не веселешеньки,
Совсим-то заунылы да скучнешеньки.
Не к владычнему пришли да к нам ко праздничку,
Не в любимое в почѐстно к нам гостѐбищо,
Оны к нам теперь пришли не на поминочки,
Не на твою пришли обидную на свадебку,
Не принесли-то честных дѐрогих подарочек!
Спасет бог да благодарствуйте
Вы, мои да сродцы-сроднички,
Уж вы пришли к моей ко белой лебедушке!
Вы не первое пришли теперь, последнее,
Вы к последнему пришли да с ней свиданьицу,
Да и ко пѐслему пришли теперь прощеньицу.
Ты послушай, моя белая лебедушка,
Ты любимое рожоно мое дитятко!
Я за честь прошу, кручинная головушка,
Уж вы встань-ко всё, пожалуйста, скорешенько,
Развернись-ко ты теперечу смелешёнько,
Ты по-старому-то встань да всё по-прежнему,
Сделай доброе теперечу здоровьице,
Заговори-тко вот любимые всё ласковы
Хоть последни вот словечушка
Со своей-то со породой с именитою,
Проведи-тко их по-старому, по-прежнему,
Ко столам-то ты веди да ко дубовыим,
Ко накрытому столу да ты ко честному,
Угощай-ко ты своих да дорогих гостей.
Угощай-ко всех спорядных соседушек!
Ты сама садись-ко, белая лебедушка,
Звеличать мы тебя будем не по-старому,
Почитать да тебя станем не по-прежнему;
Хоть лебедушкой мы белой называем,
За гостейку любиму тебя да почитаем.
Уж ты сядь-ко всё теперь да угощайся-ко,
Уж ты досыта с гостями наедайся-ко,
Уж ты дѐлюби-то теперь да напивайся-ко.
У нас всё есте теперь для вас прилажено,

У нас всё есте теперь да приготовлено.
И налажены вси ествушки сахарние
Да и разве́дены вси питвица медвяные!
Ты не первое вот кушай — всё последнее,
Послий разичек ты, белая лебедушка.
Мы не пивши-то тебя да не отправим,
И голодной-то тебя да мы не справим.
Охти мни, бедной кручинноей головушке!
Хоть я много-то стала у ней выспрашивать,
Ничего она мни стала не рассказывать,
Хоть сказала бы, рожоно мое дитятко,
Хоть одно мни вот любимое да ласково словечушко!
Ты словечка никакого не сказала,
Ты ответа мне совсем не подавала.
Рассердилась на меня, знать, поразгневалась,
Аль, сама знаю я, кручинная головушка:
Нету душеньки в твоих да во белы́х грудях!
Ты последние была у нас денёчеки,
Уж ты по́слие живешь у нас часочики.
Мы справляем-то тебя да снаряжаем
Мы не к праздничку тебя да отпущаем
И не в любимое почестное гостебище,
Не на гулянку мы тебя, не на прогулочку —
Мы справляем тебя, белая лебедушка,
На вековечную, бесконечную на жирушку!
Как прибудешь ты на уную на жирушку,
Ты пошли-ко нам письмо да пошли грамотку,
Скорописчатое нам пошли известьице,
Ты куда будешь, голубушка, положена,
Куда место-то теби да уготовано?
Извести-ко нам про будущую жирушку,
Теби худо ль там покажется,
Аль хорошо, может, понравится!
Ты послушай-ко, голубушка,
Что скажу теби, кручинная головушка,
Хоть мы справили теперь тебя, наладили —
По недугу ль теби, любушка, по разуму
Мы одели-то теби да цветны платьица,
Вековечное теби да одеяньице.
Мы не пышно положили, не нарядное,
Мы не цветно, не особенно
Мы не славно да не дорого —

По своему-то мы, победные, возможе́ньицу,
По своей-то по несчастноей по силушке!
Сама знаешь ты, голубушка, всё ведаешь,
Не осуди-ко, моя белая лебедушка,
Извини-ко ты, рожоно мое дитятко,
Не в шелки тебя одели не в московские,
Не в материи тебя дорогоценные,
Мы не в новы ситцы да в петербургские —
Мы в простую-то одёженьку крестьянскую,
Мы не в новую тебя — да во поно́шену.
Сама знаешь ты, голубушка, всё ведаешь —
Не моя ведь есте вольная всё волюшка
Справлять-то теби цветныих платьицев
И наладить вековое одеяньице!
Как была бы то моя да вольная волюшка,
Как бы в моих руках бессчетна золота казна, —
Я бы справила теби бы, всё наладила,
Я не в эдаки бы платьица одела бы,
Да и не в эдаку обуточку обула бы —
Положила бы во платьица во цветные,
Да в нарядные тебя бы в подвенечные,
В рубашечку во травчату,
В душегреечку тебя бы го́лёвой парчи,
А на ноженьки шелковые чулочеки
Да в сафьянные башмачеки!
Я бы убрала головушку в цветочеки,
На головушку — жемчужну мелку сеточку!
Вот бы так бы тебя справила, наладила,
И еще бы я теби да положила бы
Я на ко́сыньку лазуревы цветочеки,
И в ко́сыньку теби бы алу ленточку,
Я во правую во рученьку злачёны перстешочеки!
Я бы у́брала тебя бы да наладила
По недугу-то было бы да по разуму!
И как нету-то именьица-богачества
И нету-то у нас да золотой казны,
Дак не справишь-то всё по́-люби, по разуму.
Как бы был бы то ростителек во живности,
Теби всё было бы справлено,
Теби всё бы приналажено!
То ведь жирушка-то наша небогатая,
А житье-то не славутное;

Хоть осталось твоих цветных платьицев,
Дак остались-то сестриченьки родимые,
Три-четыре по фатерушке шатается,
Да головушка с головушкой равняется!
Ты послушай, моя белая лебедушка,
Я еще спрошу, победная головушка,
У тебя-то всё, рожоно мое дитятко:
По недугу ли теби да всё по разуму,
Теби вечное хоромное строеньице,
Вековое-то теби да домовищечко?
Оно просто-то совсим есте налажено —
Не покрашено оно да не побашено,
Не поставлены-то терёмы высокие,
Да не врублены косивчаты окошечка,
Да не вложены хрустальные стеколышка.
Со простых досок со еловых налажено
Совсим просто-то теби да домовищечко.
Ты послушай, моя белая лебедушка,
Как было бы именьице богачества,
Как была бы золота казна бессчетная,
Как бы был-то всё во живности кормилец твой батюшко,
Как была бы то моя да вольна волюшка —
С честью-славою тебя да мы отправили,
С великатием тебя бы схоронили бы,
Мы со звоном бы тебя да колокольныим,
С попом — отцом духовныим
Да с петьем божьим церковныим!
Как схороним тебя, белая лебедушка,
Во матушку сыру землю
И во буеву холодную могилушку,
В вековечну, бесконечну тебя жирушку,
Закроем тебя матушкой сырой землей,
Замуравим тебя травонькой шелковою!
Ты прощайся-ко вот, белая лебедушка,
С родом-племянью прощайся-ко любимыим,
Со породушкой прощайся с именитою.
Вы простите, вся порода именитая,
Вы простите-ко, спорядные соседушки,
Ты прости-прощай, хоромное строеньице,
Нам последнее с тобой теперь прощеньице —
Вы простите мою белую лебедушку:

Как была она, голубушка, во живности,
Во прекрасноем сиротском хоть девочестве,
Хоть и жирушка-то ей была сиротская,
Только волюшка была у ей господская.
В шутках, в баснях вы простите, в прибадурочках!
Уж как больше-то не будет да живешенька,
Дак могилушка хоть будет да близешенько, —
Будет буде мни слободной поры-времечки,
Уж я буду на могилушку похаживать,
Уж я пóдолгу-то буду да высиживать,
Я в осенние во ноченьки
Буду обидушку выбрасывать,
А во вёшные денечеки
Буду обиду всю высказывать.
Мни вот стоснётся, победнушке, стоскуется,
Как расходится обидушка в головушке,
Сколыбается зазнобушка в утробушке —
Уж я брошу всю крестьянскую работушку
И пойду к тебе на буеву могилушку!

ВОПЛЬ ДОЧЕРИ ОБ ОТЦЕ

Не осудите-ко, народ да люди добрые:
И пропущу теперь унылой зычной гóлосок,
И объявлю я свою причеть неумильную!
Я не знаю всё, спобедная головушка,
Как подойти мни-ка к кормúльцу свету-батюшке,
Мне по-старому подойти теперь, по-прежнему,
Мне от резвыих зайти теперь от ноженек,
Аль ко младоёй ко буйноёй головушке,
Аль супротив теперь идти ретивого сердеченька?
С коёго бочку теперь мни-ка подшаптывать,
С коёго личка теперь да разговаривать?
И мы приехали, спобедные головушки,
Не по-старому к теби да не по-прежнему,
Мы не знаем-то самы́ теперь, не ведаем,
Что сделалось у нас теперь, подеялось, —
Ново чудушко у нас да обчудилося,
Ново диво объявилося,
Велико несчастьице случилося!
Что же ты, кормилец родной татенька,

Уж мы ждали-то, победные головушки,
Мы тебя домой по-старому, по-прежнему,
Уж мы день ждали по праведному солнышку,
Уж мы ночью-то по светлому по месяцу,
Ввечеру-то по зари ждали вечернеей,
Утром рано по луны ждали небесноей!
Не клонил сон наши младые головушки,
Уж мы сидели под косивчатым окошечком,
Мы смотрели во хрустальные стеколышки,
Выходили мы на широку на уличку,
Мы смотрели-то во чистоё во полюшко,
По путистой мы смотрели по дороженьке —
Не увидим ли ступистоей лошадушки,
Не прикатятся ли санки самокатные,
Не приедет ли кормилец родной батюшко;
И не могли дождать победноей головушки.
Тут приехали-то к нам добрые людюшки,
Привезли-то к нам весточку нерадостну,
Что нет во живности кормильца света татеньки!
Тут подрезало у нас да ножки резвые,
Задрожали-то у нас да ручки белые,
Съужахнулося ретивое сердеченько!
Тут мы не поверили-то людям добрыим,
Мы приехали самы к тебе, победные головушки.
Уж ты что же, кормилец родной батюшка,
Рассердился-то на нас да распрогневался,
Крепко спишь-то ты теперь да не прохватишься,
С крепка сну ты долго не пробудишься?
Уж ты встань-ко всё на резвые на ноженьки,
Поедем-ко, кормилец родной батюшка,
Домой в свое хоромное строеньице,
По-старому жить с намы, по-прежнему!
У нас всё теперь теби есте прилажено
И всё есть приготовлено,
Есть налажены кушанья сахарние.
Уж как смотрю, бедна победная головушка, —
Не по-старому ты спишь, да не по-прежнему!
Нету душеньки в твоих да во бе́лых грудях,
Нет во резвыих во ноженьках стояньица,
Нет во белыих во рученьках маханьица,
Нет во ясныих очах да мигованьица,
Уж застоялся-то речист язык в устах да во сахарних.

Мы не знаем всё, победные кручинные головушки,
не ведаем —
Теби богом ли смерётка эта су́жена,
Аль от добрыих людей да напущенная,
Аль сама твоя головушка на суд пришла,
Не такая, как пришла да добрым людюшкам!
Добрым людюшкам смерётка на сдивленьицо,
Роду-племени всему да на сумленьицо,
Нам-то, бедныим несчастныим горюшицам,
На великую тоску да на досадушку!
Не привел-то тебя милостливой господи,
Как бы был ты при трудноей постелюшке,
Как на своей бы лежал брусовой белой лавочке,
Тут пришла бы к теби скорая непосульная
смерётушка,
Дак не так бы нас брала тошная тоскичушка,
А то случилась теби скорая неначаемая смерётушка
Не в своем да во хоромноем строеньице —
На открытоей на даче на казенноей,
На путистоей широкоей на зимноей дороженьке!
Случились злы недобрые людюшки,
Погубили твою младую головушку,
Толкнули ступистую лошадушку
Во пушистые снежочки за пушистую дороженьку:
Может, был тогда ростителек во живности,
Не могла привезть ступистая лошадушка;
На тую на пору на времечко
Не случились добрые людюшки
Спроводить нашу ступистую лошадушку
На путистую дороженьку —
Может, привезла бы домой по-старому, по-прежнему,
А то остались мы теперь, бедные
Круглые несчастные сиротушки,
В горегорькоей в сиротскоей во жирушке!
Не привел-то многомилостливой господи
И не наставил, верно, долгого векушку
Пожить на сем свете на белоем,
И не доростил нас до полного до возраста!
Уж мы как станем жить, победные головушки,
После тебя теперь, роститель родной батюшка?
Уж мы теперь да нелюбимое
Сиротское словечко получили,

Не осталося именьица-богачества,
Не осталося бессчётной золотой казны!
Уж кто теперь будет нас доращивать,
Уж кто же нас теперь будет устраивать?
Мы без ветрушка осталися шатаючи,
Мы без дождичка теперь да уливаючи,
Быдто в полюшке шатучи деревиночки,
Мы победные теперь да сиротиночки:
Нам от солнышка не будет-то сугревушки,
Нам от ветрушка теперь да заборонушки,
Нам от частого от дождичка покрышечки,
Нам от добрыих от людюшек заступушки!
Уж мы как станем жить, победные кручинные головушки,
Как справлять крестьянскую любимую работушку?
Как попройде-то холодная-студеная зимушка,
Как наступит-то гульливая разливна красна вёснушка,
Как потают-то пушистые снежочики,
Разнесёт-то хрустальние ледочеки,
Поразо́льются крутые бережочеки,
При́дет птично прилетаньицо,
При́дет рыбное тогда да нерестаньицо,
Загошечкам-то серыим кукованьицо,
На нашем сердце обиды сколыбаньицо!
Как пастушки́ в лесах затукают,
На полянушках-то пахари занукают,
Как пойдут-то тут многие добрые людюшки,
Вси любимые спорядные соседушки
На любимую крестьянску на работушку —
Вся работушка у их тогда объявится,
Колёсом у их тогда дело покатится,
А как нас-то, кручинныих победныих несчастныих головушек,
Одолять станет великая обидушка
И ушибать станет злодейная кручинушка:
Полянушки у нас да не запашутся,
По́женки у нас да не покосятся,
Водушки у нас да не наловятся.
Опустеет наше житье-живленьице
И опустеет хоромное строеньице,
Всё застынет-то у нас да захолонеет!
Как после тебя-то теперь, роститель батюшко,

Кирпичная печенька не топлена́;
В одном уголочеку пушистые снежочеки,
А во другоем — морозушки трескучие,
Всё пустым у нас стало теперь пустёшенько,
Холодным да холоднёшенько!
Мы сидим-то тут, победные головушки,
Быдто зимние упалы малы заюшки,
Дожидаем всё кормильца домой батюшка.
Верно, вовеки того да всё не водится —
Живой с мертвого на сем свите не родится,
Народ со погоста не воротится!
Уж как нунечу-теперичу
Ка́к было бы именьицо-богачество,
Ка́к была бы золота казна бессчётная,
Мы бы на́няли, кручинные головушки,
Мы пятнадцать бы подвод да лошадиных,
Развозили бы великую кручинушку,
По дремучим развозили бы по лесушкам!
Нас страх доли́т, победныих головушек:
Как жить теперь в сиротскоей,
В победноей, не в надежноей во жирушке:
Как приходить-то будут празднички годовые,
У меня-то будут слезушки готовые.
Наступило-то теперь мое несчастное прекрасное девочество.
Как пойдут-то советны мои по́дружки,
Как пойдут-то души красные девушки,
На гульбища пойдут, на прокладища,
На веселые на и́грища,
Ко любимыим владычниим годовым праздничкам,
А у меня-то, у кручинноей головушки,
Не будет-то по ноженькам обуточки,
По плеченькам по разуму одеточки,
Зимниих не будет согреваньицев
И летниих не будет украшеньицев!

ПЛАЧ СЕСТРЫ ПО СЕСТРЕ

Как пропустить-то вот
Мни, победноей кручинноей головушке,
Свой унылой пропустить-то жа́лкий го́лосок,

Объявить мни свою причеть неумильнюю
Мни по этоей по широкой по уличке,
Мни по этому погосту по станливому,
Мни по этоей по буявой могилушке!
И мы не знаем всё, победные кручинные головушки,
Как подойти ко этоей холодноей, к зеленоей,
ко буявой могилушке!
Хоть мни сказать-то всё теперь да тяжелешенько,
Ко сердеченьку принять да обиднешенько!
Подойти-то нам ко любимоей сестрице ко родимоей,
И нам с котороей зайти-то всё теперь сторонушки:
Нам от южной аль от северной,
От восточной ли, от западной,
Аль супротив ли сесть ретивого сердечушка?
Охти мнешеньки, нам бедныим тошнешенько,
Не можем мы стоять на резвыих на ноженьках,
Подломились-то у нас да ножки резвые,
Задрожали-то у нас да ручки белые!
Припадем теперь ко матушке сырой земли
И ко буявой холодноей ко сестрицыной могилушке,
Будем клубышком теперь да мы кататися,
Червушочком да будем мы свиваться,
Мы желаньица от ей будем добираться!
Вы повейте теперь, буйные ветрушки,
Размуравься-тко, травонька шёлковая,
Вы развейтесь-ко, лазуревы цветочеки,
Пораздвинься-ко ты, матушка сыра земля,
Вы рассыпьтесь-ко, желтые песочеки,
Раскатитесь-ко, валучи камешёчеки,
Покажись-ко, ёйно вековечно хоромное строеньице!
Прилетите-ко вы, птиченьки небесные,
Повытяните гвозди шеломчатые
И откройте-ко сестриченьку родимую.
Покажись-ко, ёйно белое личико,
Веко́вое ёйно одеяньице!
Прилетите с небес, ангелы-архангелы,
Вы вложите душеньку в белы груди,
Вы по-старому вложите-ко, по-прежнему,
В резвых ноженьках-то сделайся стояньице,
В белых рученьках-то сделайся маханьице,
В ясных оченьках у ей да мигованьицо,
Речист язык в уста да во сахарние!

И ты повыстань-ко, сестриченька родимая,
Уж ты встань теперь на резвые на ноженьки,
Уж мы сделаем-ко доброе здоровьице,
Мы покорное теперь с тобой почтеньицо,
Ты обрадуй-ко нас, бедныих головушек.
Мы по-старому с тобой теперь, по-прежному,
Уж мы сядем-ко с тобой да рядом-по́ряди,
Заговорим мы любимые потайные ласковы словечушки!
Уж мы вдавное с тобой да не видалися,
Мы давнёшенько с тобой да не стречалися,
Как прошло-то пять учетных круглых годышков,
Как схоронили тебя, белую любимую лебедушку!
Одна ты была у нас да одинешенька,
Уж ты милая ведь нам была, любимая,
Быдто свет была во ясныих во оченьках;
Хоть сестриченькой всегда тебя я называла —
За рожоного дитя тебя да почитала!
Как пришла тогда теби скорая непосульная смерётушка,
И не пришлось быть при по́сляей твоей нам при кончинушке,
При последнеем не пришлось да быть прощеньице,
Не пришлось-то слышать последниих
Ласковых твоих любимыих словечушек.
Не забыть тебя нам будет век-по́-веку
И отыней не забыть да будет до веку!
Ты послушай, наша белая лебедушка,
Ты любимая сестриченька родимая:
Как пришли мы, победные кручинные головушки,
Мы со нашей со родителью со маменькой,
Со победноей вдовой благочесливоей,
Уж мы пришли-то все к теби да по-дорожному,
Уж как сумочки у нас да по-походному!
Как расстались тогда с тобой-то, белая лебедушка,
И как пришла-то нам тогда скорая нечаянна разлукушка;
Посли видом мы тебя да не видали,
Уж мы весточки никакой не получали,
И известьица от тебя да не бывало,
Пи́сьма-грамотки ты нам не посылала,
Во сни ты нам совсим да не казалась,
И наяву ты нам не объявилась:
Рассердилась, знать, на нас да поразгневалась!

Ты чего, наша голубушка, на нас да рассердилась?
Или нету тебе вольноей там волюшки,
Иль того да рассердилася,
Что мы взяли твои цветные платьица,
Не благословленные были тобой да не приказаны?
Хотя мы взяли всё, спобедные головушки,
Мы не для́-ради всё взяли украшеньица
И не для-ра́ди согреваньица —
Уж мы для ради взяли посмотреньица:
Как расходится обидушка в головушке,
Сколыбается зазнобушка в утробушке,
Как посмотрим на твои на цветны платьица,
Как на тебя быдто, белая лебедушка!
Аль того да поразгневалась,
Что не по́часту на могилушку ухаживаем,
И не по́долгу у тебя да мы усиживаем,
И частых теби нету от нас поминочек,
Да почаще того не было годиночек?
Как мы в дальнеем живем да расстояньице,
Не в часто́м живем свиданьице.
Как была бы-то могилушка близешенько,
Мы бы частенько на могилушку похаживали,
Мы бы долго бы посиживали!
Ты послушай-ко, любимая сестриченька родимая,
Что скажу, бедна кручинная головушка:
Уж я много раз к теби да всё справлялася,
Не один-то раз к теби да снаряжалася,
Уж я сдумала-отдумала,
Я три раза-то всё к теби да снаряжалася,
Да четыре раз с дорожки ворочалася.
И теперь да мы придумали,
И неотложно мы теперечу отправились;
И уж как шли мы путем-широкой дороженькой
И поспешали к теби, белая лебедушка,
Уж мы в день-то шли по праведному солнышку,
Уж мы в ночь да шли по светлому по месяцу,
Ввечеру-то по зари мы шли вечернеей,
Утром рано по луны да шли небесноей,
По деревенкам мы шли да по станливыим,
Мы по волостям-то шли да по красивыим.
Всяки стретушки нам, бедныим, стречалися;
Инны стретушки-то нам да поклонялися,

Инны стретушки-то нам да покорялися,
Инны стретушки над намы надсмехалися,
Говорили други добрые нам людюшки:
«Вы идете на холодную на буяву могилушку,
Поспешайте-ко идти да вы скорешенько.
Вы идите-ко скорешенько, не стойте-ко,
Вы назад да не смотрите-ко,
Поспешайте-ко на буяву могилушку:
Как ведь там теперь на буявой зеленой
на могилушке,
И у вашей у сестриченьки родимоей
Чудо чудное там да обчудилося,
Диво дивное-то там да объявилося —
Со мертвых живы родилися, —
Есть во живности сестричушка ваша родимая,
Дожидает вас в почестное гостебищо,
Призадвинуты есть столички дубовые,
Да приустланы-то скатерти забраные,
Да налажены есть ествушки сахарние,
Приразведены есть питьица медвяные».
Говорила я народу-людям добрыим:
«И не говорите-ко вы, добрые людюшки,
Таких нам неумильниих словечушок,
Не давайте-ко великоей назолушки
Нашему ретивому сердеченьку:
Мы не для́-ради идем да угощеньица,
Уж мы для́-ради идем да побываньица!»
Уж обманили-то, народ да люди добрые,
Обманили-то нас да облукавили:
И вот пришли теперь на буяву могилушку —
И нет сестриченьки совсем теперь во живности!
Всё мы думали, кручинные головушки,
Как побываем мы на буявой холодноей зеленой
на могилушке,
Дак убудет-то обидушки в головушке.
А как на могилушке теперь да побывали,
Мы сестриченьки в глаза да не видали,
Не убавили обидушки — прибавили!
Мы не знаем, всё победные головушки, не ведаем,
Аще ль то судит милостивый господи
Побывать еще на буявой холодной на зеленой
на могилушке.

А. М. ПАШКОВА

А. М. ПАШКОВА

Анна Михайловна Пашкова (1866—1948) — одна из крупнейших севернорусских сказительниц советского времени — родилась в д. Ярцево Пудожского р-на КАССР. Начала учиться в сельской школе, где показала незаурядные способности, побудившие учителя хлопотать об ее переводе в гимназию. Однако отец не захотел отпустить из дома дочь-работницу. В 1886 году Пашкова вышла замуж. В семье мужа на нее легли все заботы по хозяйству. Мужчины уходили на рыбную ловлю и на лесозаготовки, а ей приходилось, как она позже рассказывала, «земельным делом заведывать»: «косила, пахала и все делала, а мне помогали».[1] Из четырнадцати детей в живых осталось только трое — две дочери и сын. Единственный и любимый сын принес ей много горя. Его разбило параличом, и он двенадцать лет не вставал с постели.

Исполнению былин и песен Пашкова выучилась преимущественно до замужества от известных в то время сказителей: старика Амвросия с Купецкого озера, коробейника Данилы, своей тетки Ксении Тихоновой, односельчанина Ильи Зубова и др. Самой сказывать приходилось редко — «муж сам не любил и не давал петь былины». Даже знаменитому сказителю из д. Семенова Ф. А. Конашкову, с которым они вместе рыбачили, «слова вымолвить не давал». Однако годы замужества, проведенные в д. Семенова, не прошли даром — здесь развился и окреп талант Пашковой. Здесь она приобрела известность как вопленица. О причитаниях Пашкова рассказывала: «По подголосницам не ходила, а причитаний много знала, как с этим горем пожила (сын-то больной был); много причитала на работе, а свадебные — те в девушках узнала».

---

[1] Русские плачи Карелии. Петрозаводск, 1940, стр. 55.

В 1933 году Пашкова переехала к дочери в Петрозаводск. Здесь в 1937—1939 годах сотрудниками Карельского Научно-исследовательского института культуры от нее было записано 16 былин и исторических песен, 51 лирическая песня, 15 сказок, 35 похоронных, бытовых и свадебных причитаний, 320 пословиц, 40 загадок, полное описание свадебного обряда и т. д. Публикация записей в периодической печати и в сборниках «Былины Пудожского края» (1941), «Русские плачи Карелии» (1940) и «Творчество народов К-ФССР» (1940) принесла Пашковой известность, выдвинула ее в ряды крупнейших современных сказительниц.

В 1939 году Пашкова принимает деятельное участие в первом Всекарельском совещании сказителей и Всесоюзной конференции сказителей в Москве. В предвоенные годы А. М. Пашкова создала несколько десятков стихотворных сказов на советские темы, отличавшиеся от многих подобных попыток других сказителей поэтичностью и стремлением к гармоническому выражению нового содержания. Ее сказы «Чем Москва прославилась», «О Ленине», «Колхозница», «Лучинушка» и др. пользовались в те годы широкой популярностью.

Начало Великой Отечественной войны Пашкова встретила известным сказом «О Родине». В июле 1941 года она эвакуировалась в Белозерский р-н Вологодской области. С 1943 по 1946 год жила в г. Мончегорске, где выступала в госпиталях, на эвакопунктах, в рабочих клубах с песнями и сказами, созданными ею и другими сказителями. Особенным успехом пользовался ее «Сказ о сыне», опубликованный впоследствии в сборнике «Фольклор Советской Карелии» (1947). В мае 1946 года Пашкова участвовала во Всесоюзном слете сказителей в Москве. Умерла Пашкова в Петрозаводске.

ПЛАЧ ПОСЛЕ ПОЖАРА

Приходит тетка, племянница ее встречает с плачем и причитывает:

Как идет да гостья дальняя,
Идет гостья долгожданная,
Моя тетушка-добротушка,
Старша буйная головушка.
У нас, у бедныих,
Ново чудо счудовалося,
Ново диво сдивовалося!
Уж как век чего не думали,
Уж как век чего не га́дали:
Уж как глупая-то женщина,
Неразумна молода́ жена
Зажигала воскову́ свечу
Перед чудным перед образом.
Верно, она богу не угодная,
Ее свеча да недоходная;
Как от той от восковой свечи
Показалися дымочеки,
Запылали огонечеки
По крестьянской по деревенке!
Потеряли мы селеньице,
Всё хоромное строеньице,
Всё крестьянско заведеньице.
Всё огнем просветилося,
Головней всё покатилося!
Как, желанна моя тетушка,
Теперь я, бедна горюшица,
Я от господа обижена,
И от добры́х людей обнижена:
Погорели у беднушки
Мои цве́тные все платьица
И жемчужно ожерельице,

Не видать мне боле, беднушке!
Я находилася, горюшица,
На крестьянской на работушке;
Не работушку работала,
Только времечко коро́тала —
Как про это про несчастьице
Мое ведало сердечушко!
Как прихожу, бедна горюшица,
Я с крестьянской-то работушки —
Уж пустым стало пустешенько,
Порозным да порознешенько;
Мои сердечные родители
В чистом полюшке под кустичком.
Как станем жить, бедные,
Без витого без гнездышка?!

ПЛАЧ ЗАМУЖНЕЙ СЕСТРЫ ПО БРАТУ

Охти, мнешенько тошнешенько
И сердечку тяжелешенько!
Как по сегодняшнему де́нечку
Я ставала поранешеньку,
Собиралась поскорешенько
На крестьянскую работушку,
Но мне не елося, не пилося,
Мое сердечушко крушилося,
Из рук дело всё валилося,
Мне работушка на ум не шла!
Как во пору полуденную
Пришла весточка нерадостна,
И нерадостна, печальная,
Что не стало на бело́м свету
Моего-то братца милого;
Дак мои ножки подломилися,
Очи ясны помутилися,
А ретивое сердечушко
На кусочки разрывалося!
А ум со разумом мешается,
Мысль на два разделяется,
Что мне не́ дали известьица,
Что при тяжелой он постелюшке!

Я бы шла, бедна горюшица,
День по красному бы солнышку,
Ночь по светлому по месяцу:
Сама знаю, сама ведаю,
Что у братца у родимого
У его некому заботиться!
Есте матушка старешенька,
Милы деточки малешеньки,
А супруга́-молода жена
После болюшки слабешенька;
Нету сродничков желанных
И нет соседей доброродныих,
У всех конюшки усталые
Да извозчики упрямые;
Наша дере́венка на за́польке:
Нету почты скороходноей,
А телеграммы скороносноей.
Я пошла, бедна горюшица,
Хоть не поспела я, обидная,
Ко душевну расставаньицу,
А торопилась-поспешалася
Ко телесну погребаньицу.
Я шла по лесушку по темному,
Я зверей да не боялася,
Злых людей остерегалася,
Только слезами уливалася!
И все я шла, бедна, спешилася,
А от моих-то слез горючиих
Путь-дороженька двоилася,
А леса с кореня ломилися,
А ковыль-травонька зеленая
К земле низко приклонилася,
Люди добрые дивилися!
Как подхожу, бедна горюшица,
Да на родимую сторонушку,
К его витому-то гнездышку
Да ко перёному крылечушку,—
Не встречат да братец-солнышко!
Как было преж сего до этого
Соколочек родимо́й брате́ц
Всё в окошечко поглядыват,
На крылечушко выскакиват,

Дожидал да меня, беднушку,
Во любимое гостебище.
Придут праздники годо́вые,
Так были конюшки запряжены,
По край са́ней было сяжено
И за гостьей было съезжено,
Была привезена, отвезена,
У крылечка была встречена,
За два полюшка провожена;
А по сегодняшнему де́нечку
Не встречат да братец родненький
У крылечушка перёного,
У ступенчика у первого,
Как не несут да ножки резвые
Во перёное крылечушко!
Я в крылечко поднималася,
О пору́ченьки держалася,
А во новоей во горенке,
Вижу, горят свечи там воско́вые,
Поют псалмы́ заупокойные,
Мой братец-красно солнышко
На столах лежит дубовых;
Дальше в том углу пустешенько,
А в другом да порознешенько,
А на середочке сироточки,
Всё глупы малы недоросточки!
Я пришла, приобзабылася,
У хозяев не спросилася:
Как поспрошу, многообидная,
Я у братца у родимого:
Мне с коёй зайти сторонушки
И куда сесть мне будет, беднушке?
Сесть во резвые ль во ноженьки,
Иль сесть ко буйноей головушке,
Иль супротив сердца ретивого?
Как посмотрю, бедна горюшица,
Как во буйной во головушке
Сидит горюша бедна матушка,
А во резвыих во ноженьках
Сидит супруга-молода жена,
Та вдова многообидная,
А супротив сердца ретивого

Сиротинки-малы детушки,
Будто маленькие пенышки!
Только мне, бедной горюшице,
Сдалека́ да не накликаться,
Свысока́ да не набаяться,
А подойти мне поблизёшенько,
А поприсесть, бедной горюшице,
Хоть на брусову белу лавочку,
Ко косящату окошечку!
Братец красно мое солнышко,
Шла к тебе я, поспешалася,
На путистой на дороженьке
Мне две стреточки стреталися:
Перва стреточка — обидушка,
Друга́ стреточка — кручинушка!
Я обидушке сказалася,
Я с кручиной сговорилася:
«Не доли-тко меня, беднушку,
Ты, злодейная обидушка
И великая кручинушка,
Дай повысказать-повыбаять
Соколку́ братцу родимому.
У меня столько накопилося
Как злодейной-то обидушки,
Что мне на вешний день не высказать,
На осённу ночь не выплакать
Про свою мне житье-жирушку
На чужой-дальней сторонушке!»
Но обида неподкупная,
А кручина недоступная:
Одолила меня, беднушку.
Дак ты послушай-ко, пожалуйста,
Соколочек родимо́й брате́ц,
Ты скажи-ко мне, беднушке,
Ты куда да снаряжаешься,
Ты далеко́ ли отправляешься?
Аль ко праздничку годовому,
Аль на охотное гуляньице?
Сама знаю, сама ведаю,
Что у братца у родимого
Естя платьица не цве́тные,
А есте платьица умершие;

Он собирается-снаряжается
Он во матушку сыру землю,
Во сосновy гробову доску!
Братец красно мое солнышко,
Не сердись-ка ты, не гневайся
На меня, сестрицу милую,
Что не ходила я частешенько,
Не сидела подолгешенько
У труднóй твоей постелюшки,
У тяжелого зголовьица.
У меня-то ведь, у беднушки,
Не своя есть вольна волюшка,
Естя строгая свекровушка,
Больша немилая семеюшка:
Всюду наб пойти спроситися,
А прийти да объяснитися!
А теперь порушка ведь летняя
И страда да сенокосная,
Стало время недосужное,
На лужках травка посохнула,
А на полянках хлеба сыплются.
Я гналась, бедна горюшица,
За крестьянским житьем-жирушкой,
За ломовой работушкой.
Уж я тое умом думала:
Соколочек родимóй братец,
Он отборется от болюшки
Да от злодейноей смерётушки,
Да не оставит нас при горюшке!

Обращается к матери:

Уж где-то есть у мня, у беднушки,
Как горюша бедна матушка?
Уж скажи-тко мне, пожалуйста:
Как у братца у родимого,
У его как расставалася
Душа-то со бéлым телом,
А ясны очи со бéлым светом?
Ты закрыла бы окошечко,
Заложала бы воротичка,
Не пускала бы смерёточки!
Обещала бы смерётушке

Дать своих дойных коровушек
И тягловитыих лошадушек,
Всю бы жирушку домо́вую
Да всю запашечку годо́вую,
А не давала бы смерётушке
Своего сына бажёного!
Только знаю я, горюшица,
Эта смерть-то неподсудная,
А головка безрассудная!
Не увидла взять смерётушка
Как ни старого, ни малого,
Человека волокидного;
Она пришла да прикатилася,
У ворот не колотилася,
А у окошка не спросилася,
Прямо в и́збу к нам ввалилася!
Прикатилася потихошеньку,
Она брала поскорешеньку
Человека деловитого,
Из деревни брала первого,
В волости да не последнего,
От жены мужа законного,
От сирот-то малых детушек
Как кормильца брала батюшку,
У горюши бедной матери
Взяла сына-то любимого,
А у меня, бедной горюшицы,
Одного взяла единого
Моего братца родимого!
Я помолюсь, бедна горюшица,
Пресвятой я богородице:
«Пресвятая богородица,
Как ставлю свечки-то рублевые,
Я кладу пе́лены шелко́вые,
А ты вложи-тко, богородица,
Соколку́ братцу родимому
Во резвы́ ножки хожденьице,
В белы рученьки влажденьице,
В ясны очушки прозреньице,
А во уста проговореньице!»
Братец красно мое солнышко,
Ты ставай-ко на резвы ноги,

Ты стречай-ко гостью дальнюю,
Ты сестрицу долгожданную!
Без тебя ли, братец-солнышко,
Как не стречают меня, беднушку!
Была гостья не унимана,
Цветно платье не складывано,
Уж я не кормлена, не поена,
А пришла с волока усталая!
Как отвечала мне-ко, беднушке,
Пресвятая богородица:
«Уж как глупая ты женщина,
А неразумна молода жена,
А когда был у тя во живности
Соколок твой родимой братец,
Так ты не господу молилася,
А в добры люди всё хвалилася,
Что есть умное-разумное,
Ты одно у меня бажёное;
А как век тое не водится,
Что с мертвых да живы ставятся!»

Обращается к соседкам,
которые «унимали» плачущую:

Не жалейте, люди добрые,
Вы соседки порядовые,
У мня личко не бумажное,
У мня слезы не жемчужные!

Опять обращается к покойному:

Ты послушай-ко, пожалуйста,
Соколочек родимой братец,
Попытала я упрашивать,
Попытала уговаривать,—
Не женись ты в роду в племени:
Как где родство-то вместо сходится,
Тута век добра не водится,
Тут вдовеют молоды жены,
Сиротают малы детушки.
А вы суда божья не рушали,
Меня, бедну, не послушали,
Вы сошлись, поторопилися,
Вы законамы связалися,

Вы венцамы повенчалися,
Вы мало жизнью наслаждалися!
Тут разбила жизнь смерётушка!
Сиротать да приосталися
Твои маленькие детушки,
Цело стадушко гусиное!
Один в зыбочке качается,
А двое по избе шатаются,
А еще есть призаведено,
Есть на белый свет даваетcя.
Их кто станет кормить-поить?
Нет запасов у вас великиих,
Естя в хле́бах недопашечки,
В житье в жире недостаточки;
Как находятся жадо́бные
Как по заложенным воротичкам,
По закрытыим окошечкам,
По суседам порядовыим!
Кто приласкат — так тот и батюшка,
Кто приголубит — тот и дядюшка.
Только мне, бедной горюшице,
Будет жаль да мне тошнёшенько!

Обращается к невестке, жене брата:

Ты послушай-ко, пожалуйста,
Как невестушка ветляная,
А сестрица богоданая,
Ты вдова многопобедная!
Уж ты не дай-ко сердцу слабости,
А повозро́сти своих детушек!
Только ты, моя голубушка,
Приосталася, победная,
Хоть в годах да ты в молодыих.
Только живи, моя голубушка,
Ты пониже шелково́й травы,
А потише ключево́й воды,
Ты на крыле́чко не выскакивай
Да в окошко не выглядывай,
Про молодых людей не спрашивай;
Приложи-тко ты заботушку
К своему да житью-жирушке,
Ко крестьянской ко работушке,

Как вдовить вдове по-доброму,
Как рукава носить по-долгому!

Вносят гроб:

Вам покорно благодарствую,
Гробовщики да вы строители,
Телам мертвым украсители!
Вы честно́ ведете, именно,
Моему братцу любимому
Домовище вы устроили,
Мое сердце успокоили!
Как ты, родитель моя матушка,
Ты станови столы дубовые,
Клади скатерти ты браные,
Клади яства по возможности,
Угощай ты дорогих гостей,
Гробовщиков да ты строителей.
Как вы, суседи порядовые,
Извините-ко, пожалуйста,
Вы за яствушка саха́рные,
А за напиточки за хме́льные:
Во дому нету хозяина,
Нет по дому распорядчика,
А во семеюшке наживщика!
А вы садитесь-ко, покушайте
Хлеба-соли без взыскания!
Соколочек родимо́й брате́ц,
Как скажи-тко мне-ко, беднушке,
По уму ль тебе, по разуму
Это витое-то гнездышко,
Да и хоромное строеньице?
Сама знаю, сама ведаю,
Что витое-то гнездышко
По низу́ не обложеное,
По середочке не мшоное,
По верху не шеломченое
Да внутри не отепленое!
Нет брусовых белых лавочек,
Нет косящатых окошечек,
Нет кирпичной теплой печушки;
Только доски-то сосновые,
Как бы дубовая колодина!

Так не сердись-ка ты, не гневайся,
Соколочек родимо́й брате́ц,
Как были бы, у беднушки,
У мня денежки лежалые
Да кабы людюшки хожалые,
Так я бы съездила, горюшица,
На ты горушки стекольные,
Привезла бы братцу ро́дному
Я бы гробики хрустальные,
Положили бы жадо́бного
Как во тых гробах хрустальныих
Мы бы в комнатки в особые
Да на леднички холодные,
Чтобы телушко не тратилось,
Бело личушко не спортилось!
Когда вырастут-поднимутся
Как сердечны твои детушки,
Как откроют тые гробики
И посмотрят жадо́бные
Кормильца света батюшку.
Ты невестушка ветляная,
А сестрица богоданая,
Нам не видать гробов хрустальныих!
Ты возьми, моя голубушка,
Лист бумажечки гербовую,
Писарей возьми умильныих,
Рисователей учтивыих,
Нарисуй, моя голубушка,
Моего брата родимого,
Своего мужа законного
На лист-бумажечку гербо́вую!
Нарисуй-ко ты, пожалуйста,
Его телушко-то мертвое,
Его личушко-то блеклое;
Положи эту бумажечку
Во кленовую во горенку,
Ты на стенку на лицо́вую!

Гроб выносят из избы:

Не спешите-тко, пожалуйста,
Уж вы, премноги люди добрые,
Уж вы, суседи порядовые,

Кумовья мои любимые
И милы братцы двуродимые,
Выносить из дому,
Да из витого из гнездышка
Большака в дому, начальника,
А вы по дому распорядчика!
Прощайтесь-ко, пожалуйста,
Вы, суседи порядовые!
Вы простите, извините-тко
Моего братца родимого,
Если занято — не отдано,
А если отдано — не додано,
Если взято — не сознатося!
Ты прощайся, братец-солнышко,
Со своим ли витым гнездышком,
Со хоромным строеньицем,
Со всем крестьянским заведеньицем,
Уж ты со уличкой плановою
Да с площадкой подугольною!
Уж добры конюшки впрягаются,
Да извозчички снаряжаются.
Как наглядитесь, очи ясные,
Про запас до поры-времени
Как на братца на родимого:
Скоро час часу минуется,
От часу́ день коротается,
У нас гостюшко укатится,
Да бажёный потеряется,
А у нас-то, у бедных,
Кто же в доме оставается!
Твоя матушка старешенька,
Поясок носит слабёшенькой,
У ей силушка малешенька,
А сиротинки малы деточки
Будто клубышки катаются,
Будто червушки свиваются!

Похоронная процессия приближается к церкви:

Путь-дорожка короталася,
Божья церковь показалася.
Только сегодняшним де́нечком

Колоколы не забрякали,
У нас обедни не заказаны,
Панихиды не отслужены.
Пресвятая богородица,
Мы не воз везем с товарами,
А везем телушко мы мертвое
Моего ли братца ро́дного!

После отпевания·

Простояла я, проглупала,
А глазамы всё прохлупала
На украшеньица церковные
И на люстры золоченые!
Потеряла я, беднушка,
Соколка братца любимого.
Он покорно благодарствует
Вам, попам-отцам духовныим,
И вам, служителям церковныим,
Что вы честно́ ведете, именно
И на честь, хвалу великую.
Я стояла да заметила,
Что попы поют — мешаются,
Дьяки читают — усмехаются
И подаянья не начаются.
Вы, попы-отцы духовные,
Обождите-ко, пожалуйста,
Как повырастут бажёные
Сыновья его любимые,
Вам вдвое́-втрое́ повыплатят!

На могиле:

Вы, могильные копатели,
Вы, телесны погребатели,
Не копайте глубокошенько,
Не зарывайте-ка плотнешенько
Моего братца любимого!
Как придут маленьки детушки,
Они желты́ пески повыроют,
Кормильца батюшку повыздынут
Со матушки сырой земли!
Братец красно мое солнышко,
Уж ты меня прости, ко мне гости́,

Уж ты гостѝ-тко, братец-солнышко,
По суббо̀тушкам вселенскиим,
А ты по дням по воскресенскиим!
Дожидаться буду, беднушка,
Я у струистой речки быстрою;
Не настойся-ко, ясён сокол,
Ты у рек за переходамы,
А у ручьев за перебродамы.
Уж ты скажи-тко мне-ко, беднушке,
Ты когда в гости посулишься,
Ты по утрышку ль по раннему,
Аль по вечеру по позднему?
Ты каким путем подоймешься?
Если конем, так я коня куплю,
Как пароходом — пароход найму!
Охти, мнешенько тошнешенько!
А не видать мне будет, беднушке,
Да не дождаться мне, горюшице,
К себе гостюшка любимого,
Братца милого, родимого!
Придут празднички годо́вые,
Так у меня слезыньки готовые,
Опристанут ножки хо́дячи,
А белы рученьки подно́сячи,
Нелюбимых гостей ко́рмячи!
Не будет гостюшка любимого,
Соколка братца родимого;
Мне во снях-то не покажется
И наяву мне не появится!
Всё желаньице в сырой земле,
Вся отрада в гробовой доске!

ПЛАЧ ПО МУЖУ

Не доли-тко меня, беднушку,
Как злодейная обидушка,
Допусти-тко меня, беднушку,
Как к удалой-то головушке,
Ко венчальной ко семеюшке,
К своему мужу законному!

Свысока мне не набаяться,
Сдалека мне не накликаться:
Подойти-ко мне близешенько,
Поприсесть-ко мне низешенько.
Как скажи-ко ты, пожалуйста,
Уж ты куда да собираешься,
Уж ты куда да снаряжаешься?
Ты ко праздничку ль годовому
На охотное гуляньице?
Сама знаю, сама я ведаю —
У уда́лой-то головушки,
На ём платьице не цве́тное,
На ём платьице печальное.
Как сегодняшним де́нечком,
По утрышку по раннему
Пришла скорая смерётушка
К моему мужу законному!
У ворот не колотилася,
У окошка не спросилася,
Да пришла потихошеньку,
Брала поскорешенько
Его свет со ясных очей
И крест со белых грудей
И оставила мне, беднушке,
Много маленьких детушек:
Одно в зыбочке качается,
Друго по избе шатается;
Есть и третье призаведено,
На божий свет давается.
Как скажи-тко ты, пожалуйста,
Нас кто станет кормить-поить,
Как поля не посеяны,
Стоги не напаханы
И закрома не насыпаны?
Уда́лая головушка,
Я со смерётушкой не ряди́лася,
Я с лихой не сговорилася:
Как давала я смерётушке
Свою дойную коровушку
Да свою тяглую лошадушку,
Свои цве́тные-то платьица
И жемчужны ожерельица!

Давала я смерётушке
Своих маленьких детушек!
Скоро-гордая смерётушка
Ни на что не согласилася,
Она взяла да прибрала
Моего мужа законного,
Большака с дому, надельника
И по дому распорядника!

В дом вносят гроб:

Вот послушай-ко, пожалуйста,
Как сговорная семеюшка,
По уму тебе, по разуму
Уж как вито это гнездышко
Да хоромное строеньице?
Сама знаю, сама ведаю,
Самой можно догадатися:
Это витое-то гнездышко
По низу́ не обложёное,
По серёдочке не мшоное,
По верху не шеломчёное;
Нет брусовых белых лавочек,
Нет косивчатых окошечек!
Как были бы, у беднушки,
У мня денежки лежалые,
Были б людушки хожалые
У меня, бедной горюшицы;
У мня ручки не простешеньки,
У мня ручки попризаняты.
Одолели меня, беднушку,
Мои маленькие детушки.
Да за твою услугу верную,
За работку неизменную
Я бы съездила, горюшица,
В города бы я во дальние,
На заводушки стеклянные,
Привезла гробы хрустальные.
Положила бы жадобного
Я во комнаты в особые,
Я на леднички холодные,
Чтобы телушко не тратилось,
Бело телушко не портилось.

Когда сто́снется да сбидне́тся,
Я сходила бы, горюшица,
К своему мужу законному
На совет да думу крепкую!
Не серди-кося, не гневайся,
Как удалая головушка,
Как беднота наша несчастная,
Житье-жира горегорькое:
Всё не сделаешь по разуму.

Призывает детей:

Как вы сердечны милы детушки,
Глупы малы недоросточки,
Подойдите-тко, пожалуйста,
Вы к кормильцу свету батюшке,
Попросите-ко прощеньица,
Попросите-тко у господа,
Чтобы дал ему господи
Во резвы́ ножки хоженьице,
Во белы́ ручки движеньице,
Во уста проговореньице,
В ясны очушки прозреньице!
Не по закону, не по правилу
Взял жены мужа законного,
А у сиро́т кормильца батюшка.
Ведь у нас теперь, у бедныих,
Опустело вито гнездышко!
Уж вы по́ миру находитесь,
По подокошкам нашатаетесь,
Вы куска насобираетесь.
Уж как удалая головушка,
Ты меня прости,
Ко мне гости́.
Как гости-ткося, пожалуйста,
По субботкам по вселенскиим,
Ты по дням по воскресенскиим,
По обедам поминальныим!
Дожидаться буду, беднушка,
У перистого крылечушка,
Если так ты не подоймешься,
Подгоню, бедна горюшица,
Я улёта коня доброго,

Посажу, бедна горюшица,
Я извозчика молóдого,
Твоего сына родимого!
Если так ты не подоймешься,
От своих я слез горючиих
Пропущу я речку быструю,
Как я сделаю, горюшица,
Из обидушки я лодочку,
Из кручинушки весёлышки!
Сама сяду я на коромушку,
Своих малéньких детушек
Посажу я во весёльники;
Если так ты не подоймешься —
Теперь времена переменилися
И люди умудрилися, —
Так я пошлю, бедна горюшица,
К тебе машину сухопутную!
Только знаю, тое ведаю,
Как со этой со сторонушки
Нету конному-то выезду,
Нету пешему-то выходу,
Нету птиченькам-то вылету!
Крепки сторожи поставлены
И замочики повешены.
Как эти стóрожи не старятся,
И замочики не ржáвеют,
Воротá не поломаются,
И ключи не потеряются!
Как удáла ты головушка
Приоставил мне-ка, беднушке,
Лист бумажечки гербовые
И конверточки клеймёные,
Мне-ка пёрышки гусиные,
Карандашики чернильные.
Напишу, горюша бедная,
Скорописчатые грамотки!
Попрошу тебя, пожалуйста,
Кажду круглую неделюшку
Дожидать буду ответушку.
Только знаю, только ведаю:
Как со будущего векушку
Не дождаться мне ответушку:

Времена переменилися,
Почтальоны заленилися!
Еще скажи-ко, пожалуйста,
Как удалая головушка,
Уж мне вдовой жить
Али замуж пойти?
Как вдоветь вдове по-доброму,
Рукава носить по-долгому
И в окошко не поглядывать,
На крылечко не выскакивать.
Наб скрепить сердце ретивое,
Понабраться ума-разума,
Повозрóстить своих детушек.

Умершего кладут в гроб:

Не спешите-ко, пожалуйста,
Мои братья двуродимые,
Зятевья мои любимые,
Все сродцы и все сроднички
И соседи порядовые!
Вы силом меня обсилили,
Грабежом меня ограбили
У жены мужа законного,
У детей кормильца батюшка!
Я осталася, горюшица,
Беззащитна молода вдова.
Как удалая головушка,
Ты сговорная семеюшка,
Ты прощайся-тко, пожалуйста,
Со своим ли витым гнездышком,
И с кирпичной теплой печушкой,
И с сеняма колесистыма,
И с сараем хоботистыим.
Тебе больше не хаживать!
Как прощайся-ко, пожалуйста,
Со милой скотинушкой,
Как прощайся-ко, пожалуйста,
Со улицей плановоей,
Со площадью сторублевоей
И с порядовыма суседама!
Как суседи порядовые
И суседи подугольные,

Вы прости-ткося, пожалуйста,
Моего мужа законного,
Если заняли — не отдали,
Если отдали — не додали,
Если взяли — не созналися!
Спасет бог вас, благодарствует,
Что честно́ ведете, имянно
Моего мужа законного!
Я за ваше снисхожденьице
Приношу благодареньице!
Не оставьте-тко, пожалуйста,
Моих миленьких детушек;
При нужде нашей, при горести
Уж будьте вы наши помощники.

При подходе похоронной процессии к церкви:

Путь-дорожка скороталась,
Божья церковь показалась.
Как не радуйся, пожалуйста,
Пресвятая богородица,
Как не воз идет с товарама,
Не другой да со покупкама,
Везут телушко-то мертвое,
Личушко-то блеклое,
Вослед идут, шатаются
Сироты да малы детушки!

После отпевания в церкви:

Спасет бог вас, благодарствует
Как попам-отцам духовныим,
Вам, служителям церковныим,
Что честно́ ведете, имянно!
Только знаю, только ведаю,
Как попы поют, мешаются,
Дьяки читают, усмехаются,
Подаянья не начаются!
У меня, бедной горюшицы,
Одна нужда да горе бедности!
Только я, бедна горюшица,
По сегодняшнему де́нечку
Пришла в церковь во соборную,

Становилася я, беднушка,
Не к дверям я дубовыим,
Я не к липенкам сосновыим,
Становилася, горюшица,
Я точь да во ясны́ очи
Пресвятой да богородицы!
Обещала богородице:
Поставлю свечки я рублевые,
Кладу пелены шелковые,
Отпусти-тко, богородица,
Мне удалую головушку,
Что сговорную семеюшку
Обратно в витое к нам гнездышко!
Там пустым у нас пустешенько;
Там во том углу пустешеньком
В другом да порознешеньком
На середочке сироточки,
Глупы малы недоросточки!
Отвечала мне-ка, беднушке,
Пресвятая богородица:
«Уж как глупая ты женщина,
Неразумна молода жена,
Уж как век того не водится,
Что из мертвых живы становятся.
Когда был у тя во живности
Твоя удалая головушка,
Ты не господу молилася,
А во добры́ люди хвалилася,
Что есть умная, разумная,—
Он вином не напивается,
Он табаком не занимается,
А всё трудился да маячился
На крестьянской на работушке!»
Кола́ камушек мужа богатого
Он истратил свою силушку,
Погубил свою головушку,
Приоставил нас, беднушек,
На веко́вое скитаньице!

Плачет у могилы:

Как удалая головушка,
Ты, сговорная семеюшка,

Я с тобою не расстануся,
И от тебя я не останусе;
Я пойду, бедна горюшица,
Во матушку сыру землю,
Только жалко мне тошнехонько
Своих маленьких детушек!

При опускании в могилу:

Не спешитесь-ко, пожалуйста,
Милы братцы двуродимые,
Кумовья мои любимые,
Вы могильные копатели,
Вы телесны погребатели!
Попрошу, бедна горюшица:
Не копайте глубокошенько,
Не закрывайте-тко плотнешенько!
Когда стóснется да сбúднется,
Я приду, бедна горюшица,
Я отрою матушку сыру землю,
Я открою гробову доску,
Погляжу, бедна горюшица,
На своего мужа законного,
Поспрошу, бедна горюшица,
Я совету — думу крепкую!

При зарывании могилы:

Охти, мне-ко тошнешенько,
Милы братьица родимые
И зятевья мои любимые,
Не спустили меня, беднушку,
Во матушку сыру землю!

ПЛАЧ СИРОТЫ ПО ДЯДЕ

Не несут да ножки резвые
Во перёное крылечушко.
По сегодняшнему дéнечку
Мои ножки подломилися,
От слез очи помутилися!

Преж сего было до этого
Как встречал желанный дядюшка
У крылечушка перёного,
У ступенчика у первого.

У тела покойного:

Мне-ка сметь ли поосмелиться
Как поближе поприблизиться
Как ко телешку ко мертвому,
Ко личушку ко блеклому;
Подойти мне поблизешенько,
Поприсесть-ко понизешенько.
Ты скажи, желанный дядюшка,
Мне с коéй зайти сторонушки:
С подвосточной аль с подзападной,
С полуденной аль с подсиверной?
Куда сесть мне-ка, горюшице,
Во буйну ли головушку
Аль во резвые во ноженьки?
Поприсяду я, горюшица,
Супротив сердца ретивого!
Как желанный ты мой дядюшка,
Попеняю я, поретую,
Посудьячу, пообидую
Как желанной моей дяденке,
Что мне не дала известьице
Ко душевну расставаньицу;
Хоть я поспела, поспешилася
Ко телесну погребаньицу!
Ведь я живу, бедна горюшица,
На чужой сторонушке,
Во невольной во неволюшке.
Мне-ка наб пойти проситися,
А прийти да доложитися.
Как получила отпущеньице,
Тогда шла, бедна горюшица,
День по красному по солнышку,
Ночь по светлому по месяцу.
Настоялася я, бедная,
Я у рек за переездамы,
У ручьев за переходамы,

У грязей за переброда́мы!
Как желанный ты мой дядюшка,
По пречистой по дороженьке
Мне две встретушки встречалися:
Перва встретушка — обидушка,
Друга встретушка — кручинушка.
Я обидушке скорилася,
Я с кручиной сговорилася:
«Не доли-тко меня, беднушку,
Как злодейная обидушка
И великая кручинушка!»
Как обидушка не слушала,
Одолила меня, беднушку!
Как желанный ты мой дядюшка,
Расскажу, бедна горюшица,
Про житье-бытье сиротское,
Про батрацко горе горькое:
Как отцовы дети, матерны
Идут со трудной со работушки,
Их встречают родны матушки:
«Проходи, моя жадо́бная,
У тя ноженьки усталые,
Белы ручки опристалые!»
Я иду, бедна горюшица,
Сирота да беззащитная,—
На меня вздыхают по-тяжелому,
Уж глядят не по-веселому,
Говорят да мне-ко, беднушке:
«Ты не работушку работала,
А только времечко коро́тала,
На работушке ленилася,
Едва́ до лавки дохватилася».
Одолит меня обидушка,—
У меня рот не отворится
Да язык не поворотится!
Как погляжу, горюша бедная,
На отцовых детей, матерных,—
Придет праздничек-гуляньице,
Воскресеньице-весельице.
Мне, бедной горюшице,
Придет праздничек-обидушка,
Воскресеньице-кручинушка!

Людям праздничкн годовые,
А мне давно слезушки готовые!
Как сиротные-то детушки,
Они на улице дурливые,
А в избушке пакостливые!
Как знать совушку по перушку,
Совьих детушек по крылушкам,
А сиротинку знать по платьицам:
На сове-то перьё пестрое,
А на сиротке платье розное!
У сиротных у детушек
Как головушка не гладится,
Волос к волосу не ладится!
Наглядитесь, очи ясные,
Про запас да пору-времечко
На желанного-то дядюшку.
Уже час часóм минуется,
Скоро время скоротается,
У нас гостюшко укатится,
Бажёный потеряется.
Унесут у нас, у бедныих,
Как желанного-то дядюшку
На буевку родительску,
На кладбúще человеческо!
Ты, желанный мой дядюшка,
Ты заступа была крепкая,
Заборонушка великая!
Заступался за меня, бедну горюшицу,
За молóду сиротиночку;
Обскажи-ка ты, пожалуйста,
Мне-ка в ком искать желаньице,
У мня нет тетушек-добротушек,
Нету бабушек желанныих,
Нет сестриц да доброродныих!
Есть братьица — мужско дело,
Есть невестушки — чужи бабы,
А желанна моя дядинка,
У ей сердечушко колóвое
Да желаньице часовое!

ПЛАЧ ПО СЫНУ, УВЕЗЕННОМУ НА ЛЕЧЕНИЕ В ГОРОД

Не несут да резвы ноженьки
Во перёное крылечушко,
Как во вúтое во гнездышко!
У мня в том углу пустёшенько,
А в другом да порознёшенько.
Как отпустила я жадóбного
Да своего сына любимого
На чужу-дальну сторонушку;
Не на охотное гуляньице,
Не на умное ученьице,
Поотпустила на леченьице.
Погляжу, бедна горюшица,
Уж я, матушка несчастная,
Висят платьица по стопочкам,
А фуражечки по гвоздичкам,
Лежат книжечки по столичкам
И тетрадочки по полочкам,—
Тута нет сына бажёного!
Как я то умом подумала:
Как сердечно мое дитятко
На струистой речке быстроей,
Может, в лодочке катается
Или в улочке шатается?
Как прихожу, горюша бедная,
Стоит лодочка у бережка,
А весёлышка на кóрмушке —
Тута нет сына бажёного!
Я еще умом подумала:
Может, красно мое солнышко
На разгул-широкой уличке?
Как выхожу, горюша бедная,
На уличку планóвую,
На дороженьку почтовую —
Ходят девочки станицамы,
Ходят мальчики толпицамы —
Тута нет сына бажёного!
Тут я еще умом подумала:
Верно, сердечно мое дитятко,
Верно, в конторе занимается?

Как посмотрю я, мать несчастная,
Во конторушке огни горят,
За столама писаря сидят,
Сидят счетчики-расчетчики —
Нету моего бажёного.
Как потом я спохватилася,
Что я недавно распростилася,
Отпустила я жадóбного
На чужу-дальную сторонушку!
Мы несчастны уродилися,
Что на тундрах поселилися:
Нет машин да сухопотных,
Пароходов скороходных.
Как струиста речка быстрая
Ледочкамы покрылася —
Путь-дорожка заградилася.
Дожидаться буду, беднушка,
Той вёснушки красивоей
Да и летушка-то теплого.
Придет вёснушка красивая,
Пора-времечко разливное,
Как снежочики повытают,
Да ледочики повынесет
Со матушки быстрой реки,
Так пойду, бедна горюшица,
Я на пристань на казенную.
Дожидаться буду, беднушка,
Я парохода скороходного,
Своего сына жадóбного!
А в эту пору, в это времечко
Пришла весточка нерадостна:
Мое красное-то солнышко
Во больницах белокаменных
На столах лежит на мраморных!
Доктора-то немилóстливы,
В них сердечки безжалóстливы;
Они ножичком булатным
Режут телушко бумажное
Моему сыну бажёному!
Ему там-то тяжелешенько,
Моему сердцу тошнешенько.
Я дома клубышком катаюся,

Сердце кровью обливается!
Вы найдитесь, люди смелые,
Распорите груди белые,
Посмотрите-тко у беднушки
На ретивоем сердечушке,
Там черняя чёрна ворона,
Посизея сиза голубя,
Запеклось да заварилося,
Всё сердечко истощилося!
Как умом было не думано,
Что прйдет зябель на сердечушко.
Как пред сего было, до этого
Как не думано, не гадано,
Как жена я, жена мужняя,
И ничем была не нужная,
Не видала я, беднушка,
Я в хлебе недопашечков,
В житье-жире недостаточков;
Было хлебушка по выпашке,
Милых детушек по участи.
Уж тут нежданно да негаданно
На нас бедушка свалилася,
Да несчастьице случилося!
Как одно у мня, единое
Тепло-красно мое солнышко,
Така болюшка случилася,
Отнялися резвы ноженьки
Уж тому времечка годов десяточек!
Как я ездила, смыкалася,
Я с расходом не считалася,
Городов я не боялася,
Волоков я не страшилася,
До людей я домогалася,
Людям в ноги поклонялася,
Всё здоровья добиралася
Своему сыну бажёному!
Уж я на то теперь решилася —
На его на вольну волюшку,
И отправила бажёного
На чужу-дальню сторонушку!

БЫТОВЫЕ, РЕКРУТСКИЕ И ПОХОРОННЫЕ ПРИЧИТАНИЯ, ЗАПИСАННЫЕ ОТ РАЗНЫХ ЛИЦ

ПЛАЧ ПО СЕСТРЕ

Со восточной со сторонушки
Подымалися да ветры буйные
Со громами да со гремучимя,
С моловьями да со палючимя;
Пала-пала с небеси звезда
Всё на сéстрицыну на могилушку!
Расшиби-ко ты, громова стрела,
Еще матушку да мать сыру землю!
Развались-кося ты, мать земля,
Что на все четыре стороны!
Сокройся-ко да гробова доска,
Распахнитеся да белы саваны!
Отвалитеся да ручки белые
От ретивого от сердечушка,
Разожмитеся да уста сахарные!
Ты промолви-ко, мила сéстрица,
Слово-то со мной ласково,
Слово-то со мной приветливо!
Еще я-то, мила сéстрица,
Во тоске живу, во кручинушке,
Без свого-то мила ладушки,
Со своими-то с малы детками.
Была-то у меня мила сéстрица —
Дума крепкая, слово ласково;
Была-то у меня мила сестрица —
Была ласкова, была приветлива...
Нанести-то на нас есть кому,
А пристать-то за нас некому!

Как была бы у меня мила сéстрица,
Постояла бы за меня горой высокою,
Постояла бы стеной да белокаменной.
Во сне-то мне ты не привидишься,
Наяву-то мне да не покажешься...
Прилети-ко, мила сéстрица,
Ко мне да горегорькою;
Уж ты седь-ко, мила сéстрица,
На окутьице да на окошечко.
Ты послушай-ко, мила сéстрица,
Горегорьких-то моих песенок:
Я живу-то, горегорькая,
Без батюшка без родимого,
Без родимой рóдной матушки,
Без свóго милóго ладушки!

ПЛАЧ ДОЧЕРИ ПО ОТЦУ

Приходила, молодёхонька,
Я к обиденке заздравной,
Соглядела-сосмотрела
Своего кормильца батюшка!
Не могла я, бедна сúрота,
Оглядети-осмотрети;
Уж я вышла, бедна сúрота,
На площадочку на красную,
На округу государеву;
Поискать да бедной сироте,
Мне-ка мистечка приметного —
Батюшкова домовищечка!
Пасти грудью на сыру землю,
Мне подать да свой взышóн голос
Под матушку да под сыру землю,
Под гробницу сыродубную,
Под тонкие да белы саваны
К своему кормильцу батюшку!
Солетайте с небес ангелы,
Вложите душеньку в бело тело,
Вложите свет да во ясны́ очú,
Живленьице да в ретиво сердцó,
Говореньице да в сахарны уста!

Стань пробудись, мой родимой батюшко,
От сна от крепкого,
От крепкого сна, от мертвого;
Хоть промолви ты единó слово
Со мной горюхой — сúротой!
Я пришла, бедна горюшица,
Тебя звать да в дорогú гостú,
Я во свой да благодатной дом;
Приди думушки подумати
И словечушко перемолвити,
Как мне жить, бедной горюшице!
Так скажи ж, родимой батюшко:
Ты когда придешь в дорогú гостú,
В кою пору, в кое времечко?
Середи ли ты белóго дня
Или в полночь-ночку темную,
Как добры люди улягутся,
Вси суседи успокоятся?
Мы с своей да горюхой матушкой
Будем ждать да дожидатися;
Мы бы вышли тебя стритити
Далеко да во чистом поле;
Приди думушки подумати
И словечушко перемолвити,
Как нам жить будет, горюшицам,
Во сирочстве да во бедности!
Мы слывем, дети сиротские,
Вольница да безугрозница;
Хоть говорю я, бедна сúрота,
Свою мысель потешаючи;
Хоть и плачу, бедна сúрота,
Свое сердцо надсажаючи,
Можно знать да можно ведати,
Не бивать да ключу нá воде!
Не сплывать камню поверх воды!
Не бывать кормильцу батюшку
В своем доме благодатноем!
Из орды есть выхожатели,
От неволи откупаются;
Из-под матушки сырой земли
Нету выходу и выезду,
Нету пешего и конного,

Ни дверей нет, ни лазеечки;
Ни косещата окошечка,
Никакого проповещичка!
Не придет, родимой батюшко,
Во свой да благодатной дом,
К своим горюхам бедным!

ПЛАЧ НЕВЕСТЫ НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Выйду я на широкую долину,
Зайду на высокую могилу,
Попрошу благословленьица
У желанной своей матушки!
Со которой зайти да со сторонушки?
Со левую сторонушку —
Меня осудят народ да люди добрые;
Неучёная, скажут, неторёная;
Зайти со правую сторонушку —
Так там стоят стережа́тые да бережа́тые;
Тут хранят ю да и милуют;
Мне зайти, бедной сиротинушке,
Супротив бела́ лица
Да супротив ретива сердца!
Вы развийтесь, ветры буйные,
Раскатитесь, белы камешки!
Раскуйтесь, гвоздики шеломчатые,
Покажись-ко, гробова доска,
Развернись-ко, белой саван!
Отокройтесь, очи ясные,
Сговорите, золоты уста!
Благословите меня, си́роту,
Счастьем-таланом наделите!
Погляди, родима матушка:
Налетело лебедей стадо,
Все стоят да ведь лебедушки
Белехоньки да веселехоньки;
Одное-то белой лебедушки
Подрезано да ретиво́ сердцо́,
Подшиблено да право крылышко!
Так узнавай, родима матушка:
Твоя пришла да дочка милая

Со голубушкам милым сестра́м,
Со подруженькам заду́мныим!
Ты скажи, родима матушка,
Мне, горюхе бедной си́роте,
Приходил ли к тебе батюшко,
Спросился ли он, доложился ли
Меня верстать да во чужи люди,
На чужу́-дальну сторонушку?
Так приди, родима матушка,
Ты во свой да благодатный дом,
На мою на свадьбу горькую,
На горькую да на сиротскую!
Уж ты скрась-ко свадьбу горькую,
Взвесели свадьбу сиротскую
Со честным благословленьицем,
Со сердечным наделеньицем!
Да ты выкупи меня, выручи
Из неволюшки великия!
Мне бы очень не хотелося
Нонь идти да во чужи люди!
Охти мне да мне тошнешенько,
Как не слышит меня матушка,
Знать, прогневалась на горькую,
На мою участь несчастную!
Хоть говорю я, бедна си́рота,
Свою мысель потешаючи,
Хоть и плачу, бедна сирота,
Свое сердце надрываючи,
Свое сердце надсажаючи,
Можно знать да можно ведати,
Не бивать да ключу на́ воде!
Не сплывать камню поверх воды!
Не бывать родимой матушке
В своем доме благодатноем!
Из орды есть выхожатели,
От неволи откупаются;
Из-под матушки сырой земли
Нету выходу и выезду,
Нету пешего и конного,
Ни дверей нет, ни лазеечки;
Ни косещато окошечка,
Никакого проповещичка!

Не придет, родима матушка,
Во свой да благодатной дом
Ко своим горюхам бедныим!

По возвращении с погоста домой,
обращается к девицам и вопит:

Перестаньте, люди добрые,
Хоть на час да призатихните!
Что мине-то, бедной си́роте,
Причу́лось да прислышалось:
Как на улице широкой
Вдруг добры́ кони затопали,
Тосмены узды забрякали,
Шелковы́ плети защёлкали,
Новы сани раскатилися,
У ворот кольцо забрякало
И ворота растворилися,
К нам на двор гости приехали!
Где-то есть у бедной си́роты,
Сироты у горегорькия,
Родимой мой батюшко,
Родимой да жалостливой!

Затем, обращаясь к отцу, продолжает:

Отходи, родимой батюшко,
Прочь от печеньки кирпичныя,
От шесточка от муравлена;
Выходи, родимой батюшко,
На мосты да на калиновы;
Ты стричай да дорогу гостью,
Свет родиму мою матушку!
Не от ветру, не от вихоря
Светла свитлица растворилася,
На пяту да становилася:
Зрадуйся-тко, ретиво́ сердце!
Возвеселись, да буйна го́лова!
Бог дает да дорогу́ гостью,
Дорогу гостью сердечную
Из-под матушки сырой земли,
С-под гробницы сыродубовой
Со че́стныим благословленьицем,
Со сердечным наделеньицем!

Так благослови, родима матушка,
Меня, горюху бедну сироту,
Хоть не въявь да людям добрыим,
Таючи да от добрых людей
Меня богом, божьей милостью,
Пресвятой да богородицей!

Выходя на середину избы,
благодарит невидимую гостью:

Тебе спасибо, мила матушка,
На честно́м благословленьице,
На сердечном наделеньице!
Как твое-то благословленьице
На огне оно не горело,
На воде да не тонуло,
В чужих людях оборонило —
Оборонюшка великая!
Так подари-тко мне, моя матушка,
Подари мне золотой казны;
Выкупи меня да и выручи
Из неволюшки великой,
Из места из невольного,
Из невольного, почётного!
Я б осталась, бедна сирота,
Жить в душах я красных девицах!
Бог суди родиму батюшку,
Что поспешился, пото́ропился
Со мной, горюхой, во чужи люди!
На что кинулся он, бросился,
На именье ли богачество,
На хоромы ли высокие
Аль на ихну золоту казну?
Сама знаю, молодёхонька,
И слыхала, бе́дна си́рота,
Со стороны да от добры́х людей
Про чужу-дальну сторонушку,
Про злодиев-то чужих людей,
Что на них нету славы добрыя,
У их богатство — небогатое,
У их иминье — середо́вое,
Золота казна ведь счетная,
У их земля нехлебородная,

Поля гористые, да каменистые!
Повыбрал мне судьбину божью,
Не под лицо мне, красной девушке,
Не под плечо мне, молодёхоньке!

Обращается к отцу:

Родимой мой батюшко!
Ты сади-тко дорогу́ гостью
Под переднее окошечко,
Под святые под апостолы,
Почести́ гостью, попотчивай!

Подают пиво и водку;
взявши стакан или чашку в руки,
сирота вопит к невидимой гостье:

Родима моя матушка
Наталья свет Ивановна!
Тебе добро принять-пожаловать
Стакан да пива пьяного,
Чарочку да зелена вина
От меня, от бедной си́роты!
На здоровье тебе выкушать!
С нашего да пива пьяного
Не болит да буйна го́лова,
Не щемит да ретиво сердцо́,
Весело да напиватися
И легко да просыпатися!..
Хоть говорю я, бедна сирота,
Свою мысель потешаючи,
Хоть и плачу, бедна сирота,
Свое сердце надрываючи,
Свое сердце надсажаючи,
Можно знать да можно ведати,
Не бивать да ключу на воде!
Не сплывать камню поверх воды!
Не бывать родимой матушке
В своем доме благодатноем!
Из орды есть выхожатели,
От неволи откупаются;
Из-под матушки сырой земли
Нету выходу и выезду,
Нету пешего и конного,

Ни дверей нет, ни лазеечки;
Ни косещата окошечка,
Никакого проповещичка!
Не придет родима матушка
Во свой да благодатной дом,
Ко своим горюхам бедныим!

ПЛАЧ СВЯТОЗЕРСКОЙ КРЕСТЬЯНКИ ПО РЕКРУТУ

Ты прощай-ко, мое рожоное милое дитятко,
Моя любимая удалая наживная головушка!
Как обневолили тебя не в порушку, да не во времечко,
Моего полетного, ясного сокола,
Из-под моего правого крылышка!
Ты пойдешь, моя любимая, удалая, наживная головушка,
На чужую-дальную сторонушку,
Что ль по дальней широкой дороженьке;
Шириной дорожка тридцать сажень,
Долиной дорожка — конца краю нет!
Ты вспомни-ко свою любимую домашнюю крестьянскую жирушку,
И ты вспомни-ко меня, престарелую многопобедную головушку!
И как придут-то честные годовые воскресные владычные праздничкн;
И как наступят любимые веселые крестьянские гуляньица,
Хороводы да игрища;
Как пойдут-то молодые, удалые добрые мóлодцы,
Что ль твои ли сотоварищи;
Уж как я, многопобедная головушка,
Я, горюша горегорькая,
Как я сяду-то под свое любимое косящато окошечко,
Я покукую кокушицей,
И как вспомню про тебя, мое рожоное дитятко,
Моя наживная, удалая головушка,
Мое солнышко закатное,
Моя звездочка ненаглядная!
Ты не дай-ко, боже-господи,

Нам живого расставаньица
С моим милым-любимым дитятком!
И как есть-то мне тошнешенько,
И как есть-то мне больнешенько,
Моему сердцу ретивому!
И как придет-то теперь времечко,
Что ль весна придет да красная,
Придет летушко ли теплое,
Как-то встану я, многопобедная
головушка,
Со своим со малыим рожоныим дитятком?
Как я стану обрабо́тывать
Свою землю хлебопашеством,
Сво́и поженки прокосные,
И луга-нивы продольные,
Все поречья и все за́речья,
Все мелки кусты-кустарнички,
Все лазуревые алые цветики?
И ты, любимая удалая головушка,
Ты уведомь меня бедную,
Мать, горюшу горегорькую,
Писемцом либо грамоткой,
Или ласковым словечушком!
И ты не помни, мое милое,
Всех житейских моих грубостей;
И ты вспомни-ко, рожоное,
Мои ласко́вые словечушки!
И как я, многопобедная,
Я, горюша горегорькая,
Попрошу царя небесного
И земного вседержителя,
Чтоб открыл он тебе ученьице
И всю службу государеву!

ПЛАЧ ПО СЫНУ-РЕКРУТУ

Систь было мне, горюшице,
Бедною да горегорькою,
Мне под красное окошечко,
Мне на лавочку дубовую,
Ко прибоинке кленовою,

К своему да сыну милому,
К сыну милому-любимому,
Мне в остатние, в послидние!
Уж ты, мило мое дитятко,
Ты бессчастное родилося,
Бессчастное да бесталанное!
Куды спешишься да торопишься
Изо своéго ты дому благодатного,
Изо светлой изо светлицы,
Из новы́й да новы горницы?
Без тебя, да мило дитятко,
Отемнеет светла светлица,
Опустает дом-подворьицо!
Ты подёшь, да мило дитятко,
Не в любимую да путь-дороженьку,
Не в любимую — во дальную,
Во дальную да во печальную,
Ты во службу-то во царскую,
Во царскую да государскую,
Во солдаты новобранные!
Так ты послушай, мое дитятко,
Что я тебе буду наказывать,
Пословéчно наговаривать:
Когда стоскнётся тебе сгорю́хнется,
Как ты подёшь, да мило дитятко,
На ученье то великое,
Так примечай-ко, мое дитятко,
Со которые сторонушки
Так подует ветер буйной-от:
Как с полуденные подует-то,
Так гляди-тко письма-грамоты
От меня-то, от горюшицы;
Так напишу я, бедна горькая,
Напишу письмо-грамоту
Я не на гербовой бумаге,
Не пером да не чернилами —
По горю́ да горючим слезам!
Ты возьми, да мило дитятко,
Ты возьми да письмо-грамоту,
Ты возьми да на белы́ руки́,
Ты прижми да к ретиву сердцу,
Что пришло мне письмо-грамотка

С моей роди́мы сто́роны,
От родимыя от матушки,
От кормильца-то от батюшка,
От соколов от братьев милыих,
От голубушек милы́х сестер,
От соседей от соседушек
И от соседних милых детушек!
Ты скажи-тко, мое дитятко,
Когда посулишься в доро́ги гости́ —
О господнеем о праздничке,
Поутру ли ты ранёшенько,
Ввечеру́ ли ты позднёшенько
Или середи бела дня?
Так я буду ждать да дожидатися,
Выходить буду частешенько
Я на красное крылечушко;
Я глядеть буду поглядывать,
Что нейдёт ли мое дитятко
Из дальние да из дороженьки,
Из городов-то понизовниих,
Понизовниих украйниих,
Из солдатов новобраныих?
Ты простись, да мило дитятко,
Ты с соседям и с соседушкам,
И со красным со девушкам;
Поблагодари, да мое дитятко:
На беседе на смиренноей
Как оне тебя да прилещали,
Неприятным словам да называли,
Оне некрутом считали!
Как ты при́дешь, да мило дитятко,
Во свой во дом да благодатной-от,
Ты придёшь больно не весёл,
Буйну голову повесил!

ПЛАЧ ПО МАТЕРИ

Еще как-то мне, горюшечке,
Без тебя-то жить будет?
Все ветры повинут,
Все люди помолвят

Да меня ограянут!
Снесможнехонько мне, горюшечке,
Ходить по сырой земле
С такого горя великого,
С печали со кручины!
Куда мне кинуться,
Куда мне броситься?
Али в тёмные леса —
В темных лесах заблужуся,
В лесу зашатаюся!
А неможнехонько молодешеньке
По сырой земле ходити,
На красное солнышко глядети!
Ознобила ты, кормилица,
Без морозу без лютого,
Ознобила, родитель матушка,
Без вьюги, без мятелицы!

ГОЛОШЕНИЕ МАТЕРИ НА МОГИЛЕ ВЗРОСЛОЙ ДОЧЕРИ ПОСЛЕ ОТПЕВАНИЯ

Отлетела наша чистая ли горличка,
Отлетела щебетунья наша птичечка,
Что ко господу ли богу ее душенька,
К милостливому Исусу на живленье.
Во его врата святые во спасенье!
Ты простилась со любимой своей горенкой,
Ты со мной ли, со родимой своей матушкой!
Ты великое мне горюшко да сдияла,
Вон из телушка мою ты душу выняла!
Я ль тебя, горюша мать, да не любила?
Николи тебе я грубным словечком не сгрубила,
А и утрышком раным я рано не сбудила!
Я взлелеяла тебя, мое дитя родное,
Ты мое желанное ли чадо дорогое!
Я тебя вскормила кушаньем сахарным,
А поила-то я питвицем медвяным!
Аль покрутушек я для тебя жалёла,
Аль тебе моя заботушка да не довлела?
Ты покоилась на мягкой на постелюшке,
Ты валялась в пуховой перинушке! —

Так почтó же нас ты рано покидаешь,
На кого нас, дитятко, здесь оставляешь?
Аль тебя подруженьки да разобидели,
Аль поклон тебе на уличке не сдияли?
Али добры молодцы тебя да óбошли,
Что тебе забавушки во ум давно не шли?
И простилась ли навек с своим ты гнездышком,
А позналася семья твоя вся с горем-горюшком,
Как тебя из избы унесли, нашу лапушку!
Ты прости ли навек, девынька родимая,
Ты мое рожоно ли дитя любимое!
Уж не держут меня ножки резвые,
Подкосились оны, что трава под косой;
В ясных оченьках помутилося,
Во мыслях ли моих распалилося,
Красно солнышко мое закатилося!
Ясны звездочки за облачки туляются,
Громы-молнии на небе разряжаются,
На могилушке-то матушка убивается,
Она горькими слезьми что заливается!
Не воротится что красное-то солнышко
С окиян-моря да после-то закатушка!
Не вернуть и мне, горюше горегорькоей,
Что своей ли ненаглядной дочи родноей!
Буду я да на могилушку учащивать,
Буду зде-ка долго-пóдолгу угащивать:
Я по дитятке творить ли поминание,
Для ее ли душеньки во вечное спасение.
А подруженькам твоим раздам я пóкруты,
Раструбúсты сарафаны, шёлком вышиты.
Чтоб оны за твою душеньку молилися,
Чтобы свéчи в болтаре тебе теплилися;
Чтоб ходили на могилушку частешенько
Ранней порушкой что утрышком ранешенько;
Чтобы все тебя подруженьки не забывали,
На беседушках горюшу б вспоминали!
А меня пускай возьмёт скорей смерётушка,
Без тебя мне жизнь не в жизнь, рожона детушка:
Уж я старая сталá совсем старешенька,
Во крестьянскую работу негоднешенька;
Мне бы преж тебя, белóй лебедушки,
Что лежать да спать в дубовой ли колодушке:

Никому на свете я теперь не нужная,
Ни на что про что теперя и не годная!
А придет как мне-то скорая смерётушка,
Кто закроет мне-то тусклы мои очушки
Без тебя-то, дочи-то моей родимоей,
Без тебя, рожоно дитятко, любимоей?
Ох, уймись, уймись ли, сердце бедное,
Образумься ли, головушка победная!
Отвались от грýдей что тяжёл свинец,
Дай закрыть глаза ты мне на белый свет!
Расступись, развались, мать сырá земелюшка,
Дай мне места не сомножечко в своих недрушках!

ПОМИНАЛЬНОЕ ПРИЧИТАНИЕ ПО РОДНОЙ ТЕТКЕ

Как сегодня, сёго денечка господня,
Что во светлой-то во свéтличке,
Во столовой новой горенке
Сидят гостюшки всё званые,
Гости званые и жданые!
На столе стоят всё кушанья выбрáные
А и питьица стоят медвя́ные.
Что же, гостюшки, вы приуныли,
Что ж, желанные, вы не шутили?
Али свадьба тá да не пóлюби?
Где ж княгинюшка здé вó доме?
Не сростáло-то в большом углу,
Не сростало деревцо сахáрное,
Друго деревцо что виноградное?
А сидит-то во большом углу
Что родитель наш ли дядюшка.
Одинёшенек сидит — кручинится,
Словом едныйм ни с кем-то не обмолвится!
И на праздничек тó не похоже,
Так и гостюшек сретать негоже!
Нет, не свадьбушка тý собирается
И не праздные ту гости спотешаются,
Тут кручинушка великая справляется,
Горе горькое-то здé-ко изживается:
Схоронили мы родиму нашу тетушку,
Сёму дому именитому хозяюшку!

Как же гостюшкам не тосковатися,
Как родимыим не сокрушатися,
Роду-племени не ужасатися,
Малым детушкам не убиватися?
Без нее в домй всё здесь нескладно:
И пирог-то выпечен неладно,
И столы дубовы пошатйлись,
А и питьица на них пролйлись!
А робятушки на лавочке голóдны,
А и горенки-то все холóдны,
А и дядюшко-то неприветлив,
А и сватьюшко-то безответлив!
Ты почто нас, родна тетушка, спокинула?
На кого сирóтами ты всех оставила?

ПЛАЧ НАЕМНОЙ ВОПЛЕНИЦЫ ЗА МАТЬ О СЫНЕ

Стать-то мне на свои да на скоры ноги,
Ко столам-то подойди ко дубовым,
Ко тебе ли же, мой батюшка *(имя и отчество)*,
Потихохоньку да полегохоньку,
Чтоб не испугать тебя от сна от крепкого,
От просоньица-то вековечного.
Аль спишь ты крепко, что не проснешься
И не пробудишься?
Унялись, знать, твои скорби-болести?
Знать, пришло к тебе теперь здоровьице?
Знать, на тот на белый свет снаряжаешься-сподобляешься
От своей родимой матушки?
Я спрошу тебя, мой батюшка,
Кто звал тебя, кто подговаривал?
Кормилец ли звал батюшка
Али вкупе все сродцы и сроднички?
Так спрошу я тебя, батюшка,
Как подкралась к тебе смерть прекрасная,
Не побоялась ни погод, ни вьюг, ни снегов белыих?
Как подошла да как подкралася она?
Тяжело было тебе с домом благодатным расставатися,
А еще тяжеле со твоею милой матушкой *(имя матери и других сродников)*,

Да еще-то тяжелей было расстатися,
И еще-то тяжелей было прощатися
С белым светом со прекрасныим,
Со житьем-бытьем хорошиим!
Пытали за тобой ухаживати:
Не жалела себя родима матушка,
Уж сокрушил же ты ее, кормилец батюшка!
Не ходили у ней ноженьки,
На твои глядя скорби-болести!
Не посмотрела, видно, смерть прекрасная,
Пожалела, что у тебя несносные скорби-болести.
Пустым-пустехонько стало в доме матушки,
Насилу ходит она при злодей-горе.
Только и видит она отхлянушки,
Коли съедет ко божьей церкве,
Коли выйдет да взойдет на твой высо́к терем,
Только и в покоице бывает ретиво сердце.
А как вернется во твою спаленьку,
Завернется у ней ретиво сердце,
Что пустым везде пустехонько!
Что не думала она, не чаяла
Перенесть-то злодей-горе.
Знать, поддержал ее господь бог,
Твою матушку родимую *(имя)*.
Тяжело было ей с тобой расстатися,
Уж насилу подходила ко столам дубовыим,
Что не доживши веку, батюшка,
Молодехонек решился житья прекрасного
Да хорошего дому, благодатного,
Успокоил свое ретиво ты сердце!
Подойду я, горюша-то горькая:
Уж и где же мой-то батюшка *(имя)*?
И стану я будить тебя тихохонько,
Разговаривать с тобой легохонько,
Не поймешь ли мои речи горькие?
Да не проснешься ли, не пробудишься?
И не поговоришь ли со мной, не побаешь ли?
Как ты расставался со белым светом,
И с твоим-то домом благодатныим,
И со своим житьем-бытьем хорошиим?
Ударйл бы смерть прекрасную
Золотой казной несчетною:

Оставила б на сколь поры на времечко
Пожить бы тебе да повóлевать
На сём на свету на вольноем,
Во житье-бытье прекрасноем!
А теперь, кормилец батюшка,
Приходит пора-времечко,
Что кретать тебе из дома благодатного!
Как приедут отцы-то духовные,
Тяжело тебе подняться со столов дубовыих,
Видно, расставаться тебе с домом благодатным!
Поскопилися к тебе люди добрые
Да и взяли тебя на белы руки,
Положили тебя в вековечный дом,
Что без дверей-то сделан без ходячиих
И без окошенек-то сделан без светлыих.
И поставят тебя, нашего батюшку,
Во сыру землю, во желты́ пески.
Да как укладут тебя, да как устроют,
Крепким-накрепко умнут сыру-то землю
И уравняют заступами вострыми,
Чтоб ни выходу не было, ни выезду!
Мы упрашивали рыльщиков-копальщиков,
Чтоб оставили они-то путь-дороженьку,
Хоть не езжалую да пешеходную.
Вот как скопимся мы к тебе, батюшка *(имя)*,
Да придем на твой высок терем,
Кабы вышел ты к нам, батюшка,
Разговорился бы с нами да разбаялся
Про свое-то, про свое житье,
Хорошо ли тебе там со вольной волюшки,
Со житья-бытья хорошего?
Аль тоскливо, аль тошнехонько?
Только б жить тебе да волевать!
Коль посулился быть в дороги́ гости́,
Коль назначишь пору-времечко,
Как зимой ходить-то больно вьюжливо,
А как осенью ходить-то больно мóрозно,
А весною-то ходить больно вóдяно;
Так назначил бы ты пору-времечко
Посередь лета, посредь теплого,
Посередь сенокосу красного,
Мы б удержали в те поры рабочиих,

Наварили б, припасли пива пьяного,
И про тебя ли яства вкусу сахарного,
И питья-то медового!
И поскопились все-то да и съехались
На ту пору на времечко,
Встретили б тебя посередь поля чистого,
И посередь-то пути по дороженьке,
И подхватили б тебя под белы руки,
Да повели б во свой во благодатный дом,
Посадили бы тебя за столы дубовые,
Стали б за тобой ходить-ухаживать,
Говорить бы стали, разговаривать,
Поспросили бы, не сердишься, не гневаешься ли?
Да и проводили бы тебя во чисто поле,
Да уж тут-то и расстались и простились бы с тобой *(имя)*,
И поднялся бы опять ты на то ме́стечко,
Что ко матушке-то ко божьей церкви.

Что не дохнул, не рассказал про житье тамошнее?
Нет оттуда ни выездцов, ни выходцов,
Ни письма-то нет отголь, ни грамотки
И не словесного-то челобитьица.
Знать, сажали крепким-накрепко
Под замками под крепкиими
Да за дверями за железныими.
Только и оставил ты одно званьице,
Что был наш кормилец батюшка *(такой-то: имя)*.
А теперь нам никогда тебя не видывать
И голоску-то твоего не слыхивать,
Ни по походочке, ни по обрядочке
Нигде-то тебя не заприметити:
Ни в добрых людях, ни в торгах, ни в ярмарках,
Ни в городах-то тех уездныих,
Ни во матушке-то во божьей церкве.

ПЛАЧ БАТРАЧКИ

Мне-ка сесть-то бедной, позорной,
Мне-ка сесть-то, горегорькой,
На черны-ты бугры высокие,

Мне-ка сесть да поглядети
Мне во все четыре стороны,
На чужу-ту на дальнюю сторону
И на злодеюшку мне на незнакомую.
Погляжу я, посмотрю-то
Во все четыре стороны.
Во всех-то четырех сто́ронах
Никто не идет-то, нейдет-то,
Ни из роду ни из племени,
Ни из честных моих родителей,
Ни из сердечных-то доброхотов-то.
Не схожо ль не идет солнце красное,
Ни родитель не идет ни родный батюшко,
Ни жалостница идет ни ласкотница,
Ни денная-то моя печальница,
Ни ночня моя богомольница,
Ни свет моя осударыня,
Ни разжеланна-то мила мамынька,
И ни родимы не идут милы братьица,
Ни родимые не идут милы сестрицы.
Никто не идет, не зовет-то,
Никому, видно, меня не надоти!
Я раздумаюсь, дитя бедное:
У меня нет ни роду, нет ни племени,
Нет честны́х, видно, моих родителей.
Я, видно, от камешка-то засеяна,
Я от сырой-то земли споро́жена.
Мать сыра земля меня спороди́ла,
Спороди́ла и спосноси́ла,
Меня бросила и кинула
На чужу на дальнюю сторону,
Велела жить мне да позориться
На чужой на дальней сто́роне,
У чужих-то людей недобрых!
Мне-ка кажному надо уладить,
Мне-ка кажному надо управить,
Мне-ка робить-то бедной-злосчастной
На чужой-то тяжелой работушке,
Уж я ручушки-ти изро́била,
Могуту-силу-ту искла́ла,
Я здоровьице утеряла,
Ничего я не нажила я,

Не нажила я, не приобрящела,
Я ни дому-то благодатного,
Я ни именьица, ни богатьствица,
Ни многосчетной-то казны бумажной,
Не отвела я, дитя бедное,
Ни скота я, бедна, рогатого,
Ни житья я богатого!
Как жила я позори́лась,
Я до горлышка не едала,
Я до солнышка не сыпала,
Я нарядной себя не видала.
Человеком меня не считали.
Погляжу я, посмотрю-то
На чужих людей недобрых,
Как живут они, красуются,
Красу-то они живут великую,
Они до солнышка высыпаются,
Они до горлышка наедаются,
Они нарядно-то наряжаются,
Они жисть живут забуду́щу.
Я раздумалась, дитя бедное:
Почто попущено было, взрощено
У честных своих родителей?
Лучше жало́стница меня,
Лучше ласкотница
На белой свет меня не попускала бы,
Именём бы не называла
И по отечеству не звеличала,
На роду бы меня истоптала бы,
На белой свет не попускала бы!
Не жила бы я, дитя бедное,
Не жила бы я не позори́лась,
Могуты бы силы не искладывала,
А здоровье бы не теряла!
К тому-то я не знала,
Что жить в чужих-то людях недобрых-то,
Я не знала, дитя бедное,
Я ни будня и ни праздника,
И ни светлого воскресения,
Ни владычных честных праздников,
Ни двуна́десятых.
Не ходила я, дитя бедное,

В божью церкву священну,
К долгим ранным ко заутреням,
К долгим поздним ко обедням-то.
Я не знала, дитя бедное,
Уж я участи своей талани.
Видно, не молила себе, не просила
Себе участи-талани,
Только намолила-напросила
Позору́ себе-то великую!

ПЛАЧ ПО МУЖУ, УБИТОМУ НА ВОЙНЕ С ЯПОНИЕЙ

Как по нынешнему времячке
Вси орды свиховалися,
Вси земли скошевалися,
Вси цари своевалися,
Короли вси сбунтовалися —
У их роты не наполнены
Да полки не надоволены;
Им наполнить наб роты солдатамы,
А полки — офицерами!
Дак уж взяли удалу головушку,
Моего мужа законного,
На полюшко сраженное,
В грозну службу государеву,
На чужу-дальню сторонушку,
За синие за морюшка,
За шумливое Онегушко,
За горушки высокие,
За корбушки дыбучие,
За болотинки зыбучие,
За сыры боры дремучие,
По-край да свету белого!
Уж судил господь расстатися,
Судит ли нам свидатися
Со удалой головушкой?
Так возьму, бедна горюшица,
На белые на ручушки
Косату лётну ластушку

Свою дочку бажёную,
Я пойду, бедна горюшица,
Ко круглистому озерышку
По веснушке красивою!
Как над озером круглистыим
Летят лебеди гульливые,
Летят гуси гордливые,
Серы маленькие утушки
В ключевой воды плавают,
В шелкову́ траву падают!
Как спрошу, бедна горюшица,
У гусей да у лебедей,
У серых у утушок:
«Припловите, гуси-лебеди,
Ко крутому ко бережку!
Как скажите мне-ка, беднушке,
Вы давно ли, гуси-лебеди,
Со чужой-дальней сторонушки?
Не видали ль, гуси-лебеди,
На пролете ясна сокола,
На проезде добра молодца —
Солдата горегорького,
Матросушка победного,
Моего мужа законного?
Как скажите мне-ка, беднушке,
Он уж чем да занимается:
Карауламы ли крепкима,
Аль наукамы тяжелыма,
Аль сраженьицем кровавыим?»
Как, косата лётна ластушка,
Мне сказали гуси-лебеди
Про твоего кормильца батюшка:
«Положил свою головушку
На полюшке сраженноем!
Как на полюшке сраженноем
Удалы ты головушки
Не весельем занималися —
Своей кровь-рудой венчалися!
Как на поле на сраженноем
Головами мосты мощены,
От кровей реки пропущены!
На этом ли на полюшке

По ногам ядра катятся,
Круг сердечушка с ружья палят,
О бока пуля пролятыват,
Над глазамы искры сыплются!»
Положил кормилец батюшко
Удалую головушку
Не на мягкой постелюшке,
Не на крутом зголовьице,
Не под теплым одеялышком!
Как на полюшке кровавоем
Им така была постелюшка —
Мать холодная земелюшка;
Им тако было зголовьице —
Ракитовые кустышки,
А такое покрывалышко —
Оружье-ранец тяжелые!
Не надиюся я, беднушка,
Ни на гусей, ни на лебедей,
Ни на серыих я утушек!
Я лучше по́йду, беднушка,
На тиху ключеву воду,
Ко быстроей ко риченьке,
Котора текет риченька
Со чужой-дальней сторонушки!
Так река бежит свирепая,
А вода теке угрюмая —
Не расскаже мне-ка, беднушке,
Про удалу про головушку!
Уж я лучше спрошу, беднушка,
У косатой лётной ластушки —
Тая ластушка-ласкотушка
Она летит ровнёшенько,
К нам прилетит тихошенько
На косивчато окошечко,
Жупить стане по-птичьему,
Говорить по-человичьему!
Возьмем мы ю, бедные,
Во новую горницу,
Во светлую свитлицу,
У ей станем выспрашивать,
Она стане нам рассказывать.
Рассказала мне-ка, беднушке,

Косата лётна ластушка
Про твоего кормильца батюшка,
Про мою удалу разумну головушку:
«Порешил он головушку
На полюшке сраженноем!»
Как, косата лётна ластушка,
Не стало у тя батюшка,
У меня мужа законного,
По дому разрядчика,
На работу распорядчика,
Нету в полюшке пахаря,
Нет в темны́ лесы́ пастыря!
Нынь как станем жить бедные?
Как мне-ка, молодой вдовы,
Наб сердечком быть ласковой,
Разговорами быть вежливой,
Держать головушку поклонную,
А сердечушко покорное;
Надо сродцам поклонитися,
Наб суседам покоритися!
Хоть нам сродци да сродницы —
Не хлеб-соль столовая,
Не нади́я нам вековая;
Хоть лестить станут словечушком,
Не жалиют нас сердечушком!
Как скажу, бедна горюшица,
Тебе, косата ластушка:
«Ищи-тко ты жаланьица
Во красноем во солнышке,
Чтоб пекло оно теплешенько,
Обогрело жалобнешенько
Сиротину горегорькую!
Так тепло-красное-то солнышко
По утрышку по ранному,
В туман да пекет в марёгу
На полюшка засевами,
На полянушки запашками,
А середь-то деньку белого —
На людей на богатыих,
На детей на отцовыих.
Только к вечеру поздёшенько
Пекет оно тухлёшенько

На сиротных малых детушек!
Уж я ли, мать бессчастная,
Вдовица горегорькая,
Не могу скрепить обидушки
На ретивом на сердечушке!
Как на мое на сердечушко
Не пекало солнце красное;
На ём ли, на бессчастноем,
Во всяку пору-времечко
Е заносы снегу белого,
Погребочки ледку ярого!
Так пойду, бедна горюшица,
Во тёмные во лесушки,
Чтобы ветрушки не вияли,
Меня людюшки не видели
Со злодийной со обидушкой!
Злодийна та обидушка
Со мною вдруг она родилася,
В одной купели окрестилася,
В одной зыбочке качалася,
Сестрою прозывалася,
Ко мне на́век привязалася,
Никуда не оставалася!
Как от моей от обидушки
Во лесушках во темныих
Деревиночки сломилися
От их сучья отвалилися!
От той ли от обидушки
На лужках трава повызябла,
На травы цветки повымерзли,
В озёрах вода повысохла,
В омутах рыба повытухла!
Как от этой я обидушки
На ретиво на сердечушко
Кладу обручи железные,
Скую полосы чугунные,
Закреплю сердце бессчастное,
Не долило бы горюшицу
Великое бессчастьице,
Злодийная обидушка!

ПЛАЧ ОБ УШЕДШИХ В СОЛДАТЫ

Уж вы большие птички, не маленькие!
Уж вы слетите, серенькие пташечки —
У вас маленькие легонькие крылышки, —
Уж на чужую вы красну сторонушку,
Во неверную земелюшку,
На восход красного солнышка!
Уж вы слетите, серые пташечки!
Вы снесите-ка письмо-грамоту
Вы удалым нашим головушкам!
Расскажите, маленькие пташечки,
Вы удалым нашим головушкам,
Что это писано у нас, горемычных,
Не пером и не чернилами,
А всё писано горючими слезами!
Еще спросите, серые пташечки,
У удалых головушек про их житье
несчастное,
Несчастное, про военное:
Что позагнаны удалы головушки
Во чужую-то дальню сторонушку,
Разлучены они с моло́дыми женами
И со своими-то малыми детушками!
Они не слышат там и не звона-то
колокольного,
И питья-то не пьют церковного,
Не в своих они живут горницах,
Да не на мягких спят постелюшках,
Не на пухо́вых-то на подушечках!
Жалко удалых нам головушек,
Что они мыкают горе лютое!

ПЛАЧ ПО РЕБЕНКУ

Отлетел ты, маленькая пташечка,
Ты от батюшки, от матушки,
Ты на чужу-дальню сторонушку,
Ты на веки-то вековечные!
Прилети ты, маленькая пташечка,

Посреди-то летичка теплого,
Когда распустится наш зеленый сад
И расцветут всякие цветики!
Прилети ты серой пташечкой,
Сядь на яблоньку на сахарную,
Запой хорошеньким ты соловушком,
Чтобы батюшка с матушкой догадалися,
Во зеленый сад похваталися;
Как поймали бы эту пташечку,
Эту птичку во белы руки
И сказали бы этой пташечке:
«Ты скажи нам, пташечка,
Что ты, какого роду-племени,
Какого ты поколеньица?
Ты не нашего ль рода-племени?
Ты не нашего ль поколеньица?»
Мы узнаем маленькую пташечку
По белым волосам, по белому личику,
По хорошему наряженьицу.
Унимали мы маленьку пташечку:
«Останься ты, маленька пташечка,
На родной-то на сторонушке!»
Нам отвечает родима пташечка:
«Да ты скажи, кормилец тятенька,
Что не останусь я, батюшка с матушкой,
Я на вашей-то сторонушке, —
Там ведь жизнь-то горазд хорошая,
Там и хлеба-то хлебородные,
Там и люди-то доброродные».
Удалая ты головушка!

ПЛАЧ У ГРОБА СЕСТРЫ

Подойду я, гóрька сирота,
Подойду я, горемышница,
К моей матушке — родной сестре:
«Ты позволь, моя милá сестра,
Вас спросить, моя голубушка!
Вы куда да сподобилися,
Приубравши в платье цвéтное?

Во которы дорогú гости,
Ко которыим ко сродникам?»
Уж я вижу, горька сúрота,
Сподобилася милá сестра
Во останний край-дороженьку,
Ко своим да ко родимыим,
На второй да суд, на праведный!
«Да я спрошу, моя милá сестра,
Я спрошу, моя голубушка:
Как сойдешь ты да посвидишься
Со своим кормильцем батюшкой,
Со родимой-то со матушкой,
Поприметь, моя милá сестра,
Поприметь, моя голубушка,
Ты свою да крестну матушку!
Подойди к ним поблизехонько,
Поклонись им понизехонько,
Ниже шелкового пояса
Ты до матушки сырой земли;
Расскажи да, сестра крестная,
Про житье да про сиротское,
Как мы жили, солнце красное,
Во житье да во сиротскоем,
Потерпели, бедны-горькие,
Всяких слов да понапрасныих,
Износили злодей-горюшка
На своей да на белой груде!
Когда стóснется-сгорюхнется,
Уж мы выйдем, бедны-горькие,
Мы на матушку сыру землю,
Мы на ихну гробову доску,
На размай тоски-кручинушки!
Мы ронили горючи слезы
Мы до самой гробовой доски!
Мать сыра земля не вынесет,
Бел-горюч камень не выскажет
Басен тайных, беспроносных.
Как придем да бедны-горькие,
С тобой, да сестра крестная,
Мы во твой да благодатный дом,
Ты скидáешься, собираешься
Со словам-то ты со ласковым;

Ты поносишься, мила сестра,
Со яствам да со сахарныим,
Со питьям-то ты со вкусныим!
Как расскажешь, солнце красное,
Восприемной крестной матушке,
А моей родимой матушке:
Уж как мы, да горьки сироты,
Со тобой, моя мила сестра,
Как в лесу да были рощены,
Как во поле были брошены,
Как лесиночки подсохлые,
Семяниночки невсхожие!
Как от камышка родилися,
От березы откатилися!
Как посмотрю я, горька сирота,
На тебя, моя мила сестра,
Я на твой-то благодатный дом:
Что стоит моя мила сестра
В своем доме благодатноем!
Ты стоишь да не по-прежнему,
Что никто, моя мила́ сестра,
Что к тебе да не подступится!
Верно, правда, солнце красное,
Прежни басни беспроносные:
«Нету сродников, приятелей
При твоей да гробовой доске,
Что не вьются, солнце красное,
Вкруг тебя, моя мила сестра,
При последнием свиданьице,
При остатнием прощаньице!»
Я спрошу, моя мила сестра,
У тебя, моя голубушка:
«Где встречала бела лебедя,
Ты свою да смертку скорую?
Поправила ли, мила сестра,
У своей да смертки скорoей
Ты часка да поры-времечка
Позвестить, да солнце красное,
Ко себе отца духовного?
Аль не кинулись, не бросились
За отцом да за духовныим
Твои сродники, приятели,

Не послушали, мила сестра,
Что твоих да слов печальныих?»
Подкосились скоры ноженьки
У тебя, моя мила сестра,
Тут душа с телом рассталася,
С вольным светом распрощалася!
Они тут да догадалися,
Они кинулись да бросились
На чужую дальню сторону
За любимыим племянником,
Тебе строить благодатный дом
Без дверей да без окошечек,
Без хрустальныих стеколышек!

Ты послушай-ко, ясён сокол,
Что скажу я, горька сúрота!
Поклонюсь я, горька сирота,
Я тебе да ниже пояса.
Те спасибо, солнце красное,
Не покинул горьку сироту
Ты свою родиму тетушку;
Поспешил да поторóпился
Со чужой да дальней стороны
Положить да в гробову доску,
Схоронить да во сыру землю!

ПЛАЧ ПО МУЖУ

При обмывании покойника:

Вы голубушки, мои тетушки,
Помогите моему горюшку,
Посмотрите-ка на горюшко,
На моёго друга милого!
Голубушка моя племянинка!
Ты спроси-ка своёго дядюшка,
Он быват ли тебе не скажет ли,
Куда он собирается,
Куда снаряжается?
На работочку тяжелую,
На гуляночку веселую?

А откуль-то его буду ждать,
Со которой со стороночки?
Со восточной ли, со западной,
Со работочки тяжелой ли,
Со гуляночки веселой ли?
Не оставьте, мои тетушки,
Не оставьте, мои голубушки,
Во время-то поздого вечеру,
Во время-то тёмной ноченьки,
Не оставьте меня однёшоньку,
Помогите-ка моёму горюшку!
Вы спросите-ка у моёго-то друга милого,
На кого-то он обиделся,
На кого-то оскорбился?
Не на меня ли, горьку сироточку,
Не на своёго ли милого дитятка?

На следующий день:

Ты ставай-ка, друг мой милой,
Наставляй-ка меня, друг милой!
Ты скажи-ка своёму дитятку,
Наставь-ка на ум на разум,
Кто его поить, кормить будет?
Кто его содержать будет?
На кого-то я буду надеяться,
На каку-то я упору,
На каку-то я надёжу?
Я надеялась, горька сироточка,
На своёго друга милого;
Упорины мои подломилися!
Балясочки мои отломилися!
Вы го́лубушки, мои тетушки,
Посмотрите-ка, мои голубушки!
На кого ты оставил меня, друг милой, —
На каких-то родимых бра́тецов!
Нет-то у меня родимых братецов!
Нет-то у меня родимых се́стрицов!
Одна-то я однёшонька,
Одна-то я круглёшонька,
Без роду-то без племени!

Когда вносят гроб:

Состроили-то другу милому,
Состроили нову горницу,
Без окошочков, без дверей!

Когда выносят покойника:

Отвалилася стена каменна
От моёго тёпла гнездышка!
Отпало право́ крылышко
От меня, горько́й сиро́точки!
Полетел ты, друг милой,
По дороженьке по широкою
Не по-старому, не по-прежному,
Не на своих-то резвых ножках!
Понесли-то друга милого,
Понесли на белых рученьках!
Залетат-то друг мой милой,
Он на перепутьице на великое,
Он во матушку бо́жу це́ркву;
Он из матушки бо́жу церкви́
Он во матушку во сыру́ землю́.
Наглядися, друг мой милой,
На все четыре стороны,
Наглядися, очи ясные,
На моёго друга милого!

Когда гроб опускают в могилу:

Спустили-то моёго друга милого
Во матушку сырую землю,
Засыпали-то сырой землей,
Закрыли-то гробовой доской!
Отходил-то резвы ноженьки,
Оттоптал траву мура́вую,
Отмахал своим белым рученькам,
Отглядел очам ясными!
Отговорил своей речью ласковой
Со своим родимым дитятком!

Когда вернется домой с похорон:

Голубушки мои тетушки,
Я пришла домой, торопилася,

Думала, друг мой милой, —
А его-то дома нетути!
Вы голубушки, мои тетушки,
Поскажите мне, родимые,
Не видали ли друга милого?
Не летит ли он по поднебесью,
По поднебесью ясным соколом,
А по дороженьке до́брым мо́лодцом?
Не сказал ли вам, мои тетушки:
Я ковды приду да приеду,
Я в праздничной день, не во будничной?
Все-то ветрички обдули нас,
Все-то люди нас обру́гали, —
Нет восстателя, нет пристателя!
Никто-то нас не пригреет,
Никто-то нас не обогреет
Без родимого нас батюшка!
Придет-то лето теплое,
Обогреет горьких сироточёк,
Обогреет красно солнышко!
Закокует в поле кокушечка —
Загорюю-то я, сироточка,
Загорюю со своим-то родимым дитятком!
Ты счастли́ва, моя суседушка,
Ты при свойм-то друге милым;
А я-то, горька́ сироточка,
Круго́м-то я однёшенька,
Одна-то я круглёшенька,
Без роду-то без племени!
Приходят все денёчки праздничны,
Суседи-то мои радуются
Годо́вому большому праздничку,
А я-то, горька сироточка,
Уливаюсь горьки́м слеза́м!

При посещении могилы мужа
в родительскую субботу:

Здравствуй-ка, друг мой милой!
Приходит-то лето теплое,
Настает-то у нас работочка!
Кто работочку у нас будет ро́бить?
На кого-то мы будем надеяться?

Кому-то ты препору́чил нас,
Кого-то оставил
Вместо себя хозяином?
Разгромися ты, мать сыра земля,
Разожгись ты, гробова́ доска,
Распрохнися, бел-бран саванок!
Воостань, мой родимой батюшко,
Из матушки сырой земли
На свои на резвы ноженьки!
Распечатай уста́ сахарные,
Ты спроси-ка нас с речью ласковой,
Каково-то нам жить будет?
Опустело-то мое тепло гнездышко,
Опустело соловьиное!
Нет-то мне помощника,
Нет-то мне соблюдителя!

ПЛАЧ ОБ УМЕРШЕМ МУЖЕ

Вдова подходит к гробу мужа:

Ох ты мнецюшки тошнехонько,
Сколь горазно обиднешенько.
Подойду я, сиротиночка,
Я к своёй да милой ладушке.
Я тебе буду рассказывать,
У тебя буду выспрашивать. —
Ты куды да сподобляешьси?
Ты куды да снаряжаешьси?
Ты надел да цветно платьицё,
Ты сложил да белы рученьки
На своёй да белой груди,
Ты прижал да к ретиву сердцу,
Ты закрыл да очи ясные,
Затворил уста сахарные.
На меня, да на горюшицу,
Рассердилси да распрогневалси,
Укрепил да ретиво́ сердцо
Крепче камешка горючёго.
Ты подумай-ко, да милая ладушка,
Как я жить да буду, бедная,

Как я жить да буду, горькая?
Без тебя, да милая ладушка,
Худая жизнь у меня, не хорошая, —
Изобидеть меня есть кому,
А пожалить-то меня некому!
Как меня, да горемышную,
Изобидят люди добрые,
Пожалеет красно солнышко!
Как у меня, да у горюшицы,
Как без жару сердцо высохло,
Без морозу сердцо вызябло.
Без тебя, да мила ладушка,
Не печет да красно солнышко
Не в которое окошечко,
На мою да светлу свитлицу,
На сиротскую-то хижину.
Подошла да студёна́ зима,
Зазнобила да заморозила
Как меня, да горьку-бедную.

Снова подходит к гробу:

Ох ты мнецюшки тошнехонько,
Сколь горазно обиднешенько!
Что же я, да горька-бедная,
Что же я да засиделася?
На кого я загляделася?
Чужих басенок заслушалась!
Аль у меня, да у горюшицы,
Ни тоски нету, кручинушки?
Уж я стану, да горькая-бедная,
На свои да резвы ноженьки,
Подойду я, горька-бедная,
Я к тебе, да милая ладушка!
Как от сна да ты от крепкого,
Ты от сна да непробудного
Стань, проснись, да мила ладушка!
Ты открой да очи ясные!
Погляди-тко, да милая ладушка,
На меня да ты, на бедную,
На меня да ты, на горькую,
На своих-то милых детушёк:

Не споены они, не скормлены,
У тебя они не зрощены;
Они малёшеньки-глупешеньки,
У них нету ума-разума!
Изобидеть детей есть кому,
Пожалеть-то будет некому!
Без кормильца-то без батюшка
Привыкнут малы детушки
К худому делу, нехорошему —
Поучить да будет не́кому!
Как у меня, да у горюшицы,
Ни ума-то нету разума
Во своёй буйной головушке!
Как я жить буду, горюшица,
Я без трудничка-работничка,
Без великого помощничка?
Как пойдут мои суседушки
На тяжелую работушку,
На широкую полосыньку,
Моя сиротская полосынька
Без тебя, да мила ладушка,
Во всё время сиротой стоит:
Не обделана, не пахана,
У меня да не засияна!
Обо мне кто позаботится?
Я одна да одинешенька,
Как кокушка в ли́се серая!
Как мене, да молодешеньке,
Сколько плакать да не доплакатьси,
Сколько кликать да не докликатьси,
Не разбудить да милу ладушку!
Пойду прочь, да горька бедная,
Я во светлую-то свитлицу,
Ко суседям, ко суседушкам,
К соколам да братьям миленьким,
Я к голубушкам милым сестрам.
Я просить да буду, кланятьси:
«Вы суседи мои, суседушки,
Все родные мои знакомые!
Не покиньте вы меня, бедную,
Не оставьте да меня, горькую!
Мне не дайте-тко, горюшице,

Середи поля погибнути!
Пособите-ко, суседушки,
Моему да горю лютому;
Ведь вы знаете, суседушки,
Привязалося к горюшице
Злоё горюшко великоё!»

ПЛАЧ КРУГЛОЙ СИРОТЫ

Радельник мой дядюшка,
Будь ты нам вместо родимого батюшки!
Остаемся мы, горькие сиротушки,
Без радельника без батюшки,
Без радельницы без матушки!
Опустает-то наша нова горница,
И пустым она пустехонька!
Ты, радельница наша матушка,
Не сказала нам, как в чужих людях жить,
Как в чужих людях работати!
Уж навеются про нас ветры буйные,
Уж набаются люди добрые,
Что ленивые, бесталанные!
Зарастет-то наша путь-дороженька
И травой она и былино́ю;
Уж и некому нас встретить, горьких,
Проводить нас будет некому.
Уж радельница наша матушка
И радельник ты наш батюшка,
Уж любили вы своих детушек, лелеяли,
Не давали вы ветру дунути,
Ветру дунути, дождю канути,
Дождю канути, солнцу взглянути!
Разболелося мое сердечушко,
Разболелося, да не у́ймется!
Навестить-то нас, горьких, будет некому:
Кому холодно, кому ветрено,
Кому ветрено, кому не́когда!

ПРИЧИТАНИЕ ПО МАТЕРИ

Моя родненькая матынька,
Не сердись-ка на меня ты, на сиротушку,
Что стелила я, сиротонька,
Теби на жи́тье вековечное,
На вековечно-бесконечное!
Стелила я теби постелюшку не мякёшеньку,
Не мякешеньку, не хорошошеньку,
Не сердись-ка, моя родненькая матынька!
И что ты, на кого же ты меня оставила,
сиротинушку?
И что хоша придё ко мни, сиротинушке,
Велико большо́ горюшко,
Только не к кому, сиротинушке,
Пришануть буйной головушки!
Подожду-то я, сиротинушка,
Что любимой весны красныя,
Весны красныя с летом теплыим:
Как повыеду, сиротинушка,
Во любимо чисто полюшко на тяжелую
работушку,
Прилети-тка си, моя родненькая матушка,
Любимою серою кукушечкой,
И сядь-кась ты на белую березушку
Ко мне, сиротушке, поблизешеньку!
И узнавать буду, сиротинушка,
Не по крылышкам, не по перушкам —
По твоей по буйной головушке!

ПЛАЧ СИРОТЫ НА КЛАДБИЩЕ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Как иду я, горька сирота,
Как иду я, горемычная,
Как в оградушку во мирскую,
Как к вам, мои родители,
Как к тебе, родима матушка!
Припаду я ко матушке сырой земле:
Не простонет ли мать сыра земля,

Не промолвит ли родитель мамонька
Что со мной, да горькой сиротой?
Подымитесь вы, ветры буйные,
Разнесите вы все желты пески,
Подымите родиму мамоньку
Что из этой из сырой земли!
Расскажу я, горька сирота,
Про свое да горе-кручинушку!
Исполать ты, родная мамонька,
Не могу я тебя доклйкатися,
Не могу тебя добудитися —
Ты уснула да крепко-накрепко,
Так не слышишь меня, горьки сироты,
Ты меня да горемычные!
Ты спроси, родная мамонька,
Про мое житье ты горькое,
Как живу я, да горька сирота,
Как не вижу я веселых дён,
Как живу я во рабах во работницах!
Мне не надо бы от чужих людей
Золотой казны,
Лучше быть мне, родима мамонька,
Со тобою во сырой земле!
Ты прижала бы меня, горькую,
К своему-то ретиву сердцу,
Ко своей-то ко бело́й груди!
Ты раздай-кося, мать сыра земля,
Ты раскройся, гробова доска,
Ты откинься, да полотенечко,
Поднимись, родная мамонька,
Ты промолви со мной словечушко,
Ты прижми да к ретиву сердцу
Своего дитя несчастного,
На свету́ чтобы мне не маяться!
Что не гораздо, родима мамонька,
Не прижимаешь к ретиву сердцу
Своего ты ди́тю ми́лого?
Как живет он да мотается —
У нас дело всё не приделано
И работушка не приработана,
Не берет нас управушка
Без тебя, родима мамонька!

ПРИЧИТАНИЕ ВДОВЫ НА СЕНОКОСЕ

Что чудное чудо за диво великое
Сегодня да по сегодняшнему
По долгому летнему де́нечку?
Чего ломятся мои скорые, резвые ноженьки,
Чего валятся лёгкие белые рученьки,
Не отворяются мои ясные очи слезливые,
У меня, у победной касатой голубушки?
Для того да потому,
Что повыстала темная туча плавучая,
Повыпадут, быват, буйные ветры усильчаты,
Пойдут часты мочалые дождички!
Повейте-ткось, буйные ветры усильчатые,
Разнесите-ко темную тучу плавучую
На все на четыре сторонушки!
На перву — разнесите-ткось
За мхи, за болоты великие,
За топки, за приглубы озерышки,
На другу — разнесите-ткось
На чужу на дальную сторонушку;
На третью — разнесите-ткось
Не на ближное синее море соленое;
А на четверту — разнесите-ткось
На дальнее синее море соленое!
У меня распеки-кось, божье красное солнышко,
На моем-то на гладком разносистом теребочеку,
У меня повысуши-ко траву-муравку шелковую —
Уж мне поработать с денья работы тяжелые.
Ох, я глупа да неразумна,
Победна касата голубушка!
Отправляю я эту темную тучу плавучую
На дальнее синее море соленое.
Туды ушли ведь чужие
Младые ясные соколы,
На дальнее синее море соленое;
У меня отправлены туды милые
Сердечные рожоные деточки
Со чужима младыма ясныма соколамы!
Не возро́щены еще до полного молодецкого возрасту,
Еще не полна у их силка-матушка великая, —
Падет буря, погода великая,

Пойдут часты мочалые дождички, —
Они во маленьких черненых суденышках.
Некуда утулиться да ухорониться
От частых мочелявых дождичков,
Не могут работать во новых устройных веселышках.
Возлютятся да воспалятся на них
Чужи младые ясные соколы.
Не со своим отправлены со теплым
Со красным со солнышком,
С многодобрым, желанным родителем батюшком.
Уж падет им бедно да обидно,
Что отправила их со чужи́ма
Со младыма ясныма со́коламы
Без теплого красного солнышка.
Не подрастила еще до полного молодецкого возрасту
Своих милых, сердечных рожоных деточек.

ПРИЧЕТЬ ПО СЫНУ, РАЗДАВЛЕННОМУ ЛЕСАМИ ПРИ РЕМОНТЕ ОДНОГО ИЗ ПЕТЕРБУРГСКИХ ДВОРЦОВ

Я погляжу пойду в зелёной сад.
У меня да в зелено́м саду
Не трава да расстилается,
Не цветы да развиваются,
Тут сидя́ да милы дочери,
Речь гово́рят да жало́стливую,
Плачут горько, заливаются:
«У нас не стало отца-батюшка,
Нет соколочка, братца милого,
Голубочка жалостли́вого!
Наша матушка старешенька,
Уж мы сами молодешеньки;
У нас был убажной братевко,
Нам посылал да золоту казну.
Не судил да Христос истинной
Ему пожить да на белом свите!
Мы работаем, сиротиночки,
Из утра да и до вечера.
Мы с вечера да до полуночи,
С полуночи до бела свету».

Зашла в сад родима матушка:
«Вы не плачьте, милы дочери, —
Станем писать письмо скорёшенько
Мы не пером да не чернилами,
Напишем да слезам горькими;
Мы отошлем с ветрами буйными
Мы в Петербург, столицу главную,
На Преображенско славно кладбищо,
На могилу сыну милому!»
И вы подуйте, ветры буйные,
Вы разнесите пески желтые,
Ты пораздайся, мать сыра земля,
Да расколись, да гробова доска,
Ты вложи, да Христос истинной,
Ему язык да в буйну голову,
Ему здыхание во белы груди!
И ты вставай, да доброй молодец!
Ты далёко да на чужбинушке,
Лежишь во матушке сырой земле.
О тебе, да доброй молодец,
Пла́чу братьица и сестрицы,
Плачет матушка родимая
Целы дни и темны ноченьки!
Мне говорил дитя сердечное:
„Ты, наша мать трудолюбивая,
Ты не заботься, наша матушка,
Я не забуду родных сестриц,
Я помогать стану, утешивать".
Нет уж, нет, и не дождатися,
И глядить — не доглядитися!»

ПЛАЧ НА МОГИЛЕ МУЖА, УБИТОГО ДЕРЕВОМ НА ЛЕСОЗАГОТОВКАХ

Как сегодняшним господним божьим де́нечком
Пришла я на раскат-гору высокую,
Как на эту на могилушку умершую,
Как ко миленькой ко законной ко семеюшке.
Порассыпьтесь сегодня вы, желты́ пески,
Раскатитесь-ка, катучи белы камешки,

Приоткройся-ка, тесо́ва гробова доска!
Встань-восстань, законная семеюшка,
Вынь-ка ручушки от ретивого сердечушка,
Проговори-ка мне единое словечушко,
Ты по-старому заговори со мной, по-прежнему,
Ума-разума ты дай мне во головушку,
Размышленья дай во ретиво во сердечушко!
Что приходит трудная крестьянская работушка
Выходить на поля на хлебородные,
Во-вторых, идти на лужки на сенокосные.
Уже знать-видать, законная семеюшка,
Что не порна́ стала горюха горькая!
Мои ноженьки теперь да притопталися,
Мои рученьки теперь да примахалися,
Помешался ум во мла́дой во головушке.
Ума-разума нет во мла́дой во головушке,
Размышленья нет во ретивом во сердечушке,
Как пахать мне во полях да хлебородныих,
Как косить мне на лужках на сенокосныих!
Хоть оставлена станица неудольная,
Все не трудничкн у мня да не работнички;
Чем мне жить, горюхе горегорькоей?
Уж ты, моя мила законная семеюшка,
Скоро-на́скоро от меня ты удалился,
Хоть не в синем море от меня ты удалился,
А во темном лесу ты да ушибился,
От удара во сыру землю укрылся,
Ты спокинул меня, горюху горегорькую!
Вот второй идет учетный долгий годушек —
Никакого я известья не полу́чаю,
И скорописчатые грамотки я не полу́чаю.
Наверно, нет у вас лавочек торговых,
Нет у вас бумаженьки гербовоей
И нет у вас свободной поры-времени
Написать мне-ка скорописчатые грамотки!
Вот еще бужу, кручинная головушка:
Ты уж стань-восстань, законная семеюшка,
Не по-старому ты восстань, не по-прежнему,
Попусти по мне великое желаньице,
Ты по-старому пусти да и по-прежнему,
Дай ума-разума мне-ка, горюхи, во головушку,
Размышленья дай во рети́во во сердечушко,

И как работать мне-ка на крестьянской
на работушке,
И каково растить мне-ка сирот да бесприютных!
Хоть и принарос уже скачёная жемчужинка,
Да недорослая он да деревиночка,
Да недозрелая он да ягодиночка,
Нету силушки во белых во рученьках,
Нету ро́змыслу во младой во головушке!

ПРИЧЕТЬ ПО СЫНУ, УМЕРШЕМУ НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

Ох ты мнецюшки тошнешенько,
Сколь горазно обиднешенько.
Как я сдумаю-подумаю
Про свого да сына милого,
Покатится с плеч головушка,
Призамрет да ретиво́ сердцо́.
Не привел да мене господи
Мене видеть да сына милого.
Кончил жизнь да мое дитятко
На чужой да на сторонушке
Без отца он да без матери!
Я ждала да дожидалася,
Я сидела, да горька-бедная,
Кажней день да под окошечком,
Вось придет да мое дитятко?
Я глядела сквозь стеколышко, —
Вось придет да мое милое
На родимую сторонушку,
Он к кормильцу-то ко батюшку,
Он ко мне, горюхе матушке,
К соколам да братцам миленьким,
Ко голубушкам милым сестрам,
Ко дружьям-братьям-товарищам,
Он к своим да ко приятелям?
Не пришлось да сыну милому
Побывать, да добру молодцу,
На родимой-от на сторонушке.
Топерь знаю, да горька-бедная,

Мене ждать его не дождатися,
Его кликать да не докликаться
С безызвестной-то со сторонушки.
Из-за гор да е́сте вы́ходцы,
Из-за морь да е́сте вы́плавцы,
А из матушки сырой земли
Нет ни выходцов, нет ни выплавцов,
Нет ни конного, ни пешего,
Ни письма нету, ни грамотки,
Никакой да нету весточки!
Как пойдут его товарищи
На веселоё гуляньицо,
Погляжу я во окошечко.
Не могу я, горемычная,
Углядеть да сына милого
Не в народе да не в добрыих людях,
Не в дружьях-братьях-товарищах,
Не во своих его приятелях!
Не придет да мое дитятко,
Не придет да мое милое
На родимую сторонушку!
Не расскажет мое дитятко
Как своёй родимой матушке,
Как пришла да боль великая
К моему да сыну милому,
За болезней пришла смёрточка
Как к тебе, да мое дитятко?
Как бы был ты, мое дитятко,
На родимой на сторонушке,—
Я сама бы, да горёмычная,
Снарядила бы да сына милого
Я во матушку сыру землю́,
Окопила бы дружье́й-братье́й,
Я твоих да всех товарищёй, —
Тебя снесли бы, мое дитятко,
До храма-то до божьего
Дружья-братья́-товарищи
На своих бы белых рученьках,
Опустили бы в мать сыру́ землю́!
Я бы знала, горёмычная,
Где лёжит да мое дитятко,
Где лёжит да во сырой земле;

Я ходила бы частешенько
На крутую гору́ вы́сокую,
На могилушку глубокую
Я к своему да сыну милому.
Я топерь, горюха бедная,
И не знаю и не ведаю,
Где лёжит да мое дитятко!
У меня, да у горюшицы,
У меня вышла могута́-сила.
Я старешенька, худешенька,
Не могу, да мое дитятко,
Я идти, да мое милое,
Идти искать да сына милого
На чужую на сторонушку.
Топерь я-то пристарелася,
Топерь я-то прихуделася.
Как меня, да горьку-бедную,
С того горюшка великого
Меня не носят резвы ноженьки.
Ты прощай, да мое дитятко,
Ты прощай, да мое милоё,
Не видать тебя, не видывать,
Ничего боле не слыхивать.
Не дождаться да отцу с матерью
Ни письма да и ни грамотки,
Никакой да боле весточки!

ПРИЧЕТЬ СЕСТРЫ ПО БРАТУ, ИДУЩЕМУ В СОЛДАТЫ

Соколочек да милой брателко,
Ты куды да наряжаешься,
Ты куды да сподобляешься,
Во какую да путь-дороженьку?
Не в любую да подороженьку,
Ко судья́м да немило́стливым,
Как к сердцам да нежало́стливым.
Как заведут, да сокол брателко,
Во присусьё да великоё,
Как поставят, да сокол брателко,

Тебя под мерушку казенную,
Станут брить, да сокол брателко,
Всё твои да всё русы́ кудри́, —
Повалятся да русы́ кудри́
Со буйные головушки,
Как у тебя, да сокол брателко,
Твои да всё русы́ кудри́!
Как на кажной волосиночке
По горячей по слезиночке!
Как прилетала да птичка-пташечка
Ко косячёвчету окошечку.
Как будила да птичка-пташечка
Соколочка да мила брателка,
Воспевала да птичка-пташечка
Слезяно́ да очень жалобно,
Как залета́ла да птичка-пташица
Как во светлую да свитлицу,
Как садилась да птица-пташица
На зголовьицо высокое,
Как будила да птичка-пташица
Соколочка да мила брателка:
Полно спать да высыпатися,
Пора ставать да пробуждатися,
Всё во путь да во дороженьку
Как тебе да наряжатися,
Всё город да во Кириллово,
Ко судьям да немило́стливым,
Ко сердцам да нежало́стливым!

ПРИЧИТАНИЕ ПО МУЖУ

Когда покойного обмоют, оденут,
положат на лавку под кресты:

Ой, ты скажи-ко, голубщик мой,
Ой, ты куда это собрался-тка,
Ой, да на какой это на праздничек,
Ой, да ты в какую да путь-дороженьку?
О-ой, оой, да ты собрался, голубщик мой,
Оой, да не во путь и не на праздничек,
Оой ой, да к пресвятой да богородице.

Оой ой, да не пора бы еще да не времечко
Оой ой, что идти да к богородице,
Оой ой, еще жить бы да красоваться
Оой ой, что в своем да теплом гнезде
Оой ой, со своим да малым деточкам!

Конечно, в это время изба бывает полна соседями. Они ее унимают: «Максимовна, а Максимовна! Что это, матка-свет, опомнись! Этим ты не подымешь, а надо подумать и о себе и о детках...» и т. д. Но она продолжает выть. Слов уже нельзя понять, слышно только одно «ой», она захлебывается от слов. Тогда уже соседки ее оттаскивают от покойника и сажают на лавку. Она успокаивается, перестает выть и начинает только уж причитать:

Дух мой, свеча светлая, кровь ты моя кипучая,
Красавец мой! Промолви хоть одно словечушко.
Накажи, как мне жить-то.
Эку ты шуточку надо мной сшутил!
Подкосил ты мои ноженьки, как косой.
Жизнь ты моя! Радость моя! На что ты рассердился,
На какое ты слово грубое?
Мы, кажись, прытко-то с тобой и не ругались!
Дух мой, научи ты меня, как мне дом-то домить,
Да деток-то подымать!
Пожила я за тобой, за работничком,
да покрасовалась,
С кем теперь я думу-ту думать буду?
Ангел мой, взгляни хоть ты одним глазком!

Наконец успокаивается и делает распоряжения по хозяйству... Перед выносом из дому причитает:

Ооой, оой, ты скажи-ко, голубщик мой,
Ооой, ой, да ты единое словечушко,
Ооой, ой, да вдостóльные да во последние!
Ооой, ой, тебе недолго гостить да в дорогих гостях,
Ооой, ой, да во своем да теплом гнезде
Ооой, ой, со своим да малым деточкам!
Ооой, ой, ты скажи-ко, голубщик мой,
Ооой, ой, да ты когда в гости посулился,
Ооой, ой, да на какой ты на праздничек?
Ооой, ой, я бы вышла да стритила
Ооой, ой, середи да поля чистого,

Ооой, ой, посадила бы, голубщик мой,
Ооой, ой, под среднее да окошечко!

Ближние родственники также начинают выть и причитать — понять что-нибудь в этой разноголосице нельзя. В это время покойного кладут в гроб и выносят. Жена плачет до беспамятства. Во время отпевания и погребения она также плачет, но не воет. На могиле в этот день также не принято выть, но по приходе домой с похорон воет:

Оой, ой, да опустело тепло гнездо,
Оой, ой, не стало моего поильщичка,
Оой ой, не придет он ниоткуда-то,
Оой ой, да не скажот ни словечушка!
Оой ой, уж куда-то я ни погляжу,
Оой ой, да ведь нигде-то его нетутка!

В течение всего года, когда приходит молиться и особенно в дни поминовений, причитает на могиле:

Ты скажи-ко, голубщик мой, когда в гости посулишься,
Ооой, ой, да на какой ты на праздничек?
Ооой, ой, я бы вышла да стритила
Ооой, ой, середи да поля чистого,
Ооой, ой, посадила бы, голубщик мой,
Ооой, ой, под среднее да окошечко!
Оой ой, уж как я, да бедная горья,
Оой ой, без тебя, да голубщик мой,
Оой ой, я всего да напримаюся,
Оой ой, я голоду и холоду
Оой ой, и чужого да слова бранного!
Оой ой, да и детки-то обносилися,
Оой ой, и купить-то нам не на что!
Оой ой, у суседей-то деточки
Оой ой, они все на праздник великой в обновочках,
Оой ой, у моих-то сиротиночек
Оой ой, нет отца и нет обновочек!
Оой ой, не пора бы еще не времечко
Оой ой, да что лежать да во сырой земле!
Оой ой, да ты убрал да свои ноженьки
Оой ой, да молодым да молодешенек,
Оой ой, ты оставил нас, голубщик мой,
Оой ой, ты не жить, а только маяться!

Воет до тех пор, пока кто-нибудь не поднимет.

ПРИЧИТАНИЕ ПО МАТЕРИ

Не стосковалась ли, матушка,
По своёму ладе милому,
Ты еще не стосковалась ли
По своим малым детонькам,
Ты еще не стосковалась ли
По маленьким глупеньким,
Ты еще не стосковалась ли
По мне, по горюшечке?
Ты восстань-ко-то, мамонька,
Обудися по-прежнему,
Ты сходи-ко, кормилица,
На ключи на подземные,
Приумой-ко, кормилица,
Со бела лица ржавчину,
Приутри-кося, мамонька,
Тонким белым полотенчиком!
Ты восстань-ко-то, мамонька,
Обудися по-старо́му,
Перкстися-ко, мамонька,
Своей-то правой рученькой!
Ты послушай-ко, мамонька,
Не кукушка ли кукует,
Не воркушка ли воркует
На широкой на площади —
Тута кокует-воркует
Твоя доча-то милая,
Твое дитя, твое рожание.
Не стосковалась ли, мамонька,
По своему-то теплу гнезду,
Ты еще не стосковалась ли
По этому свету белому?
Уж встану, горюшица,
По́ утру ранёшенько,
Я умоюся, горькая,
Водою холодною,
Опять же приутруся, горюшица!
По своему да по терему
Я пойду-ка, горюшица,
На работу на тяжёлую —
Я хвачуся тебя, кормилица,

Да на каждом-то местечке!
Вижу, вижу я, горькая:
У нас всё не по-старому,
У нас всё не по-прежнему!
Погляжу-ко я, горькая:
У нас всё да по-старому,
У нас всё да по-прежнему,
Только нет тебя, кормилицы!
Ты послушай, кормилица,
Что я тебе на́поры скажу
Про свое-то житье-бытье,
Про свое горемычное:
Что пришла весна красная
Придет лето, придет красное,
Придет пора, придет работная,
Мы пойдем, моя кормилица,
Мы работу рабо́тати,
Мы тяжёлую де́лати,
Уж мы хватимся тебя, мамонька,
Уж мы хватимся по-старому!
Поучи-ко меня, мамонька,
Как работу рабо́тати
Как тяжелую де́лати.
Что ты послушай-ко, мамонька,
Что я тебе на́поры скажу:
По тебе, моя кормилица,
Больно шибко стосковалася,
Кажичи бы тебя, мамонька,
Через поле бы увидела,
Через речку слово молвила!
На кого ты, мамонька,
На кого ты обнадеялась,
На кого ты нас оставила,
На кого ты нас спокинула,
Своих малых-то детонек?
Я сама знаю-ведаю —
На своего ладу милого,
На меня, на горюшицу.
Ты сама знаешь, мамонька,
Ты сама знаешь-ведаешь,
У нас работы-то многошенько
У нас работниц малешенько.

Ты сама знаешь, мамонька,
Твоему-то ладе милому
Я плохая-то работница,
Я плохая же помощница.
Не в полных я леточках
Я работу рабо́тала,
Я тяжелую делала;
Мне тяжелая работанька
Не под силу, не под моготу!
Что твои-то корминчики,
Они старым-то старёшеньки —
У их годки-то старые,
Не смогают корминчики
Работу рабо́тати,
Они тяжелую делати.
Тебе пожити бы, да мамонька,
Что не два годка, не три годка,
Что один годок кругленький,
Позаменяла бы, горюшечка,
Меня молодешеньку,
Меня во всякой работушке!

ПРИЧИТАНИЕ ПЛЕМЯННИЦЫ ПО ДЯДЕ

Родимый ты наш дядюшка,
Что ты сделал с нами, бедными,
На кого ты оставляешь свою нову горницу,
Молодую жену и малых детушек?
Без тебя-то их кормить некому,
Без тебя-то кто оденет их?
Будут холодны, и голодны, и разуты.
Без тебя кто им хлеба напашет,
Кто дров нарубит?
Бывало, ты с базару приедешь, от праздника ли,
Всё гостинец мне принесешь,
А теперь ждать мне не от кого!
Собирался ты на свадьбу ко мне,
Да не пришлось тебе повеселитися —
Знать, уж так господь на роду писал,
Что придти твоей смертыньке в годах красныех,
Да оставить молоду жену с детьми малыми!

Умереть бы надо бабушке,
А не тебе, родимый дядюшка,
По ней бы мы и плакати не стали и горевать,
А то умер ты, ненаглядный наш!
Надоел, знать, тебе вольный свет,
Что так рано убираешься
В сыру землю под бок к дедушке.
Ведь и он побранит тебя,
Что оставил ты родную матушку,
Молодую жену с малыми детками
Одним горе мыкати!
Ведь и нам с ними заботушка!
Встань, промолви с нами словечушко,
Распростись-ко хорошенечко!

ПРИЧИТАНИЕ ПО МАТЕРИ-СОЛДАТКЕ

Уж родима моя матушка,
Уж куда ты собираешься?
Пробудись, родима матушка,
Ото сна ты от крепкого,
От просонья вековечного,
На кого ты нас оставила,
Ты кому об нас покучилась,
Ты кому об нас покланялась?
Не оставь-то нас горькиех,
Нас сирот-то горемычныех.
Ведь у нас, кокушек горькиех,
Кабы был родимый батюшка,
И не столь бы было горюшка!
Уж придет-то лето красное,
Все пойдут-то люди добрые
В чисто поле на работушку
Со болезныем-ту матушкам
И с родимыем-ту батюшкам,
А у нас, у горемычныех,
Работáть работу некому —
Больно мы еще малехоньки,
Умом-разумом глупехоньки;
А родна матушка в сырой земле,

А родимый-то наш батюшка
На чужой дальней сторонушке!
Уж у нас, кокушек горькиех,
Всё-то делишко не делано,
Вся работа не работана.
Уж мои-то милы детыньки
Уж малым еще малёхоньки —
Уж у нас, кокушек горькиех,
Мать сыра земля не пахана,
Шелкова трава не кошена.
Уж пойду, кокушка горькая,
На чу́жу я сторонушку
К государю царю белому,
Упаду я во резвы ноги,
Я зальюся горючим слезам,
Закричу я громким голосом:
«Уж ты батюшка наш белый царь,
Пожалей-ко нас, разгорькиех,
Нас сирот ты горемычныех,
Уж ты батюшка наш белый царь,
Отпусти-ко нам, разгорькием,
Ты приятеля батюшка
Ты на малое-то времечко,
Хоть на думушку-ту крепкую,
На словечки матоние».
Кабы пришел приятель батюшка,
Уж с меня, кокушки горькие,
Хоть уж снял бы волю-большину
И великую заботушку
У меня, кокушки горькие!
Ведь не ходят с горя ноженьки,
Не глядят-то очи ясные,
У меня, кокушки горькие,
Уж одни-то дети малые —
Они на́гие и босые
И голодные-холодные!
И приветить-то нас некому,
Уж кокушек горемычныех,
Уж болезная-то матушка
Нас оставила-спокинула
Уж на все-то ветры буйные
И на дождички мочливые,

Уж меня теперь, разгорькую,
Без приятеля-то батюшка,
Без кормилицы-то матушки!
На меня, на кокушку горькую,
Не просветит красно солнышко;
Доживу, кокушка горькая,
Я до леточка-то красного —
Как растают снеги белые,
Разольются реки быстрые,
Уж пойду я на быстру речку,
Уж я сяду на крутой берег,
Я покучуся быстрой реке:
«Уж ты, матушка быстра река,
Ты куда бежишь-торопишься?
Не во сине ли морюшко —
Захвати-ко мое горюшко!»
Отвечает быстра река:
«Мне идти-то далёконько,
А твое горе не тонется,
От часу́-то горе копится,
Великого прибавляется».
От мого-то велика́ горя
Простонала мать сыра земля,
Покачнулися темны леса,
Колыхнулися сини́ моря!
Уж кабы знали люди добрые
Мое горюшко великое,
Неслезливый бы расплакался,
Негрустливый бы раздумался
О моем-то великом горюшке;
Да не знают люди добрые!

ПЛАЧ СИРОТЫ ПО МАТЕРИ

Отлетела моя матушка,
Оставила меня жить во горюшке!
Как я без тебя буду жить,
Я еще молодешонькая,
Ум у меня близнешонькой,
Во сиротстве жизнь горькая,
Нет у меня батюшки,

Нет у меня матушки,
А кругом я — горька́ сироточка!
Придет-то лето теплое,
Закокует-то в поле́ кокушечка,
Загорюю-то я, горька́ сироточка,
Без своей-то родимой матушки,
Без своёго-то родимого батюшка!
Тяжёло-то мне тяжелешонько,
Никто-то меня не пригреет,
Кроме солнышка, кроме красного,
Никто-то меня не приголубит,
Никто-то меня не приласкует,
Кроме матушки-то моей родимой!
Была бы моя матушка,
Был бы мой батюшко,
Разговорели бы меня, разбавили
От тоски-то от кручинушки,
От великой от невзгодушки!
Куды-то я ни пойду,
Куды-то я ни поеду,
Нет-то моёй матушки,
Нету моёго батюшка!
Пойду-то я во полюшко,
Пойду-то я во чистое;
Летят-то два голубя,
Летят-то два певучия,
Летит-то не мой батюшко,
Летит-то не моя матушка!
Спрошу-то я, сироточка,
Спрошу я их, двух го́лубех,
Спрошу я их, двух сизых,
Не батюшко ли мой,
Не матушка ли то моя?

ПРИЧИТАНИЕ МАТЕРИ ПО СЫНУ-ПАРТИЗАНУ, УБИТОМУ ЯПОНЦАМИ

Да куда же ты, сыночек, уходишь от нас,
Да на кого же ты стариков своих покидаешь?
Да ты же, мой сыночек, был один работничек у нас.
А теперь ты, сыночек, уходишь

От нас во сырую землю,
Оставляешь нас, стариков,
Не способных к работе!
Да и кто теперь нас, старeньких,
Будет поить-кормить?
И кто нас похоронит, как мы тебя?
Да мы же, сыночек, на тебя только и надеялись,
А ты, наш родимый, отказался от нас
И пошел в лес и горы свободу добывать.
Не добился ты свободушки, — а смерти себе,
А нам, старикам, горе-горести!
Сожгли вороги нас, всё разграбили,
И тебя, молодого, со свету сгубили!
Не дали они тебе свободы дождаться,
Да не дали они тебе с новой жизнью спознаться!

ПЛАЧ ПО МУЖУ, ПОГИБШЕМУ В БОЯХ С БЕЛЫМИ

Ты, родитель моя матушка,
Как сегодняшнего де́нечку
Получила я словечко нелюбимое,
Нелюбимое-вдовиное!
Другой год живу я, беднушка,
Я вдовой многобедноей,
И мои детушки сиротские!
Я не знала и не ведала,
Что нет во живности у беднушки
Да законноей семеюшки!
Теперь как жить буду, беднушка,
Без законной без семеюшки,
Как буду ро́стить, многобеднушка,
Я рожо́ных малых детушек
Без кормильца света батюшки?
Будут детушки-то вольные,
Они вольны-самовольные,
А уж я-то, многобеднушка,
От суседок спорядовыих
Всякой славушки наслушаюсь,
Пустословьица натéрплюся!

Мне худá слава покажется,
Пустословье — что порог стоит!
Охти мне, мне-ка тошнешенько,
Мне горазно обиднешенько,
Что законноей семеюшке
Пришла скорая смерётушка
Не на своей брусовой лавочке,
А на чужой дальней сторонушке,
И на службе на военноей,
И на стрéльбе на великоей!
Защищал он свою родину!
Так того-то жаль тошнёшенько
Что я не была, победнушка,
У законной у семеюшки
У последнего здыханьица,
У последнего прощаньица!
Не видала, многобеднушка,
Как душа с телом расставалася,
С белым светом распрощалася!
Я, бессчастная головушка,
Я вдовить да оставалася,
Я не спрашивала, беднушка,
У законной у семеюшки,
Мне-ка жить как, многобеднушке,
Как возращивать рожоных
Мне сердечных малых детушек?
Я не лежала на белóй груди,
Не глядела в личко блеклое!
Если бы́ла бы я, беднушка,
Как при этой при смерётушке
У законной у семеюшки,
Взяла бы писарей толковых,
Я бы сняла тело мертвое,
Его личушко бы блеклое,
Я бы клала, многобеднушка,
Уж на стеночку лицóвую;
Как глядела бы я, беднушка,
На законную семеюшку,
И мои рожоны детушки
На кормильца света батюшку!
Была умная законная семеюшка:
Он вином не упивался ведь,

Табачком не занимался ведь;
Хорошо было жить беднушке
При законной при семеюшке!
А уж как нынечу-теперечу
Всё пустым стало пустешенько,
Холодным да холоднешенько!
За стол сяду — брюшко го́лодно,
Лечь на печку — ногам холодно!
Не во пору, не во времечко
Голова моя состареет,
И сердечко перержавеет,
Волоса-то поседатеют,
Возрастаючи сердечныих
Тех рожоных малых детушек!
Но еще-то жаль-тошнешенько —
Далеко его умершая могилушка!
Так не сходишь ведь, победнушка,
На умершую могилушку,
Не роздеешь ведь обидушку,
Не расскажешь ведь кручинушку
Да не выплачешь горючих слез!

ПРИЧЁТ О ГОРЬКОЙ ЖЕНСКОЙ ДОЛЕ

Уж я бедна-горька, бессчастна,
Я во горе была спосеяна,
Во несчастьи была спорожена,
Во нужде ли я была вырощена!
И ты, талан ли да мое счастьице,
Участь горькая моя бессчастная!
На делу̑ ли ты мне досталася,
В жеребью ли ты мне-ка выпала?
Веки горюшко мне-ка мыкати,
Во несчастьи да веки кыкати!
Уж я горька да горемыка,
С малых лет ли да уж я с детства
Добрых ден я да не видала,
Счастья-доли не испытала,
Во добре-житье не жи́вала —
Жила в горюшке во великом!

Я шаталась, бедна-злосчастна,
По чужим лю́дям сиротинкой,
По рабам я да по холопам!
Я не жизнь жила — горе мыкала
Во чужих людях да во работушке,
Утром рано-то была разбужена,
Вечер поздно была уложена,
Середи ночи́ потревожена.
День и ночь я была на работушке
Не у отца-то я, не у матушки,
У чужих людей — бога́теев.
Уж я робила, бедна, моталася,
Не заслужила я, не заробила
Я ни слова да себе гладкого,
Я ни куса да себе сладкого,
Я ни места да себе мягкого!
День и ночь, бедна, хоть работала,
Чужим людям меня было не жалко,
Чужи люди да не хранили,
Нашей молодостью не дорожили,
Посылали да наряжали
На работы да на тяжелы,
Везде по бурям и по падерам,
По тяжким темным заметелицам,
Зимний снег с меня да не стаивал,
Летний дождь с меня да не ссыхал!
Тут здоровье я свое вкладывала,
Тут я молодость свою теряла!
Не узревша я в поле ягодка,
Не разро́сла в саду малинушка:
Не успела да я сповырости,
Не успела да я привыцвести,
Я у роду да я у племени,
У родимой да своей матери!
Они вздумали меня замуж выдати
Не за знаема человека,
Не за знаема, не за знакомого,
Что за злого да за лихого,
Молоду меня молодехоньку,
Зелену меня зеленехоньку
Не по охоты да ума-разума,
Споневоли честны́х родителей!

Споневолила да родна маменька,
Не постояла, не подоро́жила
Ни красотой ли да моей девьей,
Ни молодостью ли молодою!
Поспешила-поторопила,
Кинула меня да она бросила!
Она думала меня горя избавить,
Хотела выкупить меня, выручить
Из тяжкой ли меня работушки —
Не могла меня горя избавить,
Ни выкупить меня, ни выручить,
Хотела горюшка у меня сбавить —
Еще больше мне горя прибавила!
Мне замужье пало неважно,
Мне-ка участь досталась бессчастна,
Мне судьба ли да горегорька:
Бил-терзал меня муж нелюбимой
Не за дело, не за провинность —
От бедна житья, горегорька,
От лихой нужды, да неизбывной!
Мне нигде-то да счастья не было!
Куда кинуся, куда брошуся?
И не укрыть-то мне, не успокоить
Своей буйной да мне головушки
Ни от ветра, да ветра буйного,
Ни от тучи, да тучи грозной,
Ни от крупна ли дождя мокрого.
Нет приладу и нет пристрою,
Обогревы нет да ретиву сердцу!
Так вот молодость издержала,
Красоту с лица потеряла!
Я еще, бедна, в горе кинулася,
Призабравши тогда годами,
Призаживши да я летами,
На второй ли я раз замуж вышла
Не за ровнюшку да за свою,
Уж я думала оприютиться,
Уж я думала успокоиться
Уж я за старого, я за древнего.
Уж я тем была довольна,
Уж я тем была благодарна,
Что нашла себе горя выход,

Дожила тогда до хозяйства!
Я жила тогда, горе-злосчастна,
Хошь не у ровнюшки у своей —
Я у старого, у свирепого,
Уж я у скупа хошь жила у яства,
Уж я сыта была, довольна,
И обута была, одета.
Только всё была недовольна
Я судьбой своей горе-горькой:
Пусть хоть сверху меня шуба грела —
Сыспода́ мое сердце ныло
За свою ли да жизнь бессчастну,
За свою ли да бесталанну!
Тут еще меня горе достигло,
Тут еще меня поимало
Еще горше, еще тошнее:
От того ли да мужа старого
Я осталась одна-одинешенька.
Я осталася, горе-злосчастна,
Уж не в явстве да не в достатке
Я со малыми да со детями,
Со малыми да многостадными!
Уж я не знаю, да как мне-ка жить,
Я не знаю, да как мне быть,
Видно, надо да спроводить:
Мертвый живому да не товарищ!
Спроводила да схоронила,
В матерь землю да уложила,
Я желты́м песком призарыла,
Пусть потянут да ветры буйны,
Призавеют да пусть могилу,
Пусть прогрянут да громы громки,
Пусть вернут ли да дожди мокрые,
Пусть примочит его могилушку,
Прорастет ли да зелено́й травой,
Расцветут пусть цветы лазоревы
На сырой ли его могиле,
На приметном да его месте.
Я тогда-то, горе-злосчастная,
Пришла, го́рюшко, да я домой
Я не к топленой, бедна, печке,
Ко потухлому да, бедна, у́голью,

Я ко малым-то своим деточкам.
Собрала их да захватила
Во свое ли да гнездо вито,
Куковать стала, горевать:
«Как я буду да с вами жити,
Как я буду да горе мыкать,
Как я буду да вас уж ростить?!»

ПЛАЧ О ЛЕНИНЕ

Уж пойти-ка мне, горюшице,
Уж ко столу да ко дубовому,
Уж поприсести мне да потихошеньку.
Уж как не знаю только, беднушка,
Сесть мне к резвыим ли ноженькам
Али к буйной ко головушке?
Уж лучше сяду только, беднушка,
Против сердечушка ретивого;
Уж погляжу на тело мертвое,
Уж тело мертвое, личко блеклое;
Да как спрошу, бедна горюшица,
Дорогого вождя Ленина:
«Уж как что с Вами случилося,
Что за боль да приключилася?
Уж ты ведь трудничек-работничек,
Уж всему миру был пособничек,
Уж малых детушек повыучил,
Уж как сирот наших повыростил,
Уж моих маленьких да детушек,
Уж как сирот да малолетушек
Уж во школушках повыучил,
Уж ты ведь хлебушком повыкормил!
Да ты вставай-ко нонь, пожалуйста,
Владимир Ильич Ленин наш,
Уж на резвые на ноженьки,
Уж ты на белые сапоженьки!
Уж бери в рученьки маханьице,
Уж как во белу грудь здыханьице,
Уж во уста да говореньице,
Уж во ясны очи гляденьице!

Уж мы возьмем да за белы руки,
Уж поведем да в зелены сады
Тебя к сиротам малым детушкам,
Ко вдовам престарелыим,
Уж как твоей да любимой жены!
Уж вся советска власть обрадуется,
Уж по Россиюшке радость пойдет!
Уж каб знала это, ведала,
Уж во Москву-то я ведь сбегала,
Дак прогнала бы смерётушку,
Уж отогнала бы злодейную!
Уж как взя́ла ты, смеретушка,
Уж человечушка ты нужного,
Уж человечушка великого,
Уж ты трудничка-работничка,
По России ты хлопотничка!
Уж у него столь было работушки,
Уж на сердечушке заботушки!
Уж как злодейная смеретушка
Она в лесу не заблудилася,
Она в воде не заронилася,
Уж у ворот не колотилася,
Уж всё в избушечку явилася.
Дак уж нынечку-топеречку
Уж ты, вдова многострадальная,
Как его да хорошая жена,
Уж ты построй, моя голубушка,
Уж своему мужу законному
Уж ты высоку нову горенку,
Уж сделай стенушки хрустальные,
Уж потолки сделай зеркальные,
Уж обей кирпичну белу печушку
Уж со муравчатым ошёсточком,
Уж ты наливчаты окошечки,
Уж как двери ты дубовые,
Уж как ступенечки кленовые,
Уж как замочки черкасские,
Чтоб замочики не ржавели,
Уж ключи-то не терялися!
Как придет веснушка красивая,
Пройдет времечко тоскливое,
Уж порастают ведь снежочики,

А унесет с реки ледочики;
Дак уж сделай ты, голубушка,
Сделай легкие весёлышка,
Уж мы сошьем да быстру лодочку
Уж с голу́быма весёлкамы;
Уж от твоего ноне терема,
Уж со твоих да со ясных очей,
Уж от твоих да горючих слез,
Уж от сирот да молод-бедныих,
А мы от вдов да от несчастныих
Уж мы пропустим речку быструю
И поедем этой реченькой
Как к его да телу мертвому!
Уж на середке этой лодочки
Сидеть будет его вдова,
А по краям да этой лодочки
Будут маленьки сироточки.
Уж как на этой да на лодочке
Будут вдовы престарелые.
Дак мы поедем-ка, несчастные,
Уж мы к товарищу ведь к Ленину,
Уж к твоему мужу законному,
А уж мы да к благодетелю,
А уж как сиротам родителю!
Эти царские фамилии
Были чистые вредители,
Навредили нам ведь бедныим,
Всему миру да всем людушкам!
Были злые ведь исправники,
Все гру́бые ведь начальники,
Как его да ненавидели,
У него здоровье схитили!
И скрывался от злых людюшек
По лесам да он по темныим,
По подпольицам глубокиим
Как от злых он от начальников;
Но как злые да бессовестны
Загубили жизнь моло́дую,
Застудили груди белые
Володимиру Ильичу Ленину!
Как при царскоем правительстве
Было денег недостаточки,

У нас в хлебе недохваточки,
А у советской у Россиюшки
Уж у нас хлебушка ведь досыта,
Уж у нас денежек ведь до́пьяна,
Уж наши детушки повыучены.
Вы, вожди-руководители,
Всей страны вы избавители,
Нас ведь, женщин, вы поправили,
Равноправие наладили,
От трудов больших избавили,
Хорошу́ память оставили!
И мы очень благодарствуем
Володимиру Ильичу Ленину
За сердечко его доброе,
За его приветы ласковы!
Нам и жаль его тошнешенько,
На сердечке тяжелешенько!

ПЛАЧ ПО МУЖУ

Уж не доли-тко меня, беднушку,
Уж как злодийная обидушка,
Уж окаянная кручинушка,
Уж не текиге, горючи слезы,
Уж со моих да со ясны́х очей!
Уж по сегодняшнему де́нечку
Уж закатилось красно солнышко.
Уж как по утрышку по раннему
Уж очи ясны помутилися,
А резвы ноженьки сломилися:
Уж пришла весточка нерадостна,
Уж пришла весть да невеселая
Со путистой со дороженьки,
Уж как от мужа от законного,
Уж как со Онегушка широкого!
Уж захватила болесть сильная
Уж на ретивое сердечушко,
Болесть на сердечушко садилася,
Дак тут смеретушка явилася,
Уж во его сердце вселилася!

Дак он пытал да смерть отказывать,
Уж он пытал да уговаривать:
«Уж как, злодейная смеретушка,
Уж дай мне время ненадолечко,
Так уж мне-ка съездить да, смеретушка,
На родимую сторонушку
Уж к рожоным малым детушкам,
Уж мне с молодой женой проститися,
А малым детушкам сказатися,
А мне с дорожки показатися!»
Так ведь злодийная смеретушка,
Она его да не послушала,
Уж ему да не сказалася,
А за сердечушко имался;
Да как уж сняла да смеретушка
Да его здох да со белы́х грудей,
Уж его свет да со ясны́х очей
Уж насередь Онегушка шумячего,
Уж как на белоем снежочике,
Ой да на яровом ледочике!
Уж как не видим тут мы милого,
Уж моего мужа любимого,
Уж как сиротны малы детушки,
Уж я несчастна молода жена!
Уж только видели несчастного
Уж только птицы тут летучие,
Ой только звездочки сыпучие!
Дак привезли мужа законного
Ой на лошадке его мертвого
Ведь не во ви́то его гнездышко,
Ой не домой да во ново́й тере́м;
А привезли мужа законного
Ой во больницы во казенные,
Ой во больницы во приемные —
Ему разрезать тело мертвое,
Уж тело мертво, груди белые,
Уж поглядеть да во его телах,
А что за боль да во его грудях!
Уж доступалась я да, беднушка,
Моего мужа законного, —
Дак я с милицией ведь спозна́лася,
Дак я с има ведь поругалася,

Что отпустите-ка, пожалуйста,
Моего мужа законного
Вы во витое во гнездышко
Уж к сиротам да ведь несчастныим,
А ко мне домой, ко вдовушке!
Дак положила мужа законного
Уж я в домички на столички,
Дак уж я села тут, беднушка,
Уж я на ступенечки дубовые
Уж я тут к мужу ко законному;
Дак со моих-то со ясных очей
Протекала речка быстрая!
Дак у его стала выспрашивать:
«Дак уж как мне жить нонь, беднушке,
Уж с твоима маленькима детушкамы,
Уж как я буду их выкармливать?
Уж у меня голые да босые,
Уж нету хлебушек выкармливать,
Уж у мня нету золотой казны
Уж одевать сирот несчастныих,
Уж как мне рендушки уплачивать?»
Дак мне во снях да показалося, —
Уж как ночью мало спалося, —
Что говорил да мне законной муж:
«Не плачь, жена моя несчастная,
Уж как моя головка бесталанная,
А ныне ведь времечко счастливое,
Уж будет время таланли́вое,
Уж теперь времечко советское!
Уж ты ведь сходишь, моя милая,
Уж обратят да ведь вниманьице!»
Дак я от радости да проснулася,
Да от большой да пробудилася,
Уж я сказала малым детушкам,
Уж своему сыну бажёному:
Уж ты, дитя мое бажёное,
Сходи во лавочку торговую,
Купи лист бумаженьки гербовоей,
А пиши-ко заявленьице
Уж ты в Москву да в управленьице
Уж дорогому вождю Ленину.
Уж попрошу я, беднушка:

Уж как советские правители,
А всему свету избавители,
Уж вы призрите-тко, пожалуйста,
Уж как моих сирот несчастныих
Уж как во школы да казенные,
Уж в города да вы во новые;
Да обратись, товарищ Ленин-то,
Уж на моих детей несчастныих,
Уж дай хоро́шо воспитаньице,
Дай казенно содержаньице;
Моих детушек повыучи,
В советску жизнь да их повыведи!

ПЛАЧ ПО СЫНУ, УЖАЛЕННОМУ ЗМЕЕЙ

Охти мне да тошнёшенько
Да по сегодняшнему де́нечку,
Уж как сяду я, многобеднушка,
К своему сыну любимому,
К соколику златокрылому,
Ко его телу ко мертвому,
Ко личушку ко блеклому!
Как повырою обидушку
Да повыскажу кручинушку!
Уж как мать я многообидная
Да головушка кручинная,
Как у меня, у многообиднушки,
Есть три полюшка кручинушки посеяно,
Есть три полюшка обидушки насажено!
Сама знаю я, многобеднушка,
Как мне этой кручинушки не выжати,
Худой жирушки не про́жити,
И вас, мои рожоны малы детушки,
не вырастить!
Как растила я, беднушка,
Как вас, рожоны детушки,
Безо всякой я защитушки;
Уж как не было мне, беднушке,
Не́откуда мне помогушки.
А как нынечко-теперечко,

По сегодняшнему де́нечку
У нас всё переродилося,
Ста́ра власть переменилася.
Как у советского правительства
По вдовам стала заботушка,
По сирота́м стала защитушка!
Как думала я, беднушка,
Что тебя, рожоно дитятко,
Грамотке повыучат,
В добры людушки повыпустят,
Так, может, буду я, беднушка,
Из-за тебя да я счастливая
Да головка таланли́вая!
Уж вдруг пришла тут смерть холодная,
Со темна́ леса голодная,
Она взяла да приу́брала
Мою крепкую надеюшку!
Как повырвала у беднушки,
Будто свет да со ясны́х очей,
Будто крест да со белы́х грудей.
Сама знаю я, многобеднушка,
Не пришла бы к тебе, рожоно дитятко,
Не пришла бы смерть холодная,
А оклевала тебя, беднушку,
Змея лютая, да кровопивка кровожадная,
Оборвала твои годушки моло́дые!
Хоть осталася я, беднушка,
Без тебя, родного дитятка,
Теперь времечко не старое:
Ведь я стала разживатися,
Моя спинка разгибатися!

ПЛАЧ ОБ ОДИНОКОЙ ДОЛЕ

Как я ро́стила, горюшица,
Я рожо́ных своих детушек,
Ночью спать я не ложилася,
А днем на место не садилася,
Вила ви́то это гнездышко,
Да строила хоромное строеньице.

Я тоё думу удумала:
Как под этим витым гнездышком
Да под хоромныим строеньицем,
Да под косивчатым окошечком
Разведу сады зеленые;
Будут яблони кудрявые,
Будут пташечки веселые,
Будут петь да эти ташицы,
Да будут гуркать соловеюшки!
Так мои рожоны детушки,
Дочери бажёные
Распевать да будут песенки
Во саду да во зеленоем!
Видно, такая мне судьба пришла,
Тако да пришло времечко:
У мня яблони сломилися,
А в саду ташки разлеталися.
У меня, у матери кукушицы,
Как поразошлись да поразъехались
Дочери бажёные
Да по разным губеренкам,
Не в свои да дере́венки!
У меня есть да приосталося
Как одно только бажёное,
Мое дитятко рожоное
На одно на нагляженьице,
Да не в моем распоряженьице!

ПЛАЧ О ЖИЗНИ В ОККУПАЦИИ

Как наехали фашисты окаянные,
Нас повыгнали с хоромного строеньица,
Разлучили со сердечным малым детушкам
И нарушили хоромное строеньице.
Поотправили горюх да горегорькиих
Во леса во эти во дремучие,
Во мхи да во топучие.
Как привидели мы голоду и холоду,
Были согнаны в хоромное строеньице
Спорядовые да три наши соседушки.

Не натоплена кирпична бела печенька,
Не закрывается хоромное строеньице,
А снежок летит в косивчаты окошечка,
Лютый ветер дует с запада и с севера.
Принуждали нас работать окаянные
Непосильную тяжелую работушку,
Издевалися над нами горегорькими!
Как придем домой, все три соседушки,
Малы детушки у дому нас встречают,
Желты ротушка они да открывают —
Хлеба нет у нас, у бедных у горюшиц!
Уж как вздумаем, горюхи горегорькие!
Пораспущены да были мои детушки,
Были согнаны да наши белы лебеди
Как во эти лагеря да во фашистские;
Уж их мучили злодеи окаянные,
Не по силе была трудная работушка,
И сидели за колючей проволокою!
Как я справлюся, горюха горегорькая,
Посмотреть да на свое я на строеньице,
Попрошу я у злодеев этих пропуска
И пойду я на родимую сторонушку.
Приужахнулось ретливое сердечушко,
Как подошла я ко хоромному строеньицу:
Приразбиты все хрустальные стеколышка,
Как приразломана стоит да бела печенька.
Как я выйду во широкое во полюшко,
Я как сяду там, горюха горегорькая,
Уж я вспомню своего сына любимого!
Как не стало у меня сердечна дитятка,
Приоставлен он во щельях во дремучиих,
Как во этих во болотах во топучиих,
Даже птиченька туда не залетает,
И лютый зверь туда не забегает!
Как направилась я в осенню темну ноченьку
Как во эти-то во щелья во высокие,
Спожалели меня спорядовые соседушки,
Они вывезли горюху горегорькую
Из-за этого глубокого озёрышка!
Теперь уехала оттуль я, горегорькая,
На свою да на родимую сторонушку.
Уж как пришла я на хоромное строеньице,

Как поправила хоромное строеньице,
Но не радуется мое ретливое сердечушко,
Как уж нету у меня сыночка милого!

ПЛАЧ ПО СЫНУ, ПОГИБШЕМУ НА ФРОНТЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Уж как сегодня ночкой темною
Что-то беднушке не спалося,
Уж мне худые сны казалися!
Я вставала утрышком ранёшенько,
Уж как садилась я, горюшица,
Ко косивчату окошечку,
Уж поглядела в ту сторонушку,
Куда отправлено-снаря́жено
Мое рожоно мило дитятко.
В эту пору в это времечко
Прилетела птичка вещая,
Она села на околенку
И запела жалким голосом;
А у меня-то ведь, у матери,
Как у матери несчастноей,
Уж сердечушко занояло,
Уж я сразу тут завояла!
Говорю я птичке-пташечке:
«С чем прилетела, птичка вещая?
С доброй вестью иль не с доброю?»
Птичка крылышки расправила,
По стеклу клювом ударила
И пропела жалким голосом.
Уж я сразу догадалася,
Что недобро́ с сыном случилося:
Как на полюшке на бранноем
Со врагом ведь он сражается!
Неужели пуля вражеска
Прострелила груди белые
Моему-то ведь бажёному,
Соколинчику рожоному?
Уж гляжу я, мать несчастная:
Красна зорька поднимается,

Свет в окошечко пихается,
А за зорькой туча темная,
Туча темная с пригромами
На мою хату надвинулась —
Туча громом разразилася!
В эту пору в это времечко
В хату двери открываются,
Почтальон в избу пихается,
Подает мне извещеньице,
Что моего сына бажёного
Как на полюшке на бранноем
Уложила пуля вражеска!
У меня-то ведь, у матери,
А у матери несчастноей,
Резвы ноги подломилися,
Белы руки опустилися
И очи ясны помутилися.
Охти мнешеньки тошнешенько,
Больно сердцу тяжелешенько!
Уж как жаль мне ведь бажёного,
Уж мне сынушка рожоного!
Уж не дождаться больше, беднушке,
Уж ни с полюшка колхозного,
Да и с моря рыболовного,
Ни от праздника с гуляньица
И ни с клуба с танцеваньица!
Уж не прибрать теперь мне, беднушке,
Уж ни голосом, ни возрастом
И ни цветными его платьями!
Как взяла его одежицу,
Прижала я ко сердечушку,
Уж я клубышком каталася,
Два дня червышком свивалася,
С угла на угол металася;
Уж как сердце материнское
Всё на части разрывается!
Я уж сяду да подумаю,
Что мне делать, многобеднушке:
Только было и надеюшки
На рожоного, бажёного
Своего сына родимого!
Уж я тогда лишь успокоюся,

Когда сырой землей зароюся,
Гробовой доской закроюся!
Уж мне жаль того тошнешенько,
Что года мои состарились,
Мои силушки ослабили,
А то я села б на добра коня,
Поскакала бы в Германию,
Уж я к Гитлеру проклятому!
Уж я Гитлеру проклятому,
Я с живого кожу б выдрала,
Изо лба глаза бы вырвала,
Отомстила бы я, беднушка,
Я за сынушка рожоного!
Уж я знаю, верно ведаю,
Что у нас в стране советскоей
Есть печальщики народные,
Есть ведь Красная-то Армия;
Наши верны корабельщики,
Наши верные кормильщики
Отомстят злодею Гитлеру
За меня, старуху старую,
За рожоно мое дитятко!

ПЛАЧ О ПОГИБШЕМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Мне-ка сесть было, кручинноей головушке,
Что ль на этот недвигучий серый камешек,
Прочитать мне скорописчатую грамотку —
Не знакомая ль рука да тут писала,
Не знакомая ль головушка сочиняла?
Эта грамотка написана у сердечного у дитятка!
Он во младости писал да всё для шалости,
Он за шуточки друзьям своим товарищам.
Эта грамотка дождями не смывается,
В зимню пору бурей-снегом не стирается,
Знать, на память мне, кручинноей головушке!
А теперь-то я, кручинная головушка,
Получила я ведь весточку нерадостну,
Получила я письмо да похоронное,

Что ль про сво́его про ясного про дитятка,
Я про сво́его про ясного про сокола,
Он склонил свою младую-то головушку
Как на этой-то на битве — поле брани,
Он от этой-то злодейной пули вражьей!
Как бы были у кручинноей головушки
Как бы эти легки малы сизы крылышки,
Я от этой от кручинной от досадушки
Полетела бы, кручинная головушка,
Я во эти города да отдаленные,
Облетела бы всю Россию повселенную,
Облетела бы всю Советскую республику,
Я по этому письму да всё по грамотке
Отыскала бы полки да всё военные,
Отыскала бы солдатика знакомого,
Я бы этого соседа спорядового,
Попросила бы, кручинная головушка,
Показать бы мне могилушку умершую,
Где положено сердечно мое дитятко!
Мураву-траву сама бы я повырвала,
Я сыру землю сама бы откопала,
Я сыночка бы с сырой земли достала,
Близко при́жала ко белому ко личушку,
Крепко обняла б к ретливому сердечушку,
Ясны очушки его бы приоткрыла,
Горючими слезами тяжелы раны бы обмыла,
И легче было бы ретливому сердечушку,
Поотраднее несчастноей утробушке!
Что ль нашлись такие добрые бы людюшки,
Распороли бы мою несчастную утробушку
И посмотрели бы мое ретливое сердечушко —
Там не лютая змея да всё свивается,
Бурным пламенем сердечко разгорается!
Уж как я, кручинная головушка,
Я от малости во радости не жи́вала,
От рожденьица весельица не видела,
Но не кручинила своей-то я головушки,
Не печалила ретливого сердечушка,
Въявь горючих слез я, бедная, не ли́ла,
Я законноей семеюшки не гневила,
Всё я думала, кручинная головушка,
Как подрощу сердечных своих детушек,

Легче будет жить победныим головушкам!
Всю мы силушку свою да положили,
Их возвышенным наукам научили,
А теперь-то нам, победныим головушкам,
Нам удар идет да за ударом,
За потерею идет у нас потеря!
Потеряшечку горюша потеряла,
Я большой оброн, несчастна, обронила
Как за эти за учетны долги три года:
Что ль не шелковый ведь пояс со часами,
Я не золоту цепочку с орденами —
Потеряла я сердечных милых детушек,
Потеряла я наживныих головушек!
Помешался ум во младой во головушке,
Помутился свет во ясныих во очушках —
Как мы станем жить, победные головушки,
Как доращивать сердечных своих детушек?
Недорослые в бору да деревиночки,
Недозрелые в саду да ягодиночки.
Раньше до сего, до этой поры-времечка
Приходили скорописчатые писемка,
Утешали меня ласковы словечушки:
«Не горюй-ка ты, родитель наша маменька,
Не тоскуй-ко ты, кручинная головушка,
Ты во старости будешь жить да всё на радости».
Растеряла я сердечных своих детушек,
Во глазах они мне больше не покажутся,
На виду они мне да не появятся,
Укатилось тёпло-красное да солнышко
Что ль за эти-то за горы за высокие,
Укатилось, знать, великое желаньице
Как от этоей кручинноей головушки!
Знать, несчастная я есть да неталанная,
Знать, в несчастный день — во середу спосеяна,
Не в таланный день — во пятницу спорожена.

СКАЗ ОБ ОСВОБОЖДЕННОМ ЗАОНЕЖЬЕ

Белый светушко на улице рассве́тился,
Красно солнышко с-за лесушка повыстало,
Буйны ветрушки теплешенько завеяли,

Добры людюшки ранешенько забаяли,
Что от врага теперь да нас посбавили!
Как за эти за учётны за три годушка
Много приняли великого мы горюшка!
Будто пташки были в клетку посажённые,
Будто рыбинки во сетку изловлённые,
Мы ни роду-то не знали и ни племени,
Не получали мы ни весточки, ни грамотки
От своих да от законныих семеюшек!
А еще скажу, кручинная головушка:
Уж волостей и деревень-то поразрушено,
Хлебородныих полей да призапущено
И сенокосныих лужков да призарощено!
Нам дождаться бы своих удалых молодцев,
И поля у нас опять да пораспашутся,
И лужка опять по-старому расчистятся!
Хоть не все придут удалы добры молодцы,
Но не плачьте-ко, родные бéдны матери,
Не тужите, жёнки с малыми ребятами:
Есть надеюшка у нас великая!
Уж вы слушайте, спорядовые соседушки,
Отнесем поклон во матушку Москву да
во широкую
Мы всем бойцам своим удалыим
Как за ихнюю великую заботушку,
Что не забыли они нас да не покинули!

СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

ПЛАЧ НЕВЕСТЫ НА РУКОБИТЬЕ

Чего век-то я не думала,
Отродесь своих не чаяла,
Что во эту студену зиму
На меня повыпадет невзгодушка!
Не из тучи громы грянули,
Не с небес снега повыпали
На мою на буйну голову,
На мою на красну кра́соту.
Я не знаю да не ведаю,
Вы на что, мои родители,
Рассердились да разгневались.
Кажется, я, красна девица,
Не жалела могуты-силы
Я ни в летней-то работушке,
Я ни в зимнем обряжаньице!
Я слуга была всем верная,
Была верная я ключница.
Вот уже, мои родители,
Вы посхватитесь, поскаетесь!
Пора-время приобо́йдется,
Народ-люди все разойдутся,
Со двора гости разъедутся,
С терема гости разойдутся;
Как пройдет зима студеная,
Как настанет весна красная,
Как поспеют все работушки,
Все отхожие, тяжелые;
Как пойдут да люди добрые

На отхожую работушку
Со семьями, со артелями,
Со козáками, с козачихами,
С дочерями — белыми лебедями.
Уж как мой кормилец батюшко
И кручинная моя матушка —
Пойдут одни-то одинешеньки
На отхожую работушку!
Государыня моя матушка,
Ты повыйди на крылечушко,
Как пойдут милы подруженьки,
Запоют-то звонки песенки, —
Ты послушай, кручинна матушка,
Моего-то зычна голоса,
Как по-старому, по-прежнему!
Ты вспомни да повспомяни
На чужой меня сторонушке, —
Мне и́кнется легошенько,
Мне вздóхнется тяжелешенько.
Хоть говорить-то мне будет некогда,
Так сама себе подумаю,
Что вспоминает кручинна матушка
На родимой на сторонушке;
Там запели милы подруженьки
Заунывные-то песенки!
По заре-то по вечерней
Не могла моя матушка
Не учуть да не услышати
Моего-то зычна голоса!
Как кручинная-то матушка
Обольется горючим слезам;
Меня вспомнила, молодешеньку,
На чужой на сторонушке!
Ты подумай, тепла пазушка:
А в чужих людях не бываючи,
Чужих людей не видаючи,
Я жила-то, красна девица,
У вас, мои родители;
Я жила да красовалася,
Мое сердце радовáлося,
Как пчела в меду купалася!
Я не знала, красна девица,

Как ни раннего вставаньица,
Как ни позднего лежаньица,
Ни грубого побужденьица;
Ты побудишь, кручинна матушка,
Истиха-то, полегошеньку:
«Ты вставай-ко, мое дитятко,
Ты вставай-ко, мое милое!
Все дела у нас не деланы,
Все работы не работаны!»
Уж я встану, молодёшенька,
Я со мягкой-то постелюшки,
Со высокого зголовьица.
Погляжу я, красна девица, —
Все дела у ней приделаны,
Все работы приработаны.
Как подумаю, красна девица,
Про чужую-то про сторонушку, —
Сердце кровью приобо́льется,
Живот камнем переве́рнется!
А просплю-то, красна девица,
Со девичьей воли вольные
До зари-то, до бело́го дня,
До восхода красна солнышка!
Как заходят злы-чужи́ люди,
Закричат-то по-звериному,
Зашипят-то по-змеиному:
«Ты вставай, вставай, сонливая,
Пробуждайся-тко, дремливая.
Все дела у нас приделаны,
Все работы приработаны!»
Как я встану, молодешенька,
Я со мягкой со постелюшки,
Со высокого зголовьица;
Приумою лицо белое
Не водой да не ключёвою,
А своими-то да горючим слезам
Я утру-то лицо белое.
Погляжу я, молодешенька,
У себя-то в честном дому,
У кормильца-то у батюшки,
У родители у матушки:
Не волна ли то взволновалася,

Чужи люди взбунтовалися.
Какой шумит сват, злодей большой,
Со кормильцем-то со батюшкой,
Со кручинною со матушкою;
У них сва́товство заводилося,
Рукобитьице сочинилося.
Не спеши, кормилец батюшко,
Засвечать-то воскову свечу,
Подавать-то руку правую
За столы-то за дубовые,
За скатерти-то браные,
За яства-то сахарные,
За питья-то медвяные.
Погляжу я, молодешенька,
За столы да за дубовые,
Во батюшкову сторонушку:
Всие-то да родни нетути
Пропивать-то буйну голову,
Запоручивать кра́сну кра́соту.
Мене дай, да красной девице,
Да повыдти, да повыступить
На широкую на улицу,
Опустить да свой зычен голос
Что на все четыре стороны.
Надо мне собрать вся родня своя,
Вся природа-то сердечная
На ручное рукобитьице!
Бог судья вам, столы дубовые,
Да и вам, скатерти браные!
Не могли, столы, отодвинуться,
Браны скатерти завернутися!
Бог судья вам, хлебы ситные,
Не могли вы откатитися!
Бог судья, свеча воско́вая,
Не могла ты закратитися!

ПЛАЧ НА ДЕВИШНИКЕ

Не в саду я загулялася,
Не на вишни засмотрелася,

Засмотрелася я, девица,
Загляделася я, красная,
Что на вас, мои подруженьки,
Что на вас, мои голубушки!
Вы сидите все веселые
На своих местах на радостных,
Вы срядилися сряднехонько,
Платье цвéтно на вас новое,
И головушки причесаны,
В косах ленточки вплетеные!
А вот я-то, красна девица,
Сижу в месте во печальноем;
У меня платье измятое,
У меня буйна головушка
Порастрепана, нечесана,
В косу лента не вплетеная,
С крáсотой на стол положена;
Вы сидите распеваете,
А я плачу, горегорькая!
Ты прости-ко, краса девичья!
Я навек с тобой расстануся,
Молодехонька, наплачуся!
Опущу я тебя, крáсота,
Опущу тебя со ленточкам,
Во поля, в луга широкие,
Во леса, в боры дремучие,
На быстрые реки текучие.
Погляжу я, красна девица,
Погляжу на свою крáсоту,
Вкруг чего она обвилася:
Вкруг осинушки ли горькия,
Вкруг берёзоньки ли белыя
Аль вкруг яблоньки кудрявыя?
Если ты обвилась, крáсота,
Вкруг осинушки горькия,
Мне житье-то будет горькое,
Мне замужье, красной девице,
Нехорошее, печальное.
Если ты обвилась, крáсота,
Вкруг березоньки-то белыя, —
Мне житье-то будет ровное,
Житье будет долговечное.

Если ты обвилась, крáсота,
Вокруг яблоньки кудрявыя,
Мне житье будет хорошее,
Развеселое, богатое!
Я возьму ли тебя, крáсота,
Во луга наши зеленые,
Положу я тебя, красота,
На шелковую на травушку,
На высокую, зеленую;
Как придут-то люди добрые
В лето теплое и красное
Во луга с косами вострыми,
Что найдут-то тебя, крáсота,
И возьмут на руки белые,
Вот как скажут: чья-то крáсота,
Не на местечке положена,
Хоть и бережно поношена.
Тут не место тебе, крáсота,
Тут не место красоватися!
Я отдам же тебя, крáсота,
Что голубушке милой сестре,
Поклонюся ей низехонько:
«Ты возьми-возьми, мила сестра,
Покрасуйся в моей крáсоте!»
Ты прости-ко, моя крáсота,
Я в тебе покрасовалася,
Берегла тебя, лелеяла,
И от солнышка от красного,
И от вихря-ветру буйного,
И от дождичка от частого!
Ты дороже мне казалася
Золотой казны рассыпчатой,
Светлей ясного ты месяца,
Ярче солнышка ты красного!»

ПЛАЧ НЕВЕСТЫ В ДЕНЬ СВАДЬБЫ

Вы ставайте-тко, сонливые,
И пробуждайтеся, дремливые,
По дворам да пеуны поют,

По избам да печки топят,
По горницам девки моются!
Вы, мои миленькие подруженьки,
Мене скажите, белы лебеди,
Как ночесь да в тёмну ноченьку
Вам спалося ли, дремалося
И во снях ли что приснилося?
Как мене, да красной девице,
Мене ночесь да в тёмну ноченьку
Мало спалося и дремалося,
А во снях много приснилося!
Мене приснилося, молодёшеньке,
Будто у окна поколотилося,
У ворот да в кольцо брякнуло,
У дверей да попросилося.
Я ставала, молодешенька,
Со кроваточки тесовые,
Со перинушки пуховые
И со кручинного изголовьица;
Я отворяла двери на пяту
И дубовую доску на стену,
Я запускала волю вольную.
Она середь поля остановилася,
Господу богу помолилася,
По́низку мене поклонилася:
«Здравствуй, милая подруженька,
Моя сестрица ты, голубушка!
Мене попеняли да посудачили:
Тебе бог судья, мила подруженька,
Ты как поспешила-поторопилася,
Меня отказала, волю вольную,
От себя да молодешеньки!»
Моя пошла да воля вольная
От меня, да молодешеньки, —
Она со мной да не простилася
И назад не воротилася.
Уж я вышла, красна девица,
На широкую-то улицу,
Я поглядела, красна девица,
Вслед за волюшкой-то вольною,
Куда пошла да воля вольная,
Моя девичья дрока дрочная

Во далёчи во темны леса!
Моя села воля вольная
Она на елку на кужлявую.
Я подходила, молодешенька,
К своей волюшке-то вольною,
Хотела взять ее, волю вольную, —
Как нельзя, никак не можно:
Ведь зелёна елка подкарзяна!
Я пошла прочь, слезно заплакала.
Как и еще да сон привидела:
Я выходила, красна девица,
На круто красно крылечушко.
Из-под высока нова терема,
Из-под крута красна крылечушка,
Из-под кроваточки тесовые,
Из-под перинушки пуховые,
Из-под кручинного изголовьица
Протекала ричка быстрая.
Что по этой быстрой риченьке,
По ней плывёт да легка лодочка;
А во той ли легкой лодочке
Есть сидит да красна девица,
В руках держит красну красоту.
Вы, народ да люди добрые,
Все суседи порядовные
И мои любимые подруженьки,
Вы разгадайте да раздумайте —
Этот сон к чему да сон привиделся?!
Хоть вы молчите, мене не скажете,
А я сама да знаю-ведаю,
Что к чему да сон привиделся!
Из-под крута красна крылечушка,
Из-под кроватушки тесовые,
Из-под перинушки пуховые
Протекала быстра риченька —
Это мои слезы горячие.
А как плывет да легка лодочка —
Это гульба-игра веселая;
А как сидит да красна девица —
Это воля моя вольная;
В руках держит красну красоту —
Мою просекную ленту шитую

Со жемчужной-то со поднизью!
Мене еще во снях приснилося,
Как ровно вьяво показалося:
Я выходила, красна девица,
На широкую на улицу.
Будто у нас да во чистом поле
Есть крутая гора высокая;
Как на этой на крутой горе
Лежит зверь да со звериною;
А под крутой горой высокою
Лежат змеи со змеятами.
И посреди да поля чистого
Стоит столб да новоточеной —
Колется да расколяется,
Он горит да разгоряется.
«Мои любимые подруженьки,
Мене скажите, белы лебеди,
Этот к чему да сон привиделся?»
Я сама да догадалася,
Девушка я домекнулася,
Что к чему мне сон привиделся:
На крутой горе высоко лежит
Не зверь да со звериною,
А лихой свекорь со свекровкою;
Под крутой горой высокою
Лежат не змеи со змеятами —
То деверья со золовками;
Во широком во чистом поле
Стоит не столб да новоточеной,
Не колется, не расколяется,
Не с огня да разжигается —
Это чужой да добрый молодец,
До поры он да до времечки
Мной, девицей, похваляется.
Во сегодняшний во белой день
У моего корминца батюшка
Быть двору да растворенному
И тыну да раскаченному,
Мене, девице, да увезенною.

ПРИЧИТАНИЕ НЕВЕСТЫ В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СВАТОВСТВА

Благослови-тко, боже господи,
Причитать меня, укладывать,
Погромчее выговаривать!
Ты бежи-тко, мой зычен голос,
Со устов да серым заюшком,
Со язы́чка горносталюшком
По пути да по дороженьке;
Ты не стой-ко, мой зычен голос,
Ты у рек за переходамы,
У ручьев за перебродамы,
У полей за огородамы,
А ты бежи-тко, мой зычен голос,
Во церковь во соборную;
Там ударь-ко в большой колокол,
Чтобы шел звон по Русиюшке,
Шла бы жалость по знакомыим,
Чтобы знали люди, ведали,
Что я девушка просватанная,
Моя воля обневолена,
Нунь головка обзабочена!
Клали волюшку в неволюшку
Да сердечко в попеченьице!
Отвернуться красной девушке
Во почетный во большой угол,
Там на стенку на лицовую,
На икону золоцовую!
Там светло светит топилище,
Там слезно богу молилися!
Я глядела, красна девушка,
Я на стенку на лицовую,
Будто вороны слеталися,
А там два свата́ съезжалися,
И там родной кормилец батюшка
Пропивает мою волюшку!
Я спрошу, девка-невольница,
У кирпичной белой печеньки:
«Ты, кирпична печка белая,
Говори, не заговаривай,
Расскажи мне, не затаивай:

Середи да ночки тёмноей
Кто огню был выдувателем,
Кто лучинки подавателем,
Кто светилу зажигателем?
Сама знаю, девка, ведаю,
У добротушки у матушки
Хорошо печка замазана,
Она крепко призаказана:
Не расскажет мне-ка, девушке!
Сама знаю, сама ведаю,
Самой можно догадатися —
Выдувала огни тлящие
Доброта родитель матушка,
Подавал-то лучинушку
Братец-красно мое солнышко.
Как у мила братца родимого
Была этая лучининка
На болоте была ссечена,
За три года была смечена,
По-мелку́ была расколота,
По-часту́ была рассщипана,
На собаке домой вожена,
На трех грядочках дымлённая,
Во трех печеньках сушённая,
К этой свадебке пасённая!
Зажигал да воскову свечу
Мой родной кормилец батюшка!
Я пойду, да красна девушка,
На брусову белу лавочку,
Под косивчато окошечко.
Как на брусовой белой лавочке
По сегодняшнему де́нечку
У сердечных родителей
Надо мной нунь что случилося, —
В доме всё переменилося!
По мне окошко запечалилось,
Все стеколка затуманились:
Не видать да свету белого
Под косивчатым окошечком!
Там была уличка плановая,
Там площадки сторублевые,
Там сады были зеленые.

Были яблони лазуревы,
Распевали птички-ташечки,
Там жупили соловеюшки
У меня, у красной девушки,
Потешали мою волюшку!
А по сегодняшнему денечку
В саду яблони повянули,
В саду вишенки поблекнули,
Захлебнулись птички-ташечки,
Задавились соловеюшки!
Охти мнешенько тошнёшенько!
Верно мне, да красной девушке,
Мне одной думы не выдумать,
Вопота́й речей не высказать!
Подо мной, под красной девушкой,
Нонько вдоль доска не ломится,
Поперек доска не колется.
Надо выстать красной девушке,
Стать на резвые на ноженьки,
На сафьяные сапоженьки!

Обращается к отцу:

Где-то есть у мня, у девушки,
Где родной кормилец батюшка?
В доме нет, так поищите-тко,
Во деревне поищите-тко,
Ко мне, к девушке, пошлите-тко!
Вы, родной кормилец батюшка,
Допустите красну девушку
Не в пе́рвых меня, в последниих
Со бажёной вольной волюшкой!
Не должна я на ногах стоять,
Должна девушка в ногах лежать,
Должна клубушком кататися,
Должна червушком свиватися,
До желанья добиватися!
Ты родной кормилец батюшка,
Пожалей-ка меня, девушку,
Ты мою бажёну волюшку!
Я ведь дочь твоя бажёная,
Твоя дочь была любимая!
Ты, родной кормилец батюшка,

Я за ваше возращеньице
Отнесу благодареньице!
Ты держал да меня, девушку,
Во прекрасном во девочестве,
Будто крест да на белóй груди,
Будто перстень на правóй руки!
У кормильца света батюшки
Была словцом не огрублена,
Я работкой не огружена,
На гулянье не задержана,
Что во праздничках годовых,
Воскресеньицах христовыих!
Были конюшки запряжены
И извозчички налажены!
Вот, родной кормилец батюшка,
Не прошу я, красна девушка,
На судимую сторонушку,
Я ни на поле долиночки,
Я ни в доме половиночки,
Только, родной кормилец батюшка,
Наделите меня, девушку,
На судимую сторонушку
Вы таланом меня участью,
Вы господней божьей милостью!
Как родной кормилец батюшка,
Ты веди обидну свадебку
Ты честно да свадьбу имянно!

Обращается к матери:

Где-то есть еще у девушки
Где родитель моя матушка,
Тепла права моя пазушка?
Где денна моя заступница,
Где ночная богомольница?
Она ночь богу молилася,
Днем от ветру становилася —
Буйны ветрышки не веяли,
Добры людишки не баяли
Про меня, про красну девушку!
Охти мнешенько тошнешенько,
Мне-ка жаль воли тошнешенько,
Жаль гораздо обиднешенько!

Ты родитель моя матушка,
Наклонись ко мне низешенько,
Подойди ко мне близешенько,
Обними меня крепешенько!
Будет жаль тебе, тошнешенько.
Я ведь дочь твоя родимая!
Что родитель моя матушка,
Ты, великое желаньице,
Не сердитесь-ка, не гневайтесь
На меня, на красну девушку,
Не губите мою волюшку!
Ножкой левой проступилася,
Ручкой правой промахнулася,
Девка богу помолилася
Во проклятое замужество:
Я пошла, потом схватилася!
Как родитель моя матушка,
Во прекрасноем девочестве
Ты держала меня, девушку,
Будто гостейку во горнице,
Будто ташицу во клеточке!

НЕВЕСТА РАССКАЗЫВАЕТ «СОН» УТРОМ В ДЕНЬ СВАДЬБЫ

Будет спать мне высыпатися,
Надо встать да пробуждатися!
По сегодняшнему дéнечку,
Середи да ночки темноей
Подневольна красна девушка
Мало спала, много видела!
Мне ночесь во сне казалося,
Будто я да молодёшенька
В темном лесе одиношенька,
В темном лесе я, во ельничке.
Я со ельничка в березничек,
Я с березничка в осинничек,
Подневольна красна девушка!
В этом горькоем осинничку
Стоит маленька избушечка,
Небольшая фатерушечка.

Долото́м двери продолблены,
Там сверлом окна просверлены,
Решетом свету наношено.
Я зашла тут, красна девушка,
В эту маленьку избушечку, —
У порога там на лавочке
Там орел да со орлятамы,
Во печном углу на лавочке
Там волчиха со волчатамы,
Во почетном во большом углу!
Там зима стоит холодная
Со крещенскима морозамы,
Леса темны всё вилавые!
Застрашило красну девушку,
Я проснулася, невольница!
Да где-то есть у мня, у беднушки,
Братец-красно мое солнышко!
Ты возьми-ка, братец-солнышко,
Вороно́ коня неезжена,
Плетку нову неосвистану,
Съездите, пожалуйста,
Вы за Осипом Прекрасныим,
За сонны́м да рассудителем,
Добрым лю́дям рассказителем!
Вы, мои да сродцы-сроднички,
Вы, сердечные родители,
Вы, подружки мои милые,
Задушевны красны девушки,
Становитесь ко головушке,
Вы кругом да меня около!
Я сама вам сон поро́ссужу,
В добры людишки поро́сскажу:
Эта маленька избушечка,
Небольшая фатерушечка,
Там судимая сторонушка, —
Она темная, угрюмая!
У порога там на лавочке
Не орел там со орлятама,
А свекор со деверьяма;
А во печном углу на лавочке
Не волчица со волчатама,
А там свекрова со золовкама;

А во почетном во большом углу
Не зима стоит холодная,
А там млад отецкий сын!
Там не лесушки вилавые,
А живут лю́дишки лукавые
На судимой на сторонушке!

ПРИЧИТАНИЕ НЕВЕСТЫ ПРИ ВСТРЕЧЕ ЖЕНИХА В ДЕНЬ СВАДЬБЫ

Наставала тучка темная,
Туча тёмна страховитая,
Со громом-то, частой молнией,
Со великой божьей милостью!
По морям тучка катилася —
Там вода с песком смутилася,
Рыба ко́ дну обрядилася;
По лесам туча катилася —
Леса с корнюшка ломилися!
Раскатилась туча темная
На две, на три половиночки,
На четыре на градиночки.
Первая пала градиночка
Что ль на батюшков высок терем,
Что другая градиночка
На матушкину горницу,
Третья градиночка
На братьев колесист сарай,
А четвертая градиночка
На меня, на красну девушку,
На мою буйну головушку,
На мою бажёну волюшку!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Вы, злодеи сваты большие,
Вы послухайте, пожалуйста:
Ведь у меня, у красной девушки,
У сердечныих родителей,
У милы́х братьёв родимыих
Была уличка плано́вая,

Там дороженька почтовая,
У нас площадка сторублевая,
Там сады были зеленые;
Уж вы, чуж да млад отецкий сын,
Прогони́ли вы, проехали
Со хоромным своим поездом,
Со молодыма со вершникам,
Вы побили путь-дороженьку,
Вы посмяли шелкову́ траву,
Доломали в саду яблони,
Пощипали в саду яблоки!
Дак вы, злодеи сваты большие,
Вы за девушку имаетесь,
Да, знать, с кошеликом спознаетесь,
С золотой казной считаетесь!

Жених подносит деньги:

Чуж да млад отецкий сын,
Я ведь девушка не бедная,
Не беру я денег медныих!
Я ведь девушка середняя,
Мне наб денежек серебряных!
Я девушка разважная,
Надо денежки бумажные!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Не ходи-тко, не нахалуйся
Вы во батюшков высок терем!
Ты деньгамы не откупишься,
Ты словама не откажешься!
Ведь у меня, у красной девушки,
У кормильца света батюшки
Много злата, много сéребра —
Богачища непомерные!
На родимой на сторонушке
Мне-ка с меди не мосты мостить,
С серебра мне не плоты плотить,
Мне бумажкамы не кровли крыть!
У кормильца света батюшка,
У нас медь роют лопатама,
Серебро роют маленкама,
Кровли кутают бумажкама!

Жених заходит в коридор

Подождите, не нахалуйте,
Вы злодеи сваты большие,
Чуж да млад отецкий сын,
Без докладу в новы́ сени́,
Без допросу в нашу горницу!
У мня у батюшка не спрошено,
У мня матушке не сказано
Запустить гостей любимыих
Во любимое гостебище!

Гости и жених сидят за столом.
Невеста подходит к жениху и причитывает:

Порастроньтесь, люди добрые,
Порастроньтесь, православные,
Дайте местечка немножечко,
На одну дайте мостиненку,
На едину перекладинку!
Мне пройти бы, всей невольнице,
Ко столу да ко дубовому,
Ко князю́ да ко моло́дому.
Бью челом да низко кланяюсь
Всему кругу молодецкому,
Поезду да княженецкому,
Младому сыну отецкому,
Я первой брюзги в особину!
Ты, брюзга да княженецкая,
Брюзга навлась, накупалася,
Брюзга богом увещалася,
Брюзга врать не собиралася.
Ах ты, брюзга да княженецкая,
Протопопша ты вытегорская,
Ты, купчиха новгородская,
Госпожа брюзга-боярыня,
Настояща брюзга-барыня!
Ах ты, брюзга да княженецкая,
У вас буду я выспрашивать,
Вы должны мне всё рассказывать
Про млада сына отецкого!
Говори, не заговаривай,
Расскажи всё, не затаивай,

Он охоч ли ходить, ухаживать,
Ночки темные проваживать?
Над держать да будет девушке
Ножки резвы на дороженьке,
Ручки белы на заложечке,
Свое личко во окошечке,
Дожидать да мужа пьяного?!

Обращается к жениху:

Я клоню буйну головушку
Младому сыну отецкому.
Становитесь-ка, пожалуйста,
Стань на резвые на ноженьки,
На козловы стань сапоженьки!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын!
Ты сидишь да как свеча горишь,
Говоришь — да как рублем даришь!
У тебя, да млад отецкий сын,
Белота взята с бела́ снежку,
Красота взята от солнышка!
У вас брови чёрна соболя,
У вас очи ясна сокола!
Говори-тко, млад отецкий сын,
Ты где меня повысмотрел,
Уж ты где меня повыглядел?
Ты во праздничке гуляючи,
Аль на горушке катаючи,
Аль на работке работа́ючи?
Погоди-тко, млад отецкий сын,
Тебе женитьба неудачлива:
Молода жена невзрачлива,
Белоручка и не коровница,
Тонконожка, не работница!
Отъезжайте-тко, пожалуйста,
От стола да от дубового,
Со хоромного строеньица!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Я на горочке каталася,
Мое личко принавеело.
В ту пор я была хорошая,
А на трудной на работушке
Пред тобой я выславлялася,

На часу́ сила сдержалася,
На другом краска стерялася!

Отворачивается от стола.
Начинается передача «воли»:

Ну вот сяду, красна девушка,
Я на лавочку брусовую.
Подходите-тко, пожалуйста,
Вы кругом да меня около,
Все родные сродцы-сроднички,
Все милы́ братья родимые,
Все мои сестрицы милые,
Задушевны красны девушки
Да восприемна крёстна матушка!
Поспевала, крёстна матушка,
Ко купели, ко святой воды,
Так успевай-ка, крёстна матушка,
Ко разлуке дорогой воли́!
Вы, родитель моя матушка,
Ты, великое желаньице,
Принеси, родитель матушка,
Мне трубу да стоаршинную,
Мне другу да миткалинную,
А вы, мои подружки милые,
Задушевны красны девушки,
Слушайте, голубушки,
Вы на ту нашейте завесу,
На двенадцати на тресточках:
На одной нашейте тресточке
Вы царя да благоверного,
На второй, моей головушке,
Вы царицу милосердную,
На третьей шейте тресточке
Вы царевых малых детушек.
Как еще шейте, голубушки,
Шейте полк да со солдатама,
Петроград да со бурлакама,
Вы Москву да со боярама;
Как еще, мои голубушки,
Вы себя, подружки милые,
Вы меня, да красну девушку,
Вы мою бажёну волюшку!

И вот поставьте-тко, голубушки,
Ко столу да ко дубовому,
Ко князю да ко молодому.
Тут бурлакушки распляшутся,
Тут солдаты расстреляются,
Утка сера разгогочется.
В ты пор царь да смилосердится,
Царица сожалуется,
Малы детушки расплачутся,
А вы, мои подружки милые,
Вы запойте жалки песенки.
Может, чуж да млад отецкий сын
Оглядится, остолопится,
От стола да поворотится, —
Я во девушках останусь,
Я во красных призадляюся!
Где-ко есть у мня, у девушки,
Братец-красно мое солнышко,
Братец-тоненька тониночка,
Золота, братец, вербиночка,
Братец — сердца половиночка!
Так сохраните у мня, девушки,
Вы мою бажёну волюшку!
Охти мнешенько тошнешенько!
Всё прошло, всё миновалося,
Назади всё приосталося,
Прошло воли волеваньице,
Красной девушке гуляньице.
Не отдам бажёной волюшки!
Тут моя бажёна волюшка
Крылья, перышка расправила,
Во головушку ударила,
Улетела во чисто поле,
Села на горькую осиненку,
На бессчастну деревиненку,
Проклинат да меня, девушку:
«Будя проклят, красна девушка,
Ты умела волю вырастить,
А не сумела волю выпустить,
Ты умела красоватися,
Не сумеешь расставатися!»

Подходит к столу:

Порасстроньтесь, люди добрые,
Порасстроньтесь, православные,
Пропустите красну девушку
Со бажёной дорогой волéй
Ко столу да ко дубовому!
Я не знаю, красна девушка,
Куда класть бажёну волюшку?
Я кладу, девка-невольница,
Да на местну богородицу,
Котора богородица
Сохраняла меня, девушку,
В летню пору от прохожего,
В зимню пору от проезжего!
Так сохрани-тко, богородица,
По сегодняшнему дéнечку
Ты мою бажёну волюшку
От млада сына отецкого!
Я кладу бажёну волюшку
На косивчато окошечко,
Пусть-ка воля наволюется,
Дорогая накрасуется!
В уголок кладу перчаточкой,
В стену я кладу булавочкой.
Так ты, родитель моя матушка,
Станешь мыть, так не спахните-тко,
Вы водой не сполощите-тко,
Вы во грязь да не свалите-тко
Вы бажёну мою волюшку!
Я неладно, девка, вздумала,
Я не место воле прúбрала.
Ведь пройди зимушка холодная,
Будет вёснушка разливная,
Тут полéтят гуси-лебеди,
Да улéтит моя волюшка
На круглистое озёрушко,
На тихое на затишье,
На зелено слетит захрестье!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын!
Он начнет ходить-похаживать,
Серых утишек поймывать,

Поимат да утку серую,
А тут моя бажёна волюшка!
Я кладу бажёну волюшку
Осередь стола дубового,
Я на скатерти шелковые,
Я на едушки сахарные,
Я на вина кладу пьяные.
Наедайся, воля, досыта,
Напивайся, воля, допьяна,
Покуль свой дом, так своя воля́,
У своих пока родителей!

Жених берет «волю»:

Отвернуться красной девушке
От стола да от дубового,
От князя да от моло́дого!
Подойдите-тко, пожалуйста,
Все сердечные родители,
Вы милы братья родимые,
Еще крёстна моя матушка!
Это что в доме заве́дено,
Это что у вас запущено?
Во почетном во большом углу
Это чистые разбойнички,
Настоящи поддорожнички.
Грабежом девку ограбили,
Как силом да волю отняли!

Обращается к жениху:

Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Ты отдай бажёну волюшку!
Ты за волю поимаешься,
Никогда не рассчитаешься!
Ты родной кормилец батюшка,
Ты охоч ходить, разъезживать,
В торги-ярманки поезживать,
Так принеси, кормилец батюшка,
Тут веревочек недержанных!
За мою бажёну волюшку
Завяжите-тко, пожалуйста,

Младого сына́ отецкого,
Поезжанов княженецкиих!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Дай мою бажёну волюшку!
Закажу я, красна девушка,
Я во по́греба глубокие,
Во подпольица во темные,
Во подвалы во холодные!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Ты отдай бажёну волюшку!
Буде будем богом сужены
И попом будем овенчаны,
Божьей церквой обзаконены,
Взвеличать да стану, девушка,
Твоего кормильца батюшка,
Почитать я буду, девушка,
Я твою родитель матушку
И всех твоих сестриц-голубушек!
Ведь сама знаю, сама ведаю,
Что замужество не шуточка,
Не ребячья поигрушечка,
Ты отдай бажёну волюшку!
В ту пор буду, красна девушка,
Я головушкой поклонная,
Я сердечушком покорная,
Как тебя, да млад отецкий сын,
Буду звать тебя по имечки,
Взвеличать да по изотченки!

Невеста называет жениха по имени, жених отдает «волю», она идет от стола и причитывает:

Ты лукав, а я лукавее!
Обманула, облукавила!
Боле век вам в доме не́ бывать,
Вам меня вам глазом не́ видать,
Я не стану звать по имечки,
Взвеличать да по изотченки,
Не пойду да не подумаю,
Во проклятое замужество!

ПРИЧЁТ ПРИ РАССТАВАНИИ С ПОДРУЖКОЙ

Уж мы жили, две красны девушки,
С малых лет мы вместе повыросли,
У нас две ли да было буйных головы, —
Одно только ретиво́ сердце!
Мы одну ли да думу думали,
Мы одни ли да речи молвили,
У нас тайны были разговоры,
Непроносны да словеса.
Что мы думали, то и делали,
Никому мы не изведывали,
Всё ходили да мы гуляли,
Вместях двое да с тобой на́двое,
Друг без дружки да никуда,
По играм мы да по веселым,
По беседушкам по хорошим,
По лугам ли да по зеленым,
Мы по горочкам по ледяночкам.
Нонь пришла ли да пора-времечко
Расставаться да расступаться!
Как мы станем да распрощаться,
Красны девушки расставаться?
Расставаньице тяжело,
Нам в разлукушке нелегко,
Головам нашим тяжело,
Ретиву сердцу не легко,
Всё останется от нас, от девушек,
Вся гульба ли наша, веселеньице,
Тайны-тайности, непроносны словеса.
Заповедали мы, красны девушки,
Чтоб никому было не и́звестно,
Только знали бы, только ведали,
Только мы ли, две красны девушки!
С этой тайностью мы помрем,
В матерь землю да так пойдем!
Еще вспомни-ка, красна девушка,
Ты, подружечка задушевная:
Надойдет ли пора-времечко,
Накатится да весна тепла,
Протекут ли да ручьи с гор земли,
Как пробрызжут ли реки быстрые,

Как прокатится ли мать Печорушка
Вниз по быстери да до синя моря;
Как по той ли да по Печорушке
Поплывут ли да легки стружечки,
Как поедут ли да всё во лодочках
На гуляньице да на весельице
Как по вешным да тихим заводям
Всё со песнями да всё со баснями,
Как пойдут-то еще в лодочках
По путям ли да по дорожечкам,
По рекам ли да по Печорушкам,
По губам ли да до синя́ моря,
Как на промыслы да на богаты,
Как во тех ли во лодочках,
Что со белыми парусами,
Со белыми да полотняными, —
Помяни-косе, да где мы были,
Где мы были, да где мы ро́били,
Где мы робили да где моталися,
Моталися да позори́лися:
Мы по ловлям да рыболовным,
По вода́м ли да по глубоким,
По тоням ли да по убойным.
Тяжело нам да доставалося,
Уж мы ночи да не сыпали,
Уж мы днем да не отдыхали,
Бури-падеры да не держали,
Дожди мокры да проливали,
До костей мы да промокали.
Руки, ноги да промерзали,
Зубы о зубы у нас трещали,
Ретиво сердцо дрожало,
Кровь горяча да захлывала!
Только было нам согревы,
Только было нам пригревы:
Ключевой воды принагре́м,
Изопьем воду́ — сердцо́ огре́м!
Как со той же мы со работушки,
Как со той же да со тяжелоей,
Со богатого мы со промыслу
Домой при́дем мы не ко батюшку,
Возвернемся мы не ко матушке,

Мы ко тем ли да злым хозявам.
Мы глазами не оглядимся,
Резвых ног мы не обогрем,
Как на ту же опять работу,
Как на ту же опять тяжолу!
Ты пойдешь ли, моя подружечка,
По лугам ли да по зелёным,
Ты по по́жням, по сенокосам, —
Вспомяни-косе, бела лебедь:
Всё мы вместе с тобой ходили
Всё на долгих да на покосах,
На широких да на погра́бах,
На тяжелой да на работушке!
Тяжелым ли да тяжело было,
Молодым ли да нам молодехоньким
Не по силушке да было нашей!
Тяжело рукам доставалося,
Могучи́ плеча́ уставали,
Со работы ноги дрожали,
Со тяжолой мы уставали.
Мы не плату да получали,
Хошь копеечки собирали!
Что за наш-то труд-работушку
Кто ли денежки собирал,
Себе богатство да наживал!
Подойдет-то пора-время,
Докати́тся час-минутушка
До тебя ли, до красной девушки,
Как в расстанюшке житья девьего
Спомяни-косе, бела лебедь,
Про меня ли про красну девушку:
Каково было мне-ка, красной девушке,
Таково будет тебе, белой лебеди!

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании представлены все жанровые разновидности и основные областные типы русских народных причитаний — севернорусские, сибирские, костромские, владимирские, новгородские и т. д.

В связи с тем, что причитания — один из наиболее импровизационных жанров русского фольклора и творческая индивидуальность исполнителя выявляется в них со значительно большей силой, чем в лирических песнях, исполняющихся хором, или в былинах, обладающих большей устойчивостью текста, в первом разделе помещаются избранные записи от трех наиболее выдающихся мастеров русской причети: середины XIX века — И. А. Федосовой, конца XIX и начала XX века — Н. С. Богдановой, предреволюционного и советского времени — А. М. Пашковой. Во втором разделе объединены бытовые, рекрутские и похоронные причитания других исполнительниц, расположенные в хронологическом порядке по времени их возникновения (или, когда это невозможно установить, по времени их записи или публикации). В третьем разделе даны избранные образцы свадебной причети.

Все тексты печатаются полностью, без сокращений, в том виде, как они были опубликованы собирателями. Как правило, сохраняются также и названия плачей, присвоенные им собирателями. Исправления вносятся в тех случаях, когда названия противоречат содержанию текста (ср., например, плач, записанный от Е. Николаевой и ошибочно названный «Воплем дочери об умершем отце» — см. стр. 296 и примечания — стр. 409). Кроме того, в названиях повсюду принята более распространенная форма: плач по отцу, по мужу, по сыну и т. д. вместо встречающейся у публикаторов «по отце», «по муже», «по сыне» и т. д. Все ремарки, поясняющие, *кто́, в каком случае, обращаясь к кому* и т. д. причитывает, печатаются в тексте курсивом. В некоторых случаях, когда это было необходимо, ремарки подверглись редактированию или уточнению (см., например, «Плач о холостом рекруте» И. А. Федосовой).

Текстологическое редактирование выразилось главным образом в приведении устаревшей орфографии к современным нормам и в некоторой правке фонетической стороны записей. Во всех случаях, когда собиратели передавали при помощи фонетической транскрипции слово, произношение которого не отклоняется от литературной нормы, написание его заменялось литературным

(например, ярово — ярого, горемышный — горемычный, друк — друг, собираетца — собирается и т. д.). Не сохраняются и такие особенности диалекта, которые затрудняют художественное восприятие текста и могут представить интерес только для специалиста-диалектолога (например, бладой — младой, гля — для, оци — очи, девоцьи — девочьи, птича — птица и т. д. Не сохраняются также попытки некоторых собирателей изобразить тем или иным способом редуцированные гласные в неударной позиции (например, обидили — обидели, дубовыи — дубовые, атлетаит — отлетает и т. д.). Восстанавливается литературное написание слов с непроизносимыми согласными (например, милосливый — милостливый, незгода — невзгода, слать — стлать и т. д.).

Исправлениям также подвергались явные опечатки или описки собирателей. Остальные случаи существенного текстологического редактирования оговариваются в примечаниях.

В примечаниях, кроме обычной документации, сообщаются некоторые исторические, этнографические и фольклорные сведения, необходимые для понимания текста, и в тех случаях, когда это возможно, дается реальный комментарий и сведения о творческой истории текста. Истолкованию также подвергаются некоторые наиболее трудные для понимания строки и отдельные словосочетания.

Областные и малопонятные слова объясняются в словаре. При пользовании этим словарем следует учитывать сравнительную сложность языка причитаний, в котором сочетаются архаизмы, удерживавшиеся в обрядовых причитаниях, и глубокая и живая связь с диалектами. Читателю могут встретиться слова, близкие по звучанию и начертанию к словам, употребляющимся в литературном языке, однако не совпадающие с ними по своему значению (ср. «возраст», «природа», «сурово», «хобот», «крутить» и др.).

Кроме того, дается словарь устойчивых метафорических замен. Удобнее познакомиться с ним до чтения текстов, это поможет избежать элементарных ошибок в понимании причитаний. Так, например, «Как схватилася спорядная суседушка за свою она надежную головушку» следует понимать не как «соседка схватилась за свою голову», а как «соседка спохватилась — где же ее муж», так как «надежная головушка» в причитаниях всегда означает «муж».

Список условных сокращений

Агренева — О. Х. Агренева-Славянская. Описание русской крестьянской свадьбы, ч. 3. Тверь, 1889.

Азадовский — Марк Азадовский. Ленские причитания. Чита, 1922.

Андреев — Виноградов — Русские плачи (причитания). Вступительная статья Н. П. Андреева и Г. С. Виноградова. Редакция текстов и примечания Г. С. Виноградова. Изд. «Библиотека поэта», большая серия, 1937.

Барсов — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Чч. 1—2. М., 1872—1882.

Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. 1—4. М., 1955.

Леонтьев — Н. П. Леонтьев. Печорский фольклор. Предисловие, редакция и примечания В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939.

Михайлов — Русские плачи Карелии. Подготовка текстов и примечания М. М. Михайлова. Статьи Г. С. Виноградова и М. М. Михайлова. Петрозаводск, 1940.

Смирнов — В. И. Смирнов. Народные похороны и причитания в Костромском крае. «Второй этнографический сборник Костромского научного общества по изучению местного края». Кострома, 1920.

Соколовы — Сказки и песни Белозерского края. Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

Фольклор Советской Карелии — Фольклор Советской Карелии. Подготовка текстов к печати и примечания А. Беловановой и А. Разумовой. Вступительная статья В. Базанова. Петрозаводск, 1947.

Шайжин, 1907 — Н. С. Шайжин. Олонецкие водопады Кивач, Пор-Порог и Гирвас в описаниях туристов. Петрозаводск, 1907.

Шайжин, 1910 — Н. С. Шайжин. Похоронные причитанья Олонецкого края (новая запись). «Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 год». Петрозаводск, 1910.

Шайжин, 1911 — Н. С. Шайжин. Олонецкий фольклор. Похоронные причитанья вопленицы Н. С. Богдановой. «Памятная книжка Олонецкой губернии на 1911 год». Петрозаводск, 1911.

Шейн — П. В. Шейн. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказаниях, легендах и т. п., т. 1, вып. 2. СПб., 1900.

И. А. Федосова

Плач о старосте. Впервые — «Современные известия», 1870, 4 августа, № 212. Печ. по Барсову, ч. 1, стр. 282; зап. в августе — ноябре 1867 г. В обеих публикациях, очевидно, по цензурным соображениям были выпущены строки: от «Как сберутся в божью церковь посвященную» до «Как у старых стариков было рассказано», в которых современным Федосовой несправедливостям противопоставляются «новгородские времена». Эти строки были отдельно опубликованы Е. В. Барсовым в статье «Об олонецком песнотворчестве» в «Записках Русского Географического Общества по отделению этнографии», 1873, т. 3, стр. 516, и повторно в предисловии ко 2-й части «Причитаний Северного края» (стр. XII), в первом случае с прямым указанием: «Из плача о старосте». Место их в тексте указано Барсовым строкой точек после строки «Без Исусовой молитвы намолилися». Полностью текст плача публикуется впервые. «Плач о старосте» Федосовой — одно из ярчайших выражений настроений русского крестьянства 1860-х годов в народном творчестве. В этом плаче Федосова причитывает от имени вдовы старосты — крестьянского

заступника, погибшего в результате столкновения кузарандских крестьян с мировым посредником. Плач возник на основе факта, происшедшего в августе — сентябре 1867 г. В этом году был объявлен добавочный сбор к оброчной подати, что особенно обострило взаимоотношения крестьян и губернских властей. «Плач о потопших», записанный Е. В. Барсовым от Федосовой, дает основание предполагать, что август 1867 г. Федосова провела в Кузаранде. Назначение мирового посредника второго участка Петрозаводского уезда, в который входила и Толвуйская волость (на эту должность был назначен коллежский секретарь П. П. Дротаевский), состоялось за год до этого — 27 августа 1866 г. Упоминавшийся выше «новгородский» отрывок связан с заонежской крестьянской утопической легендой о «новгородском времени», которое было якобы «золотым веком» крестьянской вольности (см. вступительную статью, стр. 30). Н. А. Некрасов использовал этот плач в гл. «Демушка» поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (см. приезд «судей неправосудных», проклятье «судьям» и др.). *Обчество собраное.* «Общество» или «община» — крестьяне одной волости или одного прихода, состоявшие под общим управлением. *Земская изба* — официальное помещение крестьянской общины. Земская изба Кузарандского общества находилась в д. Юсова гора. *Уже нет ли где корыстного делишечка* — т. е. не продавали ли крестьяне хлеб нового урожая до уплаты подати. *Уж не бросить же участков деревенскиих.* В XIX в. известно несколько десятков случаев бегства олонецких крестьян в леса от начальства. Бежали не только целыми семьями, но иной раз и целыми деревнями, селились в глуши, заводили там хозяйство, пока губернское начальство не открывало никому не известные селения и не ставило их в прежнюю зависимость от государства (см., например, «Олонецкие губернские ведомости», 1866, № 23—28, «Дорожные заметки» М. Г. и др.). Н. Флеровский в книге «Положение рабочего класса в России» (М., 1869, стр. 89 и след.) рассказывает о бегстве более пятисот семей из Олонецкой губернии в южные области России. *Хоть своей казной теперь да долагайте-тко.* Староста и другие выборные собственным имуществом отвечали за исправный сбор податей. *Кижский остров* — один из заонежских островов, знаменитый Кижским архитектурным ансамблем — памятником крестьянского зодчества начала XVIII в. (двадцатидвухглавая деревянная Преображенская церковь, девятиглавая Покровская и шатровая колокольня). *Толвуя.* Кузаранда, в которой жила Федосова до переезда в Петрозаводск, входила в Толвуйскую волость Петрозаводского уезда. *Земские вси избы... часовенки спасеные.* Речь идет о наступлении на крестьянское самоуправление (*Будут земские вси избы испражнятися,* т. е. пустеть), об учреждении института мировых посредников (*Скрозекозные судьи да присылатися),* о преследовании староверов и т. д. Таким образом, нарушение «досюльных законов» выражено здесь в конкретных формах событий середины XIX в. *Город Повенецкой* — Повенец, уездный город, в то время важный узловой пункт на Петербургском тракте и пристань на Онежском озере. *На пути*

злодий смерётушка стретала. Староста, по-видимому, умер по дороге из петрозаводской тюрьмы домой в Кузаранду.

Из плача о писаре. Впервые — Барсов, ч. 1, стр. 288; зап. в июне — ноябре 1867 г. Слова в заглавии «Из плача» указывают на то, что по цензурным причинам Е. В. Барсов не решился опубликовать текст полностью. По всей вероятности, в опущенной части рассказывалось об истории и причине гибели писаря — крестьянского заступника. Не исключено, что смерть писаря произошла в 1866—1867 гг. — во время наиболее острых столкновений крестьян с губернским начальством, осуществлявшим в эти годы «крестьянскую реформу» среди государственных крестьян. Особенно замечательна в плаче легенда о происхождении горя, использованная Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо» в так называемой «легенде о ключах от счастья женского» (глава «Бабья притча»). Образ Горя-Доли у Федосовой связан с традиционными представлениями о Горе-Доле-Судине (и через них — с представлениями о смерти), широко распространенными в народных песнях, сказках, причитаниях и легендах (ср. также «Повесть о Горе-Злочастии»). Вместе с тем эти представления получили у Федосовой своеобразную трактовку. Враждебная сила, олицетворенная в образе Горя, реальна; она действует на земле: это «судьи неправосудные», т. е. государственные чиновники, проводящие реформу. Кроме того, Горе не всегда действовало на земле. Было будто бы время, когда оно не могло подступиться к людям; это был своего рода «золотой век» идеальной социальной организации людей. В настоящем издании восстанавливается порядок строк «Как в досюльны времена... вроде как козлиная», нарушенный в издании Барсова при наборе или переписке. *В подземельные норы ключ поладился, Где сидело это горюшко великое.* В тексте Федосовой есть известное противоречие: в первой части легенды говорится о том, что само Горе спряталось в море «под колодинку»; во второй же части оказывается, что в море-окиян были брошены только ключи от подземелья, в которое было посажено Горе. *К писарю.* В этой части, после ремарки, дается как бы реальное объяснение легенды. *Ты про обчество крестьян да православныих* — т. е. про крестьянское житье-бытье. *Вся отцовщина у них нонь придержалася* — т. е. кончилось все хорошее, что было раньше (при отцах). *Не насыпаны... у их хлебушков.* О недородах, голоде и эпизоотии в северных деревнях в 1861—1867 гг. см. вступительную статью, стр. 27.

Плач об убитом громом-молвией. Впервые — Барсов, ч. 1, стр. 245; зап. в июне — ноябре 1867 г. По старинному крестьянскому поверию, каждый убитый молнией поражен Ильей-пророком, «громовником», за какие-либо прегрешения. На этом основано содержание плача. Илья карает крестьянина за безбожие. Разрешение на это он получает в пасху, а убивает на троицкой неделе (когда начинаются грозы). Поводом для кары

является то, что крестьянин во время грозы продолжает работать, в то время когда другие укрываются по домам и молятся. *Светлый владычный божий праздник.* Владычный — т. е. относящийся к числу самых главных церковных праздников; здесь: пасха. *Как схватилася спорядная суседушка за свою она надежную головушку* — т. е. соседка спохватилась о своем муже. *Город Петровский* — Петрозаводск (в прошлом Петровская слобода, Петровский городок). *Все ведь гнались за крестьянскоей работушкой* — т. е. прилежно трудились на поле.

Плач о потопших. Впервые — Барсов, ч. 1, стр. 252; зап. в сентябре — ноябре 1867 г. В основе плача лежит факт, известный по полицейскому сообщению в «Олонецких губернских ведомостях» от 30 сентября 1867 г. (№ 39, стр. 711): «Крестьянин Петрозаводского уезда Ругозерского общества Василий Радионов вместе с сыном своим Андрианом Васильевым, дочерью Марьею и крестьянином Василием Петровым в последних числах августа отправились из своей деревни на противоположный берег озера Онеги, к Тимбас-губе для сбора мху. На возвратном пути, 28 августа, их застигла буря и понесла лодку в озеро; в это время Петров упал в воду и утонул, а Радионова с детьми прибило в лодке к о. Сосновцу в 4-х верстах от д. Шуровой. Здесь Радионов и сын его Андриан сразу же умерли, а дочь Марья была вывезена на берег прибывшим на ее крик крестьянином д. Королевской Иваном Андриановым». Описанное происшествие произошло в нескольких верстах от Кузаранды, где жили родные Федосовой и где она, вероятно, провела август 1867 г. Особенная лиричность плача, возможно, объясняется еще и тем, что в памяти Федосовой была жива трагическая гибель ее родных при близких обстоятельствах за три года до происшествия в Тимбас-губе (см. «Олонецкие губернские ведомости», 1864, 1 августа, № 30, стр. 238). В происшествии особенно поразила Федосову судьба девушки, чудом спасшейся от гибели и заброшенной волнами на безлюдный и незнакомый ей остров; Федосова причитывает от имени этой девушки. *Снарядились мы... не затопляли.* Характерное для причитаний объяснение несчастья грехом, совершенным кем-нибудь из родных. *Судинушка* — Судьба-Доля, мифическое олицетворение судьбы. *Морюшко* — огромные размеры Онежского озера (площадь зеркала свыше 10 тыс. км²), его глубина (до 120 м), постоянная волна морского типа объясняют то, что в песнях и причитаниях оно нередко называется «морем», «морюшком». *Ветрышки способные* — попутные ветры. *Не радию я, победна, во добры люди* — не пожелаю я добрым людям. *Быв на синем я на славном этом морюшке* — как будто я все еще в море. *Я схватилась за родителя за батюшка* — я спохватилась, т. е. вспомнила об отце. *Повозничек любимый.* Девушка называет брата традиционным для свадебных и похоронных причитаний названием «повозник» — т. е. тот, кто возит по гуляниям, по посиделкам. *Попахали бы.* «Попахать могилу» означает определенное обрядовое действие: придя на могилу в родительский день,

прежде всего обметали платком и обчищали могильный холм. *На гербовой лист бумагу обчинили* — т. е. записали все на гербовой бумаге. *Я бы воропу, победна, во темных лесах.* Вороп — грабеж, нападение, разбой. У Барсова ошибочно и бессмысленно: «Я бы ворону. . .», — в этом случае неясно, что́ именно «не радела бы» «ворону» (либо кому «не радела бы» «ворона»). *На кирпичную, знать, печеньку ложила И сосновую лучину подстилала.* Новорожденного полагалось обнести вокруг избы и в первую купель положить дары — зерна, соль, деньги и т. д. Причитывающая хочет сказать, что мать, положившая ее на кирпичную печь и на занозистую лучину, виновата в том, что последующая ее жизнь сложилась столь несчастно.

Из плача о попе-отце духовном. Впервые — Барсов, ч. 1, стр. 293; зап. в июне — ноябре 1867 г. Нарисованный Федосовой образ попа, близкого крестьянам, вызвал возмущение постоянного корреспондента «Православного обозрения» и других церковных изданий Н. Покровского. В статье «Рассказы из крестьянского быта Северного края» («Гражданин», 1872, № 19, стр. 44) Покровский называет попа из плача Федосовой «безнравственным» за то, что он «одного поля ягода» с крестьянами (стр. 46). Этот плач использован Н. А. Некрасовым в гл. «Демушка» поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (гибель ребенка, судебно-медицинское вскрытие его тела, роль попа и т. д.). *Начало полагал он по-писаному* — т. е. вступительную молитву читал так, как полагается по писанию (по церковным книгам). *Он закону-то, отец, не поступае* — т. е. не нарушает закона (у Барсова ошибочно: «Он закону-то, отец, не выступает»). *Быдто дитятко буде исповедано* — как будто ребенок был раньше исповедан. *Рукописание.* Речь идет о документе, удостоверяющем, что ребенок умер естественной смертью. *Ризы опальные* — не совсем ясная строка; м. б., «палевые», т. е. светло-желтые ризы? Похоронный обряд полагалось отправлять в белых либо светлых ризах.

Плач об упьянсливой головушке. Впервые — Барсов, ч. 1, стр. 271; зап. в феврале — ноябре 1867 г. Плач особенно интересен сложным отношением причитывающей к покойному — она не может не оплакивать его как мужа и вместе с тем вспоминает о том, сколько несчастий приносило ей его пьянство. *Владычной праздничек* — см. стр. 398. *Я у упьянсливой.* У Барсова ошибочно: «Я у пьянсливой». *Тут я тяжкого греха-то залучила* — тут я впала в тяжкий грех. *Царёвый кабак.* Все питейные заведения в России принадлежали царской фамилии. *Произвел* — здесь: пропил. *Пятисотские* — выборные помощники старосты от 500 человек. *Рассыльные* — крестьяне, выполняющие распоряжение старосты или старшины. *Впереди да в божью церковь приходило.* Имеется в виду венчание, которое было началом всех несчастий причитывающей. *Райские двери* (или царские) — средние двери в иконостасе, против которых ставили жениха и невесту во время

венчания. *Стол княженецкий* — свадебный стол в доме жениха. *Наступили* — здесь: сглазили. *Наб сидеть им тут у тела запитущего.* До начала следствия полагалось охранять труп. *Петров город* — Петрозаводск.

Плач вдовы по мужу. Впервые — Барсов, ч. 1, стр. 1; зап. в июне — ноябре 1867 г. Публикуемый текст является характерным примером превращения традиционного вдовьего плача в плач-поэму, рисующую широкую картину крестьянской жизни той поры. Плач особенно замечателен выразительным описанием положения вдовы и ее детей в патриархальной семье после смерти мужа. В гл. «Трудный год» поэмы «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасов использовал многие мотивы и образы этого плача (см. отрывок: «Теперь уж я не дольщица. . .», описание ужина в крестьянской семье, плач Матрены Тимофеевны и др.). *По подоконью столыпатися* — здесь: нищенствовать (просить милостыню под чужими окнами). *Со детиною* — с детьми. *Калека* (точнее: «калика») *перехожая* — странствующий нищий. *Дверная лавочка* — лавка, расположенная от дверного угла в сторону красной лавки. «Посадить на дверную лавку» означало не оказывать внимания. *Деревня садовитая* — обсаженная садами, красивая. *На речи не ставишься* — не желаешь разговаривать. *Прохладная жирушка* — хорошая жизнь. *Во пятницу засияны... во среду веспорожены* — пятница и среда считались «постными» днями. Быть зачатым в пятницу означало родительский грех и сулило ребенку несчастную долю. *Победное живленьице* — жизнь, полная беды, горя. *Наб за пряточкой саженки не дотягивать* — строка не совсем ясная. По-видимому: надо, меряя выработанную пряжу, не натягивать ее, отмерять с запасом, чтобы не было попреков. *Иное живленьице* — тот свет. *Никольская улица, Варварская буява* — кладбище, могила. *Ухожу детушек* — т. е. уложу детей спать. *Повонý — стоит палата грановитая* — снаружи может показаться, что это палата грановитая. *Как пройдет худа слава нехорошая, Тут отрёкнется порода именитая.* По обычному крестьянскому праву XIX в. родственники могли лишать вдову доли в хозяйстве, если она навлекала на себя дурную славу. *Край пути нашла, горюша, перепутьицо* — т. е. на краю дороги нашла место отдыха. *Тут издула огонёчки муравейные* — т. е. затопила печь («муравейные» от «муравчатая», «муравленная», покрытая глазурью). *На сговоры мне, победной, не сдаваешься* — т. е. не хочешь со мной поговорить. *Али выдти на родиму взад на родину.* По обычному крестьянскому праву XIX в. вдова с детьми не могла возвратиться к своим родным, теряла свою долю в хозяйстве и т. д. С другой стороны, в семье мужа она тоже не имела права на самостоятельную долю до совершеннолетия одного из своих сыновей. *Корабли идут по морю* — по Онежскому озеру, см. стр. 398. *Ластушки* — дети. *Мне пойти было... к ретливому сердечушку.* Единственным бесспорным имуществом вдовы-снохи по обычному крестьянскому праву XIX в. считалась одежда покойного

мужа. *Мелкорубленая клеточка* — клеть, чулан либо пристройка для неотделившегося сына с семьей. *Не могу прибрать* и т. д. — т. е. не могу найти никого, похожего на моего мужа. *Им не в честь моя крестьянская работушка* — т. е. они не ценят мою работу. *Дольщичка* — равноправный член семьи.

Плач по дочери. Впервые — Барсов, ч. 1, стр. 114; зап. в июне — ноябре 1867 г. Плач этот был использован П. И. Мельниковым-Печерским в романе «В лесах» в причитании «плачеи» Устиньи Клещихи по Насте Чапурной (ч. II, гл. 11). *Грузна-больна белая лебедушка* — т. е. дочь забеременела. *По уму... те* — т. е. какие тебе захочется. *Кругом-нáокол огней* — вокруг костра. *Я пойду с горя... на белыи на плеченьки.* Строки интересны как редкий образец крестьянского описания облачения невесты в середине XIX в. *Став* — ткацкий станок; *Тамбурка* — игла, крючок для вышивания «тамбуром» (техника вышивки, издавна принятая в Заонежье, при которой нитка продевается при помощи «тамбурки» из петли в петлю). У Барсова явно ошибочно и бессмысленно: «За столом да дорогая была ткиюшка, Из котурна досужна рукодельица». *Наряжена покрутушка* — приготовлена одежда. *Гостиная неделюшка.* По севернорусским обычаям девушек отпускали зимой гостить на неделю-две к родственникам; эти недели проводились молодежью особенно весело и вольно. В некоторых местах гостиные недели приурочивались к рождеству, Новому году или пасхе. *Не начáлась* — стяженная форма от «начаялась», т. е. не ожидала. *Дяденки* — здесь тетки, жены дядей. *Христово воскресеньице* — пасха. *Сожидаюча родима засмотреньица* — ожидая, когда увидит родных. *Зачитаются* — здесь: стяженная форма от «зачитываются», путаются при чтении. *Умерший венец* — атласная или бумажная лента с изображением Христа, богоматери и Иоанна Богослова, которые возлагались на чело усопших при погребении. *Под правý руку бумагу кладавают.* В руку умершего вкладывалась молитва, написанная на бумаге («пропуск»). *Крещенская уличка, Микольска буява* — кладбище. *Спасают белую лебедушку* — т. е. молятся за дочь. *Сарафаны мелкоскладные* — сарафаны в мелкую сборку.

Плач о свате. Впервые — Барсов, ч. 1, стр. 231; зап. в июне — ноябре 1867 г. Характерна в этом плаче прозаическая экспозиция, которая особенно ясно обнаруживает стремление Федосовой воспроизводить не только заплачку, но и обстоятельства, в которых она возникла. «Сватьями» обычно называли родителей мужа и жены по отношению друг к другу. Сват — термин, обозначающий отношения не родства, а свойства. В публикуемом тексте «невесткина свекровь», т. е. мать мужа, отправляется на похороны и затем причитывает по свату, т. е. по отцу жены. *Большак* — здесь, очевидно, муж причитывающей. *Во собой* — с собой. *Великое желаньице* — хорошее отношение. *Судимая сторонушка* — деревня, семья, в которую вышла замуж. *На*

ричную поговорочку бросливая — резкая на слово. *Кофеи горячие.* Кофе был для заонежских крестьян 1860-х годов очень дорогим и редким напитком. *Староверы со пустыней-то съезжаются.* Покойный был старообрядцем, хоронить его приехали старцы из лесных келий — «пустынь», в которых скрывались староверческие начетники после «разорения» Выговского староверческого общежития правительственными чиновниками в 1859 г. Староверы поморского согласия попов не признавали и отправляли все «таинства», включая похороны, общиной. *Одноручное кадило* — староверческое кадило с одной ручкой в отличие от «православного», которое держалось на трех цепочках. *Начало староверское* — вступительная молитва с обязательными поклонами.

Плач о холостом рекруте. Впервые — Барсов, ч. 2, стр. 1; зап. в 1868 г. В плаче речь идет о наборе рекрутов во время войны либо перед войной. Можно предположить в связи с этим, что Федосовой припоминались какие-то события начала 50-х годов XIX в. Несколько раз говорится об отборе рекрутов путем жеребьевки, которая была введена с 1854 г. Следовательно, факт, легший в основу причети, мог произойти в 1854—1856 гг. Однако очевидны и наслоения тех лет, когда Федосова жила в Петрозаводске (1865—1868). Известно, что в 1866—1868 гг. наборы рекрутов были ежегодными. Конец плача производит впечатление некоторой незавершенности. Возможно, что следующий за ним в сборнике Барсова «Плач о рекруте женатом» рассматривался Федосовой как вариант комментируемого плача. *Жеребья дубовые.* В качестве «жребия» употреблялись деревянные планки с отметками либо условными номерами. *Вы на этыих горах да на искатныих* — т. е. когда будете зимой кататься с гор на санках. *Судьи* — здесь: староста и писарь. *Город Петровский* — Петрозаводск. *Нынь не скроешь-то сердечного ведь дитятка.* Укрывательство беглых рекрутов и солдат чрезвычайно жестоко преследовалось властями — ср. «Рассказы о беглых рекрутах», записанные от В. П. Щеголенка (Барсов, ч. 2, стр. 286—302). *Крепости новогородские* — дальние, надежные крепости. Об идеализации Новгорода см. вступительную статью, стр. 30. *И как подвязаны звон-уныль колокольчики.* По старинному обычаю колокольцы подвязывали, чтобы не звенели, во всех печальных случаях (болезнь, смерть и т. д.) *Отда́ные сестрицы* — сестры, выданные замуж в чужую семью. *Пелены шелковые* — расшитое покрывало на алтарь (или убрус к иконе). *Принёмная палата* — сборный пункт рекрутов. *Духовно угощеньице* — угощение для духовенства. *Князь* — здесь: жених. *Мера государева* — измерение роста на приемном пункте. *И буде «лоб» скричат* — если признают годным. *И повыкинут с хоромного строеньица. Иль сожгут оны в огни да в этом плящеем.* Выкинуть или сжечь «кудри», отрезанные на память, по поверию означало заставить забыть того, кому они принадлежали. *Во середу засияла... во пятницу вспородила* — см. стр. 400. *И знать, не в ту пору... были приотпер-*

ты — так наз. царские врата в церкви отворялись при трудных родах. *И в бесталанный час... ему, свету, уписана.* Согласно так наз. «родильным» приметам, мальчик-новорожденный будет крестьянином, кузнецом, столяром, каменщиком и т. д., в зависимости от того, чем занят был его отец или ближайший родственник-мужчина во время его рождения. *И на делу́ ему от братьев приделялася* — ему пришлось служить за братьев. *Изменушка* — здесь: замена. *И всех желаннее родитель была тетушка.* У Барсова ошибочно: «И всё желанная родитель была тетушка». *Не участник он участков деревенскиих.* Рекрут при уходе в солдаты терял свое право на долю в крестьянском хозяйстве. *Таки ль* — верно ли. *Орда* — здесь: эпическое обозначение дальних, неизвестных стран. *На спа́сеньг* — там, где спасаются (т. е. отмаливают свои грехи). *В сон не забраносъ* — не могли заснуть. *И как приставлены судьи... пожар в ретливыих сердечушках.* В этих строках, по-видимому, отразился какой-то реальный факт разгона женщин, провожавших рекрутов, который Федосова могла наблюдать в Петрозаводске в 1865—1868 гг. *При последи-то походе* — перед отправлением в поход. *Отрешить желаньице* — погубить любовь. *Похожденьице* — здесь: уход из дома. *И всё от добрых людей да непонятная* — т. е. не научилась причитывать у других женщин. *И добра молодца возьмем да мы нанемщичка.* Начиная с 40-х годов XIX в. правительство допускало замену рекрутов путем найма добровольцев («нанемщиков», «охотников»). *Не по розмыслам* — не так, как мечталось. *И часты́ пошли наборы государевы.* После 1862 г. в связи с сокращением срока службы в армии с 25 до 15 лет резко участились рекрутские наборы. Так, наборы «с обеих полос империи» (Россия была разделена на две полосы) производились подряд в 1866, 1867 и 1868 гг. *Как в досюльны времена... наборы государевы* — одно из наиболее ярких проявлений «новгородской темы» в творчестве Федосовой. См. об этом стр. 30. *И чтоб подальше в жеребьях.* У Барсова ошибочно: «И чтоб подальше жеребьям». *Поблизешеньку в бумажку записали* — определили в близкую очередь идти в солдаты. *Престол* — церковный праздник в честь святого, которому посвящена приходская церковь (здесь: в честь богородицы). *Шестёра* — широко распространенный в Прионежье севернорусский танец, в котором участвовало две тройки танцоров (три девушки и трое парней). *Сидима, прядима беседушка* — посиделки, на которых девушки пряли или вышивали, а парни плели сети, лапти, корзины и т. д. (в отличие от «игримой беседы» — посиделок с играми и танцами). *Микола многомилостливой.* Святой «Микола» считался специальным мужицким заступником. *Отца-матушку рекруты проклинали.* В солдатскую присягу входило отречение от родных.

Плач о солдате, прибывшем на похороны отца. Впервые — Барсов, ч. 2, стр. 248; зап. в 1868 г. События, о которых рассказывается в плаче, произошли, по-видимому, вскоре после 1856 г., так как герой плача, солдат, приходит домой на

побывку после конца Крымской войны 1853—1856 гг. Перед этим он вместе с армией, возвратившейся с фронта, побывал в Петербурге и участвовал в параде на Марсовом поле. *Письма́ не принимали* — здесь: не получали. *Билет* — солдатский отпускной билет. *И большаком да по дому я настоятелем.* Причитывающая надеется, что солдат, пришедший на побывку, станет «большаком» (т. е. главой патриархальной семьи) вместо умершего мужа. *Наследник* — Александр II, превратившийся во время Крымской войны из наследника в царя. *И как война... за Русию подселенную.* Речь идет о конце Крымской войны (Парижский мир в марте 1856 г.) и награждении солдат. *И мы бы наняли охотна добра молодца* — см. стр. 403. *Ограда обложённая* — ограда кладбища.

Н. С. Богданова

Плач вдовы по мужу, погибшему в Киваче при сплаве леса. Впервые — Шайжин, 1907, стр. 44. *Кивач* — крупнейший в европейской части Советского Союза водопад на р. Суне. Суна издавна использовалась в качестве сплавной реки; сплав по ней считался одним из наиболее опасных на северных реках, т. к. Суну перерезает 27 порогов, из которых самыми крупными являются *Гирвас, Пор-порог* и Кивач, упоминаемые в плаче. В современном путеводителе так описывается сплав на Суне в дореволюционное время: «Трудна и опасна работа сплавщика. Огромной массе бревен, несущихся по быстрине, то тут, то там угрожает «залом». Стоит задержаться передним бревнам, как в несколько мгновений все необозримое поле плывущего сзади леса словно приходит в неудержимую ярость. Пытаясь прорваться, бревна налезают друг на друга, сзади них поднимаются все новые и новые, иные вздымаются стоймя кверху, и вся масса как бы застывает в грозной неподвижности. Задача сплавщиков — предупредить залом, ибо разбирать и ликвидировать уже образовавшийся залом — чрезвычайно опасное и дорогостоящее дело. Работа на сплаве требует от сплавщика не только смелости, ловкости и силы, но и быстроты, недюжинной смекалки. ...Особо выделялись люлечники. Их работа заключалась в том, что они направляли бревна над самым падуном (т. е. водопадом. — *К. Ч.*), сидя на скользкой от водяных брызг доске, прикрепленной к протянутому с берега на берег канату. Малейшая неточность в движении грозила неминуемой гибелью. И действительно, нередки были случаи, когда смельчак, сорвавшись в пучину, находил в ней свой конец» (А. Старогин, А. Капусткин и Л. Каган. Путешествие на Кивач. Петрозаводск, 1952, стр. 35). Как следует из текста плача, муж Богдановой впервые отправился на сплав, работал там в качестве «люлечника» и по неопытности погиб. *Как пойдут да добры людушки... али при́ доме останется?* Во второй половине XIX в. и в начале XX в. в Карелии широкое развитие получило отходничество. Так, в предрево-

люционные годы из 290.000 человек населения Карелии до 70 тысяч было связано с отхожими промыслами, из них до 50 тысяч было занято на заготовке и сплаве леса (см. «Очерки истории Карелии», т. 1. Петрозаводск, 1957, стр. 351 и др.). *Утопил оченьки* — опустил глаза. *Выгонка бревенна* — гонка бревен, сплав леса. *Работа там задорная* — работа, понуждающая к безрассудной смелости. *Сплавка Кондопожская.* Суна впадает в Онежское озеро недалеко от с. Кондопоги (ныне город Кондопога). *Доски посторонние* — доски гроба.

Плач о дочери («Подойти мни вот, спобедноей кручинноей головушке. . .»). Впервые — Шайжин, 1911, стр. 197. Как следует из текста причета, Богданова после смерти мужа должна была поселиться у мужниного брата («братца богоданного»), который превратил ее и ее старшую дочь в батрачек. О смерти этой дочери и рассказывается в публикуемом тексте. *Пелены шелковые* — см. стр. 402. *Стадо гусиное* — сыновья. *Стадо лебединое* — дочери. *Столамы-то стращали всё отдельныма* — т. е. грозили кормить отдельно, как батрачек, а не членов семьи. *Спасет бог. . . теперь прощеньицу* — обращение к родственникам, пришедшим на похороны дочери. *Обидушки выбрасывать* — высказывать накопившиеся обиды. *Сколыбается зазнобушка в утробушке* — порасходится горе в душе.

Вопль дочери об отце («Не осудите-ко, народ да люди добрые. . .»). Впервые — Шайжин, 1910, стр. 204. О смерти своего отца в конце декабря 1871 г. Богданова сообщает в своей автобиографии, записанной от нее Н. С. Шайжиным: «Тата наш поехал за рыбой, затеял торговать да по пути и на свадьбу к Л-ву, меня стал звать. Я не поехала — не было хорошей одежки — пальта. Тата уехал. Свадьба богата была. Вина всем вдоволь. Пили кружками с бочки-сороковки, и тата выпил изрядно; постановить (т. е. удержать. — *К. Ч.*) его было некому. . . Клали его в сани, свезли к свату, отливали водой да мокрого по морозу и отправили на дорогу домой за волость. Тут он и замерз: его, пьяного, сбил под дорогу сусед» (Шайжин, 1910, стр. 201). *Аль от добрыих людей да напущенная.* Как рассказывает Богданова, после смерти отца производилось следствие, которое установило, что он умер от опоя. *Дача казенная* — территория казенного леса. *До полного до возраста.* В год смерти отца Богдановой исполнилось 16 лет. *Не осталося именьица-богачества.* После раздела с братьями отца и с дедом семья Богдановой находилась в крайне тяжелом положении, осложнявшемся пьянством отца («в путь житье не шло; жили будто на холодну каменку воду лили»). *Водушки у нас да не наловятся* — строка не вполне ясная. Очевидно, в значении «В воде не будут ловить рыбу».

Плач сестры по сестре. Впервые — Шайжин, 1910, стр. 208. В этом тексте Богданова воспроизводит причитание на могиле сестры через пять лет после ее смерти. О сестре Богда-

нова рассказала в своей автобиографии следующее: брат, «насильно» отправленный матерью на заработок в Петербург, после возвращения выгнал из дома мать и малолетнюю сестру (отец к этому времени умер). Сестра стала жить у Богдановой, помогала ей нянчить детей, воспитывалась ею («Об соби-то забота да и об сестры: не дай бог быть нагой, как я была девушкой») и была ею выдана замуж (ср. «Хоть сестриченькой всегда тебя я называла — за рожоного дитя тебя я почитала»). *Уж мы пришли-то все к тебе да по-дорожному.* Богданова жила в это время на Кивас-озере, где муж ее служил лесником, т. е. более чем в 150 км от родной деревни Зиновьево (около Кижей). *Иль того да рассердилася ... белая лебедушка.* Одежда, входившая в приданое невесты, могла быть востребована родственниками, «снаряжавшими» невесту к венцу в случае, если брак был недолгим (см.: С. В. Пахман. Обычное гражданское право в России, т. II. Семейное право, наследство и оценка. СПб., 1879, гл. «Право обычного наследования»).

А. М. Пашкова

Плач после пожара. Впервые — Михайлов, № 9; зап. в феврале 1938 г. Пожар произошел, как следует из автобиографии Пашковой, в 1888 г.: «Как мне стало двадцать лет, так наша деревня вся сгорела... Ну и кой-чего вынесли хлебно (т. е. из съестных припасов. — *К. Ч.*), а скот спасся. В этот день на пастбище был скот выгнан первый день. А у нас ведь как скот выпускали, дак свечки жгли. Одна баба ушла гнать корову, а свечку оставила зажжену перед иконой, а свечка упала, постели загорелись и пошла писать» (Михайлов, стр. 54).

Плач замужней сестры по брату. Впервые — Михайлов, № 2; зап. Е. И. Родиной в августе 1939 г. По просьбе собирательницы Пашкова повторила плач, который звучал за 30 лет до записи (стр. 311). Очевидно, что не следует понимать буквально сообщение собирательницы о сроке, прошедшем со времени первого причитывания, и нельзя считать абсолютно точным его повторное воспроизведение (ср. упоминание «телеграммы скороносной», явно незнакомой пудожским крестьянам в 1909 г.; обороты более позднего происхождения — «сошлись», «по возможности» и т. д.). *Душевно расставаньице* — расставание души с телом, смерть. *Пеньшки* — пенечки. *Волока* — прогон, переход по лесу. *Не женись ты в роду в племени.* Брат Пашковой женился против воли родных на родственнице, что считалось дурным предзнаменованием. *Есть на белый свет давается* — т. е. еще ожидается на свет ребенок. *Рукава носить по-долгому* — т. е. жить хорошо; рубаха-долгорукавка считалась праздничной одеждой, носить долгорукавку означало зажиточность. *Субботушка вселенская* — родительская (или «дмитриевская») суббота, которая падала на конец октября и считалась днем общего поминовения усопших.

Плач по мужу («Не доли-тко меня, беднушку...»). Впервые — Михайлов, № 1; зап. в феврале 1938 г. По свидетельству собирателя, Пашкова в этом плаче воспроизводила некий «типовой» дореволюционный плач вдовы-беднячки. Это подтверждается и текстом. В плаче говорится о молодой крестьянке, оставшейся вдовой с двумя детьми и ожидающей третьего *(На божий свет давается).* В год же смерти мужа Пашковой было 67 лет, дети ее были взрослыми, и последние восемь лет она жила вдвоем с мужем. *Не простёшеньки* — не пустые, не занятые. *К тебе машину сухопутную.* Тут Пашкова явно забывает о взятой на себя роли дореволюционной вдовы. *Со площадью сторублевоей* — здесь: с площадью дорогой, милой (ср., например, традиционный ответ свахи: «у меня место не ковшовое, а сторублевое»). *Соседи подугольные* — живущие угол в угол, рядом. *Пелены шелковые* — см. стр. 402. *Колá камушек мужа богатого.* В Пудожском районе чрезвычайно каменистая почва, и труднейшей работой считалось убрать камни с поля.

Плач сироты по дяде. Впервые — Михайлов, № 5; зап. в феврале 1938 г. Собиратель сообщает: «Причитывает от имени девушки-сироты. Слышала плач лет 25 тому назад». Как следует из автобиографии Пашковой, отец ее умер в то время, когда она уже была замужем. *Желаньице часовое* — отношение переменчивое, расположение «на час».

Плач по сыну, увезенному на лечение в город. Впервые — Михайлов, № 8; зап. в феврале 1938 г. По свидетельству собирателя, Пашкова повторила для записи плач, созданный ею в 1929 г., когда сын отправлялся на лечение в Петрозаводск. О болезни сына Пашкова рассказала в автобиографии: «Дочки здоровы росли, а с сыном много горя приняла, двух с половиной лет сына разбило параличом, простудился. Тяжело и споминать. 12 годов не ходил. Ездила с ним по больницам. В 1910 г. была в Питере, в больнице, да предложили платить 50 рублей, так увезла. А потом в 22 году сам захотел лечиться и уехал. Там и учился он и поступил в Промышленно-экономический техникум, а потом заболел (а уже ходил тогда), вывезли домой, он у нас и умер» (Михайлов, стр. 55). *И ничем была не нужная* — т. е. ни в чем не испытывала нужды.

Бытовые, рекрутские и похоронные причитания, записанные от разных лиц

Плач по сестре («Со восточной со сторонушки...»). Впервые — Е. Бурдин. Причитания по покойнику в Кунгурском уезде. «Пермский сборник», кн. 2, М., 1860, стр. 128. Исполнитель неизвестен. *Нанести* — здесь: наговаривать. *Пристать* — здесь: заступиться.

К стр. 282—289

Плач дочери по отцу («Приходила, молодёхонька...»). Впервые — Барсов, ч. 1, стр. 58; зап. от А. Е. Лазоревой из с. Логинова, Череповецкого у., Новгородской губ., в 1876 г. Анне Егоровне Лазоревой в год записи было 60 лет, родом она из д. Еляхиной того же уезда. Лазорева рассказывала Барсову: «В Логиново просватали нехотя — барин Андриан Хлебников силой сюда отдал, жених нелюбой; в семье, куда отдали, была ватага 20 человек. Все в горе живу; с 13 лет ходила на барщину — больше 25 годов; помаялась в сытость; бывало, на неделю себе хлеба неси, а на белой двор придешь, стоит розга» (Барсов, ч. 1, стр. 325). Е. В. Барсов записал от Лазоревой кроме того еще «Плач невесты на могиле матери» — см. ниже. *Площадочка красная, округа государева* — кладбище. *Свою мысель потешаючи* — успокаивая себя. *Не бивать да ключу на воде* — т. е. не бить ключу из воды, а только из земли. *От неволи откупаются* — можно выкупиться из крепостной неволи. *Никакого проповещичка* — строка не совсем ясна. Возможно, что «проповещичка» связано с «вещать»; в таком случае «про» и «по» — усилительные приставки и всю строку следует понимать примерно так — «нельзя подать о себе вести».

Плач невесты на могиле матери («Выйду я на широкую долину...»). Впервые — Барсов, ч. 1, стр. 74; зап. от А. Е. Лазоревой из с. Логинова, Череповецкого у., Новгородской губ., в 1870 г. *Стережатые да бережатые* — т. е. те, кто стережет и бережет сироту, не пускает ее на могилу матери. *Верстать во чужи люди* — т. е. выдать замуж. *Мост* — сени и крыльцо перед сенями. *Именье середовое* — средний достаток. *Под переднее окошечко* — т. е. «в большой угол», в котором обычно стоял стол и висели иконы.

Плач святозерской крестьянки по рекруту. Впервые — П. Гроховский. Причитание матери по сыне-рекруте (Святозеро). «Олонецкие губернские ведомости», 1873, № 10; зап. от крестьянки из д. Святозеро, Петрозаводского у., Олонецкой губ. Исполнительница неизвестна. Текст перепечатывался Е. В. Барсовым во 2-м томе «Причитаний Северного края» (стр. 82—84) с ошибкой в заголовке («Святогорской крестьянки») и в имени собирателя (Г. Гроховский). Святозеро — карельская деревня (ныне Пряжинского р-на КАССР); следовательно, текст, записанный П. Гроховским, представляет собой образец записи рекрутского причитания карелки на русском языке. Впоследствии такие записи делались неоднократно (А. В. Ватчиева и др.). Собственно карельские похоронные и свадебные плачи, как отмечалось исследователями, стилистически очень близки к русским. *Все поречья и все зáречья, Все мелки кусты-кустарнички.* Покосы вдоль рек и по заречным поймам между кустами, очень неудобные, характерны для Олонецкой губернии.

Плач по сыну-рекруту («Систь было мне, горюшице...»). Впервые — Барсов. ч. 2, стр. 84; зап. от И. А. Калиткиной из д. Хмелины, Череповецкого у., Новгородской губ. Возможно, что Е. В. Барсов записал от нее этот плач в 1870 г., когда он побывал в родном для него Череповецком уезде (см. Барсов, ч. 1, стр. 325). Возраст Калиткиной к моменту записи неизвестен. Судя по автобиографии, записанной от нее Е. В. Барсовым, в это время она не была еще замужем и батрачила на кулаков. Следовательно, Калиткина повторяла не свой, а слышанный ею плач по сыну-рекруту. *Из городов-то понизовниих, Понизовниих украйниих* — формула, перенесенная из песен (волжских, донских и т. д.). Здесь: из дальних краев.

Плач по матери («Еще как-то мне, горюшечке...»). Впервые — «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», т. 17, стр. 25; зап. Ф. О. Нефедовым в Кологривском у., Костромской губ., в 70-х годах XIX в. Исполнительница неизвестна. Печ. по Смирнову, № 33.

Голошение матери на могиле взрослой дочери после отпевания. Впервые — Агренева, стр. 44; зап. от «нищей Ульяны» из Вологодской губ. в 1886—1887 гг. Фамилия и отчество исполнительницы остались неизвестными. На титульном листе 3-й части своего сборника О. Х. Агренева-Славянская называет ее «нищей Ульяной из Петрозаводска». От Ульяны в этом томе опубликовано пять текстов причитаний. *Угащивать* — гостить. *Раструбисты сарафаны* — косоклинные широкоподольные сарафаны.

Поминальное причитание по родной тетке. Впервые — Агренева, стр. 57; зап. от «нищей Ульяны» в 1886—1887 гг. *Княгинюшка* — невеста.

Плач наемной вопленицы за мать о сыне. Впервые — Ю. Готье. «Вопи» Весьегонского у., Тверской губ., — «Этнографическое обозрение», 1897, № 4, стр. 112; зап. от Е. Николаевой из д. Макой-Горы, Щербовской вол., Весьегонского у., Тверской губ. Екатерина Николаева — профессиональная вопленица, очень бедная старуха-бобылка. В год записи ей было 80 лет. Публикуемый текст — своеобразный пример индивидуального творчества со сравнительно слабым использованием традиционных мотивов (ср. записанный от нее же рекрутский плач — Готье, стр. 116). Объяснение этому следует искать, очевидно, не столько в слабости местной традиции (судя по имеющимся записям, она была достаточно сильна), сколько в обстоятельствах жизни исполнительницы, вынужденной причитыванием добывать себе пропитание. Своеобразная черта ее плачей — называние по имени покойного и его родственников. Текст ошибочно назван собирателем «Вопль дочери об умершем отце», что совершенно противоречит содержанию плача.

Плач батрачки. Впервые — А. М. Астахова. Плач батрачки (К вопросу о народных внеобрядовых лирических импровизациях). — «Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков», М. — Л., 1958, стр. 28; зап. от А. Т. Онуфриевой из д. Нижняя Золотица, Приморского р-на, Архангельской обл., в июле 1937 г. Авдотье Трофимовне Онуфриевой в год записи было 60 лет. С восьмилетнего возраста ей пришлось пойти «в чужие люди» и с тех пор и до образования колхозов непрерывно батрачить. Подробнее об А. Т. Онуфриевой см. в статье А. М. Астаховой, стр. 33—34. Записанный в 1937 г. текст воспроизводил, по-видимому, неоднократно повторявшийся в прошлом плач о тяжелой батрацкой доле (ср. «Прежде, как я в казачи́хах жила, и вспомню, как я позори́лась, сяду на угор и все приплачу» — стр. 34). Публикуемый текст представляет собою редкий образец записи батрацкого плача. *Праздников... двунадесятых.* «Двунадесятыми» назывались важнейшие церковные праздники, которых насчитывалось (без пасхи) двенадцать.

Плач по мужу, убитому на войне с Японией. Впервые — Н. С. Шайжин. Приплач вдовы по муже, убитом на Дальнем Востоке. — «Олонецкие губернские ведомости», 1905, № 107 и 109; зап. от Н. В. Конихиной из д. Корнышевской, Нигижемской вол., Пудожского у. (ныне КАССР), в 1905 г. Муж Конихиной служил матросом в Тихоокеанской эскадре. *Полки не надоволены* — полки не скомплектованы. *Нет в темны лёсы пастыря.* В Карелии коров пасут в лесу.

Плач об ушедших в солдаты. Впервые — А. Суворовский. Вопли Новгородской губернии. — «Этнографическое обозрение», 1907, № 3, стр. 93; зап. от Е. Денисовой из с. Коломны, Перегинской вол., Старорусского у., Новгородской губ. В плаче речь идет о солдатах, ушедших на русско-японскую войну. От Елены Денисовой записаны еще «Вопль по отцу» и «Плач по ребенку».

Плач по ребенку. Впервые — А. Суворовский. Вопли Новгородской губернии. — «Этнографическое обозрение», 1907, № 3, стр. 90; зап. от Е. Денисовой. *Поколеньице* — здесь: род, племя, семья.

Плач у гроба сестры. Впервые — А. Малиновский. Похоронные причеты в Перской вол., Устюженского у., Новгородской губ. — «Живая старина», 1909, вып. 1, стр. 72. Исполнительница неизвестна. В плаче идет речь о двоюродной сестре причитывающей, с которой она жила в одном доме у родственников (обе были сироты). В первой части плача содержится просьба рассказать матери причитывающей (при встрече «на том свете») о том, как они вместе горевали. *Ты свою да крестну матушку.* Из дальнейшего текста выясняется, что крестная мать умершей

была родной матерью причитывающей. *Дом благодатный* — гроб. *Ты послушай-ко, ясён сокол.* Причитывающая обращается к племяннику умершей, пришедшему на похороны.

Плач по мужу («Вы голубушки, мои тетушки...»). Впервые — Азадовский, № 53; зап. от А. С. Белоусовой из с. Белоусово, по р. Куленге, Верхнеленского уезда, летом 1915 г. Анисье Семеновне Белоусовой в год записи было 55 лет. О ней см. Азадовский, стр. 47—48, 58, 67 и др. *Нас не пригреет.* У Азадовского ошибочно: «его не пригреет». *Нас не обогреет.* У Азадовского ошибочно: «его не обогреет». *Без родимого нас батюшка.* У Азадовского: «без родимова его батюшка».

Плач об умершем муже («Ох ты мнецюшки тошнехонько...»). Впервые — Соколовы, стр. 398; зап. от Л. А. Шарашевой из д. Терехово-Малахово, Белозерского у., Новгородской губ. В год записи Лукерье Афанасьевне Шарашевой было около 40 лет. Кроме семи кратких текстов похоронных причитаний от нее записаны одна историческая и тринадцать лирических песен.

Плач круглой сироты. Впервые — Андреев—Виноградов, стр. 209; зап. В. И. Чернышевым от Е. Я. Чернышевой из с. Давыдовского, Юрьевского у., Владимирской губ., в августе 1886 г. Екатерина Яковлевна Чернышева, как сообщает В. И. Чернышев, «бывшая дворовая помещиков Изъединовых, жившая у них то в роли няни, то в роли экономки». По просьбе собирателя Е. Я. Чернышева, воспроизводила плач не сложенный ею самой, а слушанный «в деревне».

Причитание по матери («Моя родненькая матынька...»). Впервые — Андреев—Виноградов, стр. 207; зап. В. И. Чернышевым от исполнительницы из д. Горловой, Гдовского у., Петроградской губ. Собиратель оставил о ней следующие сведения: «Имя ее не сообщается по ее желанию. Мать ее «хорошо плакала». И сама она в плачах по матери, муже и взрослом сыне причитала много, не отдавая себе отчета, как это выходило, и не обдумывая заранее. Рассказывать причитания об умерших так, ради любопытства спрашивавшего, ей не хотелось; от нее записано мало, между прочим, потому, что воспоминания об умерших ее очень волновали».

Плач сироты на кладбище в родительский день. Впервые — Смирнов, № 20; зап. Д. Ершовым от М. К. Сановой из д. Братухиной, Варнавинского у., Костромской губ., в 1919 г. *Родительский день* — день поминания умерших родственников, особенно родителей. В большинстве губерний старой России родительскими днями считались так наз. «дмитриевская суббота» («родительская суббота»), т. е. последняя суббота перед 26 октября, вторник на так наз. «фоминой неделе» (первая неде-

ля после пасхи) и др. В эти дни посещали могилы умерших, вспоминали их, причитывали по ним, совершали обрядовую трапезу и обрядовое «кормление» покойников (т. е. оставляли часть пищи на могиле; по позднейшему объяснению — оставляли для нищих) и т. д. *Оградушка мирская* — кладбищенская ограда. *Полотенечко* — полотняный саван, в который была обряжена покойница.

Причитание вдовы на сенокосе. Впервые — Михайлов, № 18: зап. от Е. А. Петуховой из с. Нюхча, Беломорского р-на КАССР. Евдокия Антоновна Петухова родилась в семье рыбака-помора. В 17 лет потеряла руку. Стыдилась своего уродства и втайне оплакивала свою жизнь. Вышла замуж 30 лет и в 42 года овдовела. Была пастухом, работала на лесозаводе в Сороке (теперь г. Беломорск). В 1938 г. жила на иждивении старшего сына. Муж умер в дореволюционное время. Плач был повторен исполнительницей по просьбе собирателя в 1935 г. От нее же записано «Причитание на зимнем ужбище наваг на морской губе». Вдова причитывает во время кошения сена на «теребе», т. е. на расчищенном участке леса. Ее сыновья в это время впервые отправились в море с рыбацкой артелью без отца.

Причеть по сыну, раздавленному лесами при ремонте одного из петербургских дворцов. Впервые — Соколовы, стр. 399: зап. исполнительницей П. В. Ершовой из д. Покровской, Пунемской вол., Кирилловского у., Новгородской губ. В год записи Парасковье Васильевне Ершовой было 60 лет. В сб. Соколовых публикуются две сказки, четыре стихотворных эпических текста, 27 песен и 26 заговоров, записанные от нее. *Преображенско славно кладбищо* — Преображенское кладбище в Петербурге.

Плач на могиле мужа, убитого деревом на лесозаготовках. Впервые — Михайлов, № 15; зап. от А. Ф. Касьяновой в д. Лисициной, Кузарандского с/с, Заонежского р-на КАССР. Александра Федоровна Касьянова в детстве слышала причитания своей землячки И. А. Федосовой и ее ученицы М. И. Лобачевой. См. о ней: Михайлов, стр. 116; В. Г. Базанов. За колючей проволокой. Петрозаводск, 1945, стр. 14. Муж Касьяновой был убит деревом на лесозаготовках в дореволюционное время. Плач был повторен исполнительницей по просьбе собирателя в 1938 г. *Раскат-гора* — «искат-гора» (см. словарь).

Причеть по сыну, умершему на военной службе. Впервые — Соколовы, стр. 400: зап. от Л. А. Шарашевой из д. Терехово-Малахово, Мишутинской вол., Белозерского у., Новгородской губ. О Шарашевой см. стр. 411.

Причеть сестры по брату, идущему в солдаты. Впервые — Соколовы, стр. 401; зап. от А. Ф. Карповой из

г. Кириллова, Новгородской губ. От нее же в сборнике Соколовых публикуются записи восьми песен и трех причитаний. *Кириллово* — г. Кириллов.

Причитание по мужу («Ой, ты скажи-ко, голубщик мой. . .»). Впервые — Смирнов, № 5; зап. в январе 1920 г. Е. Д. Козловой в Шушкодомской вол., Буйского у., Костромской губ. Исполнительница неизвестна. *К пресвятой да богородице* — т. е. на кладбище.

Причитание по матери («Не стосковалась ли, матушка. . .»). Впервые — Смирнов, № 23; зап. около с. Пыщуг, Ветлужского у., Костромской губ., в 1919 г. Исполнительница и собиратель неизвестны. *По своему ладе милому* — причитывающая говорит о своем отце (для покойной матери он — «лада милая», т. е. муж). *Перкстися* — перекрестись.

Причитание племянницы по дяде. Впервые — «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», т. 17, стр. 25. Печ. по Смирнову, № 39; зап. Ф. Д. Нефедовым в Кологривском у., Костромской губ., в 70-е годы XIX в. Причитает племянница, жившая в семье дяди, по-видимому девушка «на выданьи» *(Собирался ты на свадьбу ко мне)*. Ф. Д. Нефедов так комментирует запись: «Причитание прерывается. Племянница, увидавши дыру в гробе: «Какая у тебя, дядюшка, дыра-то», — говорит. У крестьян есть примечание: если на гробе покойного найдут дырочку, то стараются ее или заделать, или чем-нибудь заклеить, думая то, что мертвый унес с собой все счастье из дому, а если какое и осталось, то оно может перейти к мертвому через самую малую скважину. Все перестают плакать и стараются заделать на гробе дыру, скважину» (Смирнов, стр. 78).

Причитание по матери-солдатке. Впервые — Смирнов, № 70; зап. М. М. Зиминым в Ковернинской вол., Макарьевского у., Костромской губ., в 1917 г.

Плач сироты по матери («Отлетела моя матушка. . .»). Впервые — Азадовский, № 63; зап от Ф. И. Белоусовой из с. Усть-Тальма, Верхнеленского уезда, летом 1915 г. В год записи Федосье Ивановне Белоусовой было 65 лет. В сборнике М. К. Азадовского, кроме публикуемого текста, приводятся записи пяти плачей от той же исполнительницы: «По сыну», «По матери», «Когда несут из церкви, если отец еще раньше умер», «В родительскую субботу», «На войну провожать». *Разбавили* — здесь: избавили.

Причитание матери по сыну-партизану, убитому японцами. Впервые — А. Н. Соколова. Материалы для изучения партизанской поэзии. — «Сибирская живая ста-

рина», вып. 5, Иркутск, 1926, стр. 161; зап. от А. Л. Клиндух из с. Черниговки, Никольско-Уссурийского у., Приморской обл. В год записи Александре Лаврентьевне Клиндух было 19 лет. По просьбе собирателя, она воспроизвела плач, слышанный ею в годы японской оккупации Приморья. Текст, записанный от нее, представляет собой редкий образец причитания, сложенного в годы гражданской войны. От нее же записано «Причитание жены по мужу-партизану».

Плач по мужу, погибшему в боях с белыми. Впервые — Михайлов, № 37; зап. В. В. Чистовым от А. Н. Корешковой из д. Сиверской, Песчанского с/с, Пудожского р-на КАССР, в 1938 г. Причитывала в 1921 г., когда узнала о смерти мужа, погибшего в 1920 г. От Анны Николаевны Корешковой записан кроме того плач о В. И. Ленине (Михайлов, № 64). *Я бы сняла тело мертвое* — велела бы сфотографировать портрет. *Стеночка лицовая* — стена, окна которой выходят на улицу.

Причёт о горькой женской доле. Впервые — Леонтьев, стр. 87; зап. от М. Р. Голубковой из д. Голубковой, Нижнепечорского края, в апреле 1938 г. В год записи Маремьяне Романовне Голубковой было 45 лет. Голубкова — известная советская сказительница, знаток печорских песен, сказок, причитаний и др. Записи от нее производились в конце 30-х годов. Тогда она начала складывать сказы на советские темы («Мать Печорушка — всем рекам река...» и др.). В годы Великой Отечественной войны она приобретает значительную известность как мастер стихотворного сказа (см.: М. Р. Голубкова. Слово — силушка большая. Архангельск, 1949, и др.). Своеобразный характер приобретает ее творческое содружество с писателем Н. П. Леонтьевым, в соавторстве с которым она создает автобиографические книги «Два века в полвека», «Оленьи края» и др. Подробней о ней см. во вступительной статье Л. Скоринко к книге «Слово — силушка большая». Публикуемый текст воспроизводит бытовое причитание о горькой доле, созданное, по-видимому, в предреволюционные годы и повторявшееся в 1920-е годы. Голубкова рассказывала о себе: «До семи лет по миру ходила, а с семи до девятнадцати на чужих людей здоровье вкладывала. Семнадцати лет не исполнилось — отдали меня против воли в Пустозерск замуж. До самой свадьбы не видела жениха в глаза. Бил меня муж смертельно. Когда от побоев выкидыш получила, ушла от мужа. Жить было очень трудно: недаром у меня с двадцати четырех лет волосы седые. Пришлось мне снова замуж идти. За старика вышла. Жила кое-как, да ребятишек много пошло: семнадцать человек родилось всего, а после мужа шестеро осталось... Когда я своего старика хоронила, так я не так, как все люди, плакала, а вспоминала всю свою прежнюю жизнь и обсказала свое горе» (Леонтьев, стр. 11). *На делу́* — при дележе, т. е. когда делили «дом» между людьми.

Плач о Ленине. Впервые — «Сказы и плачи о Ленине». Петрозаводск, 1938, стр. 42—47 (см. также «Советский фольклор»,

№ 6, 1939, стр. 90). Печ. по Михайлову, № 67; зап. Л. Громовым и В. Чистовым от Е. П. Копейкиной в 1937 г. в с. Пудож, Пудожского района КАССР. Повторная запись была произведена В. Чистовым в 1938 г. (см. «Народное творчество Карело-Финской ССР. Записи 1937—1938 гг. Подготовка текстов, вступительная статья и примечания В. Чистова. Под редакцией А. Н. Лозановой». Петрозаводск, 1940, стр. 25). О Копейкиной см. примеч. к след. тексту.

Плач по мужу («Уж не доли-тко меня, беднушку...»). Впервые — Михайлов, № 52; зап. Е. П. Родиной от Е. П. Копейкиной из с. Пудож, Пудожского р-на КАССР, в мае 1939 г. Евдокия Павловна Копейкина хорошо знала и исполняла старинные песни, свадебные и похоронные причитания и сказки. В год записи ей был 61 год. Выросла в бедной, многодетной крестьянской семье. 22 лет вышла замуж. В 1929 г. муж, о котором говорится в плаче, по дороге из Петрозаводска на Онежском озере заболел и умер. Копейкина осталась с четырьмя детьми, из которых только старший сын к этому времени имел самостоятельный, но незначительный заработок. Копейкина обратилась к правительству с просьбой о помощи. После этого ее младший сын был помещен в детский дом, а одной из дочерей была назначена стипендия до окончания учебы. В публикации Михайлова после строки «В советску жизнь да их повыведи» (стр. 205) приводится еще одиннадцать строк, добавленных при повторном исполнении для записи, которые мы в настоящем издании опускаем. Плач впервые исполнялся в 1929 г. Автобиографию Копейкиной см.: Михайлов, стр. 201—202.

Плач по сыну, ужаленному змеей. Впервые — Михайлов, № 31; зап. Г. Н. Париловой от Е. С. Журавлевой из пос. Первомайского, Пудожского р-на КАССР, в июле 1939 г. Екатерина Семеновна Журавлева — видная сказительница, знаток былин (см.: Былины Пудожского края. Петрозаводск, 1941, стр. 449—458), сказок, песен, причитаний (см.: Михайлов, №№ 29—32, 65, 68, 72, 75 и 80). В год записи Журавлевой было 42 года. В конце 30-х годов Журавлева пыталась складывать сказы-плачи о Ленине, Кирове, Крупской, Чкалове и др. и сказы-былины («О боях на озере Хасан»); некоторые из них были опубликованы в названных изданиях и в книге «Народное творчество КФССР». Петрозаводск, 1940, стр. 134—135. В публикуемом тексте речь идет о сыне Журавлевой, умершем в 1928 г., пятнадцати лет, от укуса змеи.

Плач об одинокой доле. Впервые — Михайлов, № 48; зап. от Г. Моисеевой из с. Ножево, Коловского с/с, Пудожского р-на КАССР. Ульяна Григорьевна Моисеева растила пятерых детей (о ней см.: Михайлов, стр. 190). Старший сын умер в 1937 г. от тифа, остальные уехали из дома на различные работы. Дочери вышли замуж. В 1938 г., когда плач был записан, ей было 58 лет. От Моисеевой записаны, кроме публикуемого текста, плачи по сыну, по тетке и по матери. *Да не в моем распоряженьице.* Имеется в виду старший сын, умерший ко времени записи плача.

Плач о жизни в оккупации. Впервые — «Фольклор Советской Карелии», стр. 71; зап. А. П. Разумовой от А. М. Мишиной из д. Царево, Заонежского р-на КАССР, в сентябре 1944 г. Заонежье — один из районов Карелии, во время Великой Отечественной войны временно оккупированный немецко-финскими войсками. Большинство жителей Заонежья было эвакуировано оккупантами, многие селения были разрушены, молодежь согнана в лагери и т. д. *Спорядовые да три наши соседушки.* Причитывающая жила в эвакуации в одной избе с двумя другими семьями. *Вспомню своего сына любимого.* Один из сыновей причитывающей погиб в партизанском отряде.

Плач по сыну, погибшему на фронте Великой Отечественной войны. Впервые — «Фольклор Советской Карелии», стр. 68; зап. от А. Т. Конашковой из Петрозаводска (родом из д. Семеново, Пудожского р-на КАССР). Александра Тимофеевна Конашкова — известная сказительница, знаток традиционных песен и сказок; невестка знаменитого пудожского сказителя Ф. А. Конашкова. С 30-х годов Конашкова создавала песни и сказы на советские темы (см. «Народное творчество КФССР». Петрозаводск, 1940, стр. 102—103, 199 и др. издания). Сын Конашковой погиб во время Великой Отечественной войны.

Плач о погибшем в годы Великой Отечественной войны. Впервые — В. Базанов. За колючей проволокой. Из дневника собирателя народной словесности. Петрозаводск, 1945, стр. 54; зап. В. Г. Базановым и А. П. Разумовой от А. К. Калининой из д. Паяницы, Заонежского района КАССР, в 1944 г. В сентябре 1944 г. после освобождения Заонежья Александра Кирилловна Калинина получила извещение о гибели сына на фронте Великой Отечественной войны. Во время оккупации у нее, кроме того, погибла дочь. *Мне-ка сесть было, кручинноей головушке.* Как сообщают собиратели, сын Калининой в школьные годы сторожил гороховое поле и в шутку выбил на одном из камней надпись:

Прощай, гороховое поле,
Провел с тобой я много дней
И не вернусь к тебе я боле...

Сказ об освобожденном Заонежье. Впервые — «Фольклор Советской Карелии», стр. 72; зап. А. П. Разумовой от Е. Ф. Герасимовой из д. Палтега, Заонежского р-на КАССР, в сентябре 1944 г. после освобождения Заонежья от финсконемецкой оккупации.

Свадебные причитания

Плач невесты на рукобитье («Чего век-то я не думала. . .»). Впервые — Шейн, № 1663; зап. в с. Витушево, Белозерского у., Новгородской губ. Исполнительница неизвестна. *Зим-*

не обряжаньице — зимняя домашняя женская работа. *Засвечать-то воскову свечу.* Свечи зажигались во время рукобитья в знак того, что сговор состоялся, невеста просватана.

Плач на девишнике («Не в саду я загулялася...»). Впервые — «Труды Ярославского статистического комитета», 1868, вып. 5. Печ. по Шеину, № 2184—2185, в составе описания свадебного обряда; зап. С. Я. Деруновым в Пошехонском у., Ярославской губ. Девишник, по описанию С. Я. Дерунова, в Ярославской губ. бывает в последний вечер перед свадьбой. Во время причитывания невеста сидит за столом с закрытым лицом. В публикуемом причитании невеста обращается к подругам, а потом, начиная со слов «Ты прости-ко, краса девичья», к «кра́соте» (о «кра́соте» см. стр. 40). *В косу лента не вплетеная.* Имеется в виду лента-косоплетка, которую вплетали девушки в косу на девишнике (вплеталась в «красоту»). *Ты возьми-возьми, мила сестра.* После причитаний невеста раздает ленты из «красоты» подругам и если среди них есть младшая сестра — ей первой.

Плач невесты в день свадьбы («Вы ставайте-тко, сонливые...»). Впервые — Шейн, № 1670; зап. в д. Дуброво, Белозерского у., Новгородской губ. Исполнительница неизвестна. *Не с огня да разжигается.* У Шейна ошибочно: «Не стогня да разжигается».

Причитание невесты в первый день сватовства. Впервые — Михайлов, № 54, стр. 232; зап. от М. Ф. Павковой из д. Песчаное, Пудожского р-на КАССР, в феврале 1938 г. Матрене Филатовне Павковой в год записи было 59 лет. С детства батрачила на кулаков. Муж вскоре после возвращения с японской войны умер. Павкова рассказывала собирателю: «Тут я наскопила горюшка три морюшка, а слез-то три озерышка, как причитывала тогда: я и на лесозаготовку, и на поденщину к богатым за 20 копеек в день, и туда, и сюда. Ни обутки, ни одетки, ни хлеба». После революции Павкова стала женделегаткой, участвовала во Всекарельском съезде женщин. В год записи ее сын был старшим агрономом МТС. Павкова смолоду научилась складывать и бытовые, и свадебные причети, подголосничала на свадьбах. Подробнее о ней см.: Михайлов, стр. 98. В сборнике Михайлова опубликованы ее плачи по сыну, по мужу и плач по В. И. Ленину. *Клали волюшку в неволюшку* — сменили волю на неволю. *Там была уличка... потешали мою волюшку.* Счастливое девичество невесты сравнивается с ровной, красивой улицей, богато устроенной площадью, цветущим садом и т. д. *Допустите... в последних Со бажёной вольной волюшкой* — т. е. дайте мне в последний разок погулять на воле. *Возращеньице* — здесь в смысле воспитания (от «ростить»). *На судимую сторонушку.* У Михайлова ошибочно: «Не судимую сторонушку». *Я ни на поле долиночки* — т. е. не прошу доли земельного участка семьи.

К стр. 376—387

Невеста рассказывает «сон» утром в день свадьбы. Впервые — Михайлов, № 54, стр. 237; зап. от М. Ф. Павковой из д. Песчаное, Пудожского р-на КАССР, в феврале 1938 г.

Причитание невесты при встрече жениха в день свадьбы. Впервые — Михайлов, № 59; зап. от М. Ф. Павковой из д. Песчаное, Пудожского р-на КАССР, в феврале 1938 г. Членение причитания соответствует обряду «отдания волюшки» («кра́соты») невестой жениху. *Поезд княженецкий* — все лица, сопровождающие жениха. *Завеса* — занавеска, которой прикрывается невеста до приезда жениха в ее дом в день свадьбы. *Петроград да со бурлакама.* В конце XIX— начале XX века основная масса «бурлаков» из северных губерний направлялась в Петербург. Петроград — явный анахронизм. Павкова выходила замуж в 90-е годы XIX в.; следовало бы — Петербург. *Местная богородица.* Местными назывались нижние, постоянные иконы в церковном иконостасе («спаситель», «богоматерь», «евангелисты» и др.).

Причёт при расставании с подружкой. Впервые — Леонтьев, стр. 85; зап. от М. Р. Голубковой из д. Голубковой, Нижнепечорского края, в апреле 1938 г. О Голубковой см. стр. 414. В публикуемом тексте причитывающая прощается на девишнике со своей подругой, делившей с ней все горести. *Как в расстанюшке житья девьего* — т. е. когда мы будем жить в разлуке.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ[1]

Аще — ежели, коли.

Бажёный — желанный, любимый.
Балясины — перила.
Баский, баской — красивый.
Бедо́вый — бедственный, гибельный.
Безуне́нный — неугомонный, беспризорный.
Беспроно́сный — тайный, секретный.
Беста́ланный — несчастливый, неудачливый.
Благоденец — младенец.
Богоданный (родитель, брат и т. д.) — родственник по жене или мужу (напр., «богоданный батюшка» — свекор, «богоданная матушка» — свекровь).
Болта́рь — алтарь.
Больша́к — глава патриархальной семьи.
Большу́ха — жена большака (см.) или другая старшая женщина в патриархальной семье.
Бра́ный — затканный узором.
Бросли́вый — опрометчивый.
Брю́зга, брю́дга — посаженая от жениха или сватья от невесты.
Бу́де — если, как будто.
Бурла́к — холостой крестьянин, отправляющийся на заработки, добытчик.
Бусе́ть — темнеть, тускнеть.
Бу́ява, бу́ево — кладбище, могила.
Быв — как будто, якобы.
Быва́т — может быть, если.
Быстерь — стержень, место наиболее сильного течения реки.

Вдосто́льные — вдосталь, вконец, окончательно.
Велика́тие — важность, приличие.
Ве́ргать — бросать, швырять.

---

[1] В словаре приводятся значения слов применительно к публикуемым текстам.

Вершник — свадебный дружка, едущий верхом впереди свадебного поезда.
Ветля́ный — приветливый, обходительный.
Взыскать — искать.
Взышо́н, зычён — звучный, громкий.
Вила́вый — извилистый (о дереве).
Вину́ть — повеять, пахну́ть (о ветре).
Вкру́те — быстро, скоро.
Вночесь — прошлой ночью.
Возгорчи́ться — разобидеться.
Возду́х — покров на сосуды со «святыми дарами» в церкви.
Возраст — возрастание, рост.
Волок — переезд, расстояние.
Волокитный, волокидный — бездельный, бестолковый.
Вон — внешняя сторона.
Вопота́й, впотай — тайно, исподтишка.
Вопрягу́ (про лошадь) — запряжена, наготове.
Воспитывать — прокармливать (от «питать»).
Вось — авось.
Всобину́ — особо, отдельно.
Вспомяти́ть — вспомнить.
Выручка — прилавок.

Гозебка, гостеба — гощение, угощение, пир.
Го́левый — сделанный из го́ли (китайская шелковая ткань вроде камки).
Гости́бище — пир, угощение, гощение.
Грубный — грубый, невежливый.
Гру́зная (о женщине) — беременная.
Грядка — полка, идущая от печи к стене.
Гряновитая — а) гряновитая палата — грановитая, облицованная граненым камнем; б) гряновитая туча — туча, готовая грянуть громом.
Гулярное (платье) — выходное, праздничное.

Даваться — просить разрешения, отпрашиваться.
Дайволюйте — дайте волю, разрешите.
Добираться — добиваться.
Доброумить — учить уму-разуму.
Довлеть (с род. пад.) — удовлетворить, доволить.
Домовище — гроб.
Досюльный — давний, прежний.
Дробить — дрожать, испытывать страх.
Дро́ка — ласка, баловень.
Дрочить — гладить, ласкать.
Ду́-друга — друг друга.
Дяденка, дя́инка — тетка, жена дяди.

Жадо́бный — желанный, любимый.
Живленье, живленьице — жизнь.
Жир, жирушка — жизнь в достатке.
Жирный — богатый, доходный.

Жировать — отдыхать, жить в достатке.
Жуковина — камень на перстне.
Жупе́ть — петь птицей.
Жупление — звонкое птичье пение.

Забра́ный — см. браный.
Забуду́щий — беззаботный.
Заведенье — имущество.
Завихнуть — сдвинуть, загнуть, отвернуть.
Заволочиться — зарасти травой, покрыться тиной.
Загозка, загошечка — кукушка.
Задлиться — замешкаться.
Задорная (работа) — неспокойная.
Задумный — задушевный.
Заедино — заодно.
Закратить (свечу) — загасить. *Закратиться* — укоротиться, погаснуть (о свече).
Заложка — щеко́лда, закладка.
Зало́м — нагромождение бревен, мешающее сплаву.
За́пад — западный ветер.
Заполька — отдаленная пожня, за полями.
Запольные (суседушки) — дальние.
Запоручить (кра́соту) — сговорить девушку замуж.
Заразить — убить, поразить насмерть.
За́риться — завистливо глядеть.
Заси́ять — зачать.
Захлынуть — прихлынуть.
Захрестье — заросль, глухое заросшее место в лесу.
Зде-ко — здесь.
Здор — ссо́ра.
Здоровье (содиять здоровье) — поздороваться, повеличать кого-нибудь.
Здынуть — поднять, возложить (о руках).
Зень — земля.
Злокоманный — злонамеренный, злорадный.
Золоцовый — золоченый.
Зори́ть — разорять, портить.
Зябель — холод, стужа.
Зяблый — погубленный морозом.

Изведывать — рассказывать, поведать.
Измо́га — сила, возможность.
Изо́тчина — отчество.
Изъезжаться — издеваться.
Изъянить — причинять кому-нибудь ущерб, убыток.
Има́ть — брать.
Ими́нье (именье) — имущество, состояние.
Инный — иной.
Искатная (гора) — крутая (от «скат»).

Кажи́ный — каждый.
Ка́жичи — кажется.
Казак, казачиха — батрак, батрачка.

Ка́нуть — капать.
Ка́рзать — рубить.
Кехтать — желать, охотно делать что-нибудь (от карельского keh(t)ata — хотеть).
Клеть, клеточка («мелкорубленная клеточка») — пристройка к крестьянской избе — чулан либо помещение для новобрачных, не имеющих еще своего жилого помещения.
Кливи́ть — дразнить до слез.
Кокоша — кукушка.
Колóвый — жесткий.
Колода (белодубовая) — гроб.
Колыбать — колыхать, качать.
Комонь — конь, лошадь.
Кóрба — лесная заросль, чащоба.
Кори́ться — виниться, смиряться.
Корминочки — родители, кормильцы.
Косевчатое, косивчатое (косящатое) (окно) — окно с косяками и рамой (в отличие от волокового).
Кра́сота — венец невесты из лент и цветов, символизирующий девичество и девичью волю.
Кретать (кренуть) — двигать, двинуться с места.
Крутить — одевать, наряжать.
Кужлявый — кудрявый, курчавый.
Кыкать — кричать по-лебединому.

Ладить (кого-нибудь кому-нибудь) — отдавать по уговору.
Ладиться — собираться.
Левантеровый (платок) — платок из шелковой ткани (привозившейся с Востока, первоначально из Леванта).
Леси́на — ствол дерева.
Ли́пина — косяк (окна или двери).
Ли́стье — листва.
Лóпоть, лопоти́на, лопотьё — рабочая, плохая, ветхая одежда.
Луда́ — мель, камни в озере, выступающие из воды.

Малёнка — мера зерна, равная восьми гарнцам.
Мани́ть — обманывать, дурачить.
Ма́рёга — марево, туман.
Матоний — возможно: нежный, ласковый (от «матоня» — ухажер, любимый).
Меженный, межоный — длинный, долгий, летний.
Метаться (ногами) — сбиваться, путаться.
Могота, могута — мощь, сила.
Мостина, мостинка — половица моста, т. е. сеней и крыльца.
Мочалый (дождик) — сильный дождь, промачивающий насквозь.
Мутарсливый — неприятный, трудный, беспокойный (от «муторный»).
Мшоный — конопаченный мохом.

Наб — надо бы.
Наважа́ть, наважда́ть — искушать, соблазнять.
На́влаться — мазаться, умащиваться.

Надёя — надежда.
Надияться — надеяться.
Надрыга́ться — грубо насмехаться, издеваться.
Назды́нуть — наложить на что-нибудь.
Назо́ла, назолушка — грусть, огорченье; *давать назолушку* — огорчать, досаждать.
Найстойсливый — упорный, настойчивый.
Накрывать — одолевать (о работе).
Наместные, местные свечи — церковные свечи в больших подсвечниках.
Нанёмщик — нанятый вместо рекрута.
На́поры — тем временем, кстати, впору.
Наряжать — а) задавать работу, б) приготавливать.
Настоятель — старший в доме, большак.
Нача́л, нача́ло — вступительная молитва, которая читалась старообрядцами перед каждым церковным или светским обрядом.
На часу́ — быстро, скоро, второпях.
Начаяться — надеяться, ожидать.
Не́весто — неизвестно.
Не́как — невозможно, ника́к.
Непосульная смерётушка — неподкупная смерть.
Непроносный — см. пронос.
Неудольный — а) неодолимый, б) обделенный, несчастный.
Неустижимый — непонятный, непостижимый.
Ноньку, нуньку, нёнько — нынче.
Нужный — бедный, убогий.

Обаить — а) оговорить, б) сглазить.
Обзавидать — позавидовать.
Обидный — обиженный, обездоленный.
Обмендéрить — одеть в мундиры.
Обряжа́нье — ведение домашнего хозяйства.
Обрящиться — а) явиться, произойти, б) обретаться, находиться.
Обуми́ться — прийти в себя, подумать о своих делах.
Огра́ять — охулить, осмеять.
Огру́бить — ругать, оскорблять.
Огру́зить — утруждать.
Одино́ва — однажды, один раз.
Одинцовая (шуба) — а) шуба из целого куска, б) шуба из соболя — одинца (лучшего соболя).
Оза́риться — позариться, польститься.
Ознобушка — огорчение, забота (от «ознoблять» — поморозить).
Окинуться — ошибиться, обмануться, соблазниться.
Окло́чина, оключина — уключина.
Око́льница, околенки — оконница, оконная рама.
Окопи́ть — собрать.
Окутьице — придверный угол избы вместе с придверной лавкой.
Опришенный, опришний — отделенный, отрешенный от чего-либо.
Ослухаться — прислушиваться.
Осмелить (головушку) — набраться храбрости.
Остолопиться — растеряться, застыть в изумлении (от «столоп» — столб).

Остристи́ть, остра́щивать — стращать, угрожать.
Отда́ные (сестрицы) — замужние, отданные в другую семью, деревню.
Отлишиться — потерять, лишиться.
Отложить — открыть, отпереть.
Оттолку́ — толком, внятно.
Оттошна́ — тошным-тошно́.
Отхлянушка — облегчение, выздоровление.
Отныней — отныне.
Очи́мый — сказанный в глаза.
Ошёсток — передняя часть русской печи (перед челом).

Па́дора, па́дера — буря с дождем либо снегом.
Па́трушить — вскрывать мертвое тело.
Пелена — салфетка, убрус, подвешенный под икону, шитый золотом, низанный стеклярусом, вышитый и т. д.
Перего́дный — прошлогодний, оставшийся с прошлого урожая.
Передо́вщик — вожак, зачинщик, коновод.
Переймать, переять — а) перехватить, б) найти.
Перёное (крылечко) — окруженное перилами.
Перепасться — изнемочь.
Пе́рески — пальчики (от «перст»).
Переставиться — преставиться, умереть.
Пеун (петун) — петух.
Плановый (улочка плановая) — прямой, ровный.
Плу́тивце — поплавок.
Побаси́ть — украсить.
Поба́шенный — украшенный (см. баский).
Победная — горемычная.
Поблагу́ — по-хорошему, удачно.
Пово́д — хлопоты.
Пово́лька — послабление, распущенность.
Повону́ — снаружи.
Погра́бы — сгребание сена.
Подаваться — см. даваться.
Подвесточка, подвесочка — женский головной убор — жемчужная сеточка на лоб или серьги (или то и другое вместе).
Подворник (ца) — батрак, работник.
Подкарзяный — см. карзать.
Подлётная (сторона) — южная.
Подра́чивать — поглаживать по голове.
Подстри́льный (сокол) — подстреленный, раненый.
Подстылый — охладевший, остывший.
Поезжа́не — участники свадебного поезда.
Пожитой — богатый, зажиточный.
По́жня — покос, луг.
Позора — мученье.
Позориться — мучиться.
Покру́та, по́крут — одежда, наряды.
Покучиться — настойчиво просить, умолять.
Полномочный (крестьянин) — зажиточный.
Полохать, полошить — волновать, пугать.

Помо́лвить — наговорить, заподозрить.
Поправить — требовать.
Попрежде — незадолго до чего-нибудь.
Пораздиять — см. раздиять.
Поретовать — см. ретовать.
Порный — а) сильный, здоровый, б) взрослый.
Порове́нок, поровечник — ровесник.
Порода — родственники, род.
Поро́зно — пусто.
Порядный (сосед) — сосед, односельчанин (от «ряд» — улица).
Поря́дня — домашняя женская работа.
По́слий — последний.
Постанови́ться — приостановиться.
Постатейный — приличный, не нарушающий обычаев.
Постоятельный — старинный, давний.
Потленая (свеча) — обгоревшая.
Потужать — тянуть, заставлять.
Потуря́ть — см. турить.
Потяги́ — сила, натуга.
Похо́дня. В походню запохаживать — быстро, взволнованно ходить.
Почасту́ — часто.
Прелестный — прельщающий.
Прибадурочка — прибауточка.
Приберёгушка — защита, забота, опора.
Прибира́ть — подбирать, приискивать.
Прибоинка, пробоинка — дверная пробоина.
Привита́ть — пребывать, гостить, жить.
Приворотчик — сторож, привратник.
Приглу́бый — глубокий.
Пригодиться — случаться, удаваться.
Придержаться — израсходоваться.
Придрокушка — ласка.
Прикинуться — пристать к кому-нибудь (внезапно).
Прилучиться — случиться, оказаться.
Природа — см. порода.
Присусьё — присутствие.
Пришануть (головушку) — приклонить, прислонить.
Проглупать — прозевать, пропустить.
Произвести — извести, уничтожить.
Прокла́да — нега, забава, праздность.
Прокла́дище, прокладбище — гулянье, увеселения.
Проклажаться — забавляться, нежиться, тешиться.
Пронос — от «проноси́ть»: распустить слух. *Не в пронос сказано* — между нами, по секрету.
Пряг — упряжка (лошадиная).
Пузовая — толстая, надутая.
Пытать — пробовать, добиваться.
Пята́ (дверная) — деревянный шип вверху и внизу двери, заменявший дверную петлю.

Раденье — старанье, усердие, работа.
Радетель, радельник — заступник, благодетель.

Радйть, радеть — желать.
Раздиять (кручину) — развеять.
Размanывать, размаивать — а) (тоску) — разогнать, б) (руки) — размять.
Разряжать (см. *наряжать*) — распределять работу.
Располоться — разлиться, выйти из берегов (от «полый»).
Ретливое (сердечушко) — горячее, сердитое.
Рéтовать — сердиться, браниться.
Решиться — лишиться.
Родимица — роженйца.
Рóдышка — родимый, желанный.
Рóзный, розной — ветхий, дырявый, худой.
Россыпь — сильное прибрежное волнение, бурун.
Рутить — см. рушить.
Рýшать (о хлебе, пище) — делить, резать.
Рушить — лить, проливать (от рутить).

Саватиночка — уменьшительное от саван.
Сбы(н)дить — соскочить, сорваться.
Светило (светильно) — приспособление для держания горящей лучины с целью освещения.
Светлить — чистить до блеска.
Свиховаться — сдвигаться.
Сгрустнуться (на кого-нибудь) — обидеться.
Сдайволюй — дай волю, позволь.
Сдвуродимый — двоюродный.
Сдовóльный — а) имеющийся в достаточном количестве, б) приносящий удовольствие.
Сербéтливый — свободный, бездельный? (возможно, от «сёртать» — мотаться, шляться без дела, Даль, т. IV, стр. 178).
Сесветный — земной (происходящий на сем свете).
Сйвер — а) север, б) северный ветер.
Скáтный — ровный, круглый, будто скатанный.
Скидаться — раздеваться, разуваться.
Склянный — полный, налитый всклень, т. е. по самые края.
Сколотá — заботы, тревога, беспокойство.
Скоп — толпа, сходка.
Скошеваться — собираться в одно место.
Скрозекозный — зловредный, всюду чинящий козни.
Славутный — славный, завидный.
Смелугище — смельчак.
Смыкаться — бродить, разгуливать повсюду.
Снаряд — наряд, убор, одежда.
Снесможнехонько — невозможно.
Сноровить — разрешить, позволить.
Собрáный — весь, целый.
Советный — задушевный, любимый.
Содержйть — сдержать.
Сожалить, сожалеть — вызвать чувство жалости.
Сойма, соемка — большая озерная или речная лодка с килем.
Соложий — лакомый на что-нибудь, падкий, жадный.
Сосветный — см. сесветный.

Состоронь — со стороны, издали.
Сочинить — учинить, натворить; *сочиниться* — случиться.
Спамятить — вспоминать.
Спа́хнуться — вспомнить о ком-нибудь.
Спа́цливый — вежливый, обходительный.
Сподобиться — собраться.
Споло́хаться — пугаться, поражаться.
Спорядный — см. порядный.
Срекаться — корить, укорять.
Сручный — сподручный, подходящий.
Срыгаться — издеваться.
Ставиться — останавливаться.
Станица — стая, ватага.
Станливый — устроенный, пристойный.
Столько — только.
Столыпаться — бродить толпами, слоняться.
Стопка — деревянный гвоздь в стене для одежды.
Стосну́ться — загрустить, затосковать.
Стра́женье — сражение, бой.
Странство, страньство — странствие, скитание.
Страховитый — страшный, наводящий страх.
Стре́та — встреча.
Сугревный — а) теплый, б) милый, сердечный.
Судимый — суженый.
Судинушка — судьбинушка, судьба.
Судьячить — судачить, порицать.
Сурово — резко, бойко.
Суровьство — рьяность, быстрота в деле.
Сухотовать — кручиниться, горевать.
Схватиться — спохватиться.
Сыче́нье — еда, трапеза.
Съеду́ба, съеду́га — сутяга, сварливый человек.

Тала́н — счастье, удача, судьба.
Ташеца — птичка (от «пташица»).
Те́реб — место, очищенное от кустарника, зарослей.
Терпнуть (о членах, частях живого тела) — неметь, затекать.
Томный — усталый, истомленный.
Топилище — нечто горящее (свеча, печь, лампада и т. д.).
Торо́к — порыв ветра, шквал.
Тосменый — тесмяный, сделанный из тесьмы.
Травчатый — сделанный из травчатой — узорной с разводами — ткани.
Треста́ — полотнище, полоса ткани.
Трость — трос, веревка.
Труба́ — сверток материи.
Труд — болезнь, боль, недуг, скорбь.
Туляться, тулиться — прятаться, скрываться; *с-за тульица* — из-за укрытия.
Турить — гнать, прогонять.
Тухлый (голос) — отдаленный, едва слышный (от «тухнуть», «затухать»).

Убажно́й — см. бажёный.
Ублаждать — ласкать, ублажать.
Убоженство — чистоплотность, опрятность, порядливость.
Ударúть — одарить, подкупить.
Удать — удача, отвага.
Удобрять — одобрять.
Удо́лить — см. долить.
Укать — громко кричать, призывая кого-нибудь.
Улётый, улётный — резвый, быстрый, скорый.
Уловная, уловный (рыба) — пойманная.
Улыбчатая (лодка) — неустойчивая.
Унывный — грустный, печальный.
Уный — новый, лучший.
Упад, упадь — падаль.
Упа́лый (зверь) — припавший, притаившийся.
Упьянсливый — пьяница.
Уре́чный — назначенный, определенный.
Устройный — устроенный по-хорошему, ладный.
Утулиться — спрятаться.
Учливый — вежливый, учтивый.

Фатера — лесная охотничья или рыбачья избушка (искаж. от «квартира»).

Хобот — крюк, окружной путь; *давать хобота* — давать круг.
Хоботистый — а) излучистый, извилистый; б) зажиточный, полный добра.
Хробыстать, хробоста́ть — трещать, хрустеть, шуметь.

Ча́совый — временный, недолговечный.
Чваковитая (поговорочка) — хорошая, ладная (от чвакать — произносить «ч» вместо «ц»).

Шариночка — шеренга.
Шатить(ся) — колебать(ся), качать(ся).
Шеломчатый (гвоздь) — с выпуклой шляпкой.
Шеломчёный — покрытый крышей.
Шмон, шмоночки — шутки, лясы, насмешки
Штуковатый — затейливый, себе на уме.

Щебливый, щепливый — щегольской.
Щельи (щели) — каменная гряда, берег.
Щепетенье, щепетиньице — а) щегольство; б) принадлежности для женского рукоделия.

Ю — ее.

Ям — место сбора.

СЛОВАРЬ УСТОЙЧИВЫХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЗАМЕН[1]

Бедна горюша — причитывающая о себе.
Белая лебедушка — дочь, племянница.
Боровáя ягодúночка — дочь, сын.

Великое желаньице — муж или сын.
Верба золоченая — сын, дочь.
Ветля́ная нешýтушка — невестка.

Горепáшица — вдова, причитывающая о себе.
Горюша — причитывающая о себе.
Горюшица — вдова, причитывающая о себе.

Желанная семеюшка — муж.

Законная державушка, сдержавушка — муж.
Законная семеюшка — муж.
Звезда подвосточная — муж, сын.
Злой разлучник — жених

Изюмна ягодиночка — дочь, сын.

Кокóша горегорькая — причитывающая о себе.
Косата ластушка — дочь, племянница.
Краснó на золоте — муж, сын.
Крáсно солнышко — муж, сын.
Кручинна, кручинная — причитывающая о себе.
Кручинная головушка — причитывающая о себе.
Крылатый ясный сокол — сын.

---

[1] О происхождении и стилистическом значении устойчивых метафорических замен см. вступительную статью, стр. 12—13. Словосочетания, употребляющиеся для подобных замен, даются в алфавитном порядке по первому слову.

Лада милая — муж.
Лебедь белая — см. белая лебедушка.
Любимая сдержавушка — муж.
Любимо краснословьице — муж, сын.

Меженьско мое солнышко — муж, сын (меженый — полуденный, долгий, летний).
Млад отецкий сын — жених.
Мой мижонной день — мать или отец (ср. «меженьско мое солнышко»).

Надёжа — муж.
Надёжная головушка — муж или большак.
Надёжная семеюшка — муж.
Надиюшка — муж, большак.
Наживная головушка — муж, старший сын, большак, добытчик.
Налимна ягодиночка, наливна ягодиночка — дочь, сын.
Невольница — невеста.

Обúдна — причитывающая о себе.
Остýдник — жених.

Племя любимое — племянник, племянница или кто-нибудь из младших родственников.
Побéдна, победная — причитывающая о себе.
Победная головушка — вдова, причитывающая о себе.

Сахáрна деревиночка — дочь, сын.
Свет-надёженька — муж.
Свеча воску ярого — муж, сын, вообще покойник мужского пола.
Свеченька топлёная — сын, племянник.
Семеюшка — муж, жена.
Скачёная жемчужинка — сын.
Спобедна — см. победна.
Станица неудольная — дети покойного.
Стена городóвая — муж, большак.

Тáлая талúночка — муж, сын.
Тёпла пáзушка — мать, тетка или другая старшая родственница.
Трудная (тяжелая) постелюшка — постель больного, болезнь.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Между стр. 64 и 65.* Ирина Андреевна Федосова. Помещено в журн. «Игрушечка», 1895, № 8.

2. *Между стр. 160 и 161.* Весть о рекрутском наборе. Репродукция с картины В. И. Бочина. (Помещена в книге: «Русское народное поэтическое творчество», т. 2, вып. 2. М. — Л., 1956.

3. *Между стр. 224 и 225.* Настасья Степановна Богданова. Помещено в книге «Былины Севера», т. 2. М. — Л., 1951.

4. *Между стр. 272 и 273.* Анна Михайловна Пашкова. Помещено в книге: «Былины Пудожского края». Петрозаводск, 1941.

5. *Между стр. 320 и 321.* Репродукция с картины В. Г. Перова «Проводы покойника».

СОДЕРЖАНИЕ[1]

---

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

А. М. Пашкова

Бытовые, рекрутские и похоронные причитания, записанные от разных лиц

Свадебные причитания

ПРИЧИТАНИЯ

Редактор *Б. Н. Путилов*

Художник *И. С. Серов.* Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм.* Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 28/III 1960 г. Подписано в печать 11/VI 1960 г.
Бумага $84 \times 108^1/_{32}$. Печ. л. $13^{15}/_{16}$ (22,86). Уч.-изд. л. 25,05
Тираж 10 000. Заказ № 618. Цена 9 р. 45 к.

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
81	3 сн.	коромное	хоромное
193	4 св.	хот	хоть
203	7 св.	с безызвестную	в безызвестную
209	16 св.	крестьенска	крестьянска